ОСНОВЫ

НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

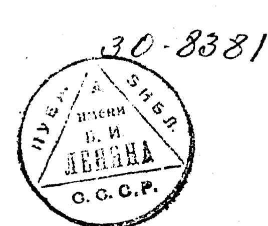
ВЪ СТАРО-СЛАВЯНСКОМЪ И ЛИТОВСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

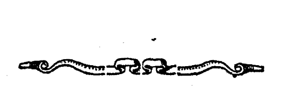
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Г. УЛЬЯНОВА.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

ВАРШАВА.
Въ типографіи Маріи Земкевичъ.
Краковское-Предмѣстье, № 17.

1888.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 26 Октября 1888 г.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Стрц. Стрк.

12, 4 в. *ἴξε-τ
21, 18 в. *znāje-
28, 6 н. и слѣд.: см. стр. 132.
31, 8 в. и (вм. н)
„ 17 в. D. (вм. d.)
„ примѣч. [2]): сказанное здѣсь объ удвоенныхъ основахъ ограничивается тѣмъ, что сказано ниже, стр. 85 слѣд.
33, 10 в. корней (вм. корней,)
„ 15 в. **стриже-**
„ 5 н. Hesych.
„ 2 н. d вм. д
34, 13 н. d вм. д
35, 1 в., слѣд. и примѣч.: прибавить сюда сказанное на стр. 65 слѣд. и въ примѣч. на стр. 120 слѣд.
„ 10 в.: объ отношеніи ё и ei ср. стр. 114, примѣч.
36, 17 в. snigh
37, 2 в. и слѣд.: поправить сказанное здѣсь о дифт. *eu* и *ou* сообразно съ сказаннымъ на стр. 102.
„ 12 в. также (вм. тоже)
„ 5 н. языкѣ
38, 3 в. и слѣд.: см. поправку къ стр. 37, 2 в.
39, 4 в. Conjugation
40, 1 в. mélżu
41, 5 в.: уничтожить слова „другихъ образованій .... не знаемъ"; ср. стр. 50.
42, 16 в.: уничтожить **граде-ть**
„ 21 в. неяснымъ
45, 17 в. таже
55, 10 в.: уничтожить "частью"
„ 11 в.: уничтожить „частью въ сочетанія ii̯-i̯, uu̯-u̯"
57, 1 в.: послѣ „корней" вставить „на"
„ 12 в. *pŭvo-

60, 14 в. основъ,
62, 4 н.: послѣ M. U. вставить IV,
65, 11 в. sívya-ti
72, 2 н.: глагольную основу, распространенную посредствомъ t, въ др.-инд. языкѣ представляетъ, напр., *cit* (ср. *ci* и cāy).
84, 11 в. Brugmann'омъ
86, 13 в. pa̯r̥̆ (вм. a̯r̥̆)
87, 16 в.: послѣ „представляли“ вставить „въ корнѣ“
93, 10 н. основы (вм. основы,)
96, 17 в. -na- (вм. -no-)
100, 4 в. (въ примѣч.) dhā́va-te
„ 2 н.: уничтожить „и носовыми“
101, 2 в. lu-nā́-ti
116, 17 в. žáidžiu
129, 10 н. **изъ-оуба-**
131, 6 и 10 в. тѣже
132, 5 н.: см. стр. 28.
147, 16 в. mażė-ti
152, 7 и 6 н.: о непереходномъ значеніи основъ на ē дополнить сказанное на стр. 192.
153, 9 н. эти
157, 4 в. **добьли-**
166, 10 в. -a-i̯e-
175, 12 в. тоже
„ 17 в. **съ-дѣловаѥ-ть,**
190, 4 в. слѣд.: см. стр. 217.
195, 4 и 5 в.: см. стр. 146, 151.
199, 9 и 8 н.: см. стр. 56, 109 съ примѣч.
204, 5 в.: послѣ *d* прибавить „или *dh*“.
218, 7 н. -ejé- и
227, 5 и 4 н.: см. стр. 32.
228, 4 и 3 н.: см. стр. 196.

Задача настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы, во первыхъ, сопоставить между собою всѣ различные типы основъ настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ, во вторыхъ—опредѣлить, по возможности, точно отношеніе этихъ типовъ къ различнымъ образованіямъ основы настоящаго времени въ языкѣ индо-европейскомъ. Сопоставленіе основъ настоящаго времени въ двухъ отдѣльныхъ языкахъ и опредѣленіе отношеній этихъ частныхъ образованій къ соотвѣтствующимъ образованіямъ общаго праязыка ограничиваются въ этомъ изслѣдованіи только измѣненіями самихъ формъ; опредѣленіе формальныхъ значеній въ разныхъ образованіяхъ не имѣется здѣсь въ виду. Такимъ образомъ задача этого изслѣдованія очень ограниченная, и рѣшеніе ея должно установить только нѣкоторые частные факты изъ общей исторіи развитія глагольныхъ формъ въ индо-европ. языкахъ. Какъ я представляю себѣ общій вопросъ объ индо-европ. глагольныхъ образованіяхъ, къ рѣшенію его нельзя иначе придти, какъ только путемъ многихъ частныхъ изслѣдованій. Частныя изслѣдованія должны прежде всего установить полную наличность глагольныхъ формъ въ отдѣльныхъ языкахъ и сопоставить между собой формы ближайше родственныхъ языковъ. Эти изслѣдованія необходимы для того, чтобы вполнѣ точно разграничить факты общіе всѣмъ индо-европ. языкамъ отъ фактовъ специальныхъ для

каждаго языка или для извѣстной группы ихъ. Если по отношенію къ вопросамъ фонетическимъ предварительныя точныя наблюденія надъ явленіями каждаго отдѣльнаго языка и сопоставленія явленій ближайше родственныхъ языковъ оказываются необходимыми для точнаго опредѣленія общихъ явленій, то тѣмъ болѣе этотъ пріемъ изслѣдованія необходимъ по отношенію къ вопросамъ морфологическимъ. При первомъ же сопоставленіи формъ различныхъ индо-европ. языковъ выясняется тотъ фактъ, что большинство этихъ формъ въ отдѣльныхъ языкахъ не могутъ быть сопоставляемы непосредственно другъ съ другомъ и не могутъ быть обобщаемы прямо въ какихъ нибудь формахъ индо-европейскихъ. Въ жизни отдѣльныхъ языковъ формы словъ подвергаются многочисленнымъ и рѣзкимъ измѣненіямъ, результатомъ которыхъ является большое разнообразіе и часто полное несходство морфологическихъ категорій въ родственныхъ языкахъ. Явленія фонетическія въ языкахъ происходятъ по законамъ физіологическимъ; измѣненія фонетическія не представляютъ слишкомъ большихъ разнообразій, и поэтому изслѣдованіе ихъ по отдѣльнымъ языкамъ и сопоставленіе между собой не требуетъ слишкомъ обширныхъ наблюденій въ области каждаго отдѣльнаго языка. Другое дѣло съ явленіями морфологическими. Измѣненія формъ словъ, во первыхъ, суть результатъ тѣхъ же физіологическихъ законовъ; но, во вторыхъ, эти измѣненія представляютъ собой также результатъ психическихъ законовъ. Дѣйствіе законовъ второго рода производитъ явленія крайне разнообразныя и сложныя. Найти извѣстныя единообразія въ большой массѣ этихъ явленій оказывается очень затруднительнымъ. Чтобы объяснить какое нибудь явленіе языка, происшедшее по законамъ психическимъ, не достаточно, конечно, сослаться на какой нибудь общій психическій законъ, не достаточно сказать, что это явленіе есть дѣйствіе „аналогіи“: нужно для каждаго такого явленія въ отдѣльности опредѣлить точно всѣ тѣ частныя условія, которыя вызывали дѣйствіе общаго закона. А это значитъ — всякое явленіе

языка съ психическимъ характеромъ, прежде объясненія той или другой аналогіей, должно быть приведено въ тѣсную и непрерывную связь съ извѣстнымъ рядомъ другихъ явленій по отношенію къ ихъ физической, звуковой сторонѣ. Такимъ образомъ всякое явленіе, которое приходится объяснять дѣйствіемъ психической ассоціаціи идей, прежде всего должно быть изучено по отношенію къ своей звуковой сторонѣ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ по всѣмъ его нарѣчіямъ и по всѣмъ доступнымъ изслѣдованію эпохамъ его жизни. Только такимъ путемъ можно достигнуть того, чтобы генезисъ извѣстнаго явленія въ отдѣльномъ языкѣ былъ точно объясненъ дѣйствіемъ общаго психическаго закона; только при этомъ условіи и можно дойти до тѣхъ дѣйствительно первоначальныхъ фактовъ языка, изъ которыхъ развились факты послѣдующіе. Сопоставленіе разрозненныхъ фактовъ языка изъ разныхъ его нарѣчій и эпохъ для объясненія происхожденія этихъ фактовъ путемъ аналогіи можетъ привести только къ circulus vitiosus своего рода: можетъ оказаться въ результатѣ, что факты послѣдующіе и предъидущіе служатъ одинаково исходной точкой для дѣйствія аналогіи. Опасность придти къ такому результату болѣе всего становится вѣроятной, когда сопоставленіе фактовъ выносится за предѣлы отдѣльнаго языка: въ этомъ случаѣ сопоставленіе отдѣльно взятыхъ и кажущихся сходными фактовъ изъ разныхъ родственныхъ языковъ почти неизбѣжно приведетъ къ смѣшенію послѣдующихъ фактовъ съ предъидущими. Приступать къ сопоставленію фактовъ, объясняемыхъ дѣйствіемъ психическихъ законовъ, въ нѣсколькихъ различныхъ языкахъ возможно только послѣ того, какъ эти факты будутъ уже точно изслѣдованы въ своемъ непрерывномъ развитіи для каждаго языка отдѣльно.

И такъ, для точнаго изслѣдованія вопросовъ общей морфологіи индо-европ. языковъ необходимы предварительныя работы по отдѣльнымъ языкамъ и по группамъ ближайше родственныхъ языковъ. Задача изслѣдованія отдѣльныхъ языковъ по отношенію къ морфологіи должна заклю-

чаться въ строго систематическомъ распредѣленіи всего наличнаго матеріала по періодамъ языка и по его нарѣчіямъ; научныя работы въ этомъ направленіи должны давать такіе результаты, какіе мы находимъ въ настоящее время только въ сочиненіяхъ Whitney'a (Die Wurzeln, Verbalformen und primären Stämme der Sanskrit-Sprache) и Lanman'a (On noun-inflection in the Veda). Только такія работы дадутъ вполнѣ надежный базисъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области морфологіи. Опираясь на него, можно приступать къ изученію сравнительной морфологіи извѣстной небольшой группы родственныхъ языковъ и далѣе—цѣлой семьи ихъ.

Такимъ образомъ, общее изслѣдованіе глагольныхъ образованій въ индо-европ. языкахъ должно начинаться съ частныхъ изслѣдованій о глагольныхъ формахъ въ отдѣльныхъ языкахъ. Поэтому можно бы было поставить себѣ задачей, напр., изслѣдованіе глагола въ языкахъ славянскихъ или литовскихъ. Но и въ этой ограниченной области задача изслѣдователя была бы все-таки очень сложной: пришлось бы вести дѣло съ самаго начала, т. е. пришлось бы первоначально для каждаго изъ указанныхъ языковъ систематизировать, какъ было выше разъяснено, весь наличный матеріалъ глагольныхъ образованій. Выполненіе этой задачи еще тѣмъ болѣе затрудняется, что работать пришлось бы въ большинствѣ случаевъ непосредственно по памятникамъ отдѣльныхъ языковъ, такъ какъ общихъ словарей и указателей, пригодныхъ вполнѣ для такого изслѣдованія, въ настоящее время найдется немного. Приходится, слѣдовательно, еще болѣе съуживать задачу первоначальнаго изслѣдованія. Ограничиться можно, во-первыхъ, тѣмъ, чтобы взять для спеціальной работы какой нибудь одинъ изъ славянскихъ или литовскихъ языковъ, и, во вторыхъ, тѣмъ, чтобы изъ числа всѣхъ родовъ глагольныхъ образованій въ данномъ отдѣльномъ языкѣ выбрать какой нибудь одинъ родъ ихъ.

Я, выбирая для изслѣдованія морфологію глагола въ славянскихъ и литовскихъ языкахъ и имѣя цѣлью опредѣ-

леніе глагольныхъ образованій въ общемъ литовско-славянскомъ языкѣ, ограничилъ задачу первоначальной работы такимъ образомъ, какъ было указано выше: взялъ для изслѣдованія очень частный вопросъ глагольной морфологіи — образованіе основъ настоящаго времени; при этомъ, я ограничилъ еще область изслѣдованія двумя языками — старо-славянскимъ и собственно-литовскимъ. По моему мнѣнію, изслѣдованіе этого частнаго вопроса въ ограниченной такимъ образомъ области можетъ дать довольно важные результаты,—въ томъ именно отношеніи, что оно можетъ установить нѣкоторые пункты, необходимые для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области морфологіи литовско-славянскаго глагола. Прежде всего, именно, я думаю, вопросъ объ образованіи основъ настоящаго времени долженъ быть вообще выдѣляемъ на первое мѣсто при изслѣдованіи глагольныхъ образованій въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ и въ самомъ индо-европ. праязыкѣ. Такъ называемыя основы настоящаго времени въ практическихъ грамматикахъ индо-европ. языковъ принято обособлять въ отдѣльный классъ глагольныхъ основъ въ противоположность съ основами другого класса. Напр., въ др.-инд. грамматикѣ принято различіе основы „специальныхъ временъ“ (praes., impf., наклоненія—conj., optat., imperat. и причастіе) и основы „общихъ временъ“ (perf., plsqpf. съ наклоненіями и прич.; аористы съ наклон. и прич.; futurum съ condition. и прич.); въ греч. грамматикѣ дѣлается приблизительно такое же дѣленіе основъ — „основа настоящаго времени“ и „чистая глагольная основа“; въ старо-слав. языкѣ различаютъ „основу настоящаго времени“ и „основу неопредѣленнаго наклоненія“. Такое распредѣленіе глагольныхъ основъ можетъ имѣть, пожалуй, какое нибудь практическое значеніе; но научнымъ его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать. Если мы сравнимъ между собой различныя образованія, напр., такъ называемой „основы настоящаго времени“, то окажется, что всѣ эти образованія настолько разнородны, что соединить ихъ въ какой нибудь единый типъ можно будетъ только совершенно произволь-

но; основы другого класса при сравненіи окажутся точно также имѣющими слишкомъ мало общаго въ своихъ образованіяхъ; наконецъ, во многихъ случаяхъ окажется, что оба предполагаемые класса основъ имѣютъ и члены общіе между ними. Ясно, что указанное дѣленіе основъ не можетъ быть допускаемо въ строго-научномъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ основы глагольныя слѣдуетъ приводить въ соотношеніе другъ съ другомъ независимо отъ соотношеній, существующихъ между разными личными глагольными формами, въ которыхъ являются эти основы; напр., греч. основы λειπε- : λειπο- и λιπε- : λιπο-, λειφα-, λειφε- : λειφο- должны быть приводимы въ соотношеніе независимо отъ соотношенія личныхъ формъ, какъ λείπω : ἔλιπον, ἔλειφα, λείφω; установленію отношенія между λειπο- и λιπο-, напр., на основаніи отношенія λείπω и ἔλιπον противорѣчили бы такія формы, какъ λίτομαι, λίβει· σπένδει, στίχω. Соотношенія между глагольными основами различныхъ образованій должны быть установлены на основаніи различій въ значеніяхъ, которыя имѣютъ сами по себѣ основы какъ въ личныхъ глагольныхъ формахъ, такъ и въ неличныхъ. Можно представить себѣ факты такимъ образомъ: основы глагольныя различныхъ образованій могутъ являться одновременно въ нѣсколькихъ личныхъ формахъ глагола, напр., въ личныхъ формахъ временъ, такъ какъ сама по себѣ форма основы не заключаетъ въ себѣ обозначенія времени; съ другой стороны, нѣкоторыя формы основъ могутъ являться только въ извѣстныхъ личныхъ формахъ времени потому, что эти формы основъ сами по себѣ могутъ имѣть такое значеніе, которое обусловливаетъ возможность образованія отъ нихъ только извѣстной личной формы времени. Факты того и другого рода можно прослѣдить по различнымъ индо-европ. языкамъ. Это обстоятельство и показываетъ, что при сравнительно-историческомъ изученіи глагольныхъ формъ нельзя отправляться отъ какихъ нибудь категорій глагольныхъ основъ, отвлеченныхъ изъ извѣстныхъ категорій личныхъ формъ глагола въ одномъ или въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ языкахъ. Иначе говоря, из-

слѣдующій, напр., формы настоящаго времени въ индоевроп. языкахъ не долженъ выходить изъ того заранѣе установленнаго положенія, что въ отдѣльныхъ языкахъ и въ пра-языкѣ должны существовать какія нибудь особыя образованія основы, присущія только формамъ этого времени: его первоначальная задача должна заключаться въ томъ, чтобы сопоставить между собою всѣ наличныя формы настоящаго времени, существующія въ отдѣльныхъ языкахъ, и такимъ путемъ, съ одной стороны, отвлечь образованія основы общія формамъ настоящаго времени во всѣхъ изслѣдуемыхъ языкахъ, съ другой, выдѣлить точно тѣ образованія основы, которыя являются въ формахъ настоящаго времени лишь въ отдѣльныхъ языкахъ. Этотъ путь въ изслѣдованіи и можетъ дать надежное основаніе для общаго изученія глагольныхъ формъ. Въ самомъ дѣлѣ, если изслѣдователь съ самаго начала опредѣлилъ точно какъ общія образованія основы въ формахъ настоящаго времени, такъ и спеціальныя для каждаго языка, то этотъ результатъ даетъ ему возможность приступить къ изслѣдованію цѣлаго ряда другихъ вопросовъ: если извѣстное образованіе основы находится въ формахъ настоящаго времени только въ одномъ или нѣсколькихъ языкахъ, а въ другихъ его нѣтъ, то какъ это произошло? Есть ли это утрата въ однихъ языкахъ, или новое образованіе въ другихъ? Не сохранили ли это образованіе одни языки въ формахъ настоящаго времени, другіе въ формахъ другихъ временъ? Какія условія сопровождаютъ сохраненіе въ одномъ языкѣ однихъ формъ съ основой даннаго образованія, въ другомъ другихъ? Утрата въ какомъ нибудь языкѣ формъ съ основой одного образованія вліяла ли на измѣненія въ формахъ съ основой другого образованія и въ какомъ направленіи? При какихъ условіяхъ въ однихъ и тѣхъ же глагольныхъ формахъ чередуются различныя образованія основы? Однимъ словомъ, первоначальное изслѣдованіе всѣхъ наличныхъ формъ настоящаго времени по отношенію къ звуковой сторонѣ ихъ основъ даетъ основаніе для изученія взаимныхъ отношеній этихъ основъ по

ихъ значенію, что и составляетъ главнѣйшую задачу изслѣдованія глагольныхъ формъ. Опредѣленіе значеній основъ объясняетъ значенія и соотношенія всякихъ глагольформъ, какъ личныхъ, такъ и неличныхъ. Такимъ образомъ, поставляя задачей этого изслѣдованія образованіе „основъ настоящаго времени“ въ старо-слав. и литовск. языкахъ, я не имѣю въ виду изслѣдовать какой нибудь опредѣленный специальный типъ основъ, являющійся въ томъ и другомъ языкѣ только въ формахъ настоящаго времени: я беру за исходный пунктъ формы настоящаго времени въ указанныхъ языкахъ, чтобы путемъ сопоставленія отвлечь изъ этихъ формъ извѣстныя образованія основъ, опредѣляя ихъ звуковую сторону; затѣмъ эти образованія разсматриваются уже въ другомъ отношеніи: насколько они ограничиваются формами настоящаго времени, и насколько принадлежатъ также другимъ глагольнымъ формамъ? Слѣдовательно, подъ основами „настоящаго времени“ я обобщаю различныя глагольныя формы, кромѣ формъ настоящаго времени. Чтобы придать этому обобщенію бо́льшую опредѣленность, я сопоставляю формы настоящаго времени и другія, связанныя съ ними, глагольныя формы не только въ старо-слав. и литовск. языкахъ, но также и въ нѣкоторыхъ другихъ родственныхъ языкахъ. Расширеніе сопоставленій является здѣсь необходимымъ на томъ основаніи, что факты двухъ близко родственныхъ языковъ, какъ старо-славянскій и литовскій, могутъ оказываться часто настолько однородными, что безъ помощи языковъ болѣе отдаленныхъ по родству въ нихъ можетъ быть трудно открыть первоначальныя различія.

При этомъ, какъ я уже сказалъ выше, задача изслѣдованія будетъ ограничиваться только звуковой стороной разсматриваемыхъ фактовъ. Понятно, что опредѣленіе звуковыхъ отношеній между извѣстными образованіями и должно предшествовать опредѣленію отношеній этихъ образованій другъ къ другу по ихъ значеніямъ. Кромѣ того, и самое количество матеріала, которое я имѣю для сопоставленій, заставляетъ ограничиться только этой звуковой сто-

роной фактовъ: я сопоставляю только факты старо-славянскаго и литовскаго языковъ, пользуясь при этомъ лишь необходимыми указаніями со стороны другихъ родственныхъ языковъ. Эти сопоставленія фактовъ языка древнѣйшаго по своимъ памятникамъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ и литовскаго, какъ близко родственнаго языка къ славянскимъ, провѣряемыя и подкрѣпляемыя фактами изъ другихъ наиболѣе древнихъ индо-европ. языковъ, какъ, напр., др.-индійскій и греческій, могутъ дать нѣкоторые надежные выводы по отношенію къ звуковой сторонѣ изучаемыхъ частныхъ явленій. И эти достигнутые такимъ путемъ результаты, какъ я надѣюсь, могутъ послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области морфологіи литовско-славянскаго глагола. Но для дальнѣйшихъ изслѣдованій, предметомъ которыхъ должны служить также значенія глагольныхъ формъ, уже необходимо будетъ сопоставленіе фактовъ изъ всѣхъ славянскихъ и литовскихъ языковъ и, кромѣ того, болѣе точныя и обширныя наблюденія надъ соотвѣтствующими фактами изъ другихъ индо-европ. языковъ.

Вышеприведенныхъ разъясненій, я думаю, достаточно, чтобы предварительно опредѣлить задачи и характеръ настоящаго изслѣдованія. Само изложеніе фактовъ уже должно выяснить полнѣе какъ избранный мною методъ изслѣдованія, такъ и тѣ частныя задачи, рѣшеніе которыхъ составляетъ цѣль этого сочиненія. Теперь я перейду къ изложенію.

Замѣчу еще, что при изложеніи матеріала изслѣдованія я буду отправляться отъ фактовъ старо-слав. языка; параллельно съ ними буду излагать факты литовскаго и, наконецъ, этотъ матеріалъ будетъ сопоставляемъ съ матеріаломъ изъ другихъ родственныхъ языковъ. Чтобы легче обозрѣть весь матеріалъ старо-славянскихъ глагольныхъ формъ, я принимаю на время то общее распредѣленіе его на классы, или спряженія, которое дается обыкновенно въ грамматикахъ этого языка; при этомъ я ближе всего держусь распредѣленія, даннаго Лескиномъ во 2-мъ изда-

нія его грамматики. Такимъ образомъ можно дать слѣдующее общее дѣленіе:

I классъ. a) основы настоящаго времени съ суффиксомъ **-е- : -о-**.

b) основы настоящаго времени съ суффиксомъ **-не- : -но-**.

II классъ. основы съ суф. **-ѥ-**.

III классъ. основы съ суф. **-и-**.

IV классъ. основы оканчивающіяся на согласныя.

Соотвѣтственно этому дѣленію слѣдующее изложеніе будетъ распадаться на отдѣльныя главы.

I глава.

Какъ показываетъ сравненіе фактовъ изъ различныхъ индо-европ. языковъ, спряженіе индо-европ. глагола подраздѣлялось на два вида: спряженіе *тематическое* и спряженіе *нетематическое*. Въ первомъ видѣ спряженія глагольная основа, къ которой приставлялись личные суффиксы, оканчивалась на особый суффиксъ *-е-* : *-о-*, во второмъ видѣ этого суффикса не было. Такое различіе въ индо-европ. спряженіи не ограничивалось какимъ нибудь опредѣленнымъ кругомъ глагольныхъ формъ, но проходило по различнымъ образованіямъ. Такъ, мы находимъ это различіе въ формахъ настоящаго времени, прошедшихъ временъ, будущаго, въ формахъ наклоненія и въ разныхъ отглагольныхъ именахъ. Ср., напримѣръ, др.-инд. тематическія образованія, какъ praes. bhávati, impf. ábhavat, imperat. bháva, aor. 1. ávidat, 2. adīdharat, 3. ádikṣat, futur. dāsyáti, particip. praes. bhavant- и др.: здѣсь суффиксы *ti*, *t*, *nt* приставлены къ основѣ, оканчивающейся на *а*=индо-европ. *е*, *о* [1]); ásti, dádhāti, ṡunóti и др., impf. áhan (изъ *ahan-t), ádadhāt, áṡunot и др., imperat. dugdhí, ṡunú и др., aor. 2. ajīgar (изъ *ajīgar-t), aor. 3. вед. aprās (изъ *aprās-t), particip. praes. dádhat (изъ индо-европ. *dhadh$\underset{\circ}{\breve{a}n}$t) и др.: здѣсь основа, къ которой приставляются указанные суффиксы, уже не имѣетъ суффикса *а*=индо-европ. *е*, *о*. Такое же различіе въ образованіи основы мы находимъ и въ греч. языкѣ; ср., напр., praes.

---

[1]) Ради нѣкоторыхъ удобствъ я буду обозначать для индо-европейскаго языка звуки ă, ĕ, ŏ и ā, ē, ō, хотя точнѣе слѣдовало бы ихъ обозначать черезъ $\breve{a}^a$, $\breve{a}^e$, $\breve{a}^o$ и $\bar{a}^a$, $\bar{a}^e$, $\bar{a}^o$. Въ общемъ, для всего послѣдующаго изложенія, я замѣчу, что по отношенію къ системѣ звуковъ въ индо-европ. яз. и способу ихъ обозначенія я вполнѣ держусь ученія проф. Фортунатова.

λείπε-τε : δίδω-σι, imperf. ἔλειπε (изъ *ἔλειπε-τ) : ἵστᾱ, ἵστη (изъ *ἵστᾱ-τ), aor. ἔλιπε (изъ *ἔλιπε-τ), гомер. ἔτετμε (τεμ-, изъ *ἔ-τε-τμε-τ), аттич. и іон. ἔπεσε (πετ-, изъ *ἔπεσ-σε-τ), гомер. ἷξε (ἱκ-, изъ ἷξε-τ): ἔβᾱ, ἔβη (изъ *ἔβᾱ-τ), гомер. λέκτο (изъ *λέκ-σ-το). Въ старо-слав. языкѣ къ тематическому спряженію принадлежатъ такія формы, какъ praes. **несе-ть, выкне-ть** и др., impf. **несѣаше** (изъ *neseāše-t), aor. **несе** (изъ *nesė-t), particip. praes. **несѫште** (N. pl. м. р. съ нефонетич. **шт** изъ *neso-nt-es), partic. pass. **несомъ, несенъ**; къ спряженію нетематическому принадлежатъ, напр., формы praes. **ѥсть, дасть** (изъ *dōts-ti), **имать**, формы impf. **несѣас-те, несѣас-та** (при **несѣаше-те, -аше-та**), aor. **нѣсте, нѣста, нѣсѧ, несосте, несоста, несошѧ, пѧ** (изъ *pęs-t), **пѧсте** и др., infinitiv. **нес-ти, пѧ-ти** и др. Въ литовскомъ формы тематическаго спряженія, напр., praes. sùka (изъ *sùka-t), sùka-te, partic. praes. sùkantį (Acc. sg. м. р.) и др.; въ лит. почти всѣ формы принадлежатъ тематическому спряженію; изъ нетематич. спряженія сохранились только немногія формы, какъ praes. dŭ̈sti, dŭ̈st (=ст.-слав. **дасть**, изъ *dōts-ti), ẽsti [1]) (=ст.-слав. **ѥсть**) и др., infinit. sùk-ti, supin. sùk-tū и др. Какъ показываетъ это сопоставленіе глагольныхъ формъ въ разныхъ индо-европ. языкахъ, тематическое спряженіе и нетематическое не разграничивалось по какимъ нибудь вполнѣ опредѣленнымъ категоріямъ формъ: въ формахъ praes., impf., извѣстныхъ аористовъ и нѣкоторыхъ отглагольныхъ именъ въ индо-европ. языкѣ употреблялось то и другое спряженіе. Но рядомъ съ этимъ можно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ формахъ употреблялось лишь одно какое нибудь спряженіе; напр., въ формахъ будущаго времени употреблялось тематическое спряженіе, въ формахъ такъ называемаго perfect'а—нетематическое. Какимъ образомъ явилось въ индо-европ. языкѣ это различіе двухъ спряженій, нельзя рѣшить изъ сопоставленій формъ отдѣльныхъ индо-

---

[1]) Этотъ знакъ (˝) ударенія замѣняетъ знакъ ˜ у Куршата.

европ. языковъ: происхожденіе этого различія относится не къ эпохѣ распаденія праязыка, къ которой мы можемъ приходить при помощи исторіи отдѣльныхъ языковъ, но къ эпохѣ болѣе отдаленной; такимъ образомъ разъяснить этотъ вопросъ можетъ только исторія самого индо-европ. праязыка. Слѣдовательно, при изученіи исторіи отдѣльныхъ языковъ съ эпохи распаденія индо-европ. языка по отношенію къ данному вопросу можно слѣдить только за тѣмъ, въ какихъ формахъ оба вида спряженія первоначальны, и въ какихъ они явились только въ отдѣльной жизни какого нибудь языка. Такъ какъ въ планъ этого изслѣдованія не входитъ обозрѣніе всей совокупности глагольныхъ формъ индо-европ. языковъ, то я здѣсь и не стану останавливаться на точномъ распредѣленіи всѣхъ формъ старо-слав. и литовск. языковъ по двумъ видамъ спряженія. Я отмѣчу здѣсь только тотъ общій фактъ, что, какъ показываетъ исторія разныхъ индо-европ. языковъ, нетематическое спряженіе съ теченіемъ времени начинаетъ утрачиваться отдѣльными языками, уступая мѣсто спряженію тематическому. Это явленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ, въ извѣстную эпоху ихъ жизни, оканчивается почти полнымъ исчезновеніемъ нетематическаго спряженія. Послѣднее мы можемъ наблюдать, напр., въ старо-слав. и литовск. языкахъ, гдѣ остатки нетематическаго спряженія, вообще, незначительны, особенно въ старо-славянскомъ. Этотъ фактъ исчезновенія, какъ во многихъ другихъ языкахъ, такъ, въ особенности, въ двухъ указанныхъ языкахъ, стоитъ, главнымъ образомъ, въ связи съ другимъ явленіемъ—съ утратой въ этихъ языкахъ различныхъ глагольныхъ формъ, бывшихъ въ языкѣ индо-европ. и спрягавшихся по нетематическому спряженію; въ старо-слав. яз. утрачены, напр., формы perfect'a, нѣкоторыя формы praesens'a и аориста; въ литовск. яз. утрачены тѣже формы, и при томъ аористъ исчезъ вполнѣ. Но, рядомъ съ этимъ, во многихъ случаяхъ и въ различныхъ языкахъ исчезновеніе нетематическаго спряженія происходило и независимо отъ утраты извѣстныхъ глагольныхъ формъ: часто можно наблю-

дать и тотъ фактъ, что извѣстныя формы какихъ нибудь языковъ сохраняются съ эпохи распаденія индо-европ. языка, но при этомъ мѣняютъ первоначальное нетематическое спряженіе на тематическое. Это явленіе происходитъ обыкновенно такимъ путемъ, что основа, не имѣвшая первоначально особаго суффикса *e—o*, получаетъ распространеніе какимъ нибудь новымъ суффиксомъ, въ который входитъ и этотъ суффиксъ *e—o;* такъ, извѣстны изъ многихъ языковъ многочисленные случаи распространенія основы посредствомъ суффикса *je—jo*, который существовалъ и въ индо-европ. языкѣ, но далеко не во всѣхъ тѣхъ образованіяхъ, въ которыхъ онъ является въ отдѣльныхъ языкахъ. Независимо отъ этого явленія происходитъ также часто измѣненіе нетематическаго спряженія въ тематическое: основа, бывшая первоначально безъ суф. *e—o*, является впослѣдствіи уже съ этимъ суффиксомъ. Въ этомъ случаѣ измѣненіе нетематическаго спряженія въ тематическое совершается подъ вліяніемъ аналогіи большинства глагольныхъ формъ, такъ какъ и въ отдѣльныхъ языкахъ, и въ самомъ индо-европ. языкѣ большинство глаголовъ и въ большемъ числѣ формъ имѣли спряженіе тематическое.

Если мы обратимся къ формамъ отъ такъ называемой основы настоящаго времени въ различныхъ языкахъ, то замѣтимъ, что указанное явленіе смѣны образованія безъ суф. *e—o* на образованіе съ этимъ суффиксомъ здѣсь распространяется особенно широко. Въ старо-слав. и литовск. языкахъ, напр., въ формахъ praesens'а мы находимъ только самые незначительные остатки нетематическаго спряженія. Причина этого заключается въ томъ, что вышеуказанныя условія, сопровождавшія смѣну одного спряженія на другое, въ этихъ формахъ должны были проявляться наиболѣе часто; такъ какъ эти формы самыя употребительныя во всѣхъ языкахъ, то, естественно, должно было возникнуть особенно сильное стремленіе къ однообразію въ ихъ образованіи; такимъ образомъ здѣсь чаще всего можно наблюдать и утрату извѣстныхъ образованій, и измѣненія подъ вліяніемъ аналогіи большинства образованій. Отсюда

слѣдуетъ, что при изученіи тѣхъ формъ старо-слав. и литовск. глагола, которыя относятся къ основѣ настоящаго времени, одною изъ задачъ изслѣдованія должно быть опредѣленіе первоначальныхъ границъ того и другого спряженія и выясненіе условій, содѣйствовавшихъ исчезновенію одного изъ нихъ. При разборѣ старо-слав. и литовскихъ образованій я буду останавливаться на этомъ фактѣ, насколько можно будетъ выяснить его посредствомъ сопоставленія съ другими родственными языками.

Въ изслѣдуемыхъ фактахъ есть еще другая сторона, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Именно, разныя глагольныя формы, представляя различія въ образованіи основъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и различія по отношенію къ виду самого корня, входящаго въ составъ основы. Корни въ индо-европ. языкѣ во всякихъ образованіяхъ, глагольныхъ и именныхъ, могли являться, вообще, въ двухъ видахъ: *слабомъ* и *сильномъ*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи этихъ видовъ между собой, я поясню фактъ нѣкоторыми примѣрами изъ глагольныхъ формъ. Въ общемъ можно замѣтить, что въ индо-европ. языкѣ извѣстная категорія формъ могла представлять или одинъ какой нибудь видъ корня, или же оба вида вмѣстѣ, въ извѣстномъ чередованіи между собой. Первый случай мы находимъ въ формахъ тематическаго спряженія, второй — въ формахъ нетематическаго спряженія. Это различіе въ большей или меньшей степени сохраняется и въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ. Напр., въ др.-инд. языкѣ въ формахъ настоящаго времени тематическаго спряженія можно различать два типа по отношенію къ видамъ корня: въ одномъ корень является постоянно въ сильномъ видѣ,—типъ bhávati, въ другомъ — постоянно въ слабомъ видѣ, — типъ tudáti; съ другой стороны, въ формахъ настоящаго времени нетематическаго спряженія мы находимъ чередованіе обоихъ видовъ; напр., bíbharmi, bíbharṣi, bíbharti; но pl. bibhr̥más, bibhr̥thá, bíbhrati, med. bíbhre и т. д.; въ формахъ perfect'а (нетематическое спряженіе) точно также чередуются два вида корня: сильный, напр.,

въ 3-хъ лицахъ ед. ч. indicat., слабый — въ двойств. ч., множ. и во всѣхъ лицахъ medii; формы тематическаго неудвоеннаго аор. всѣ имѣютъ слабый видъ корня—ávidam и т. д., формы тематическаго удвоеннаго аориста имѣютъ или вездѣ сильный видъ корня, или слабый — ájījanam и т. д., apaptam и т. д.; формы аористовъ съ *s* (нетематическаго спряженія) въ др.-инд. языкѣ представляютъ чередованіе слабаго и сильнаго видовъ корня, но уже особымъ образомъ видоизмѣненное. Въ греч. языкѣ въ формахъ наст. вр. можно различать два типа тематич. спряженія: съ одной стороны φέρε-τε, λείπε-τε—съ сильнымъ видомъ корня, съ другой—γράφε-τε, дорійск. τράπε-τε (при аттич. τρέπε-τε)—съ слабымъ видомъ корня; нетематич. спряженіе—εἶ-μι, τί-θη-μι въ ед. ч., ἴ-μεν, τί-θε-μεν во мн. ч.; тематич. аористъ имѣетъ вездѣ слабый видъ корня—ἔλιπον и т. д.; аористъ нетематич. безъ *s* имѣетъ чередованіе: ед. ч. *ἔθην (ср. др.-инд. ádhām; въ греч. вмѣсто этой формы новообразованіе отъ основы θηκ—ἔθηκα), мн. ч. ἔθεμεν; тоже было въ perfect'ѣ, какъ показываютъ нѣкоторыя сохранившіяся формы, напр., οἶδα : ἴδμεν (Hesych.), τέτροφα : τετράφαται, γέγονα : γέγαμεν и нѣкоторыя другія. Въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы находимъ въ формахъ настоящ. вр. тематическаго спряженія два типа по отношенію къ видамъ корня: старо-слав. **береть, несеть** и др., литовск. vẽda, nẽsza и др. имѣютъ сильный видъ корня вездѣ; старо-слав. **пьнеть, мьреть** и др., литовск. pìna, pìla и др. имѣютъ вездѣ слабый видъ корня. Что касается случаевъ чередованія двухъ видовъ корня, то ихъ мы не находимъ ни въ томъ, ни въ другомъ языкѣ. По поводу смѣны двухъ видовъ корней и ихъ чередованія въ различныхъ категоріяхъ глагольныхъ формъ надо имѣть въ виду тотъ фактъ, что въ жизни отдѣльныхъ языковъ это явленіе подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Категоріи формъ, имѣвшія первоначально одинъ изъ двухъ видовъ корня въ своихъ основахъ, часто измѣняютъ данный видъ корня или на другой, также древній, видъ, или замѣняютъ его новымъ, возникшимъ какимъ нибудь образомъ уже въ отдѣльной

жизни языка; причиной этого явленія въ языкахъ служатъ, по большей части, тѣ фонетическія измѣненія, которымъ подвергаются извѣстные корни; благодаря этимъ измѣненіямъ являются различныя звуковыя совпаденія первоначально разнородныхъ образованій; отсюда возникаютъ разнообразныя взаимодѣйствія однихъ образованій на другія, и въ результатѣ получается смѣшеніе, иногда очень запутанное, различныхъ такъ называемыхъ *рядовъ чередованія.* Точно также, тѣ категоріи формъ, которыя представляли первоначально правильное чередованіе двухъ видовъ корней, съ теченіемъ времени, благодаря взаимодѣйствію однихъ формъ на другія, утрачиваютъ правильность чередованія, такъ что во всѣхъ формахъ данной категоріи или одинъ видъ корня получаетъ преобладаніе надъ другимъ и вполнѣ вытѣсняетъ его, или оба они остаются жить, каждый выходя за предѣлы своей первоначальной области. Вымираніе въ языкахъ извѣстныхъ категорій формъ точно также ведетъ къ тому, что въ данномъ языкѣ можетъ или очень сократиться, или исчезнуть вполнѣ число образованій съ извѣстнымъ видомъ корня; съ другой стороны, благодаря вымиранію формъ, въ языкѣ можетъ прекратиться совсѣмъ и явленіе чередованія двухъ видовъ корней. Что касается языковъ старо-слав. и литовскаго, то они не представляютъ случаевъ для наблюденія явленій чередованія двухъ видовъ корней, но за то въ нихъ мы находимъ много интересныхъ фактовъ для наблюденія надъ явленіемъ новообразованій по отношенію къ видамъ корней, являющихся въ разныхъ категоріяхъ глагольныхъ формъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о нѣкоторыхъ общихъ явленіяхъ, происходившихъ въ глагольныхъ формахъ въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ, я перехожу къ тѣмъ частнымъ явленіямъ, которыя можно наблюдать въ старо-слав. и литовск. языкахъ въ различныхъ формахъ, происходящихъ отъ такъ называемой основы настоящаго времени. И прежде всего я остановлюсь на самомъ суффиксѣ *е—о*, образующемъ основы тематическаго спряженія, которое и составляетъ предметъ настоящей главы.

Въ индо-европ. языкѣ основы тематическаго спряженія оканчивались на суффиксъ *e чередовавшееся съ o*. При этомъ *e* и *o* распредѣлялись по разнымъ личнымъ формамъ такимъ образомъ, что въ первомъ лицѣ всѣхъ чиселъ activi и medii и въ третьемъ лицѣ мн. ч. activi и medii являлось *o*, въ остальныхъ личныхъ формахъ *e*. Это распредѣленіе *e* и *o* являлось какъ въ формахъ настоящаго времени, такъ и въ формахъ прошедшихъ временъ (imperf., тематическіе аористы) и будущаго. Что касается именныхъ образованій отъ тематическихъ основъ, то здѣсь надо отмѣтить слѣдующіе факты. Причастіе, образуемое отъ этихъ основъ съ суффиксомъ *nt*, прибавляло этотъ суф. къ основѣ на *o*. Но въ склоненіи причастія происходили особыя фонетическія измѣненія, вслѣдствіе которыхъ *o* основы обращалось въ *a*, и по общему закону индо-европ. языка сочетаніе *a*+n+t обращалось въ a̭n̥t; такимъ образомъ основа этого причастія представляла чередованіе *-ont-* : -a̭n̥t-, т. е. сильныхъ и слабыхъ формъ. Для другихъ именныхъ образованій отъ этихъ основъ трудно установить качество гласной суффикса *e—o* въ индо-европ. яз., т. к. отдѣльные языки представляютъ довольно значительныя разнообразія въ самихъ образованіяхъ. Все сказанное здѣсь о чередованіи *e* : *o* относится также и къ чередованію индо-европ. *je* : *jo* въ окончаніи нѣкоторыхъ основъ тематическаго спряженія. Что касается происхожденія чередованія *e* : *o*, то его, конечно, надо объяснять изъ исторіи индо-европ. языка, подобно другимъ случаямъ, въ которыхъ мы находимъ это явленіе. Ближе всего чередованіе *e* : *o* въ концѣ глагольныхъ основъ мы можемъ сопоставить съ такимъ же чередованіемъ въ концѣ извѣстныхъ основъ именныхъ (имена сущ. м. и ср. р. и имена прилагат.); но въ обоихъ случаяхъ чередованіе *e* : *o* нельзя, вѣроятно, вполнѣ отдѣлять отъ такого же чередованія *e* : *o* не въ суффиксахъ основъ, а въ самихъ корняхъ глагольныхъ и именныхъ формъ. Не касаясь сущности этого явленія въ индо-европ. яз., я укажу только факты, относящіеся сюда въ отдѣльныхъ языкахъ. Въ др.-инд. языкѣ

фактъ указаннаго выше распредѣленія *e* и *o* по отдѣльнымъ формамъ можно видѣть на слѣдующихъ формахъ: praes. 1 л. bhávāvas, bhávāmas [1]), 3 pl. bhávanti представляютъ ā и *a* изъ индо-европ. *o* [2]); точно также мы находимъ индо-европ. *o* и въ формахъ impf. ábhavam, ábhavāva, ábhavāma, ábhavan, aor. ávidam, ávidāva, ávidāma, ávidan; прич. съ суф. *-nt-* въ сильныхъ формахъ основы bhávant-, вед. tr̥pánt- имѣютъ -ant- изъ индо-европ. -ont-, въ слабыхъ формахъ bhávat-, tr̥pát- (ср. Whitney, Ind. Gr. § 852) имѣютъ -at- изъ индо-европ. -n̥t-. Формъ отъ основъ будущаго времени и тематич. аориста съ *s* и также формъ отъ основъ на суф. *je—jo* я не привожу, такъ какъ ихъ образованія вполнѣ аналогичны съ указанными. Въ греч. языкѣ чередованіе *e* : *o* мы находимъ, напр., въ слѣдующихъ формахъ: praes. φέρω (объ ω ср. примѣч. [1]), φέρομεν [3]), дорійск. φέροντι, атт. іон. φέρουσι; impf. ἔφερον (1 sg. и 3 pl.) ἐφέρομεν; аористъ ἔλιπον (1 sg. и 3 pl.) ἐλίπομεν; причастіе отъ этихъ основъ въ греч. языкѣ, подобно др.-инд., имѣетъ основу на индо-европ. -ont-, напр. φεροντ- (ср. G. sg. φέροντ-ος и т. д.); это такъ называемый сильный видъ основы; что же касается слабаго вида, соотвѣтствующаго др.-инд. образованіямъ, какъ bhávat-, то его мы не находимъ въ греч. языкѣ; слѣдовательно, здѣсь сильный видъ основы вытѣснилъ собою слабый видъ ея; можетъ быть, на существованіе нѣкогда въ греч. языкѣ слабаго вида основы причастія указываютъ такія формы, какъ гераклійскія *πρασσόντασσι* и др., по весьма вѣроятному объясненію I. Schmidt'a (K. Z. XXV, 590 слѣд.). Въ старо-слав. и литовск. по отноше-

---

[1]) Въ 1-мъ л. ед. рг. является новообразованіе bhávāmi вм. древняго *bhávā, въ которомъ ā явилось изъ стяженія *o* основы + личный суффиксъ.

[2]) Др.-инд. ā, *a* изъ извѣстнаго рода индо-европ. *o* я принимаю на основаніи закона, открытаго Бругманомъ.

[3]) Форма 1-го лица дв. ч. въ греч. глаголѣ исчезла.

нію къ чередованію тематическаго *е—о* надо замѣтить слѣдующіе факты. Въ формахъ настоящаго времени старослав. языкъ по отношенію къ суф. основы *е—о* отступаетъ отъ индо-европ. языка тѣмъ, что въ немъ *е* вытѣснило собою *о* въ формахъ 1 л. дв. и мн. чиселъ; такимъ образомъ мы находимъ формы **керевѣ, керемъ**, какъ **кереши, кереть** и др.; *о* сохранилось только въ 3 л. мн. **кержть**, гдѣ **ж**=индо-европ. on (въ 1 л. ед. **кержь**, гдѣ **ж** изъ ō, произошло стяженіе *о* основы + личный суффиксъ еще въ индо-европ. яз.; ср. прим. [1]) на страницѣ 19). Замѣна *о* на *е* въ указанныхъ формахъ, какъ показываютъ всѣ слав. языки, произошла еще въ обще-славянскомъ языкѣ. Въ литовск. языкѣ произошло явленіе обратное: *о* вытѣснило собою *е* во всѣхъ формахъ; такимъ образомъ мы находимъ при старыхъ образованіяхъ, какъ sŭkava, sŭkame (гдѣ *а* соотвѣтствуетъ старо-слав. и индо-европ. *о*), также формы sŭkata, sŭkate, гдѣ въ соотвѣтствующихъ формахъ старослав. и индо-европ. находилось *е*; въ формѣ 3-го л. всѣхъ чиселъ sŭka, которая по происхожденію должна быть формой 3-го л. ед. ч. (ср. старо-слав. формы, какъ **саде, рече** и др.), *а* представляетъ также литовское новообразованіе. Такимъ образомъ надо сдѣлать заключеніе, что въ формахъ настоящаго времени литовско-слав. языкъ еще сохранялъ древнее чередованіе *е* : *о*; въ литовск. языкѣ произошло перенесеніе *о* въ формы съ *е* подъ вліяніемъ формъ съ *о*, т. е. это явленіе было дѣйствіемъ аналогіи. Что касается старо-слав. языка и обще-слав., то здѣсь обобщеніе формъ съ *е* нельзя объяснять взаимодѣйствіемъ тѣхъ и другихъ формъ одной и той же системы. Противъ этого говоритъ то обстоятельство, что въ формахъ прошедшихъ временъ того же тематич. образованія старое чередованіе *е* : *о* сохранялось; ср., напр., старо-слав. **несъ** (гдѣ **ъ** изъ индо-европ. om), **несовѣ, несомъ, несж** (гдѣ **ж** изъ on) при **несе, несете** и т. д.; точно также и въ другихъ формахъ, гдѣ сохраняется тематич. спряженіе, мы находимъ *о* въ надлежащемъ мѣстѣ; напр., ср. формы **несѣахъ, несѣаховѣ, несѣахомъ, несѣахж** при **несѣаше, несѣашете**

и т. д.; совершенно правильное тематич. образованіе находимъ также въ формахъ **нѣсъ, нѣсовѣ, нѣсомъ** и **несохъ, несоховѣ, несохомъ**, — **ꙁнахъ, ꙁнаховѣ, ꙁнахомъ** (но другія формы этихъ системъ уже нетематическаго образованія). Такимъ образомъ, если бы въ обще-слав. языкѣ возникло взаимодѣйствіе формъ съ *е* и формъ съ *о* въ одной и той же системѣ, то на основаніи формъ praesens'а надо бы было ожидать, что и въ формахъ прошедшихъ временъ *е* вытѣснитъ собой *о*. Формы настоящаго времени отъ основъ на *е—о* надо объяснять какъ результатъ взаимодѣйствія со стороны тѣхъ формъ praesens'а, которыя происходятъ отъ основъ съ суффиксомъ *je*. Какъ я уже упомянулъ выше, въ индо-европ. языкѣ основы съ *jo—je* чередовали точно такъ же *е* : *о*, какъ и основы на *е—о*; но въ обще-слав. языкѣ это чередованіе должно было уничтожиться фонетическимъ путемъ, т. к. послѣ *j о* должно было измѣняться фонетически въ *е*; слѣдовательно, нѣкогда бывшее различіе, напр., *znājo- : *znāje должно было въ обще-слав. уничтожиться, и явилась такимъ образомъ одна основа znāje-, которую мы и находимъ въ староcлав. формахъ **ꙁнаѥть, ꙁнаѥвѣ, ꙁнаѥмъ** и т. д. Подъ вліяніемъ формъ отъ этихъ основъ на *je*, которыя, надо замѣтить, въ обще-слав. языкѣ существовали въ очень значительномъ числѣ, и формы отъ основъ на *е—о* утратили чередованіе *е* : *о*, замѣнивъ *о* на *е*.

Въ старо-слав. и литовск. причастіи отъ основъ на *е—о* съ суф. *nt* было утрачено индо-европ. чередованіе -ont- : -ṇ̥t-, при чемъ сильная форма съ -ont- вытѣснила собою слабую съ -ṇ̥t-. Такимъ образомъ въ старо-слав. мы находимъ во всѣхъ падежахъ, напр., основу **берѫште-**, которая явилась изъ древней основы *bheront-, распространенной новымъ суффиксомъ *-je-* (старая основа на *-ont-* въ старо-слав. причастіи является только въ формахъ **берѫшти**=др.-инд. bhárantī и **берѫште**=др.-инд. bhárantas; **шт** здѣсь вмѣсто **т** подъ вліяніемъ другихъ падежей; отъ той же основы на *-ont-* образованъ и N. sg. м. и ср. р. **беры**). Тоже самое мы находимъ и въ литовскомъ: формы,

напр., suką̃s, suką̃, sukantì образованы отъ древней основы на -ant-=индо-европ. на -ont-; остальныя формы, какъ sùkanczio, sukancziŭ и т. д., происходятъ отъ основы на -ant-, распространенной суффиксомъ *-jo -je*. Совпаденіе старо-слав. и литовскихъ формъ причастія по отношенію къ суф. *-jo -je* заставляетъ относить распространеніе основы причастія посредствомъ этого суффикса къ эпохѣ литовско-слав. языка, и, какъ показываютъ факты литовск. языка, надо принимать для литовско-слав. языка этотъ суффиксъ не въ формѣ *-jo -je*, но въ формѣ -i̯o -i̯e. (Ср. такое же явленіе въ литовско-слав. и въ основахъ причастія съ суф. -us-.) Приставка къ основѣ причастія -i̯o -i̯e въ литовско-слав. повлекла за собой и вытѣсненіе слабаго вида основы на -a̯n̥t-, т. к. этотъ суффиксъ приставлялся здѣсь лишь къ сильной формѣ основы (хотя обратное находимъ въ такъ называемомъ прич. прош. вр., гдѣ онъ приставлялся только къ слабой формѣ основы на -us-). Но нѣкоторые факты старо-слав. языка указываютъ, повидимому, что слабый видъ основы на индо-европ. -a̯n̥t- былъ не вполнѣ утраченъ въ литовско-слав. и далѣе въ общеслав. языкѣ. По моему мнѣнію, предполагать это позволяютъ такія образованія, какъ **грѧдѧи** (Зогр., Клоц., Мар.), **грѩдѩи** (Ассем.), **живѧи** (Сав. кн.), **жърѧ** (=**жьрѧ**; Супр.) и нѣкотор. другія (см. Leskien, Handbuch, 2 изд., § 70). Обыкновенно эти формы объясняютъ какъ образованія по аналогіи съ первоначальными формами на -**ѧ**, напр. **пишѧ**, и при томъ — какъ образованія позднѣйшія (ср. Leskien, l. c.). Но это объясненіе трудно приложимо къ фактамъ: если бы отношеніе **пишѧ : пишѫшта** могло подѣйствовать на отношеніе **грѧды : грѧдѫшта**, то оно должно бы было измѣнить его не въ отношеніе **грѧдѧ : грѧдѫшта**, но въ ***грѧдѩ : *грѧдѭшта** (т. е. согласная должна бы была также сдѣлаться мягкой) [1]). Поэтому я думаю, что эти фор-

[1]) Что касается особаго знака для **ѧ** въ этихъ случаяхъ въ глаголич. памятникахъ, то я не знаю, какъ объяснить его значеніе; но, во всякомъ случаѣ, я думаю, онъ не

мы на **ѫ** надо объяснять такимъ образомъ: въ обще-слав. языкѣ были еще формы причастія отъ слабой основы на -ant-; это же сочетаніе внутри словъ въ обще-слав. языкѣ давало ę; отсюда въ обще-слав. должны были чередоваться формы, напр., berǫt- и beręt-. Далѣе, извѣстно изъ образованія формъ причастія съ суф. -us-, что основа причастія могла являться въ обще-слав. въ качествѣ формы им. падежа ед. ч. въ м. и ср. р.; ср., напр., старо-слав. **несъ**, изъ первоначальнаго *nes-us; слѣдовательно, можно думать, что и основа прич. съ суф. nt также могла употребляться какъ именит. пад. ед. ч. м. р.; но такъ какъ въ этомъ причастіи было двѣ основы, на -ǫt и -ęt, то могло явиться и два образованія—berǫ(t) и berę(t). Въ соотвѣтствіи со вторымъ образованіемъ мы и находимъ въ старо-слав. языкѣ упомянутыя выше формы на **ѫ**; но что въ обще-слав. употреблялось и первое образованіе, показываютъ формы, какъ **живѫи** (Мар.), **грѧдѫі, живѫі, стрѣгѫі** (Син. псалт.) (Leskien, l. c.). При этомъ эти формы N-v'a представляютъ только основу, безъ падежнаго суффикса, и явились они уже тогда, когда въ основѣ образовалось уже ǫ; слѣдовательно, эти формы уже позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ формами на ę. Интереснымъ представляется здѣсь еще тотъ фактъ, что съ такимъ образованіемъ N. sg. прич. на **ѫ** очень часто являются глаголы, имѣвшіе въ обще-слав. нетематическое спряженіе: **сѫи, ѣдѫи** (**ѭсти**), **вѣдѫ**; особенно часто въ разныхъ памятникахъ является форма **грѧдѫи**; но, какъ мы увидимъ далѣе, этотъ глаголъ также имѣлъ въ обще-слав., между прочимъ, и нетематич. спряженіе. Что касается нетематическаго спряженія, то здѣсь въ индо-европ. яз. основа прич. съ суф. nt имѣла два вида: на -ent- и на -ant-; въ обще-слав. и та и другая форма основы являлась бы съ окончаніемъ

можетъ обозначать въ этихъ случаяхъ произношеніе **ѫ** близкое къ произношенію **ж**, какъ предполагаетъ Ягичъ (Зогр. ев., XXIV); кирилловск. памятники также имѣютъ эти формы на **ѫ**, но соотвѣтствующихъ съ **ж** здѣсь нѣтъ.

-ęt-; такимъ образомъ въ этихъ глаголахъ вполнѣ естественно являлась бы форма N. sg. м. р. въ старо-слав. на ѧ, какимъ бы путемъ она ни произошла: путемъ ли перенесенія формы основы изъ косвенныхъ падежей, или фонетическимъ путемъ (индо-европ. -ents-s въ старо-слав. = -ѧ). Если мы при формахъ **сѫи, градѫи** находимъ и **сꙑи, грꙑдꙑи,** то эти формы относятся уже исключительно къ тематич. спряженію этихъ глаголовъ, которое могло существовать въ нихъ рядомъ съ нетематич. еще въ индоевроп. языкѣ; ср., напр., въ греч. яз. тематическія и нетематическія образованія отъ es-: гомер. *ἐών*, *ἐόντος*, аттич. *ὤν*, *ὄντος* и геракл. *ἔντασσι*, *ἔντες*, у Алк. *παρέντων*, дор. *ἔασσα* при индо-европ. (e)s$\underset{\wedge\circ}{n}$tī (G. Meyer, Gr. Gr. § 483). Такимъ образомъ и греч. форма *ἔασσα*, и старо-слав. **сѫи** могутъ происходить какъ отъ тематической основы, такъ и нетематической въ слабомъ видѣ. Обобщеніе слабой основы причастія въ тематическ. спряженіи мы находимъ въ латинскомъ языкѣ въ болѣе широкомъ распространеніи; именно, здѣсь всѣ основы причастія глаголовъ такъ называемаго 3-го спряженія имѣютъ во всѣхъ формахъ слабый видъ; напр., основа ferent- соотвѣтствуетъ др.-инд. основѣ bharat-, индо-европ. bhar$\underset{\wedge\circ}{n}$t-. Въ нетематич. спряженіи въ соотвѣтствіи съ старо-слав. ***сѫт-** въ **сѫй** и съ греч. *ἐατ-* въ *ἔασσα* и *ἐντ-* въ *ἔντες* мы находимъ въ лат. яз. также основу sent-, напр., въ prae-sent-; и въ лат. это sent- можетъ восходить какъ къ сильной основѣ = индо-европ. sent-, такъ и къ слабой — индо-европ. s$\underset{\wedge\circ}{n}$t-; существованіе такой формы какъ sunt указываетъ, что въ лат. яз. въ этомъ глаголѣ извѣстно было также и тематическое спряженіе.

Изъ другихъ именныхъ образованій отъ тематическихъ основъ въ старо-слав. и литовскомъ яз. можно отмѣтить только прич. наст. вр. страдат. залога съ суф. -mo-: напр., старо-слав. **несомъ,** литовск. sùkamas. Но это причастіе литовскаго и старо-славянскаго языка нельзя сопоставить прямо съ какимъ нибудь соотвѣтствующимъ образованіемъ въ родственныхъ языкахъ, т. к. въ нихъ мы находимъ со-

отвѣтствующія образованія съ суф. -meno-, или -mono- (ср. др.-инд. -māna-, авест. -māna- и -mana-, греч. -μενο-, лат. -mino-). Но, повидимому, суф. -mo- литовскаго и славянскаго находится въ родствѣ съ суф. -mono- : -meno-, съ одной стороны, и съ суф. -ono- : -eno- (ср. др.-инд. -āna-, авест. -āna- и -ana-), съ другой. Этотъ послѣдній суффиксъ употреблялся въ индо-европ. языкѣ въ нетематич. спряженіи; къ этому образованію и принадлежитъ другое причастіе старо-слав. языка, такъ называемое прич. прош. вр. страд. зал., напр., **несенъ**; такимъ образомъ въ этомъ образованіи *e* уже не принадлежитъ къ основѣ.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію основъ съ суффиксомъ *e—o* по отношенію къ видамъ корней, входящихъ въ эти основы. Остановлюсь сначала на основахъ безъ суф. **но- не-**. Чтобы удобнѣе было обозрѣть всѣ образованія даннаго типа, слѣдуетъ установить прежде всего слѣдующія общія дѣленія корней по ихъ составу: 1. корни съ гласной *e—o* (ст.-слав. **нес-**, литовск. nesz-); 2. корни на согласную съ дифтонгомъ ei—oi—i (ī) (ст.-слав. **стиг-** изъ *steigh-, литовск. lëk- изъ *leik-); 3. корни на согласную съ дифтонгомъ eu—ou—u (ū) (ст.-слав. **скоук-** изъ *skoub-, литовск. gaus- изъ *gous-); 4. корни на согласную съ сочетаніями: er—or—$\underset{\wedge\circ}{\alpha r}$, el—ol—$\underset{\wedge\circ}{\alpha l}$, em—om—$\underset{\wedge\circ}{\alpha m}$, en—on—$\underset{\wedge\circ}{\alpha n}$ (ст.-слав. **брѣг-** изъ *berg-, **жлѣд-** изъ *geld-, **ѕѧб-** изъ *zemb-, **мѧт-** изъ *ment-; литовск. serg-, velk-, żemb-, renk-); 5. корни на сочетанія er- or- *α*r-, el- ol- *α*l-, em- om- *α*m-, en- on- *α*n- (ст.-слав. **бер-**, **жен-**; литовск. ter-, sel-, gem-, pen-); 6. корни на дифтонгъ ei—oi—i (ī) (ст.-слав. **бij-** изъ *bej-; литовск. vej-); 7. корни на дифтонгъ eu—ou—u (ū) (ст.-слав. **плов-** изъ *plev-; литовск. вполнѣ соотвѣтствующихъ образованій не имѣетъ; но ср., напр., rau- въ ráu-ju). 8. корни на согласную съ долгими гласными (ст.-слав. **лѣз-** изъ *lēz-, **пад-**; литовск. bėg- изъ *bēg-, bod- изъ *bād-). Эти общія дѣленія корней приложимы не только къ старо-славянскому и литовскому языкамъ, но и ко всѣмъ индо-европ. языкамъ: указанныя различія въ составѣ корней существовали

въ самомъ индо-европ. праязыкѣ. При томъ эти дѣленія корней приложимы въ индо-европ. языкахъ не только къ формамъ основы настоящаго времени, но къ формамъ глагольныхъ основъ вообще. Поэтому при изслѣдованіи извѣстныхъ отдѣльныхъ основъ въ какихъ нибудь языкахъ важно наблюдать не эти общія дѣленія корней, но тѣ частныя фонетическія измѣненія, которымъ подвергаются всѣ указанные типы корней или въ различныхъ образованіяхъ, или въ одномъ и томъ же образованіи. Такимъ образомъ, напр., по отношенію къ старо-слав. языку важно наблюдать тотъ фактъ, что одинъ и тотъ же корень **нес-** является въ видѣ **нес-** въ основѣ **несе-**, но въ видѣ **нос-** въ основѣ **носи-**; или—корни **бер-** и **мер-**, принадлежащіе къ одному и тому же типу, являются въ разныхъ видахъ въ одномъ и томъ же образованіи: **бере-**, но **мьре-**; тоже самое въ литовскомъ языкѣ; ср., напр., vežù : važiů̃ju и terù : diru. Это явленіе чередованія гласныхъ въ различныхъ типахъ корней, входящихъ въ составъ такъ называемой основы настоящаго времени въ старо-слав. и литовск. языкахъ, и должно быть въ данномъ случаѣ главнымъ предметомъ наблюденія.

И такъ, по отношенію къ гласной корня всѣ основы съ суф. *е—о* въ старо-слав. и литовск. языкахъ распадаются на два отдѣла: a) основы съ сильнымъ видомъ корня, b) основы съ слабымъ видомъ корня. Въ основахъ перваго рода въ семи указанныхъ выше типахъ корней является гласная *е*, въ 8-мъ типѣ долгія гласныя; въ основахъ второго рода всѣ типы корней измѣняются слѣдующимъ образомъ: 1. обыкновенно оставляетъ безъ измѣненія *е*, но иногда измѣняетъ его въ *α*; 2. вмѣсто *ei* получаетъ *i* (ī); 3. вмѣсто *eu* получаетъ *u* (ū); 4. сочетанія *er, el, em, en* обращаетъ въ *α̯r̥, α̯l̥, α̯m̥, α̯n̥*; 5. измѣняетъ *е* въ *α*; 6. измѣняетъ *ei* въ i (ī); 7. измѣняетъ *eu* въ u (ū); 8. долгія гласныя измѣняетъ въ краткія. Эти измѣненія звуковъ корней восходятъ опять къ индо-европ. яз., и тамъ надо искать общихъ причинъ этого явленія. Не имѣя цѣлью изслѣдованіе образованій индо-европ. праязыка, я за-

мѣчу здѣсь лишь, что самой общей причиной чередованія гласныхъ въ корняхъ основъ на *e—o* въ индо-европ. языкѣ было удареніе, какъ это было и во всѣхъ другихъ случаяхъ чередованія гласныхъ. Именно, въ основахъ на *e—o* съ сильнымъ видомъ корня удареніе находилось на корнѣ, въ основахъ съ слабымъ видомъ корня — на суффиксѣ основы; это различіе въ удареніи можно видѣть, напр., въ языкѣ древне-индійскомъ: bhá̆v-a-ti, но viç-á-ti; нѣкоторое указаніе даетъ и греч. языкъ, различая λείποντες, λείπειν и λιπόντες, λιπεῖν, ἰδέ, λαβέ и др. (ср. Brugmann, Gr. Gr. въ Hdb. d. kl. Alt.-Wiss., стр. 80). Надо только замѣтить, что въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ это первоначальное различіе въ удареніи въ двухъ родахъ основъ на *e—o* утрачивалось, благодаря дѣйствію новыхъ законовъ ударенія, возникавшихъ въ отдѣльныхъ языкахъ. Такимъ образомъ и по отношенію къ литовско-славянскому языку нельзя прямо прилагать этого общаго различія въ удареніи въ данныхъ основахъ: о немъ можно говорить только въ связи съ общими явленіями передвиженія ударенія, которое явилось частью уже въ общемъ лит.-слав. праязыкѣ, частью въ пралитовскомъ и праславянскомъ. Такъ какъ общія явленія ударенія въ литовско-славянскомъ представляютъ слишкомъ сложный предметъ для изслѣдованія, то я не буду останавливаться на нихъ и обращусь къ болѣе подробному изложенію тѣхъ фонетическихъ явленій въ литовскихъ и старо-славянскихъ основахъ на *e—o*, которыя не зависѣли отъ различія въ удареніи.

Основы съ корнями 1-го вида (**нес-**, nesz-). Примѣрами такихъ основъ могутъ служить старо-слав. **несе-** (**несе-ть**), **веде-** (**веде-ть**), **пеѵе-** (**пеѵе-ть**), **тепе-** (**тепе-ть**), **гнете-** (**гнете-ть**), **бреде-** (**бреде-ть**), литовск. nẽsza, tẽpa, sẽga, brẽda, др.-инд. bhája-ti, trása-ti, греч. λέγε-τε, τρέπε-τε, лат. vehi-te (изъ *vehe-te), strepi-te (изъ *strepe-te). Это образованіе основы во всѣхъ языкахъ самое распространенное. Что касается слабаго вида корня въ этихъ основахъ, то онъ былъ здѣсь и въ индо-европ. языкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ лишь въ очень немногихъ случа-

яхъ; его можно наблюдать именно въ тѣхъ корняхъ, въ которыхъ гласной *e*, въ сильномъ видѣ, предшествуетъ плавная или носовая. Въ такихъ корняхъ при образованіи основы съ удареніемъ на суф. *e—o* полная гласная *e* могла ослабляться въ *a*, и изъ r*a*, n*a*, напр., получались въ индо-европ. языкѣ сочетанія r̥a̯, n̥a̯ [1]). Въ старо-слав. языкѣ такого рода образованія мы находимъ, напр., въ формахъ **рьци, рьцѣта, рьцѣте** (Остром. ев.) при **рече-ть**; указанныя формы повелит. накл. заставляютъ предполагать при основѣ **рече-** также и основу ***рьче-**, изъ индо-европ. *r̥a̯ke-. Такимъ же образомъ надо объяснять и форму **непрѣ-крьдомъ** (см. словарь Миклошича): при основѣ **креде-** (**креде-ть**) существовала основа **крьде-** изъ индо-европ. *br̥a̯de-. Далѣе, такія же образованія основы въ старо-слав. языкѣ надо предполагать и для производныхъ основъ, какъ **по-грибл-** (**по-грибаю-ть**, Супр. и др.), при **гребе-**, и **въ-плита-** (**въ-плитаю-ть**): эти основы относятся къ предполагаемымъ ***грьбе-**, ***пльте-** такъ же, какъ **на-рица-** къ ***рьче-** въ **рьци** (болѣе точное опредѣленіе этихъ отношеній будетъ сдѣлано ниже). Сочетаніе n̥a̯ мы находимъ въ основѣ **ньзе-** (**ньзе-ть**, ср. **въ-нозити, на-низати**) [2]). Глаголъ

---

[1]) Эти сочетанія въ индо-европ. языкѣ открыты проф. Фортунатовымъ.

[2]) Еще нѣкоторые примѣры сочетаній l̥a̯ и n̥a̯: р. лоскъ: старо-слав. **лъштати сѧ; плескъ, плескати,** литов. pleszkù: *pl̥̄sk-, откуда **плиштати; ослѣпити,** лит. slẽpti: **ослъпнѫти;** послѣдній случай интересенъ тѣмъ, что онъ представляетъ l̥a̯ изъ lē̆;—**хромъ : охръмнѫти** (вѣроятно = **охрьмнѫти**); если вѣрна форма **о-хърѧвшимъ** (сл. Микл.), то этотъ глаголъ будетъ представлять любопытный случай чередованія сочетаній r̥a̯m и ra̯m̥; **стрѣкати : стрькнѫти** представляетъ r̥a̯ изъ ослабленія rē̆; — лит. neriù, nérti: ст.-слав. **въ-ньре-ть** (Григ. Наз.), ср. сюда **по-норъ,** р. нора; этотъ глаголъ представляетъ интересный случай развитія въ старо-слав. яз. изъ n̥a̯ то **нь,** то **нъ:** на **нъ** указываетъ форма **понырити,** р. нырять (между тѣмъ ср. **понирати**); такой же случай представляетъ, кажется, и глаголъ **ньзе-ть:** ср. **въ-, при-, про-ноузити,** гдѣ **оу** указываетъ на **ъ.** — Ст.-сл. **глипати** при греч. βλέπω также указы-

гонести (**гонеꙁе-ть**) или **гоньсти** (**гоньꙁе-ть**) заимствованъ изъ нѣмецкаго (ср. готск. ga-nisan, ga-nasjan) и представляетъ **нь** другого происхожденія.—Кромѣ этихъ случаевъ основъ съ слабымъ видомъ корня древняго происхожденія мы находимъ еще нѣкоторые случаи трудно объяснимые: при **жеже-ть** мы находимъ **жьже-ть,** при **пеҷе-ть сѧ—пьци, пьцѣте сѧ,** при **теҷе-ть—тьци, тьцѣте;** родственно съ этими случаями по чередованію гласныхъ и отношеніе **хо-ди-ти : шьдъ.** Можетъ быть, нѣкоторую аналогію съ этими случаями представляетъ литовск. kibù, kimbù (kìpti) при kabù, kebẽklis, kebenẽkas; можетъ быть, сюда же относится случай týksztu (tiszkau, tìkszti) при teszkù, teszkiù; въ греч. языкѣ есть такіе же неясные случаи—*πίτ-νη-μι, σκίδ-νη-μι* при *πετ-άννυμι, σκεδ-άννυμι*. — Несомнѣнные факты, соотвѣтствующіе старо-славянскому **рь** въ **рьҷе-, брьде-** и др., мы находимъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ. Въ литовскомъ изъ r̥a̭ является и ri и ru: bridaũ (прош. вр.), brìsti соотвѣтствуетъ ст.-слав. **брьде-**; сильная основа—bredù = **бредѫ**; driskaũ (прош. вр.) при dreskiù, draskaũ; ru является въ truszkù, trùszka, ср. treszkù, traszkù; сюда же, можетъ быть, относится и su-bruzdu (Bezzenberger, Forsch., стр. 102); образованіе raizgaũ при rezgù предполагаетъ форму корня *rizg; ср. braidaũ при bridaũ, bredù; литовское lu изъ l̥a̭ является, вѣроятно, въ klugù; ср. klegù и klagù; литовское ni изъ n̥a̭ находится, вѣроятно, въ knibù, knipsiù; ср. knebenù, knabù.—Въ др.-инд. языкѣ въ соотвѣтствіе съ старо-слав. основами ***рьҷе-, брьде-** мы находимъ: pr̥cha- (pr̥chá-ti), сильная основа, напр., въ perf. pa-pracha, въ старо-слав. **проси-ти,** литовск. praszaũ [1]); vr̥çcá-ti, ср. vraçcati (?) (Whitney, Die Wurzeln....., стр. 168); вед. mr̥kṣā,

---

ваетъ на ***ль**, l̥a̭. Слав. **громъ,** греч. *βρέμω, βροντή*: ст.-слав. **грьмѣти, гримѣти, гримати:** р. грянуть представляютъ отношеніе re, ro : r̥a̭m : ra̭m̥.

[1]) Др.-инд. ch, ст.-слав. **с,** лит. sz—изъ индо-европ. sk'h; см. Chr. Bartholomae, въ K. Z. XXVII, стр. 366, слѣд.

классич. mrakṣanti (ibid. стр. 124); bhṛjjá-ti, ср. perf. ba-bhrajja. Въ греч. языкѣ также находятся соотвѣтствующія образованія: ср. γλύφω, γλάφω, γράφω и ст.-слав. **грєбѫ**; дорійск. τράπω, τράχω и аттич. τρέπω, τρέχω; сюда же, можетъ быть, относится и неясное по этимологіи βλάβε-ται (ср. Brugmann, Gr. Gr., стр. 80; G. Meyer, Gr. Gr.[1], стр. 383).

Особенность основъ на *е—о* въ литовск. языкѣ состоитъ въ томъ, что среди основъ съ корневой гласной *е* (или *i*, *u* въ извѣстныхъ случаяхъ) мы находимъ еще основы съ корневой гласной *а* (изъ индо-европ. *а* или *о*). При этомъ одни изъ этихъ основъ являются въ чередованіи съ основами съ долгими корневыми гласными (напр., tvaskù : tvoskù, żvagù : żvógauju, żvégauju), другія чередуются съ основами съ корневымъ *е* (i, u) (напр., traszkù : treszkù, truszkù). Основы перваго рода будутъ разобраны позже; теперь можно остановиться на основахъ второго рода. Сюда принадлежатъ: traszkù, klabù при klebù, klagù при klegù, klugù, knabù при knibù (ср. также knebenù), kabù при kibù (braszkù, blázgu?). Такія основы съ *а*, чередующимся съ *е*, могутъ быть сопоставлены съ нѣмецкими основами съ корневымъ *а*, какъ grábô (ст.-слав. **грєбє-ть**), nágô (ст.-слав. **ньꙁє-ть**) и др. (см. F. Kluge, Beiträge z. Gesch. d. germ. Conjugat., стр. 152). И литовское и нѣмецкое *а* въ этихъ основахъ восходятъ къ индо-европ. *о* (чередовавшемуся съ *е*); но, такъ какъ въ основахъ на *е—о* въ индо-европ. яз. корни никогда не имѣли *о*, чередовавшагося съ *е*, то поэтому надо думать, что указанныя основы или появились уже въ отдѣльной жизни нѣмецкаго и литовскаго языковъ, или же они развились изъ какихъ нибудь индо-европ. основъ другого образованія. Первое предположеніе нельзя допустить, такъ какъ ни въ литовскомъ, ни въ нѣмецкомъ языкахъ мы не можемъ найти спеціальныхъ условій, при которыхъ основы съ корневымъ *е* могли бы здѣсь замѣниться основами съ корневымъ *а* (=индо-европ. *о*); болѣе вѣроятнымъ поэтому представляется второе предположеніе, высказанное

Kluge (въ цитир. сочин., стр. 155, слѣд.) [1]. Онъ, именно, объясняетъ нѣмецкія образованія, какъ fárô, grábô, sláhô и др., видоизмѣненіемъ индо-европ. основъ съ удвоеніемъ, которымъ соотвѣтствуютъ, напр., др.-инд. основы такъ называемаго 3-го класса (ju-hṓ-, bí-bhar-, и т. д.). Тоже объясненіе можно приложить и къ литовскимъ основамъ съ корневымъ *a*. Что касается утраты удвоенія въ нѣмецк. и литовск. языкахъ, то это явленіе обычное какъ для этихъ языковъ, такъ и для другихъ индо-европ. языковъ; и относительно перехода нетематическихъ основъ въ тематическія надо имѣть въ виду, что это явленіе также очень часто наблюдается въ различныхъ индо-европ. языкахъ по отношенію къ различнымъ нетематическимъ основамъ; ср., напр., и въ древне-инд. яз. тематическія образованія отъ удвоенныхъ основъ (Whitney, Ind. Gr., § 671 и слѣд.); это обычно въ иранскихъ языкахъ (ср. Bartholomae, Hdb. d. altir. d., §§ 279, 319); нѣкоторые случаи этого явленія были, вѣроятно, уже въ самомъ индо-европ. языкѣ [2].

Подобный переходъ въ тематическое спряженіе представляетъ и литовскій глаголъ dedù (dėjau, dėti), dedì, dẽda, который сохраняетъ удвоеніе. Такое спряженіе въ этомъ глаголѣ могло существовать уже въ индо-европ. языкѣ; ср. вед. основу dádha- (Whitney, Ind. Gr., § 672) и иранск. dada- (Barth., § 319); при этомъ въ литовскомъ сохранилось и нетематическое спряженіе основы ded-: dėmi (изъ *dedmi), dést, déste, désta (изъ *dedzti, *dedzte, *dedzta) (Schleicher, Lit. Gr., стр. 254); эта основа соотвѣт-

---

[1]) Это предположеніе высказано, собственно, Delbrück'омъ, но формулировано имъ не точно, что и указано Kluge.

[2]) Что удвоенныя основы имѣли въ корнѣ *o*, а не *e*, можно заключать отчасти a priori, по аналогіи съ основами perfect'a, отчасти же на это указываютъ, напр., ведійскія формы отъ удвоенной основы корней *ci* и *cit*: ci-kē-ṣi, ci-ket-ti, ci-keta-t и др. (см. Delbrück, aind. Verb., стр. 108): *k* въ этихъ образованіяхъ сохранилось передъ дифтонгомъ индо-европ. *oi*.

ствуетъ др.-инд. dadh-, которая являлась въ слабыхъ формахъ, и которая также восходитъ къ индо-европ. языку [1]). Въ старо-слав. языкѣ также является соотвѣтствующая основа **дед-**, но съ новымъ суф. *-jo-*, въ видѣ **дежде-**.

Литовскія формы esù, ẽsa-wa, ẽsata, ẽsate (также и ẽsawa и т. д., гдѣ ė, изъ индо-европ. ē, принадлежало первоначально формамъ прошедш. времени) представляютъ тематическія образованія отъ основы esa-, которая существуетъ параллельно съ основой es- (въ es-mì, ẽs-ti и т. д., при чемъ 2 л. esì можетъ принадлежать и тому и другому спряженію); отъ основы esa- (ėsa-) образованы прич. ẽsąs, ẽsąs, герунд. ẽsant, ẽsant; старыя sant, sanczę, sanczus (Schleicher, Gr., стр. 252) представляютъ основу sa- безъ корневой гласной. Повидимому, обѣ эти основы надо возводить уже къ индо-европ. языку, при чемъ надо предполагать индо-европ. es- и se- so-; ср. съ литовскими формами ст.-слав. **сѫть**, лат. sunt (изъ *sont), ст.-слав. **сы** (изъ *sontss), **сѫште-** (изъ *so-nt-je-) (ст.-слав. **сѧ**, греч. ἐντ-, лат. prae-sent- были объяснены выше), греч. ὀντ- (изъ *sont-), которыя всѣ образуются отъ основы so-; между тѣмъ лит. ẽsąs, ẽsąs и греч. ἐοντ- представляютъ уже новообразованія въ этихъ отдѣльныхъ языкахъ.

Нѣкоторые выше приведенные факты изъ ст.-славянскаго и литовскаго языковъ показываютъ, что въ этихъ языкахъ въ извѣстныхъ случаяхъ основы на *e—o* допускаютъ два образованія: одно съ сильнымъ видомъ корня, другое съ слабымъ; такъ, въ ст.-слав. существуютъ рядомъ, напр., основы **креде-** и **крьде-**, въ литовск., напр., treszka- и truszka-. Тоже самое находимъ въ греч. и др.-инд.: τρέπω : τράπω, mrakṣati : mr̥kṣati. Иногда разныя образованія основы распредѣляются по разнымъ языкамъ; напр., ст.-слав. **гребе-** : греч. γραφε-. Объяснять эти факты надо

---

[1]) О нетематическомъ спряженіи вообще будетъ говориться ниже; теперь надо только замѣтить, что литовск. основы deda- и ded- съ удвоеніемъ надо отличать отъ основъ dė- и dėd- безъ удвоенія.

тѣмъ предположеніемъ, что уже въ индо-европ. языкѣ во многихъ случаяхъ существовали такія параллельныя образованія отъ основъ на *e—o;* отдѣльные же языки или сохраняли то и другое образованіе, или же которое нибудь изъ нихъ утрачивали. Такое объясненіе прилагается не только къ разсматриваемымъ здѣсь основамъ съ корнями, имѣющими *e*, но также, и еще въ большей степени, къ основамъ съ корнями другихъ видовъ; здѣсь, какъ будетъ показано ниже, параллельныя образованія основъ съ сильнымъ и слабымъ видомъ корней, являются гораздо въ большемъ числѣ.

Основы съ корнями 2-го вида (**стиг-**, lëk-). Въ старо-славянск. языкѣ сюда принадлежатъ такія основы, какъ **иште-** (изъ *išče-, *iske-; ср. **искѫ, искы; иска-ти** = лит. jëszkó-ti), **стиже-** (**до-стигѫ, до-стишти**), **стриже-** (**стригѫ, стришти**) и др.; это — основы съ сильнымъ видомъ корня: ст.-слав. **и** здѣсь соотвѣтствуетъ литовскому ё (или ei). Основу съ корнемъ обоихъ видовъ мы находимъ въ **жиде- : жьде-** (**жьда-ти**); съ сильной основой **жиде-** ср. литовск. geidžiù, гдѣ основа *geida- замѣнена основой съ ja; въ **жьде- ь** восходитъ къ индо-европ. *ĭ*. Постоянно съ слабымъ видомъ корня являются основы **цвьте-** и **чьте-** (сильный видъ корня съ **и** = *ei* находится въ **цвисти, чисти**; *oi* вм. *ei* находится, напр., въ **отъ-цвѣта-ти**). Отдѣльными образованіями отъ такихъ основъ являются прич. **видомъ** и, вѣроятно, **питомъ**; съ основой **видо-** ср. литовск. véizdmi и véizdžiu=ст.-слав. **виждѫ**. Особо стоятъ по своему образованію ст.-слав. основы **иде-** и **живе-**. Основа **иде-** состоитъ изъ сложенія старой нетематической основы **и-** (которая находится въ неопред. наклон. — **и-ти**) и суффикса **-де-** (**-до-**); основа **и-** восходитъ къ индо-европ. основѣ *ei-*, которую мы находимъ въ др.-инд. é-ti, греч. ἔξ-ειτι· ἐξελεύσεται (Hesyh.), атт.-іон. εἶσι, литовск. eĩti, eĩt; суффиксъ **-де-** (**-до-**) приставленъ къ этой основѣ не въ самомъ обще-слав. языкѣ, и даже не въ литовско-славянскомъ; основы, распространенныя суффиксомъ **д**, находятся во многихъ индо-европ. языкахъ; слѣдовательно, такія

основы существовали уже въ индо-европ. языкѣ. Изъ сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ языковъ можно вывести именно слѣдующее заключеніе: въ индо-европ. языкѣ особенно часто употреблялись съ суф. d, большею же частью dh, корни на дифтонги и долгія гласныя и часто на плавныя и носовыя. Изъ греч. языка ср. сюда основу *αὐδα-* (у Гом. *αὔδα, ηὔδα*) при *αὐε-* (*αὖε*; ср. *ἤυσε*); *δείδω* (кор. *δFει-); *ἀ-μέρδω* (ср. *μέρος*); *πῡ́θω* (ср. литовск. púliai, лат. pūs-pūris, pūteo; Brugm., Grdr. § 50); сюда же относятся *πλήθω, πρήθω* и др. [1]). Въ лат. языкѣ сюда относятся, напр., claudo, cūdo (ст.-слав. **коу-ти**), tendo (ср. *τείνω*); d здѣсь изъ индо-европ. d. Въ литовск. языкѣ основы съ d также очень распространены; ср. lýdau (lẽju, lẽnu), skrai-daũ (skrẽjù); száudau (száuju, ст.-слав. **соуѭ**); gaudžiù (gauju); cziáudmi, cziáudžiu (cziūvù); vérdu (vìrti, ст.-слав. **вьри-**), mérdmi и mérdžiu (ср. mir̃ti), pùldau (pū́-lu) и нѣкоторыя другія основы. Въ литовск. и старо-слав. языкахъ d можетъ восходить какъ къ индо-европ. d, такъ и къ dh. — Къ такимъ же образованіямъ съ **д** принадлежатъ старо-славянск. основы **иде-** (**ѣде-**), **дад-** и **даде-** и литовскія dů̃d-, dů̃da- и dė̃d-: ср. при **иде-, ѣде-** формы **прѣ-ѣкъше, прѣ-ѣкъшю** (Мар. ев. Ягича, стр. 567), лит. jóju, jóti, древне-индійск. yā́ti (чередованіе ē и ā здѣсь ср. съ такимъ же чередованіемъ въ **сѣд-, лѣз-** : **сад-, лаз-**, литовск. sod- и др.); при основахъ **дад-, даде-**, литовск. dė̃d-, dů̃d-, dů̃da- ср. **да-ти, даѭ, дѣ-ти, дѣѭ**, dů́ti, dė́ti. Какъ показываетъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ спряженіе основъ **дад-**, dů̃d- и dė̃d- при **даде-**, dů̃da- и литовскія cziáudmi, mérdmi (при cziáudžiu, mérdžiu), основы съ суф. d могли спрягаться и въ индо-европ. языкѣ какъ нетематическими, такъ и тематическими [2]).—

---

[1]) Въ греч. языкѣ эти основы были, вообще, очень распространены, и они послужили основаніемъ для аориста съ ϑ; см. Brugman, M. U. I, стр. 78 слѣд.

[2]) Относительно болѣе или менѣе вѣроятныхъ образованій съ *dh* въ др.-инд. яз. см. Curtius, Vrb. II, 339 слѣд. (у Brugm. M. U. I, стр. 80).

Основа **живе-** представляетъ ту особенность, что здѣсь **и** восходитъ не къ индо-европ. *ei*, а къ ī: ср. др.-инд. jíva-ti лат. vīvi-t, лит. gyvenù. Въ др.-инд. языкѣ можно сравнить подобныя же основы — míva-ti, ṣṭhīva-ti; но образованіе ихъ несовсѣмъ ясно [1]).

Въ литовскомъ языкѣ къ основамъ съ дифт. *ei* принадлежатъ, напр., такія основы: a) съ сильнымъ видомъ корня—gḗdu (при gḗstu и gḗdmi), lëkù (при lëkmì, lëktu; ср. λείπω); žëdu (при žýdmi, žýdžiu); skreistu (apsi-); въ этихъ основахъ *ë* и *ei* одинаково соотвѣтствуютъ ст.-славянскому **и** и индо-европ. *ei*; b) съ слабымъ видомъ корня — knisù (ср. knaisaũ), migu (ср. maigau), riszù (ср. raiszaũ), žibù (ср. žëbiù, žaibṹja) и др.; при этомъ особо надо отмѣтить основы съ слабымъ видомъ корня, имѣющія *y* вм. *i*: dygṹs (ср. dëgia, daigau), vyvu, и сюда же, можетъ быть, su-yszti (sz=ž; у Bezz. Forsch., словарь). Чередованіе двухъ основъ мы находимъ въ rëtù (rḗtu): ritù. Слабую форму основы имѣютъ также многіе глаголы, у которыхъ изъ литовскаго неизвѣстны сильныя формы съ дифтонгами, напр., svidù, nu-jiku (Sz.), kiszù, pisù, szmižù и др. (при этомъ надо выдѣлять особо многіе глаголы, у которыхъ передъ *i* находится плавная или носовая:

---

[1]) Замѣчу мимоходомъ, что др.-инд. jīv можетъ быть родственно съ jyōt, jyut (jyōtati, jyōtis); можно думать, что эти корни восходятъ къ первоначальнымъ *giāu и *g̭āu (гдѣ качество ā не извѣстно), чередовавшимся съ *g̭ău, *g̭u. Отношеніе jīv къ этимъ предполагаемымъ корнямъ было бы приблизительно такое же, какъ diēu и ḓēu : div (и dīv въ dīvyati? основа dīv можетъ быть въ лат. dīvus, ср. vīvus, греч. δῖος); подобно тому, какъ къ div (и dīv?) относится deiv (др.-инд. dēvás, литовск. dëvas), такъ точно къ gīv относится литовск. gaivùs, gaivinù, гомер. βείομαι (изъ *βείϜομαι) (др.-инд. gayá-, авест. ga̭a- отсюда уже надо отдѣлять); βίος и гомер. βίομαι (изъ *βίϜος, *βίϜομαι) представляютъ, въ соотвѣтствіе съ div, кор. giv-. Въ др.-инд. jyōt, jyut это t приставное; другой приставной звукъ мы находимъ въ ведійскомъ jiōk (1 разъ м. б. jyōk, см. словарь Грассмана). Ср. спряженіе корней ṣṭhīv, sīv, и 1. 2. dīv (Whitney, Wurz.).

здѣсь *i* можетъ быть иного происхожденія, какъ было указано выше; напр., въ blizgù, triszu, brizgù и т. п.). Относительно гласныхъ слабой основы *i* и *y* надо замѣтить, что *i* здѣсь=ст.-слав. ь, индо-европ. ĭ; *y*=индо-европ. ī. Отношеніе между собою ĭ и ī и отношеніе ихъ къ дифтонгамъ ăi и āi въ индо-европ. языкѣ не выяснены. (Попытки объяснить это явленіе дѣлаютъ, напр., Osthoff, M. U., IV и Schulze, K. Z. XXVII, 420 слѣд.). Можно отмѣтить только тотъ фактъ, что въ индо-европ. языкахъ дифтонги *ai* часто чередуются то съ ĭ, то съ ī, или съ обоими вмѣстѣ; ср., напр., въ др.-инд. ḗja-ti : ījatē, ḗṣa-ti : īṣa-tē (удареніе въ послѣднемъ случаѣ надо считать перенесеннымъ или въ самомъ др.-инд. языкѣ, или даже въ индо-европ.); въ греч. мы находимъ νείφει : νῑ́φει, дорійск. εἴκω : ῑ́κω (G. Meyer, Gr. Gr., § 496, 4 и 113); при греч. νῑ́φει мы находимъ въ литовск. snìkti, гдѣ тотъ же корень snig имѣетъ уже ĭ (praes. sniñga имѣетъ туже основу, что νῑ́φει, но съ ĭ и съ носовымъ инфиксомъ); такъ же относятся греч. ὀ-μῑχ-εῖν и лат. mingo (Osthoff, M. U. IV, 12). — Приведенные примѣры, какъ ст.-слав. **жидє-ть : жьдє-ть,** литовск. rëtù : ritù, др.-инд. ḗja-ti : īja-tē, греч. νείφει : νῑ́φει (еще λείβει : λίβει у Hesych.), показываютъ, что въ этихъ основахъ въ индо-европ. языкѣ часто употреблялись образованія съ обоими видами корней. — Остается замѣтить еще о такихъ литовскихъ основахъ, какъ skaistù, klairu и nu-kaipti (? у Bezz. Forsch.); изъ нихъ skaistù представляетъ особое образованіе съ суф. *stu,* и дифт. *ai* является здѣсь, можетъ быть, только въ этомъ особомъ образованіи (ср. также skáistas и skaistùs, ст.-слав. **цѣстити,** гдѣ ѣ также изъ *ai* или *oi);* klairu и nu-kaipti не ясны по происхожденію; можетъ быть, здѣсь былъ индо-европ. дифт. *ai* (ср. греч. αἴθω).

Основы съ корнями 3-го вида (**скоук-**, gaus-). Основы на *e—o* съ корнями этого рода должны были имѣть въ индо-европ. языкѣ дифтонгъ *eu.* Тоже самое должно было быть и въ литовско-славянскомъ языкѣ. Въ общеславянскомъ языкѣ это *eu*, какъ и во всѣхъ другихъ слу-

чаяхъ, должно было измѣниться въ то звуковое сочетаніе, изъ котораго въ ст.-слав. языкѣ получалось **ю**. Но надо замѣтить, что въ обще-слав. языкѣ сохранилось изъ индо-европ. языка, повидимому, очень мало основъ на *е—о* съ этимъ дифтонгомъ въ корнѣ. А старо-слав. языкъ, кажется, не сохранилъ ни одной основы этого рода. Обыкновенно такой основой считаютъ **клюде-** (**клюде-ть, клюсти**), сопоставляя этотъ глаголъ съ **бъдѣ-ти**, др.-инд. bōdha-ti (ср., напр., Миклош. въ словарѣ); но достаточныхъ основаній для этого сопоставленія нѣтъ; глаголъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ *j*, т. е. *bjaud- (не опредѣляя качества *a*), на что и указываетъ тоже Миклошичъ (Vrgl. Gr., I², 168). Другая основа, принадлежащая къ этому образованію, есть **скоуке-** (**о-скоубж**); **оу** здѣсь можетъ восходить или къ индо-европ. *au* или къ *ou*; готск. af-skiuban говоритъ за *ou* (но **оу** не соотвѣтствуетъ готскому *iu*, какъ думаютъ Миклошичъ, Vgl. Gr., I², 174, и Brugmann, Grdr., стр. 50); *ou* въ этой основѣ надо объяснять перенесеніемъ изъ другого образованія, какъ, напр., изъ основы съ удвоеніемъ. Болѣе извѣстны въ старо-слав. языкѣ основы на *е—о* съ **ъ** въ корнѣ изъ индо-европ. ŭ, которое и должно было являться въ слабомъ видѣ корня; напр., **-съпе-ть** (дифтонгъ находится въ основѣ неопредѣл. накл. **-соути**, изъ *saup-ti, съ *a* неизвѣстнаго качества), **съсе-ть, тъче-ть**; изъ русскаго языка сюда относится *ску, скешь*, литовск. sukù; ср. ст.-слав. **соукати** съ дифтонгомъ (Микл. I², 175). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ остается неизвѣстнымъ, какой дифтонгъ соотвѣтствуетъ этому **ъ** въ сильныхъ формахъ основы. Въ основѣ **грызе-ть** является **ы** въ соотвѣтствіе съ **ъ**; дифтонгъ *eu*, соотвѣтствующій этому **ы** въ сильной основѣ, находится въ литовск. gráužiu и griáužiu (только здѣсь основа распространена новымъ суффиксомъ -i̯o-). Въ индо-европ. языкѣ въ такихъ основахъ въ слабомъ видѣ существовали ŭ и ū; ср. въ др.-инд. 1. ū́hati (дифт. въ ведійск. -ōha, -ōham, ŭ въ uhyā́t, -úhya), 2. ūhati при ведійск. ōhate, gū́hati при góha- и gúhā- (Whitney, Wurz. стр. 13, 38); въ греч. языкѣ сюда, можетъ быть, относятся

такія основы, какъ τῦφω, στῦφω, ψῦχω (G. Meyer, Gr. Gr., § 496, 7, anm. 2).

Въ литовск. языкѣ индо-европ. и литовско-славянскій дифтонгъ *eu* является въ извѣстныхъ случаяхъ въ видѣ *au* съ предшествующей мягкой согласной; но въ другихъ случаяхъ онъ является просто въ видѣ *au;* поэтому въ самомъ литовскомъ языкѣ не всегда возможно бываетъ отличить дифтонгъ *eu* отъ *au* и *ou.* Примѣромъ сильной основы съ *eu* можетъ быть griáuzdu при gráuzdu; въ другихъ качество гласной въ дифтонгѣ не извѣстно: gausu, skraudu, vaukszu; въ основѣ áuga- (áugu, áukti) дифт. *au* восходитъ къ индо-европ. *au;* ср. лат. augeo (др.-инд. ōjas, ōjá-); слабый видъ этого корня въ литовск. имѣетъ ū: pa-ūgėju (при pa-augėti у Bezz. Forsch.), ūgỹs, ūgis и др., въ др.-инд. ŭ: ugrá-. Слабую основу имѣютъ, напр., su-jùk (3 л., у Bezz. Forsch.), brukù (ср. braukiù), susù (ср. sausiù, saustù, saustmi), sukù и др., въ которыхъ не извѣстно качество *a* въ дифт. *au;* въ такихъ основахъ, какъ kiużù, kliugżdù, niurù (при niūriù, niūróju), *iu* можетъ указывать на дифт. *eu* въ сильныхъ формахъ, такъ какъ мягкая согласная передъ *u* могла здѣсь явиться именно подъ вліяніемъ формъ съ *iau* изъ *eu.*— Чередованіе сильной и слабой основы представляетъ griáuzdu (gráuzdu) : gruzdù. — Въ слабой основѣ ū находимъ въ użu (у Szirw., ūżiù и úszteriu); вѣроятно, надо предполагать основу gūża- для su-si-gúżęs (у Bezz. Forsch.).

Основы съ корнями 4-го вида (**брѣг-**, **влѣк-**, **ѫѧб-**, **мѧт-**; serg-, velk-, żemb-, renk-). Въ ст.-слав. языкѣ и въ этихъ основахъ надо различать сильный и слабый виды. Въ сильномъ видѣ корни съ *r* и *l* въ индо-европ. языкѣ имѣли *er*, *el*, откуда въ ст.-слав. **рѣ**, **лѣ**. Въ слабомъ видѣ въ индо-европ. языкѣ вмѣсто *er*, *el* получились $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{l}$, откуда въ литовско-слав. ĭr, ĭl, въ ст.-слав. **рь**, **ль** или **лъ** [1]).

---

[1]) Говоря точнѣе, уже въ обще-слав. языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ сочетаніе ĭl измѣнялось въ ŭl. Изъ *ir* и *il* въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще и въ литов.-слав. получалось ŭr, ŭl.

Такимъ образомъ въ старо-слав. языкѣ мы находимъ основы 1-го рода—**брѣже-ть** (слабый видъ корня въ **бръгъше, брьгъша** при **брѣгыи, брѣгъша** въ Супр. рук., см. O. Wiedemann, Beiträge zur altbulgarischen conjugation, стр. 132), **стрѣже-ть, влѣче-ть** (лит. velkù, vi͂lkti, греч. ἕλκω), **плѣве-ть** и др.; основы 2-го рода—**връзе-ть** (ср. лит. verżiù, только съ сильнымъ видомъ корня), **врьше-ть, урьпе-ть**; въ основахъ **тлъче-ть, длъбе-ть** мы находимъ **лъ** изъ обще-славянскаго ŭl; въ **млъзе-ть** трудно опредѣлить звукъ для обще-славянскаго языка (въ литовск. ср. milżu при mélżu). Чередованіе основъ обоихъ родовъ находимъ въ **плъзе-ть, пльзе-ть : плѣзе-ть** (ср. слов. Миклошича; **лъ, ль** = обще-слав. ĭl, ср. польск. pełznąć). — Особо стоитъ въ ст.-слав. языкѣ основа **владе-ть**, которая восходитъ къ обще-слав. и литовско-славянской формѣ *volde-ti. Сопоставленіе съ литовскими véldu, pa-véldu, véldżiu и vìlstu (vìldau) показываетъ, что *o* въ литовско-слав. *volde-ti восходитъ къ индо-европ. *o*, чередовавшемуся съ *e*. Такимъ образомъ въ этой формѣ надо видѣть видоизмѣненіе старой основы съ удвоеніемъ [1]).

Въ литовскомъ языкѣ сильныя формы основы имѣютъ *er, el*, слабыя—*ir, il, ur, ul* (изъ индо-европ. $\underset{\circ}{a}\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{a}\underset{\circ}{l}$). Основы 1-го рода, напр., — sergù, perszù, perkù, kertù, velkù, véldu, gélbu и др.; основы 2-го рода, напр.,—mìrgu (ср. markstù), dìrbu (ср. darbavóju),—*ur* имѣютъ spùrzdu (или spùrzu) и bùrzdu; żvìlgu (и żvìlgiu, ср. żvelgiù), tilku и др.; *ul* имѣетъ dùlku. Основы двухъ родовъ имѣютъ

---

[1]) Не ясно отношеніе **жлѣдж** и **жладж**; формы **желѣдь, желѣдьба, желѣдить, жьлѣдеть** (Востоковъ у Микл. въ слов.) указываютъ, что здѣсь не было перестановки гласной+плавная. Можетъ быть, **жел-, жьл-** есть тоже, что *gel-, gil-* въ литовск. geliù̃ju, giliù̃ju; тогда образованія **желѣдь, желѣдьба** и проч. можно сравнить съ образованіями **колѣдьнъ, колѣждь, колѣдина, колѣдовати.** Въ формахъ **жлѣдж, жладж** и др. надо предполагать выпаденіе **ь**; **ѣ** и **а** представляютъ разные суффиксы основы.

mèlžu : milžu и beldu : bìldu. Въ основѣ kalbù надо предполагать *a* = индо-европ. *o*, чередовавшемуся съ *e*, такъ какъ съ этимъ глаголомъ надо сопоставлять skélbiu (skélpti) [1]). Въ такомъ случаѣ это образованіе будетъ соотвѣтствовать ст.-славянскому **владѫ**.

Въ др.-инд. языкѣ ст.-слав. и литовск. образованіямъ соотвѣтствуютъ, напр., árca-ti, sárja-ti, várta-ti и др., съ сильной основой; cr̥tá-ti, tr̥pá-ti, r̥da-ti и др., съ слабой основой (др.-инд. r̥ = индо-европ. ər̥); чередованіе двухъ основъ представляютъ, напр., árda-ti : r̥da-ti, márdha-ti : mr̥dha-ti и др.; въ греч. *ἀμέργω*, *τέρπω*, *ἕλκω*, *ἀμέλγω* и др.; съ слабой основой, можетъ быть, — *ἄρδω*, *θάλπω*; въ латинскомъ — stertĕre, vergĕre, fervĕre.

Въ основахъ имѣвшихъ корень съ носовой согласной въ индо-европ. языкѣ надо различать два вида: вопервыхъ, основы имѣвшія въ корнѣ *en*, *em*, при чемъ *e* здѣсь чередовалось съ *o*; вовторыхъ, основы имѣвшія въ корнѣ *n*, *m* въ сочетаніи съ другими предшествующими гласными; при этомъ основы 2-го рода получали носовыя согласныя только въ извѣстныхъ образованіяхъ, а въ другихъ образованіяхъ они уже не имѣли этихъ согласныхъ; напротивъ, основы 1-го рода во всѣхъ образованіяхъ сохраняли

---

[1]) Что касается формъ съ *s* и безъ *s* передъ начальными согласными, то указанные глаголы не единственны въ литовск. языкѣ; ср. kystas : skýstas, klãstymas : sklãstymas, krodžiu : skrodžiu, kùduras : skùduras, plèczių : splèczių, plezdù : splezdù, plezdenù : splezdenù, pragà : spragà, lenkių, lankioju : slenkù, slánkioju; triũpas : strupas и др. Эти факты принадлежатъ уже индо-европ. языку. Ср. въ старо-слав. **чюдо : штоудо** (Микл. Vgl. Gr. I², 168), **чюти,** греч. *κοέω*: родств. по корню **штоутити,** готск. us-skavjan; **клати,** р. колоть: р. о-сколокъ, щель, лит. skelių; литовскому lenkių : slenkù соотвѣтствуетъ въ ст.-слав. **лакѫ, лѫка, лѫкъ : слѫкъ; тоуждь : стоуждь** (**штоуждь** =или *tjaudjъ, или *stjaudjъ). Въ греч. яз. *κοέω* : *θυο-σκόος*, *κεδάννυμι* : *σκεδάννυμι*, *πέλεθος* : *σπέλεθος* (G. Meyer, Gr. Gr., §§ 247, 249, 252, 253). Законъ этого явленія въ индо-европ. языкѣ не извѣстенъ. (Попытку объясненія сдѣлалъ Chr. Bartholomae, K. Z. XXVII, 368, примѣч. 1.).

носовыя согласныя. Носовыя согласныя въ основахъ 2-го рода, являвшіяся только въ извѣстныхъ образованіяхъ отъ этихъ основъ, называются *инфиксами*. Происхожденіе такихъ основъ въ индо-европ. языкѣ до сихъ поръ остается загадочнымъ; другихъ образованій съ инфиксами въ индо-европ. языкѣ мы не знаемъ.—Въ ст.-слав. и литовск. языкахъ можно прослѣдить основы того и другого рода; особенно многочисленны основы 2-го рода въ литовскомъ языкѣ. Что касается основъ 1-го рода, имѣвшихъ корни съ *en*, *em*, то надо замѣтить, что въ индо-европ. языкѣ эти основы обыкновенно были основами тематическими, т. е. съ суф. *e—o*, и различались при томъ по виду корня какъ сильныя и слабыя основы. Въ сильныхъ основахъ въ корнѣ являлись сочетанія *en*, *em*, въ слабыхъ—ǫn̥, ǫm̥. Въ литовско-слав. языкѣ сочетанія *en*, *em* оставались неизмѣненными; изъ сочетаній же ǫn̥, ǫm̥ здѣсь получались сочетанія *in*, *im*, въ литовск. языкѣ отсюда въ одномъ случаѣ являлось *en*, *em*, въ другомъ — *in*, *im*; въ обще-слав. языкѣ въ этомъ случаѣ оба рода сочетаній, т. е. *en*, *em* и *in*, *im* одинаково обращались въ ę (*e* носовое), откуда въ старо-слав. ѧ. Такимъ образомъ различать въ этихъ основахъ сильный и слабый видъ можно только по литовскому языку, славянскіе же языки въ этомъ случаѣ не могутъ дать никакихъ указаній. На этомъ основаніи я приведу здѣсь сначала литовскія основы. Сильная основа, a) носовая *n:* drę̄sù (drį̄sti), gréndu (gręsti), mę̄żù (mį̄szti), renkù (riñkti), slenkù (sliñkti), [tréndu или tréndżiu, неупотреб.], trenkù (triñkti); b) носовая *m:* żémbu (żémbėti), kremtù (krimtaũ, kremsti), kemszù (kimszti), gremzu (gremsti), grémżdu (grémsti); слабая основа, a) linku (ср. linkiu и lenkiù), trìnku (ср. trìnkiu и trenkiù), żìndu (żįsti), [żvìngu, сомнит., ср. żvéngiu]; b) очень сомнительные случаи — rumbù (rumbėti) и glumzu (glumsti). Два вида основы находимъ, можетъ быть, въ lendù (lį̄sti): lindu (при lindżiu). Особо стоятъ kándu (kąsti), skámbu (skambėti), plampù, bambù (bambėti). Что касается kándu, то его сопоставляютъ съ др.-инд. khādati (ср., напр.,

6

J. Schmidt, Voc. I, 34); съ другой стороны съ этими словами должно быть родственно греч. *χνώδαλον* и *χνώδων* (G. Meyer, Gr. Gr., § 182); далѣе съ этими словами родственны ст.-слав. **кѫсъ, кѫсати.** Такимъ образомъ надо предполагать, что корень всѣхъ упомянутыхъ образованій въ индо-европ. языкѣ имѣлъ видъ kond (или khond), гдѣ сочетаніе *on* отличалось отъ обыкновеннаго сочетанія *on*, и *o* здѣсь, вѣроятно, не чередовалось съ *e*. Съ литовск. bambù можно сопоставить греч. *βαμβάζω*, *βαμβαίνω* (ср. G. Meyer, Gr. Gr., § 197) и ст.-слав. **бѫбьнъ, бѫбнѫти;** при греч. *βαμβάζω* есть и *βόμβος*, *βομβεῖν*; слѣдовательно, нельзя рѣшить, восходитъ ли литовск. *am*, ст.-слав. **ѫ** къ индо-европ. *am* или *om*. Литовск. skámbu и plampù не ясны по происхожденію.

Въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежатъ слѣдующія основы: **блѧде-ть** (ср. **блѫдити**), **вѧзе-ть, грѧде-ть, ꙁвѧже-ть, ꙁѧбе-ть, лѧце-ть** (ср. **лѫка**), **мѧте-ть** (ср. **вꙁмѫтити**), **прѧде-ть, прѧже-ть** (ср. **сѫпрѧгъ**), **сѧже-ть, трѧсе-ть.** Какъ было указано выше, старо-слав. **ѧ** въ этихъ основахъ можетъ восходить какъ къ *en*, *em*, такъ и къ *an*, *am*. Происхожденіе основы **гѧде-ть** остается не яснымъ.

Въ др.-инд. языкѣ съ указанными литовскими и ст.-слав. образованіями можно сравнить — ráha-ti, авест. reñgai-ti; vánda-ti, авест. vandai-ti; çása-ti, авест. sañhai-ti (ср. лат. censeo); др.-инд. rámba-tē, lámba-tē и др.; къ слабымъ основамъ, съ большей или меньшей вѣроятностью, можно отнести такія основы, какъ ведійск. saja-ti (sája-ti имѣетъ удареніе непервоначальное), ср. perfect. sasañja, ст.-слав. **сѧгнѫти;** mátha-ti при mántha-ti, ср. старо-слав. **мѧте-ть,** которое можетъ соотвѣтствовать обоимъ др.-инд. образованіямъ. Въ греч. языкѣ извѣстны сильныя основы, какъ *ἐλέγχω*, *σπένδω*, *πέμπω* и др. (G. Meyer, Gr. Gr., § 496, 3); слабыя, какъ *παθεῖν* (*πενθ*), *χαδεῖν* (*χενδ*) и др. (ibid. § 526); въ латинскомъ сюда принадлежатъ, напр., fendo, pre-hendo и др. (Stolz und Schmalz, Lat. Gr., въ Hndb. der class. Alth.-Wiss., § 100).

Перейду теперь къ основамъ на *e—o* съ носовымъ

инфиксомъ. Въ литовск. языкѣ особенно распространены основы такого рода съ корневыми гласными *i* и *u* (чередующимися съ *ë*, *ei*, *ai* и *au*). Сюда принадлежатъ, напр., kìntù (kitaũ, kisti), ср. keicziù; limpu (lìpti), ср. láipioju; mingù (mìkti), ср. mëgù; sniñga, ср. snaĩgo, и др., въ которыхъ происхожденіе *i* изъ дифтонга ясно; въ другихъ, какъ, напр., cimpù (cìpti), pingù (pìkti), stingù (stìkti), szimpù (szìpti) и др., рядомъ съ *i* дифтонга мы не находимъ; основы съ *u*: tunkù (tùkti), ср. táukas; szunkù (szùkti), ср. szaukiù; smunkù (smùkti), ср. smaukiù и др.; дифтонгъ не извѣстенъ, напр., въ szuntù (szùsti), skundù (skùsti), puntù (pùsti) и др. Надо при этомъ замѣтить, что при нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ съ *n* мы находимъ параллельныя основы безъ *n*: limpù : lipù, szvintù : szvitù, kuntù : kutù, jundù : judù. Рядомъ съ такими основами въ литовск. существуетъ довольно много основъ, имѣющихъ гласную корневую *a*: ankù (àkti), skantu (skàsti), tampù (tàpti), żandù при żadu, ср. żostu, żõdis; randù (ràsti), rankù (ràkti), prantù (pràsti), ср. protinu, prõtas; plantù (plàsti), ср. plèczių (splèczių), plėstu, plótas, plõtis; szlampù (szlàpti), kankù при kakù (kàkti); изъ нихъ 2 основы имѣютъ параллельныя формы: kankù : kakù, żandù : żadù. Особый случай представляютъ основы съ корнями на *r* и *l*: skąrù (skarti), sąlù (sálti), bąlù (bálti), sząlù—sząla (szálti). Далѣе къ такимъ основамъ въ литовск. языкѣ принадлежатъ основы съ корнями на *r*, *l*, въ которыхъ передъ *r* и *l* находится *i*: żįrù (żìrti), ср. żeriù, żarstaũ; svįrù (svìrti), ср. sveriù, svarĩtis; įrù (ìrti), ср. ardaũ; żįlù (żìlti), szįlù (szìlti), skįlù (skìlti), ср. skeliù, skáldau и др. Наконецъ, въ литовск. языкѣ есть основы съ носовымъ инфиксомъ, имѣющія въ корнѣ *e*: gendù (gèsti), ср. gedinu, gadinu; jenkù (jèkti), senkù (sèkti), tenkù (tèkti), klenkù (klèkti), krenkù (krèkti), lempù (lepti), rentù (rèsti), skrentù (skrèsti), sznenkù и sznekù (sznèkti), senkù и sekù (sèkti), ср. sakióju, pėd-sakas; glembu и glebu (glepti), pasi-gendù (-gèsti), smengù (smèkti). Разсматривая приведенныя основы, мы видимъ прежде всего,

что большинство ихъ родственны съ основами на *е—о* другого образованія, именно съ основами на *е—о* съ слабымъ видомъ корня. Такимъ образомъ, если взять корни съ дифт. *ei*, *eu*, то можно сказать, что они образуютъ 3 рода основъ на *е—о:* основы съ сильнымъ видомъ корня, основы съ слабымъ видомъ корня безъ инфикса, основы съ слабымъ видомъ корня и съ инфиксомъ *n*, *m*. При этомъ если мы сравнимъ между собой всѣ эти три рода основъ въ различныхъ глаголахъ, то окажется, что часто одинъ и тотъ же корень можетъ имѣть всѣ три формы основы, или двѣ изъ нихъ. Какъ мы уже видѣли во многихъ случаяхъ, чередованіе сильныхъ и слабыхъ основъ на *е—о* принадлежитъ индо-европ. языку; точно такъ же и чередованіе слабыхъ основъ безъ инфикса и съ инфиксомъ въ корняхъ съ *ei*, *eu* принадлежитъ уже индо-европ. языку. Такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствующія образованія мы находимъ въ языкѣ др.-инд., напр., отъ корней съ *ei* основы—siñcá- (sic), vindá- (vid), pịça- (piç), limpá- (lip); отъ корней съ *eu* основы — muñcá- (muc), lumpá- (lup), tundá- (tud), umbhá- (ubh) и др. (Whitney, Ind. Gr., § 758). Въ греч. и латинск. языкахъ мы также находимъ эти образованія: θιγγάνω (въ греч. эти образованія получили только новый суффиксъ въ основѣ -ανο-, -ανε-, о которомъ см. ниже), ср. лат. fingo; λιμπάνω, ср. лат. linquo; πυνθάνομαι, ср. литовск. pa-bundù; φυγγάνω, ср. φεύγω; ἐρυγγάνω, ср. ἐρεύγομαι (G. Meyer, Gr. Gr., § 502; Brugmann, M. U. III, 150, 151) [1]). Что касается ст.-слав. языка, то здѣсь этихъ образованій нельзя открыть, такъ какъ въ обще-слав. языкѣ индо-европ. и литовско-слав. сочетанія *in*, *im*, *un*, *um* измѣнялись въ этихъ корняхъ въ ĭ̧, ŭ̧, откуда далѣе ĭ, ŭ, въ ст.-слав. **ь**, **ъ**; такимъ образомъ ст.-слав. **жьде-ть**, **цвьте-ть**, **уьте-ть**, **съпе-ть**, **съсе-ть**, **тъуе-ть** могутъ восходить какъ къ формамъ

---

[1]) Въ числѣ корней съ *i* слѣдуетъ особо замѣтить такіе корни, какъ др.-инд. *indh-*, *idha-*, въ которомъ въ индо-европ. языкѣ *i* находилось въ чередованіи не съ *ei*, но съ *ai*: гр. αἴθω.

съ индо-европ. носовымъ инфиксомъ, такъ и къ формамъ безъ этого инфикса; при этомъ, какъ показываютъ выше приведенныя литовскія образованія, въ литовско-слав. языкѣ часто существовали параллельно оба образованія; такъ было, вѣроятно, и въ индо-европ. языкѣ; ср. др.-инд. параллельныя основы túñja- : tujá-, tunda- : tudá-, muñcá- : mucá-, vinda- : vidá- (Whitney, Wurzeln; Delbrück, Aid. Verb., стр. 173, 19).

Литовскія основы, какъ żandù при żadù, prantù, plantù останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующимъ фактомъ: корни этихъ основъ находятся въ чередованіи съ корнями, имѣющими долгія гласныя; такъ при żandù, żadù существуетъ въ литовск. языкѣ żostu, żõdis; prantù : protinu, prõtas; plantù : plėcziù (splėcziu), plėstu, plótas, plõtis. Такимъ образомъ эти основы надо объяснять такъ, что żada- есть слабая основа къ корню żod (индо-европ. *g¹ād или *g¹hād), а żanda—та же основа, только съ носовымъ инфиксомъ; тоже самое надо сказать и относительно prantù (только здѣсь основа безъ *n* не извѣстна); въ plantù при этомъ та особенность, что корень этой основы имѣетъ двоякую долгую гласную: *ė* и *o* (индо-европ. ē и ā); основа planta- производится непосредственно отъ корня *plāt; гласныя же ē и ā чередуются здѣсь такъ же, какъ часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ: это чередованіе индоевропейское. Что касается другихъ упомянутыхъ выше основъ съ *an*, то для многихъ изъ нихъ можно предполагать такое же происхожденіе; но въ числѣ ихъ есть основа, гдѣ *an* оказывается другого происхожденія; именно въ ankù *a* восходитъ къ индо-европ. *o*, чередовавшемуся съ ō (ср. греч. ὄπ-ωπα, лат. oc-ulus, сюда же и ст.-слав. **око**). Въ индо-европ. языкѣ это образованіе основы отъ корней съ ā было, повидимому, такъ же распространено, какъ и образованіе отъ корней съ *ei*, *eu*. Самые ясные случаи мы находимъ въ греч. и латинск. языкахъ; ср. греч. ἁνδάνω (*su̯ād, лат. svāvis), λανθάνω (λᾱθ), λαμβάνω (λᾱφ?) (G. Meyer, Gr. Gr., § 502), латинск. ango, греч. ἄγχω (безъ носовой ср. греч. ἄχος, ἄχνυμαι), pando (passus,

passim), plango (греч. ἐπλάγην), tango (tetigi, tactus, tagax) и др. (Fröhde, Der lateinische Ablaut, B. B. VI, 183); въ латинск. языкѣ нѣкоторыя основы этого образованія мы находимъ, какъ и въ литовскомъ, безъ носовой; сюда относятся, напр., формы pacit, tagat (Stolz und Schmalz, Lat. Gr., § 100), и сюда же, можетъ быть, принадлежатъ и нѣкоторыя другія основы, какъ scabo, scato и др. (ibid.). Что касается латинскихъ frango при frēgi, pango при pēgi, πέπηγα, то здѣсь трудно рѣшить, было ли въ этихъ корняхъ въ сильномъ видѣ первоначальное чередованіе ē : ā, какъ въ упомянутомъ литовск. plêcziù : plótas, или латинск. ē въ этихъ корняхъ не фонетическое, а греч. η въ πέπηγα, πήγνυμι = обще-греч. ᾱ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ лат. ango, греч. ἄγχω (при ἄχος, ἄχνυμαι), сюда же др.-инд. ąhas (при aghá-, áhi-), лат. angustus, литовск. añksztas, ст.-слав. **ѫзъкъ**, остается неизвѣстнымъ, съ какой долгой гласной чередовалось здѣсь въ индо-европ. языкѣ ă [1]). Изъ др.-инд. языка совсѣмъ нельзя опредѣлять качества краткихъ и долгихъ гласныхъ. Но важное указаніе въ этомъ случаѣ даетъ ст.-слав. языкъ; именно, основа **сѧде-** (въ **сѧде-ть**) при **сѣсти, сѣдѣти, садити,** литовск. sėdu, sodinù, указываетъ, что въ индо-европ. языкѣ въ корнѣ этихъ образованій происходило чередованіе гласныхъ ē : ā : en. Такимъ образомъ въ индо-европ. языкѣ отъ корней съ ē могла также образовываться слабая основа на *e—o* съ корневымъ *e* и съ носовымъ инфиксомъ; рядомъ съ этимъ могли, конечно, существовать и основы съ корневымъ *e* безъ инфикса (напр., въ данномъ случаѣ мы находимъ и sed, сохранившееся только въ другихъ образованіяхъ основы—латинск. sĕdē-re, греч. ἕζο-μαι (изъ *ἕδjο-μαι), сюда же ἕδος, др.-инд. sádas. Случай, подобный **сѧд : сѣд,** представляетъ и чередованіе

---

[1]) Ст.-слав. **вѧз** въ **вѧзати** не можетъ дать положительныхъ указаній, и этотъ корень, можетъ быть, даже слѣдуетъ отдѣлять отъ **ѫз**; или здѣсь надо предполагать индо-европ. ēg¹h : āg¹h, eng¹h : ang¹h?

ст.-слав. **рат : рѣт** въ формахъ **об-рашт ѫ** (изъ *ob-ręt ją) и **об-рѣсти, об-рѣтати.** Для литовскаго языка были приведены выше основы этого образованія съ *en* въ корнѣ; и вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ образованій представляютъ случаи параллельные съ ст.-слав. **сад : сѣд, рат : рѣт**; это можно съ большой вѣроятностью утверждать, напр., относительно основы pasi-gendŭ (-gèsti) при сопоставленіи съ старо-слав. **жад** (въ **жада-ти**) и **жад** (въ **жада-ти**). Въ другихъ литовскихъ основахъ съ корневымъ *en* (при *e*) отчасти остается неизвѣстнымъ происхожденіе этого *e*, отчасти же извѣстно, что это *e* чередуется съ ă (напр., senkŭ); но это уже особый случай, о которомъ будетъ говориться далѣе. Изъ греч. и латинскаго языковъ, кажется, не извѣстны достовѣрные случаи такихъ основъ.

Изъ приведенныхъ сопоставленій выяснился тотъ фактъ, что въ индо-европ. языкѣ отъ корней съ дифтонгами *ei, eu* и съ гласными ā, ē, ō образовывались слабыя основы двухъ видовъ: основы съ корневыми i, u (ī, ū), ă, ĕ, ŏ безъ инфикса и основы съ инфиксомъ *n, m*. Но при этомъ надо замѣтить, что въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ образованіе слабой основы съ инфиксомъ получало иногда большее распространеніе, чѣмъ оно было въ индо-европ. языкѣ. Такъ въ литовскомъ образованіе основы съ инфиксомъ распространилось на слабыя основы отъ корней съ *r* и *l*, гдѣ корневая гласная была *e*, чередовавшееся съ *o*; такимъ образомъ явились основы, какъ žįrŭ, žįlŭ и др. Неясными по отношенію къ гласной корня представляются при этомъ образованія, какъ skąrŭ, sąlŭ, bąlŭ, sząlŭ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь *a* можетъ быть въ родствѣ съ долгими гласными, что вѣроятно, напр., по отношенію къ bąlŭ, ср. ст.-слав. **бѣлъ**; въ другихъ приведенныхъ случаяхъ происхожденіе *a* остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, какъ žįrŭ, žįlŭ, такъ и bąlŭ и др. представляютъ собой литовское новообразованіе, не восходящее къ индо-европ. языку. Появленіе его можно объяснить тѣмъ, что старыя образованія съ инфиксомъ получили

особое значеніе (непереходное, начинательное) [1]), и поэтому форма этихъ основъ вліяла на формы другихъ основъ, какъ только они пріобрѣтали тоже самое значеніе. По всей вѣроятности, литовское новообразованіе представляютъ и такія основы, какъ drimbù (drìpti), skrindù; формы, какъ drebiù—drẽpti, drapstaũ, skredżiu—skrẽsti, указываютъ, что здѣсь *i* не родственно съ дифтонгомъ *ei*: оно оказывается въ родствѣ съ *ẽ* и *e*; такимъ образомъ литовское *ri* въ указанныхъ основахъ восходитъ къ индо-европ. r̥a̭. Но въ индо-европ. языкѣ отъ корней съ такими сочетаніями не извѣстны основы съ инфиксомъ. [Др.-инд. çr̥nthati (отъ çrath, въ T. S., Whitney, Ind. Gr., § 758) есть также уже др.-инд. новообразованіе, какъ и, напр., tr̥mpá-ti, kr̥ntá-ti и др., въ которыхъ r̥ восходитъ къ индо-европ. a̭r̥]. Тоже самое надо сказать и объ основѣ splintù (splìsti) при spleczìù, splẽsti: и здѣсь литовск. *li* восходитъ къ индо-европ. l̥a̭ (при этомъ splintù ср. вышеупомянутое старое образованіе plantù). И вообще многія основы, въ которыхъ мы находимъ сочетанія *rin*, *lin*, вѣроятно, надо объяснять такимъ же образомъ; сюда относятся, напр., trinkù (trìkti), plinkù (plìkti), krintù (krìsti), klinkù (klìkti); можетъ быть, также и нѣкоторыя основы съ *nin*, *nim*, относятся сюда же, напр., ninkù (nìkti), knimbù (knìpti), такъ какъ и литовск. *ni* могло получаться изъ индо-европ. n̥a̭. Точно такъ же и случаи, какъ kvimpù (kvìpti) при kvepiù, kvèpiù, kvẽpti, kvèpà; kimbù (kìpti) при kabù, stimpù (stìpti) при stapaus, stàpteriu, гдѣ *i* находится въ родствѣ съ гласными ē, ā и ĕ, чередовавшимся съ *o* (впрочемъ, отношеніе это остается неяснымъ, какъ было указано выше), должны считаться литовскими новообразованіями. Особенно интересный случай новообразованія съ инфиксомъ представляютъ литовск. senkù и sekù и ст.-слав. **лѧже-ть** при **лешти, лежа-ти.** Корни этихъ основъ восходятъ къ индо-европ. корнямъ съ гласными

---

[1]) Отчасти, можетъ быть, вынесенное уже изъ индо-европ. языка.

e : *o* (ср. др.-инд. sáca-te, греч. ἕπε-ται, латинск. sequi-tur, литовск. sakióju; греч. λέχος, ἄ-λοχος, ст.-слав. **по-ложити** и др.). Такимъ образомъ указанныя основы представляютъ образованіе отъ корня съ сильнымъ видомъ и съ гласной *е;* такія образованія не существовали въ индо-европ. языкѣ. Слѣдовательно, senkù и **лаже-ть** есть новообразованіе, и можетъ быть, что появилось оно уже въ литовско-славянскомъ языкѣ. Образцомъ для подобныхъ новообразованій могли послужить такія старыя основы, какъ **сѧде-**, которыя могли уже въ индо-европ. языкѣ во многихъ образованіяхъ чередовать send : sed, хотя здѣсь это *е* родственно не съ *о*, а съ ē. Вѣроятно, что и многія другія литовскія основы, какъ senkù (см. перечисленіе ихъ выше), явились подобнымъ же образомъ, насколько они не представляютъ образованій прямо аналогичныхъ съ ст.-слав. **сѧде-**. — Въ дополненіе къ сказанному можно прибавить, что ст.-слав. основу **бѫде-** скорѣе всего надо считать основой съ носовымъ инфиксомъ, т. е. предполагать, что въ индо-европ. языкѣ чередовались основы *bhu̯ē- и *bhu̯ā- (ср. ст.-слав. **бѣ-** и лат. -ba-m); при этомъ была и основа *bhu̯āde-, съ приставнымъ d; отъ этой сильной основы слабая являлась въ видѣ *bhu̯ande-, къ которой и восходитъ старослав. **бѫде-**. Ср. Р. Брандтъ, Граммат. замѣтки, стр. 76 слѣд.

Вообще надо замѣтить, что основы съ инфиксомъ въ отдѣльныхъ языкахъ оказывали очень большое вліяніе на измѣненіе вида корней въ основахъ различныхъ другихъ образованій; особенно въ литовскомъ языкѣ можно отмѣтить цѣлый рядъ взаимодѣйствій этихъ основъ на основы отъ корней съ дифтонгомъ *ei* и съ сочетаніями *en*, *em;* результатомъ этого взаимодѣйствія часто являлось нарушеніе такъ называемыхъ рядовъ чередованія, такъ что, напр., корни съ первоначальнымъ рядомъ *ei* переходили или въ рядъ *е*, или въ рядъ *en*, или въ рядъ долгихъ гласныхъ; или же совершались обратные переходы. Во многихъ случаяхъ можно наблюдать, что носовой инфиксъ, принадлежавшій первоначально извѣстному образованію основы отъ

какого нибудь корня, распространялся и въ другія образованія основъ. Явленія этого рода представляютъ очень сложный процессъ новообразованій въ отдѣльныхъ языкахъ, и такъ какъ эти новообразованія не входятъ въ планъ настоящаго изслѣдованія, то я и не буду здѣсь останавливаться на нихъ. Вѣроятно, что нѣкоторыя явленія этого рода происходили уже въ литовско-славянскомъ языкѣ; но я не имѣю достаточныхъ данныхъ, чтобы точно выдѣлить и разъяснить эти именно явленія. Очень много матеріала изъ различныхъ индо-европ. языковъ для изслѣдованія указанныхъ явленій представляетъ 1-й томъ Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus Joh. Schmidt'a, хотя многое изъ этого матеріала и должно быть устранено, благодаря неточности опредѣленія фонетической стороны въ приводимыхъ фактахъ.

Вопросъ относительно происхожденія въ индо-европ. языкѣ слабыхъ основъ съ носовымъ инфиксомъ, какъ было замѣчено выше, остается въ настоящее время неяснымъ. Можно добавить здѣсь только, что носовой инфиксъ въ въ индо-европ. языкахъ существовалъ, повидимому, не въ однихъ только глагольныхъ основахъ извѣстнаго рода; нѣкоторые факты показываютъ, что онъ извѣстенъ былъ и въ именныхъ основахъ; такое заключеніе можно вывести, сопоставляя, напр., случаи, какъ др.-инд. çákhā, лит. szakà при др.-инд. çaṅkus, ст.-слав. **сѫкъ**; др.-инд. вед. nā́dhas, ст.-слав. **нѫжда** (при **ноужда**, гдѣ **оу**=индо-европ. ō); др.-инд. hrādunī, ст.-слав. **градъ**, латинск. grando (Joh. Schmidt, Vocal. I, 34 слѣд.); греч. μήδεα (φωτός), ст.-слав. **мѫдо** (ibid. стр. 118). Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ суффиксахъ съ ā (различныхъ качествъ) также надо видѣть чередованіе ā : an; такой случай можетъ представлять ст.-слав. **нѫ** въ глаголахъ на **-нѫ-ти** при индо-европ. суффиксѣ nā; греч. αν въ глаголахъ на -ανω можетъ представлять чередованіе индо-европ. ā и an. (Замѣтить, что греч. ανω является часто въ глаголахъ съ носовымъ инфиксомъ, какъ λανθάνω и др.; въ др.-инд. языкѣ при образованіяхъ съ инфиксомъ и съ суффиксомъ nā стоятъ часто рядомъ

образованія съ ā+ja, въ которомъ ā и можетъ соотвѣтствовать греческому *αυ*).—Что касается родства основъ съ инфиксомъ *n* и основъ нетематическихъ съ *na*, то это также неясный вопросъ. Ср. Brugmann, M. U. III, 148 слѣд.

Основы съ корнями 5-го вида (**кере-**, **жене-**, tera-, pena- и др.). Основы на *e—o*, образующіяся отъ корней на плавныя и носовыя, въ индо-европ. языкѣ также различались на два вида: основы сильныя и слабыя. Въ сильныхъ основахъ въ корнѣ находилась гласная *e* (чередовавшееся съ *o)*, въ слабыхъ основахъ — *a*. Тоже различіе мы находимъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ; въ сильныхъ основахъ въ корнѣ мы находимъ и здѣсь *e;* въ слабыхъ, изъ индо-европ. *a*, мы находимъ въ старо-славянскомъ **ь**, въ очень рѣдкихъ случаяхъ **ъ**, въ литовскомъ *i*. Такимъ образомъ въ старо-слав. языкѣ мы находимъ, напр., сильныя основы, какъ **кере-ть, дере-ть, пере-ть, жене-ть**; слабыя основы, какъ **жьре-ть, мьре-ть, пьре-ть, жьме-ть, име-ть** (изъ *jĭme-tĭ; ср., напр., **въз-ьме-ть,** гдѣ j не являлся, такъ какъ ĭ было не въ началѣ слова), **мьне-ть** и др.; остатки основъ такого образованія мы находимъ въ формахъ **вржшть** (т. е. **вьржшть,** основа **вьре-** при **вьри-**; см. словарь Микл.) и, вѣроятно, **женѣ,** т. е. **жьнень** (см. словарь Микл.), которое предполагаетъ существованіе основы **жьне-** при обычной **жьнѥ-**. Старо-славянское **ъ** изъ *a* мы находимъ въ основѣ **дъме-**; при этомъ, въ этой основѣ изъ старо-слав. языка нельзя опредѣлить качества полной гласной, было ли это *e* или *o;* др.-индійское dhámati не можетъ также вполнѣ опредѣлить этого; изъ другихъ языковъ эта основа не извѣстна; старо-слав. **джти** не можетъ указывать непремѣнно на *o* (т. е. *dom-ti) [1]).

---

[1]) Вообще, по отношенію къ основамъ на *e—o* отъ корней на носовыя въ старо-слав. языкѣ надо имѣть въ виду то обстоятельство, что въ неопредѣл. наклоненіи отъ этихъ основъ нельзя съ точностью опредѣлить гласную корня. Такъ, напр., если взять формы **ма-ти, жа-ти,** то здѣсь **а** можетъ одинако-

Въ литовск. языкѣ основы съ сильнымъ видомъ корня—напр., terù, derù, selù, stenù, menù, gemù и др.; основы съ слабымъ видомъ корня — напр., diru, su-irù (у Bezz. Forsch.), gilù, pilù, skinù, pinù, imù, trimù и др. Является ли въ литовск. языкѣ въ этихъ основахъ *u* вмѣсто *i* въ слабомъ видѣ, не извѣстно [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ слабыхъ основахъ мы находимъ ī вмѣсто ĭ, напр., byrù (bìrti), dylù (dìlti); но здѣсь это у = į, т. е. это слабыя основы съ носовымъ инфиксомъ (см. выше); не ясно у въ такихъ случаяхъ, какъ yrà, styru (styrėti), kyru (kyrti), dyru (dyrėti), żymu (żymė́ti); корни всѣхъ этихъ основъ (не считая yrà) имѣютъ у и въ другихъ образованіяхъ.—Оба вида основы находимъ въ genù : ginù.—

во восходить и къ литовско-слав. ĭn, ĭm, и къ en, em. Принимая *e* для этихъ формъ, руководствуются главнымъ образомъ аналогіей корней на плавныя, гдѣ, напр., **жрѣти, мрѣти** несомнѣнно имѣли *e;* но при этихъ формахъ извѣстны также и формы **жрьти (жрътi), ꙁа-трьти, по-дрьти,** гдѣ **рь** восходятъ къ ĭr; считать послѣднія формы непервоначальными въ старо-слав. языкѣ нѣтъ основанія: это образованіе было уже въ литовско-слав. (ср. литовскія dìrti, bìrti, gìlti, pìlti и др. при beȓti, gélti и др.), и въ индо-европ. языкѣ образованія съ суф. *ti* обыкновенно имѣли въ корнѣ слабую гласную. Такимъ образомъ и корни на носовыя могли уже въ литовско-слав. языкѣ имѣть въ неопред. наклоненіи сильный и слабый виды; литовскій языкъ представляетъ обыкновенно здѣсь корень съ слабой гласной (giñti, im̃ti и др.). Слѣдовательно, и ст.-слав. **дѫ-ти** можетъ восходить не къ *dom-ti, но къ *dŭm-ti. Въ этомъ случаѣ ст.-слав. **дѫти** будетъ представлять очень рѣдкій случай обще-славянскаго ǫ изъ ŭm (передъ слѣдующей согласной), индо-европ. α̯m̥; при этомъ ŭm изъ α̯m̥ получилось или въ обще-слав. языкѣ, раньше дѣйствія закона объ образованіи носовыхъ гласныхъ, или же еще въ литовско-слав. языкѣ.

[1]) Случаи, въ которыхъ можно бы было видѣть *u* такого происхожденія, не ясны; напр., у Куршата guru, у Bezz. Forsch.—isz-gùrti, pér-gurę̨s; ср. также у Курш. isz-pũrę̨s (гдѣ ū можетъ принадлежать только этой формѣ причастія); у Bezz. Forsch.—pa-dùmti, pà-dum.

Особо стоятъ по своему образованію основы barù (barù̃s), malù, kalù: malù при старо-слав. **мелѭ, млѣти** показываетъ корень съ *e*, чередовавшимся съ *o*; слѣдовательно, въ литовскомъ malù мы находимъ *a* изъ индо-европ. *o*, и основа эта представляетъ видоизмѣненіе старой удвоенной основы (ср. тоже въ германск. языкахъ, Kluge, Beitr. z. Gesch. d. germ. Conj., стр. 153; въ ст.-слав. ср. форму **молиҳоу**, въ словарѣ Микл.); kalù родственно съ ст.-слав. **колѭ, клати** и вмѣстѣ съ тѣмъ съ литовскимъ же skelù [1]) и, вѣроятно, съ лат. per-cello (J. Schmidt, Voc. II, 130); такимъ образомъ kalù и **колѭ** также восходятъ къ индо-европ. удвоеннымъ основамъ, при чемъ болѣе древнюю основу безъ суф. je въ старо-слав. мы находимъ въ формѣ **коленъ** (ср. Wiedemann, Beitr. z. altb. Conj., стр. 138 слѣд.); относительно barù, ст.-слав. **корѭ, брати** можно думать тоже самое, сопоставляя эти глаголы съ лат. ferire (J. Schmidt, l. c. 124).—Литовское pù̃lu (pùlti) не ясно по своему происхожденію (ср. др.-верхне-нѣм. fallan); можетъ быть, здѣсь въ корнѣ первоначально была долгая гласная.

Изъ др.-инд. языка можно привести сильныя основы, какъ khána-ti, dháma-ti, cára-ti; къ слабымъ основамъ принадлежатъ aná-ti и vanā́-ti (Whitney, Wurz. стр. 3 и 153); въ др.-инд. языкѣ такихъ основъ отъ корней на *n* едва ли можно найти болѣе двухъ приведенныхъ; отъ корней на *m* такія основы не извѣстны; объяснить эту странность др.-инд. языка можно такимъ образомъ: еще въ индо-иранск. языкѣ индо-европ. *a* передъ *n* и *m* измѣнялось въ *a*; слѣдовательно сильныя и слабыя формы основъ отъ корней на *n* и *m* въ индо-иранск. языкѣ совпали по отношенію къ гласной корня и различались только по ударенію; въ др.-инд. языкѣ это различіе въ основахъ, сходныхъ между собою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, понятно, не могло удерживаться, и всѣ эти основы получили одинаковое удареніе; тотъ фактъ, что получило

---

[1]) Объ sk : k см. выше.

преобладаніе удареніе сильныхъ основъ, объясняется тѣмъ, что эти основы по своей численности преобладали надъ слабыми. Сохраненіе же такой основы, какъ aná-ti можетъ объясняться тѣмъ, что она принадлежитъ къ другой совсѣмъ системѣ корней, не съ гласной *e—o* (ср. ἄνεμος, animus), и при томъ сильная основа на *e—o* отъ этого корня, повидимому, не употреблялась въ индо-европ. языкѣ. Вѣроятно, такъ же надо объяснять и сохраненіе основы vaná-, которая не ясна по гласной корня. Въ слабыхъ основахъ отъ корней на *r* гласная *a* не совпадала въ индо-иранск. языкѣ съ полной гласной *a*, и являлась въ др.-инд. языкѣ въ видѣ *i*, а въ извѣстныхъ случаяхъ въ видѣ *u*; поэтому эти основы и сохранились въ др.-инд. языкѣ, напр., girá-ti (= ст.-слав. **жьре-ть**), bhurá-ti и др. Въ греч. языкѣ мы находимъ подобныя основы въ извѣстныхъ формахъ аориста; сюда принадлежатъ, напр., κτανεῖν, ταμεῖν, ἀρέσθαι, βαλεῖν, πορεῖν, μολεῖν и др. (G. Meyer, Gr. Gr. § 526); греч. *α* и *ο* въ этихъ основахъ восходятъ къ индо-европ. *a*; сильныя основы представляютъ, напр., μένω, γέμω, φέρω, θέλω и др. (id. § 496). Въ латинск. языкѣ сильныя основы представляютъ, напр., tremo = τρέμω (ср. слабую основу въ литовск. trimù), geno, fero и др. (ср. Fröhde, B. B. VI, 173 слѣд.); къ слабымъ основамъ принадлежатъ, можетъ быть, molo (ср. ст.-слав. **мелѭ, млѣти**), alo (ibid.; ср. еще de Saussure, Mémoire, стр. 268).

Основы съ корнями 6-го и 7-го видовъ (**кние-, плове-**; veja- и др.). Основы этого рода образуются отъ корней на дифтонги, обыкновенно *ei*, *eu*. Надо только имѣть при этомъ въ виду, что, говоря объ отдѣльныхъ языкахъ, мы не должны находить въ основахъ этого рода дѣйствительныхъ дифтонгическихъ сочетаній: уже въ индо-европ. языкѣ основы, напр., veje-, pleve- дифтонговъ не имѣли, хотя по своему происхожденію въ индо-европ. языкѣ эти основы и равны *vei̯+e-, *pleu̯+e-. Слѣдовательно, говоря о старо-слав. и литовск. основахъ этого рода, мы должны точнѣе опредѣлять ихъ составъ, разлагая ихъ такимъ об-

разомъ: корень оканчивающійся на *j* или *v* + суффиксъ основы *e—o*. Въ этомъ смыслѣ я и употребляю выраженіе „основы на *e—o* отъ корней на дифтонги". Далѣе надо замѣтить, что въ индо-европ. языкѣ дифтонги *ei*, *eu* въ окончаніи корня (такъ же, какъ и внутри корня) были въ чередованіи съ i, u и ī, ū; при этомъ, если такія i, u и ī, ū оказывались въ положеніи передъ гласной, то уже въ индо-европ. языкѣ происходили слѣдующія измѣненія: *i*, *u* или оставались въ томъ же видѣ, или измѣнялись въ i̯, u̯; гласныя ī, ū измѣнялись ~~частью~~ въ сочетанія ii̯ и uu̯, (~~частью въ сочетанія ii̯, uu̯~~). Чередованіе дифтонговъ *ei*, *eu* съ *i*, *u* и ī, ū или ихъ видоизмѣненіями въ корняхъ, оканчивающихся на дифтонги, вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же чередованію въ корняхъ, имѣвшихъ эти дифтонги внутри; это чередованіе въ томъ и другомъ случаѣ представляетъ чередованіе сильнаго и слабаго видовъ корней, и основы на *e—o*, имѣвшія въ окончаніи корня сочетанія *ej*, *ev*, представляютъ основы сильныя, имѣвшія же въ окончаніи корня i, u, i̯, u̯ или сочетанія ii̯, uu̯, — слабыя основы. Различіе обоихъ родовъ основъ и здѣсь находится въ связи съ различіемъ въ удареніи.

Въ литовск. языкѣ и въ старо-слав. основы этого рода сохранились лишь въ небольшомъ числѣ. Такъ, изъ литовскаго извѣстны vejù (vijaũ, výti)—2 глагола; основы съ *ev*, кажется, совсѣмъ не извѣстны изъ литовск. языка; но на такія образованія указываетъ, напр., основа sravìù: именно, эта основа образована уже съ суф. i̯e-; но это образованіе болѣе поздняго происхожденія; первоначально же должна была быть основа *srava-, индо-европ. sreve-; др.-инд. sráva-ti, греч. ῥέω, изъ *σρέϝω [1]). При этомъ надо замѣтить, что литовское *a* корневое въ *srava- восходитъ къ индо-европ. *e*, такъ какъ въ литовско-слав. языкѣ

---

[1]) Основа *avìù* также указываетъ на болѣе древнюю ос- **ava-*; но здѣсь въ корнѣ была гласная индо-европ. *a*, а не *e*; ср. греч. ἔν-αυον, ἐξ-αῦσαι (G. Meyer, Gr. Gr. § 105).

всякое *e* передъ *v* измѣнялось въ *o*, откуда литовск. *a*, старо-слав. **о**. Въ старо-слав. языкѣ основы отъ корней съ *ev* мы находимъ въ довольно значительномъ числѣ; сюда принадлежатъ, напр., **плове-ть**, ср. др.-инд. pláva-te и práva-te, греч. πλέω изъ *πλεϜω; **ȥове-ть**, др.-инд. háva-te; **слове-ть, трове-ть** и др. Что касается основъ съ корнями на *ej*, то въ старо-слав. языкѣ нельзя опредѣленно указать образованій, соотвѣтствующихъ литовск. vejù. Именно, ст.-слав. **кию-ть** можетъ вполнѣ соотвѣтствовать литовскому vejù, такъ какъ въ обще-слав. языкѣ сочетаніе *ej* измѣнялось въ *ij*; но вмѣстѣ съ тѣмъ это **кию-** можетъ соотвѣтствовать и другимъ образованіямъ: оно могло получиться изъ индо-европ. и литовско-слав. *vie-, изъ *vii̯e-, изъ *vī-je- и изъ *vī-i̯e-. Всѣ эти образованія были извѣстны въ индо-европ. языкѣ, при чемъ формы *vie- и *vii̯e- представляли слабый видъ основы на *e—o*, а формы *vī-je- и *vī-i̯e- представляли образованія основъ съ суффиксами jo-je и i̯o-i̯e. Литовскій языкъ не представляетъ, повидимому, слабыхъ основъ на *e—o* индо-европ. типовъ *vie- или *vii̯e-; образованія же, какъ lỹja, gyjù, ryjù соотвѣтствуютъ индо-европ. основамъ типа *vī-i̯e-, т. е. съ суф. i̯o-i̯e. Но что въ литовскомъ существовали нѣкогда и слабыя основы на *e—o* съ ii̯ въ корнѣ, указываютъ формы такъ называемаго прошедшаго времени, какъ vijaŭ (къ vejù), lijo (къ lỹja), szlìję̄s (къ szlẽjù), gijaŭ (къ gyjù): эти формы происходятъ отъ основъ на *o* (изъ индо-европ. ā); но основы на *o*, въ свою очередь, произошли частью отъ основъ на *e—o*; такимъ образомъ основа, напр., *vijo- предполагаетъ существованіе основы *vije-, которая и будетъ соотвѣтствовать индо-евр. основѣ vii̯é- [1]). Слабыя

[1]) Болѣе точное опредѣленіе звуковой стороны этихъ основъ и ихъ отношенія къ основамъ на *o* будетъ сдѣлано во II главѣ; см. тамъ отдѣлы А. и В.; теперь важно только отмѣтить, что литовск. основы типа lỹja не есть слабыя основы на *e—o*, какъ могло бы казаться.

основы отъ корней *eu*, какъ было замѣчено выше, могли имѣть въ индо-европ. языкѣ въ окончаніи корня или u, u̯, или сочетаніе uu̯. Основа этого образованія, извѣстная изъ старо-слав. языка, именно **ръве-** (ср. литовск. ráuju, образованіе съ суф. *jo-je)* можетъ восходить и къ индо-европейск. *rue-, и къ индо-европейск. *ruu̯e-. Литовскій языкъ, который не имѣетъ сильныхъ основъ этого образованія, не имѣетъ также и основъ прямо соотвѣтствующихъ ст.-слав. основѣ **ръве-**; о существованіи этихъ основъ въ литовскомъ также можно заключать лишь на основаніи формъ прош. времени, какъ, напр., rūvaũ: основа *rūvō- предполагаетъ существованіе основы *rūva-, которая и соотвѣтствуетъ ст.-слав. **ръве-**.

Въ общемъ, надо замѣтить, что старо-слав. и литовск. языки сохранили отъ корней на *ei* и *eu*, большею частью, образованія основъ съ суффиксами jo-je и i̯o-i̯e; сюда относятся такія образованія, какъ старо-слав. **смѣѥ-ть сѧ, рѣѥ-ть, коуѥ-ть, ок-оуѥ-ть** и др., литовск. grëjù, lëju, száuju (=ст.-слав. **соуѭ**), pláuju и др.; здѣсь суф. основы было jo-je; въ такихъ образованіяхъ, какъ литовск. pūvù и подобн., въ литовско-слав. языкѣ была основа съ i̯o-i̯e. Но объ этихъ образованіяхъ будетъ говориться во 2-ой главѣ.

Приведу образованія основы параллельныя съ указанными старо-славянскими и литовскими. Изъ др.-инд. языка сюда принадлежатъ, напр., сильныя основы kṣáya-ti, jáya-ti, smáya-te и др.; слабыя основы — kṣiyá-ti, riya-ti, гдѣ iy восходитъ къ индо-европ. ii̯; въ такихъ же основахъ, какъ syá-ti, dya-ti, kṣya-ti (Whitney, Ind. Gr. § 755) y восходитъ къ индо-европ. i̯. Основы отъ корней на дифт. *eu*, сильныя — áva-ti, sáva-ti, stáva-te и др.; слабыя — suvá-te, a-stuva-t, yuvá-ti и др.; основа sva- при suva- представляетъ v изъ индо-европ. u̯ (ibid.). Изъ греч. языка извѣстны лишь немногіе случаи такихъ основъ, такъ какъ въ греческомъ эти образованія впослѣдствіи были вытѣснены другими. Отъ корней съ *ei* мы находимъ сильную основу, напр., въ гомер. κέων, conj. κέωμαι: основа

κεο-, изъ обще-греч. *κεi̯ο-, соотвѣтствуетъ др.-инд. основѣ çaya- (въ çaya-te) [1]); отъ корней съ *eu* сильныя основы, напр., πλέω изъ *πλέϜω: др.-инд. plāva-te, старо-слав. **плове-ть**; ῥέω изъ *σρέϜω: др.-инд. srāva-ti; сюда же принадлежатъ πνέω, θέω (ср. др.-инд. dhāva-ti), νέω (ср. др.-инд. snāu-ti, snavas). Греч. σεύω, νεύω представляютъ образованія, соотвѣтствующія старо-слав. **коуѭ** и др., т. е. съ суф. jo—je. Слабыя основы въ греч. языкѣ представляютъ, напр., τῐ́ω, impf. гомер. τίον, основа τιο- τιε- изъ индо-европейскихъ слабыхъ основъ *kii̯o- *kii̯e-, ср. др.-инд. сильную основу caya-te и cáyạ-ti; греч. ἔ-φθῐε, ср. др.-инд. сильную основу kṣaya-ti и слабую основу kṣiyá-ti отъ другого корня kṣi (владѣть): греч. φθ и др.-инд. kṣ изъ индо-европ. ghs. При этихъ основахъ съ ῐ греч. τῐ́ει, τῑον, φθῑ́ῃς съ ῑ представляютъ образованія отъ индо-европ. основъ *k²ī-i̯o- или *k²ī-jo-, *ghsī-i̯o- или *ghsī-jo-, т. е. суф. i̯o- или jo-. Слабыя основы отъ корней съ *eu* мы находимъ, напр., κλῠ́ω, изъ *κλῠ́Ϝω; ср. старо-славянскую сильную основу **слове-ть,** индо-европ. основы *k¹levo- и *k¹luu̯o-; такого же образованія и греческ. δῠ́ω, изъ *δῠ́Ϝω, φῠ́ω изъ *φῠ́Ϝω, ср. сильную основу въ др.-инд. bhava-ti и слабую именную основу bhúva-. Формы, какъ δῡ́ω, φῡ́ω и др. съ ῡ, образованы отъ индо-европ. основъ съ суф. i̯o- или jo-. Изъ латинск. языка я здѣсь не буду приводить примѣровъ, такъ какъ трудно найти въ этомъ языкѣ вполнѣ ясные случаи основъ этого рода; вообще, въ латинск. языкѣ эти основы подверглись позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ (ср. нѣкоторыя сопоставленія, относящіяся сюда, у Osthoff'a въ M. U., IV, стр. 15 слѣд., 370 слѣд.).

Какъ было замѣчено выше, основы на *e—o* въ индо-европ. языкѣ обыкновенно происходили отъ корней на дифтонги *ei* и *eu*. Но рядомъ съ этими основами въ индо-

---

[1]) Въ обще-греч. языкѣ индо-европ. j въ положеніи послѣ извѣстныхъ гласныхъ совпадало съ i̯, и между гласными i̯ всякаго происхожденія исчезало.

европ. языкѣ существовало нѣкоторое число основъ, произведенныхъ отъ корней на āi и āu, гдѣ ā было различныхъ качествъ. Эти дифтонги также находились въ чередованіи съ i, u и съ ī, ū; но кромѣ того они находились въ чередованіи еще съ ăi, ău, гдѣ ă имѣло различное качество. При этомъ надо замѣтить, что, повидимому, уже въ самомъ индо-европ. языкѣ формы отъ корней на āi часто смѣшивались съ формами отъ корней на ā различныхъ качествъ; въ нѣкоторыхъ же, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ и формы отъ корней на āu могли совпадать съ формами отъ корней на ā различныхъ качествъ. Причиной этого совпаденія служило то обстоятельство, что въ формахъ, гдѣ дифтонгъ āi находился передъ согласной, онъ утрачивалъ свое i̯; тоже явленіе, повидимому, но въ гораздо болѣе ограниченномъ числѣ случаевъ (вѣроятно, передъ согласной *m*) происходило и съ дифт. āu (см. объ этомъ Schulze, K. Z., XXVII, 420 слѣд. и J. Schmidt, ibid., стр. 369 слѣд.). Благодаря этимъ совпаденіямъ многихъ формъ отъ корней на āi (āu) и на ā въ индо-европ. языкѣ уже произошли многія новообразованія отъ тѣхъ и другихъ корней, и по отдѣльнымъ языкамъ часто представляется невозможнымъ опредѣлить, восходитъ ли данное образованіе къ индо-европ. образованію отъ корня на āi (āu), или отъ корня на ā. Съ другой стороны, чередованіе дифтонговъ āi, āu съ ăi, ău повело къ смѣшенію этихъ корней, въ различныхъ образованіяхъ, съ корнями на ăi, ău, гдѣ ă было первоначально, и, обыкновенно, было=ĕ (чередовавшемуся съ ŏ). Въ отдѣльныхъ языкахъ смѣшенія образованій отъ всѣхъ этихъ корней могли являться еще въ большемъ количествѣ. Такъ, напр., особенно многочисленны эти смѣшенія въ языкѣ др.-индійскомъ, въ которомъ часто невозможно разграничить между собою образованія отъ этихъ различныхъ корней. Поводомъ къ болѣе частому смѣшенію данныхъ образованій въ этомъ языкѣ послужило то обстоятельство, что здѣсь образованія отъ корней на āi совпадали съ образованіями отъ корней на ā не только въ сильныхъ формахъ, имѣвшихъ ā, но

также и въ слабыхъ формахъ, имѣвшихъ ĭ или ī, такъ какъ въ др.-инд. языкѣ *a* изъ ā являлось или въ видѣ ĭ, или въ видѣ ī, и тѣже самые звуки были получены въ др.-инд. языкѣ изъ индо-европ. языка въ слабыхъ формахъ отъ корней съ āi; съ другой стороны, оба эти вида корней въ слабыхъ формахъ совпадали также и съ корнями на первонач. ăi (ei). Можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ, случаяхъ въ др.-инд. языкѣ совпадали точно также и слабыя формы отъ корней на āu съ слабыми формами отъ корней на ā, такъ какъ въ др.-инд. языкѣ *a* изъ ā въ рѣдкихъ случаяхъ являлось въ видѣ ŭ, ū.

Благодаря вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, основы на *e—o* отъ корней на āi часто трудно разграничить отъ основъ образованныхъ отъ корней на ā съ суффиксомъ jo—je. Послѣднее образованіе также восходитъ къ индо-европ. языку. Поэтому, напр., относительно старо-слав. основъ, какъ **вѧѥ-ть**, **кѧѥ-ть сѧ**, **ѹѧѥ-ть**, **спѣѥ-ть** и др., литовск. plóju, lóju, spéju, réju и др., др.-инд. çā́ya-ti, dhyāya-ti, rā́ya-ti и др. нельзя сказать опредѣленно, есть ли это основы на *e—o* отъ корней на āi, или это основы съ суф. jo—je отъ корней на ā. Поэтому я разсмотрю подробнѣе эти образованія уже во 2-й главѣ, въ связи съ другими основами съ суф. jo—je. Было бы легко опредѣлить основы на *e—o* отъ корней съ āu; но эти основы не извѣстны въ старо-слав. и литовскомъ языкахъ; ср. др.-инд. основы dhā́va-ti (2 глагола) [1]. Изъ слабыхъ основъ

---

[1]) Вѣроятно, остатки образованій отъ такихъ корней на āu можно видѣть въ старо-слав. и литовск. языкахъ въ нѣкоторыхъ именныхъ образованіяхъ. Сюда могутъ относиться такія образованія, какъ ст.-слав. **слава**, при **слове-ть**, **слоути**, греч. κλέος изъ *κλέϜος, др.-инд. çrṓti, áçravam, çráva и др.; литовск. kovà, при kauju; srovẽ (sriovẽ), при sravà, sraviù, др.-инд. srávati, srṓtas, греч. ῥέω и др. Какъ будетъ указано ниже, и нѣкоторыя глагольныя основы не на *e—o* могутъ быть объясняемы какъ образованія отъ такихъ корней (ср. греч. πλώω, ῥώομαι, при πλέω, ῥέω и др., ст.-слав. глагольная основа

на *е—о* отъ корней съ ā̆i въ старо-слав. извѣстна, напр., основа **пиѥ-ть**, изъ индо-европ. *pii̯é-ti; ср. греч. πῐ́ο-μαι, ἔ-πῐο-ν; греч. πῑ́ο-μαι, ἔ-πῑο-ν, др.-инд. pī-yá-te представляютъ индо-европ. основу съ суф. i̯o-, къ которой, конечно, можетъ восходить и ст.-слав. **пиѥ-**. Сильную форму этого корня мы находимъ, напр., въ др.-инд. ápāyi, pā́ya, pāyin, передъ согласными, съ утратой i̯, напр., въ pā́ti (3 ед.), a-pāt, сущ. pā́na- и др.; какъ показываютъ греч. πέ-πω-κα, πῶ-μα, лат. pōtus, литовск. pů̃ta, дифт. āi здѣсь имѣлъ въ индо-европ. ō. Не ясна по своему происхожденію основа **поѥ-ть (пѣ-ти)**: можно представлять себѣ, что эта основа есть такое же образованіе, какъ др.-инд. dháya-ti, т. е. **поѥ-** представляетъ основу *poje- или *paje-, произведенную отъ ко́рня на дифтонгъ ōi или āi [1]). — Изъ литовскаго языка, кажется, не извѣстны основы на *е—о* такого происхожденія.

Кромѣ корней на āi, āu въ индо-европ. языкѣ существовали еще корни на iāi, iāu, чередовавшіяся съ i̯āi, i̯āu (съ ā различныхъ качествъ) въ сильныхъ формахъ; что касается слабыхъ формъ, то трудно указать всѣ тѣ формы, которыя принимали здѣсь эти корни, такъ какъ они были, повидимому, очень разнообразны; въ общемъ можно замѣтить, что дифтонги āi, āu и въ этихъ сочетаніяхъ находились въ чередованіи съ ăi, ău и гласными ĭ, ŭ и ī, ū. При этомъ основы на *е—о* отъ корней на iāi, i̯āi нельзя большею частью точно отдѣлять отъ основъ,

---

плава-, именная **плавь-**; глагольн. **о-снава-**, при **о-снове-ть**). При этомъ можно отмѣтить еще слѣдующій фактъ: приведенныя основы съ предполагаемымъ корнемъ на āu представляютъ, повидимому, такой корень лишь въ немногихъ случаяхъ; обыкновенно же, какъ видно изъ сопоставленія разныхъ языковъ, указанные корни являются съ ău (гдѣ обыкновенно ă=ĕ). Объясняться этотъ фактъ долженъ тѣмъ, что уже въ индоевроп. языкѣ существовало смѣшеніе образованій отъ тѣхъ и другихъ корней.

[1]) Въ какихъ случаяхъ дифтонги āi, āu чередовались съ ăi, ău и въ какихъ съ ĭ, ŭ и ī, ū, остается неяснымъ.

произведенныхъ отъ корней на iā, i̯ā съ суф. jo—je, которыя также существовали въ индо-европ. языкѣ (ср. выше основы отъ корней на āi и ā). Поэтому и эти образованія будетъ удобнѣе разсмотрѣть подробно въ связи съ другими образованіями, имѣющими суф. jo—je.

Чередованіе въ корняхъ iāu (i̯āu) съ iău (i̯ău) уже въ индо-европ. языкѣ, повидимому, послужило поводомъ къ смѣшенію въ разныхъ образованіяхъ этихъ корней съ корнями на iău (i̯ău), гдѣ ă было первоначальное и было обыкновенно ĕ, чередовавшееся съ *o;* при этомъ во многихъ образованіяхъ дифтонги āu были вытѣснены вполнѣ дифтонгами ău. Въ отдѣльныхъ языкахъ это вытѣсненіе происходило, вѣроятно, еще въ большемъ числѣ случаевъ. Поэтому прослѣдить ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ представляется довольно затруднительнымъ, такъ какъ, большею частью, нельзя рѣшить, былъ ли въ какомъ нибудь данномъ случаѣ дифтонгъ āu или ău.

Я укажу здѣсь нѣкоторыя основы на *e—o*, которыя можно производить отъ корней на iāu (i̯āu). Изъ сильныхъ основъ этого рода въ старо-слав. языкѣ извѣстна лишь основа **рѥве-ть** (**реветь**). Но образованіе ея не совсѣмъ ясно. Несомнѣнно, что **рѥв-** могло получиться только изъ *ri̯ĕv- или *ri̯ŏv-, *ri̯ăv-. Но былъ ли въ этомъ корнѣ дифт. *eu* (чередовавшійся съ *ou)*, или это былъ *ou* или *au*, чередовавшійся съ ōu или āu, не ясно; основа ***рове-въ ровы** можетъ имѣть въ корнѣ и индо-европ. *e*, и также ŏ или ă; infinit. **роути** и **рюти** могутъ восходить къ *routi, *rauti и *ri̯outi, *ri̯auti, а не къ *reuti. Др.-инд. rāuti (3 ед.) и rāvin, rāvaṇa указываютъ, повидимому, на дифт. āu; точно также, вѣроятно, и лат. rāvis [1]), raucus (ср. Osthoff, M. U. стр. 21). Далѣе въ этомъ корнѣ затрудняетъ существованіе рядомъ формъ съ i̯ и безъ него (ср. объ этомъ ниже). Изъ слабыхъ основъ сюда относятся: **жьве-ть,** изъ индо-европейск. *g²i̯uu̯é-ti

[1]) По образованію ср. nāvis отъ nāu.

(ср. **ръве-ть**); эта форма соотвѣтствуетъ древне-верхне-нѣмец. chiuwu; дифтонгъ i̯āu или i̯ău мы находимъ, напримѣръ, въ основѣ **жюѥ-** (или **жоуѥ-**); если у Миклошича (въ словарѣ) вѣрно дается основа **жава-** (**жавати, жаваѭ**), то она должна объясняться такъ же, какъ выше приведенныя **плава-, слава-, снава-**: т. е. и **жава-** есть основа съ суф. ā, произведенная отъ корня на āu, при чемъ корневое ā здѣсь могло быть всѣхъ трехъ качествъ (такъ какъ и изъ индо-европ. *g²i̯ēv-ā- въ общеслав. должно было получиться *žāvā-); такое же образованіе, какъ **жьве-ть**, представляютъ **кльве-ть** (ср. **клюѭ, клюнъ**), **бльве-ть, пльве-ть** (Leskien, Hndb., стр. 104) при **блюѥ-ть, плюѥ-ть**, литовск. bliáuju, bliáuti и spiáuju, spiáuti; существованіе основы ***шьве-** (изъ индо-европейскаго *si̯uu̯e-) предполагаетъ форма **шьвенъ**; ср. литовск. siūvù, siúti, латинск. suo (которое можетъ восходить къ *si̯uo, *sjuo).—Въ литовск. языкѣ мы не находимъ образованія основы, соотвѣтствующаго старо-слав. **жьве-** и др. Въ литовск. отъ корней съ iāu извѣстны два образованія: съ суф. jo—je и съ суф. i̯o—i̯e. Образованіе 1-го рода представляютъ: piáuju, spiáuju (ст.-слав. **плюѭ**; о чередованіи корней съ начальнымъ *s* и безъ него было уже сказано) liáujûs, dżiáuju (кор. diēu; ср. Osthoff, M. U. IV, стр. 18), griáuju, bliáuju (ст.-слав. **блюѭ**); образованіе 2-го рода представляютъ: siūvù (ср. ст.-слав. **шиѭ**, лат. suo, того же образованія, какъ литовск. siūvù), kliūvù, cziūvù, griūvù (ср. латинск. форму одинаковаго образованія -gruo, въ con-gruo, Osthoff, l. c., стр. 20, 1 прим.), bliūvù; такой же корень представляютъ и формы żiuti, żiuvau, praes. żiustu, производный глаголъ żuváuju, существ. żuvìs: корень индо-европ. g¹hi̯āu, слабая форма g¹hi̯ū (ср. греч. ἰ-χθῦ'ς; χθ изъ g¹h+i̯ какъ въ χθές, ἐ-χθές, др.-инд. hyás, вед. hiás; ср. также πτ изъ πi̯ въ πτύω, ст.-слав. **плюѭ**, литовск. spiáuju) [1]). Что касается

[1]) Тотъ же корень, но съ суф. ē мы находимъ въ литовск. żvėju, żvē̃ti; здѣсь żv изъ индо-европ. g¹hu̯; другое рас-

дифтонга iau въ приведенныхъ литовскихъ основахъ, то и здѣсь нельзя опредѣлить, какимъ индо-европ. дифтонгамъ онъ соотвѣтствуетъ; фонетически iau, можетъ быть, могло бы получиться и изъ индо-европ. iāu, iōu, iēu; но, можетъ быть, въ литовско-слав. здѣсь были уже дифтонги съ ă различныхъ качествъ, при чемъ литовск. iau могло получиться изъ iĕu (вѣроятно—въ dżiáuju), подобно тому какъ iau получалось въ литовск. языкѣ изъ индо-европ. ĕu [1]). Слабыхъ основъ, соотвѣтствующихъ старо-слав. **жьве-** и др., мы не находимъ въ литовскомъ; но на существованіе ихъ указываютъ производныя основы на *o*, какъ grĭŭvaŭ, sĭŭvaŭ и др.

Изъ греч. и латинск. языковъ основы на *e—o* отъ корней на iāu въ сильномъ и слабомъ видѣ, кажется, не извѣстны (ср. нѣкоторыя сопоставленія, впрочемъ не совсѣмъ точныя, у Osthoff'a, M. U. IV, 17 слѣд.).—Изъ др.-инд. языка извѣстна только одна основа въ сильномъ видѣ, именно cyáva-te и cyáva-ti: что въ корнѣ этой основы былъ также дифт. iāu, могутъ указывать такія образованія, какъ cyāutná (вед.), cyāvana, -cyāvuka; съ этимъ глаголомъ сопоставляютъ обыкновенно греч. σεύω: эта основа можетъ быть или изъ индо-европ. k^2i̯eujo, или же она

пространеніе того же корня представляютъ żvejà, żvejỹs, żvejŭ́ju.

[1]) Кстати замѣчу, что и дифт. ēu въ литовскомъ, можетъ быть, является въ видѣ iau. Такой случай, повидимому, представляетъ литовск. sziaur- (въ sziáurė, sziaurỹs, sziaũr-vėjis и др.), которое родственно съ ст.-слав. **сѣверъ:** къ корню k'ēu присоединяется или суф. -er- (старо-слав. **сѣв-ер-**) или одно -r- (литовск. sziau-r-), при чемъ оба образованія употреблялись, вѣроятно, параллельно. Случай аналогичный этому представляетъ литовск. sáulė и греч. ἥλιος изъ обще-греч. *sāvelios: въ литовск. — суффиксъ -l-, въ греч. — -el- (ср. Schulze, l. c.). Но, конечно, и въ этихъ случаяхъ возможно литовск. iau и au объяснять изъ iĕu, ău: въ связи съ различіемъ въ суффиксѣ (-er- : -r-, -el- : -l-) могъ измѣняться въ индо-европ. языкѣ и самый видъ корня, т. е. при суффиксѣ неполномъ (-r-, -l-) ēu, āu могли сокращаться въ ĕu, ău.

представляетъ греч. новообразованіе изъ нетематич. спряженія (см. G. Meyer, Gr. Gr. § 482); дифт. ευ въ греч. можетъ фонетически восходить къ индо-европ. ēu; въ слабомъ видѣ этотъ корень мы находимъ, напр., въ др.-инд. cyutá, cyuti, греч. ἔ-σσύμαι, ἐ-σσύμην. Другіе корни съ iāu въ др.-инд. языкѣ образуютъ слабую основу, но иначе, чѣмъ мы видѣли въ старо-слав. языкѣ; сюда принадлежатъ такія основы, какъ ṣṭhīva-ti, mī́va-ti, и сюда же—jī́va-ti, о которомъ уже было упомянуто выше; другія основы этого рода являются въ др.-инд. еще съ новымъ суф. -ya-: dī́vya-ti, sī́vyati, srī́vya-ti: можетъ быть, что эти основы явились только въ др.-инд. языкѣ. Другой видъ этихъ корней мы находимъ, напр., въ формахъ ṣṭhyūta, dyūtyà и др. Что слабыя формы др.-инд. языка съ īv восходятъ къ индо-европ. языку, показываетъ соотвѣтствіе др.-инд. jī́va-ti, старо-слав. живе-ть, лат. vīvit; но не ясно, въ какомъ отношеніи слабый видъ такихъ корней съ īv находился въ индо-европ. языкѣ къ слабому виду съ iu̯u̯; вопросъ объ этомъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о томъ, въ какихъ случаяхъ въ индо-европейскомъ языкѣ являлись въ чередованіи съ дифтонгами ĭ и ŭ, и въ какихъ— ī и ū, такъ какъ сочетаніе īv, или īu̯, являлось въ индо-европ. языкѣ изъ īu передъ гласной, а сочетаніе iu̯u̯ — изъ iū передъ гласной [1]). Далѣе, въ этихъ корняхъ не ясенъ и тотъ фактъ, что при īv является также ĭv (ср. др.-инд. dīv и dĭv, греч. βίος, βίομαι изъ *βίϜος, *βίϜομαι при jīvati и др.). Др.-инд. образованія, какъ seva, sevana, srevāyant, deva-ti, devitr̥ и др., литовск. dē-vas, gaivùs, греч. βείομαι изъ *βείϜομαι показываютъ, что уже въ индо-европ. языкѣ корни въ слабой формѣ съ īv или ĭv могли получать такое же чередованіе гласныхъ, какъ и корни съ первоначальными ai : ĭ, ī. Наконецъ, еще одну особенность представляютъ эти корни въ томъ

[1]) Довольно обширное изслѣдованіе Osthoff'a по этому вопросу (M. U. IV т.) проливаетъ все-таки слишкомъ мало свѣта.

отношеніи, что они могутъ утрачивать свое i или i̯. Выше было замѣчено, что старо-слав. **рюве-** и **рове-** представляютъ корень съ i̯ и безъ него; въ родственныхъ языкахъ мы находимъ его безъ i̯: ср. др.-инд. rāuti, ruváti, ravati, rāvaṇa и др., греч. ὠ-ρῡ΄ω и ὠ-ρῠ΄ω (= др.-инд. ruváti) (M. U. IV, стр. 21); въ др.-инд. языкѣ при syūtá мы находимъ sū́tra, sūná; при srīvyanti — srūta, srūtvā; при mī́vati — mūta, mūrá (móta?), греч. ἀμεύω, лат. moveo, mūto; въ литовск. языкѣ при żiustu, которое приводитъ Куршатъ изъ Ширвида, мы находимъ żuvìs, гдѣ утрата i̯ не есть діалектическая, какъ часто бываетъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Osthoff (l. c. стр. 19 слѣд.) объясняетъ это явленіе утраты i̯ въ такихъ корняхъ дѣйствіемъ закона диссимиляціи: по его мнѣнію эти корни теряли i̯ въ индоевроп. языкѣ въ такихъ образованіяхъ, какъ si̯ū̆-i̯ō, т. е. съ суф. -i̯o-; но при такомъ предположеніи приходится, конечно, для объясненія формъ отъ этихъ корней въ разныхъ языкахъ прибѣгать къ помощи аналогіи, что еще болѣе усложняетъ вопросъ. Возможно, скорѣе, иное объясненіе. Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что отъ корней какъ spi̯āu, di̯āu, gi̯āu нельзя указать индо-европ. формъ безъ i̯ (латинское spuo фонетически утратило i̯ или j въ самомъ латинск. языкѣ; греч. δύω, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ къ di̯āu; нѣм. kauen могло утратить i̯ уже въ нѣмецк. языкѣ); а въ этихъ корняхъ передъ i̯ находятся согласныя мгновенныя; между тѣмъ въ другихъ корняхъ, гдѣ чередуются формы съ i̯ и безъ i̯, мы находимъ согласныя длительныя и близкое къ нимъ по длительности g^1h (которое, кромѣ того, по мѣсту образованія было близко къ i̯); это звуковое различіе въ указанныхъ корняхъ можетъ навести на мысль, что утрата i̯ въ индоевроп. языкѣ обусловливалась съ одной стороны сосѣдствомъ извѣстныхъ звуковъ; съ другой стороны, можетъ быть, оказывало вліяніе положеніе ударенія въ разныхъ формахъ; такимъ образомъ различныя формы отъ одного и того же корня могли являться то съ i̯, то безъ i̯;

въ этомъ случаѣ взаимодѣйствіе разныхъ формъ отъ одного и того же корня и вытѣсненіе однихъ другими объясняются уже легко.

Основы съ корнями 8-го вида (**лѣзе-, паде-**; bēga-, szoka- и др.). Въ индо-европ. языкѣ основы отъ корней этого рода употреблялись сравнительно въ небольшомъ числѣ, такъ какъ и самихъ корней съ долгими гласными внутри было, повидимому, немного. Долгія гласныя были здѣсь 3-хъ родовъ: ā, ē, ō. Два вида основъ на *e—o*, сильныя и слабыя, наблюдаются и въ этомъ случаѣ; при этомъ слабый видъ основъ отличается тѣмъ, что въ немъ вмѣсто долгихъ гласныхъ являются соотвѣтствующія краткія, т. е. ă, ĕ, ŏ; между тѣмъ при другомъ спряженіи основъ отъ этихъ корней (нетематическомъ) въ индо-европ. яз. существовало и другое чередованіе; именно, въ слабомъ видѣ такихъ основъ вмѣсто долгихъ гласныхъ являлось въ корнѣ *a*. Являлось ли это *a* въ какихъ нибудь случаяхъ и въ тематическомъ спряженіи, не извѣстно. Кромѣ того надо замѣтить, что въ слабомъ видѣ основъ этого рода въ индо-европ. языкѣ существовало образованіе съ носовымъ инфиксомъ. Такъ какъ это образованіе было уже объяснено выше, то я приведу здѣсь только тѣ основы, которыя представляютъ или сильный видъ, или слабый безъ инфикса. Въ старо-слав. языкѣ сюда относятся такія основы, какъ **лѣзе-ть, сѣче-ть**, гдѣ **ѣ** изъ индо-европ. ē; далѣе—**паде-ть, пасе-ть, кладе-ть, краде-ть**, гдѣ **а** можетъ восходить и къ индо-европ. ā, и къ ō. Особый случай представляетъ старо-слав. основа **расте-ть**, гдѣ сочетаніе **ра** не восходитъ къ индо-европ. rā или rō, но къ индо-европ. ar или or; ср. русскія формы отъ этого корня съ *o* и др.-инд. ardh, r̥dh; при томъ эта основа происходитъ не прямо отъ корня ardh, но съ приставкой особаго суффикса *t*, такъ что старо-слав. **ст** восходитъ къ индо-европ. dzht. — Къ слабымъ основамъ этого рода принадлежатъ старо-слав. **може-ть, коде-ть**, въ которыхъ **о** можетъ восходить и къ индо-европ. ă, и къ ŏ (долгую гласную въ этихъ корняхъ мы находимъ, напр., въ **по-магати, из-ба-**

дати и др.). Слабыя основы этого рода съ носовымъ инфиксомъ были приведены выше. — Въ литовск. языкѣ къ сильнымъ основамъ принадлежатъ, напр., bégu, gvėžu, žėbù; lėtu, bódu (ср. старо-слав. **кадати** и **кодеть**), szóku (ср. старо-слав. **скакати**), móku и нѣкоторыя другія; литовск. ė и *o* здѣсь восходятъ къ индо-европ. ē и ā. Нѣкоторыя изъ этого рода основъ въ литовскомъ представляютъ два образованія, тематическое и нетематическое: bégu и bégmi, édu и édmi, sédu и sédmi, žėbù и žėbmì; оба рода этихъ образованій восходятъ, вѣроятно, уже къ индо-европ. языку; ср., напр., старо-слав. **ѩсть** и **ѩды**, греч. ἔδω. Слабыя основы въ литовскомъ языкѣ — tvaskù (при сильной tvoskù), žvagù (въ сильномъ видѣ этого корня чередуются ė и *o:* žvégauju и žvógauju), vapù, skabù, badù, kasù, plakù, spragù и нѣкоторыя другія. Объ основахъ съ носовымъ инфиксомъ см. выше.

Изъ др.-инд. языка извѣстны сильныя основы, напр., dása-ti (ср. dásyati), dáçati, yácati и др.; слабыя основы — rasa-ti (ср. rāsa-ti), sváda-ti (ср. svāda-te) и др. — Въ греч. языкѣ къ сильнымъ основамъ принадлежатъ, напр., ἅδομαι—ἥδομαι (др.-инд. svāda-te), θᾶγω—θήγω, λᾶθω—λήθω, τμᾶγω—τμήγω; ἀρήγω, μήδομαι, λήγω; τρώγω, ψώχω (при ψήχω), θώγω (при θᾶγω) и нѣкоторыя другія (G. Meyer, Gr. Gr. §§ 496, 6, 7 и 47, 49 съ примѣч.); слабыя основы находимъ въ ἔ-αδον, ἔ-λαθον, ἀπ-έ-τμαγον (G. Meyer, l. c. § 526); сюда же принадлежитъ и снова ἔδω (ср. литовск. édu); вѣроятно, къ такому же образованію надо причислять и многія другія основы, какъ ἄγω, μάχομαι, ὄθω (ср. de Saussure, Mémoire, стр. 159 слѣд.). Въ латинскомъ языкѣ сильныя основы, напр., lābor (ср. lăbare), rādo, vādo, rōdo; слабыя — edo (ср. ēst и литовск. édu и édmi, греч. ἔδω), rĕgo (ср. rēgis, др.-инд. rája-ti), ago, scabo, tago, pago, olo и др. (de Saussure, l. c.; Fröhde, B. B. VI, 161 слѣд.).

b) Старо-славянскія основы съ суффиксомъ **но—не.**

Въ старо-слав. и литовскомъ суффиксѣ no—ne совпали два индо-европ. суффикса: neu и nā въ сильныхъ формахъ, nŭ и nα въ слабыхъ формахъ. Первоначально въ индо-европ. языкѣ основы съ этими суффиксами спрягались по нетематическому спряженію; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже въ индо-европ. языкѣ, повидимому, эти основы переходили въ тематическое спряженіе; съ большей вѣроятностью, именно, можно утверждать это объ основахъ съ суф. neu—nu. Переходъ въ тематическое спряженіе совершается такимъ образомъ, что къ основѣ съ слабымъ видомъ суффикса, -nŭ, приставляется еще новый суффиксъ тематическаго спряженія *e—o*, при чемъ изъ nu + o—e получались nu̯o, nu̯e. Если и основы съ суф. nā переходили въ тематическое спряженіе, то этотъ переходъ совершался такимъ образомъ, что ā суффикса замѣнялось на *e—o*. Кромѣ того суф. nā въ индо-европ. языкѣ могъ имѣть въ слабомъ видѣ не только nα, но также и nă, которое въ извѣстныхъ образованіяхъ могло принимать еще носовой инфиксъ; этимъ можно объяснить старо-слав. **нѫ** въ неопред. наклоненіи (ср. объ этомъ выше). Самый корень глагольной основы при присоединеніи обоихъ суффиксовъ, neu и nā, въ индо-европ. языкѣ всегда принималъ слабую форму.

Что касается формы литовско-слав. суффикса no—ne, то надо думать, что no—ne могло получиться и изъ индо-европ. видоизмѣненной формы no—ne, и изъ индо-европ. nu̯o—nu̯e, при чемъ u̯ здѣсь могло утратиться еще въ литовско-слав. языкѣ. Но при этомъ надо имѣть въ виду, что въ литовско-слав. языкѣ въ извѣстныхъ образованіяхъ былъ извѣстенъ и невидоизмѣненный индо-европ. суф. neu; на это указываютъ, напр., такія старо-слав. образованія, какъ **ми-ноу-ѭ, ми-нова-ти** при **ми-нѫ-ти, ми-не-ть, ма-новение** при **ма-нѫ-ти, ма-не-ть** и др. (старо-слав. **нов-** изъ индо-европ. nev-).

Старо-слав. языкъ сравнительно съ литовскимъ представляетъ гораздо большее число основъ съ суф. no—ne; между тѣмъ какъ въ литовскомъ языкѣ этотъ суффиксъ образуетъ основы praesens'a исключительно отъ корней на дифтонги, въ старо-слав. языкѣ это образованіе извѣстно во всѣхъ видахъ корней (ср. примѣры у Leskien'a на стр. 104 и слѣд.). При этомъ литовскій языкъ большее число этихъ образованій имѣлъ въ болѣе древнемъ періодѣ, въ новомъ языкѣ они уже мало употребительны. Въ общемъ надо замѣтить, что старо-слав. и литовск. языки сохранили изъ индо-европ. языка значительное число основъ на ne—no отъ корней на дифтонги, и именно съ слабымъ видомъ корня; напр., старо-слав. **ри-не-ть, ми-не-ть, по-ѵи-не-ть, ӡи-не-ть, пли-не-ть** (изъ *pļū-ne-tĭ) и др.; литовск. ly-na, ry-nù, pū-nù, kliū-nù и др.; старо-слав. **и**, литовск. y и старо-слав. **ы**, литовск. ū въ этихъ образованіяхъ являются изъ индо-европ. ī и ū, которыя находились въ слабомъ видѣ такихъ корней. Но уже въ литовско-слав. языкѣ явились и новообразованія отъ этихъ корней; именно суф. no—ne сталъ прибавляться здѣсь и къ сильному корню; такимъ образомъ уже въ литовско-слав. языкѣ явились такія основы, какъ литовск. lēnu, skrēnù, einù, száunu, piáunu, bliáunu и др., старо-слав. **соуне-ть, блюне-ть, плюне-ть**; сюда же могутъ относиться и нѣкоторыя образованія отъ корней съ дифт. *ei*, какъ **рине-ть**, насколько въ нихъ **и** можно возводить къ литовско-слав. *ei*, а не къ ī. Отъ корней на долгія гласныя въ литовско-слав. языкѣ могли существовать основы съ суф. no—ne; но, вѣроятно, уже здѣсь эти основы слабый видъ корня замѣнили сильнымъ; литовск. языкъ утратилъ эти основы; старославянскій сохранилъ (напр.—**мане-ть, плане-ть, стане-ть**). Далѣе въ литовско-слав. языкѣ могли существовать и многія основы на no—ne отъ различныхъ другихъ корней, при томъ въ слабомъ видѣ; на это указываютъ старо-слав. основы, какъ **врьгне-ть, по-мѧне-ть** (гдѣ **ѧ** изъ индо-европ. $\underset{\circ}{a}\underset{\circ}{n}$), **бъне-ть** (изъ ***бъдне-ть**), **ньӡне-ть, свьне-ть, тоне-ть** (изъ ***топне-ть**) и др.; литовскій языкъ утратилъ

такія основы [1]). Бо́льшую же часть старо-слав. основъ съ суф. **но—не** надо считать уже славянскими новообразованіями, которыя стали появляться все въ большемъ числѣ, когда съ суф. **но—не** стало связываться особое значеніе основы; въ связи съ этимъ значеніемъ суффикса **но—не** надо объяснять и тотъ фактъ, что основы, образованныя имъ, въ старо-слав. языкѣ обыкновенно соединяются еще съ предлогами (Leskien, стр. 104).

Изъ др.-инд. языка основы, соотвѣтствующія старо-слав. и литовск. основамъ на no—ne, извѣстны, напр., такія, какъ ínvati (ср. i-nó-ti), jínvati (ср. ji-nó-ti), pínvati (ср. pinvánt, páyate), dhánvati (изъ *dhn̥nu̯a-; ср. dhánati), rav̥va (изъ *rn̥nu̯a-; ср. rav̥ati) (см. Whitney, Wurz. s. v.). Тематич. спряженіе основы съ суф. nā представляютъ, напр. gr̥hṇati при gr̥hṇā́ti, pr̥ṇáti при pr̥ṇā́ti, mr̥ṇáti (ср. mr̥ṇī-hí) (ibid). Подобныя основы есть и въ иранскихъ языкахъ; ср. Bartholomae, Handb. d. Air. Dial. §§ 321, 322. — Въ греч. языкѣ къ такимъ образованіямъ принадлежатъ, напр., τῑ́νω и τῐ́νω (ср. τῑ́-νυ-ται, τῐ-νύ-μεναι, др.-инд. ci-nó-ti), φθῑ́νω и φθῐ́νω (ср. др.-инд. kṣi-ṇó-ti и kṣi-ṇā́-ti, греч. φθῐ-νύ-θω), πῑ́νω (ср. др.-инд. pī́-ya-te, старо-слав. **пи-ти** и др.), ὀ-ρῑ́-νω (ср. др.-инд. ri-ṇā́-ti, старо-слав. **ри-не-ть**); сюда же относятся δάκ-νω, κάμ-νω, τάμ-νω, φθᾱ́νω и др. (ср. Osthoff, M. U. IV, 35—52). По отношенію къ греч. языку не всегда возможно опредѣлить, когда νο—νε является изъ nu̯ + o — e, и когда оно восходитъ къ no — ne (изъ nā), такъ какъ въ корняхъ съ *i* и *u* долгота этихъ *i* и *u* можетъ быть первоначальная, а не изъ удлинненія при упрощеніи группы nu̯; только въ такихъ случаяхъ, какъ φθᾱ́νω и φθᾰ́νω, гдѣ можно сопоставить гомеровскую форму съ аттической, долгота въ гомер. формѣ и краткость въ аттической будутъ указывать на nu̯.—Въ латинск. языкѣ это образованіе представляютъ,

---

[1]) Остаткомъ такого образованія, можетъ быть, надо считать основу *tvona-, отъ которой производится tvónyju (ср. tvóju).

напр., clino, ср. греч. κλίνω; cerno, греч. κρίνω; sterno, ср. греч. στόρνυμι, др.-инд. stṛ̥nā́ti, и нѣкоторыя другія. Въ латинск. языкѣ во многихъ изъ этихъ основъ явилась непервоначальная гласная *e* подъ вліяніемъ другихъ сильныхъ основъ отъ тѣхъ же корней.

Литовскія основы съ суффиксомъ *-sta-*.

Происхожденіе этого суффикса объяснено уже Шлейхеромъ (Lit. Gr. § 117, примѣч. *) [1]). Къ его объясненію можно прибавить еще нѣкоторыя замѣчанія. Суф. t мы находимъ, кромѣ eĩ-tu, еще въ lëk-tù (при lëkmì, lëkù), gélptu (при gélbu), mëktù (при mëgù, mëgmì). Въ старо-слав. языкѣ нельзя указать образованій съ соотвѣтствующимъ суффиксомъ. Но изъ греч. и латинск. языковъ извѣстенъ этотъ суффиксъ, хотя и въ немногихъ образованіяхъ. Сюда принадлежатъ, напр., греч. πέκτω при πέκω, лат. pecto; сюда же могутъ относиться и нѣкоторые изъ греческихъ глаголовъ съ πτ, напр. — κλέπτω, ἐρέπτω, хотя бо́льшая часть такихъ глаголовъ имѣютъ πτ изъ pj; изъ латинскихъ глаголовъ сюда же могутъ относиться flecto, necto. Вѣроятно, поздняго происхожденія, но образованные подъ вліяніемъ старыхъ основъ съ суф. τ, являются и аттич. ἀνύτω, ἀρύτω при ἀνύω, ἀρύω (G. Meyer, Gr. Gr. § 498, прим. 2). Можетъ быть, что этотъ суффиксъ въ индо-европ. языкѣ былъ первоначально именного происхожденія, т. е. употреблялся для образованія отглагольныхъ именъ, и могъ быть въ родствѣ съ именными суффиксами -to- и -ti-. Изъ др.-инд. языка извѣстно такое употребленіе суффикса t, при образованіи отглагольныхъ именъ отъ извѣстныхъ корней; именно, отъ корней на ai, au и ar образуются такія имена, при чемъ корень берется въ слабой формѣ; напр., jit, çrut, vṛ̥t и др. Литовскій языкъ также показываетъ, что большинство такъ

---

[1]) Доводы Bezzenberger'a, въ B. B. IX, 334 слѣд., противъ объясненія Шлейхера не убѣдительны.

называемыхъ основъ съ stu имѣютъ корни въ слабомъ видѣ; ср. dýkstu, misztù (кор. съ ei), búkstu, klŭstù (кор. съ eu), dìrkstu, gurpstù, dìlkstu, smùlkstu (кор. съ er, el), linkstù, grimstù (кор. съ en, em), mìrsztu, mìlstu, kìmstu (кор. на er, el, em), výstau, plústu, dźiústu (кор. на ei, eu, i̯āu); только отъ корней съ долгими гласными внутри извѣстны почти исключительно образованія съ сильнымъ видомъ корня, напр., mékstu, blokstù, jŭ́stu и др.; съ слабымъ видомъ корня извѣстны, напр., masztù, szlakstaŭ, skastu. Основы съ сильнымъ видомъ корня должны считаться уже позднѣйшими образованіями, явившимися въ то время, когда въ литовск. языкѣ какъ суффиксъ, придававшій извѣстное значеніе основѣ, уже дѣйствительно сознавался *st*, а не *t*.

Что касается образованія основъ съ суф. *t* отъ корней на *k* и *g*, то надо замѣтить еще слѣдующее: основы на *kstu* (какъ plukstu, búkstu) представляютъ уже новыя образованія, въ которыхъ приставленъ суф. *st;* между тѣмъ старыя образованія имѣютъ *ksztu*, гдѣ это сочетаніе явилось путемъ перестановки согласныхъ изъ *szktu;* напр., týksztu (ср. tiszkau) — изъ *tyszktu (какъ и въ infinit. tìkszti—изъ *tiszkti). Въ такихъ же образованіяхъ, какъ tvýkstu (ср. tvyskéjo), blịkstu (ср. blizgau, blizgù), *kst* явилось посредствомъ перестановки изъ сочетанія *skt*. Послѣднія образованія и послужили главнымъ образомъ основаніемъ для распространенія основъ на *stu* отъ корней на *k* и *g*. Вліяніе такихъ корней на образованіе основъ съ *kstu* усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что корни на *k*, повидимому, иногда представляли въ индо-европ. языкѣ чередованіе *k* и *sk;* ср., напр., въ старо-слав. чередованіе **плака-ти** и **плаека-ти**; греч. πλάξ, πλακοῦς и старо-слав. **плоскъ,** литовск. plokſztas (изъ *ploszktas) [1]). Если

[1]) Корни на *k* и *g* представляютъ, вообще, и нѣкоторыя другія непонятныя явленія; замѣтно, напр., чередованіе въ нихъ *sk* и *st:* ст.-слав. **блискати** и **блистати, поускати** и **поустити,** литовск. pluskiŭ́ju и plustau; иногда является чередо-

это явленіе можно сопоставить съ такимъ же явленіемъ въ корняхъ, начинающихся къ *k*, гдѣ также часто чередуются *k* и *sk*, то можно предполагать, что и въ корняхъ, оканчивающихся на губныя согласныя и на плавныя, иногда чередовались губная или плавная согласная съ сочетаніемъ s + губн. или плавн. согласная, такъ какъ такое чередованіе мы находимъ и въ началѣ корней. Такимъ образомъ можно предполагать, что и такія литовскія образованія, какъ klimpstù, krypstù, milstu и др., въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникали фонетически, черезъ перестановку группъ *spt*, *slt*, *srt* и др.

ваніе *sk* и *zg*: ср. **визгъ** и **вискъ**; ст.-слав. **плескъ, плескати** и литовск. plezgù.

II глава.

Въ старо-славянскихъ и литовскихъ основахъ, какъ и въ основахъ другихъ индо-европ. языковъ, суффиксъ jo—je надо отличать отъ суффикса i̯o—i̯e, который также употребляется въ образованіи основъ настоящаго времени. Въ этой главѣ будутъ разсматриваться только основы съ суффиксомъ jo—je; основы же съ суф. i̯o—i̯e будутъ разобраны въ слѣдующей главѣ. Раздѣлять основы съ тѣмъ и другимъ суффиксомъ при изслѣдованіи основъ старо-слав. и литовск. языковъ представляется необходимымъ въ виду того, что въ этихъ языкахъ фонетическія измѣненія, которымъ подверглись тотъ и другой суффиксы, являются вполнѣ различными; кромѣ того отдѣлять основы на i̯o—i̯e отъ основъ на jo—je необходимо также и потому, что основы перваго рода въ старо-слав. и литовск. языкахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются смѣшанными съ основами другихъ образованій.

Что касается взаимнаго отношенія между собою суффиксовъ jo—je и i̯o—i̯e, то надо имѣть въ виду, что оба они восходятъ къ индо-европ. языку, и здѣсь они оказываются, въ большинствѣ случаевъ, родственными по происхожденію. Именно, отношеніе ихъ между собою въ индо-европ. языкѣ опредѣляется различнымъ положеніемъ ударенія на основѣ: если удареніе находится на гласной самого суффикса основы, то онъ является въ видѣ i̯o—i̯e; если же удареніе падаетъ на корневую часть основы, то суффиксъ является въ видѣ jo—je. Съ этимъ различіемъ въ положеніи ударенія на разбираемыхъ основахъ и съ различіемъ видовъ самого суффикса основы въ индо-европ. языкѣ стоитъ въ связи и различіе въ корневыхъ частяхъ этихъ основъ: въ основахъ съ ударяемымъ суф. i̯o—i̯e

корневая часть является въ слабомъ видѣ, въ основахъ съ неударяемымъ суф. jo—je она является въ сильномъ видѣ и сама имѣетъ на себѣ удареніе. Такимъ образомъ въ индо-европ. языкѣ основы съ i̭o—i̭e и основы съ jo—je различаются между собою какъ сильныя и слабыя основы точно такъ же, какъ различаются между собою сильныя и слабыя основы съ суф. *o—e*. При этомъ, какъ въ основахъ съ суф. *o—e* находятся въ индо-европ. языкѣ часто отъ одного корня основы параллельныя двухъ видовъ, такъ точно и въ основахъ съ суффиксами jo—je и i̭o—i̭e. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, и здѣсь уже въ индо-европ. языкѣ удареніе въ основахъ на i̭o—i̭e могло переноситься съ суффикса на корневую часть.

Всѣ основы, образованныя съ суф. jo—je, различаются по своему происхожденію на 2 вида: основы непроизводныя и основы производныя; производныя основы различаются еще на основы отглагольныя и основы отъименныя. Всѣ эти виды основъ на jo—je существовали уже въ индо-европ. языкѣ, и различать ихъ необходимо для каждаго отдѣльнаго языка. Въ такомъ порядкѣ и будутъ теперь излагаться различные виды старо-славянскихъ и литовскихъ основъ на jo—je.

А. Основы непроизводныя.

Непроизводныя основы съ суф. jo—je въ старо-слав. и литовск. языкахъ можно, для наглядности изложенія, раздѣлить на 2 разряда: основы отъ корней на гласныя и основы отъ корней на согласныя. Подъ корнями на гласныя разумѣются какъ корни на простыя долгія гласныя, такъ и корни на дифтонги.

Изъ основъ на jo—je отъ корней на простыя долгія гласныя въ старо-слав. и литовск. языкахъ извѣстны слѣдующія: отъ корней на ā, т. е. индо-европ. ā, — ст.-слав. **лаѥ-ть**, лит. lóju; ст.-слав. **граѥ-ть**, лит. groju; ст.-слав. **маѥ-ть**, лит. móju; ст.-слав. **стаѥ-ть**, лит. stóju; отъ корней на ē, индо-европ. ē, — ст.-слав. **спѣѥ-ть**, лит. spéju;

ст.-слав. **сѣѥ-ть**, лит. sė́ju; кромѣ этихъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ есть еще нѣсколько такихъ же основъ, которыхъ нельзя прямо сопоставлять въ обоихъ языкахъ; сюда принадлежатъ: старо-слав. **вaѥ-ть, гаѥ-ть, каѥ-ть ся, таѥ-ть** (въ двухъ значеніяхъ), **траѥ-ть, чаѥ-ть, о-шаѥ-ть ся, лаѥ-ть** (въ значеніи „insidiari“), **баѥ-ть** (которое, можетъ быть, можно сопоставлять съ лит. bóju, at-bóju; ср. Fick, Wrtb. II[3], 613); **охаѥть ся**, которое приводитъ въ словарѣ Миклошичъ, нельзя причислять къ старо-слав. глаголамъ; къ глаголамъ съ **ѣ** принадлежатъ: **блѣѥ-ть, вѣѥ-ть, грѣѥ-ть, ѕрѣѥ-ть**; въ литовск. языкѣ сюда принадлежатъ: tvóju, plóju, klóju, bóju (at-bóju; ср. выше старо-слав. **баѥ-ть**), jóju; съ ė мы находимъ еще rė́ju и сложный ap-rė́ju (rė́ju въ значеніи „класть рядами“ — заимствованный глаголъ); въ старо-слав. языкѣ есть еще одна основа такого образованія, въ которой **а** восходитъ къ индо-европ. ō, именно — **даѥ-ть**.

Относительно приведенныхъ основъ необходимы слѣдующія разъясненія. Какъ было замѣчено уже въ предъидущей главѣ, не всѣ основы съ *jo—je* отъ корней на долгія гласныя дѣйствительно по своему происхожденію являются такими основами: многія изъ нихъ есть не что иное, какъ основы на *e—o*, происходящія отъ корней на дифтонги ā̆i, гдѣ ā могло быть различныхъ качествъ (ср. съ такими основами основы на *e—o* отъ корней на дифтонги ă̆i). Такимъ образомъ, напр., старо-слав. **таѥ-ть** (въ значеніи „скрываетъ“) восходитъ не къ индо-европ. основѣ *tā-je-, но къ *tāj-e-, которая состоитъ изъ корня tāį + e суффиксъ основы. Что корень здѣсь былъ дѣйствительно съ āi, а не съ ā, указываетъ, напр., отношеніе между собою др.-индійскихъ образованій отъ этого корня: съ одной стороны мы находимъ stāyát, stāyāt, stāyú, tāyú, съ другой—stená; ст.-слав. **стѣнь** и **тѣни** также имѣютъ **ѣ**, въ соотвѣтствіи съ др.-инд. *e*, изъ *ai* [1]). Точно также

[1]) Примѣры корней съ начальнымъ *s* и безъ *s* см. въ I главѣ.

ст.-слав. **гаѥ-ть**, др.-инд. g̑áya-ti, g̑ā-ti, -g̑āyas, g̑ātú при сопоставленіи съ литовск. g̑éd-mi, g̑édu, gaidȳs [1]), др.-инд. g̑ītá, g̑íya указываютъ, что основа g̑āje- происходитъ въ индо-европ. языкѣ изъ g̑āi̯+e. Къ индо-европ. основѣ *spēj-e- или *sphēj-e- восходятъ старо-слав. **спѣѥ-ть**, лит. spéju, др.-инд. sphāya-te, какъ показываютъ др.-инд. sphī-ta, sphīti, латинск. spes (Fick, Wrtb. I³ 251; *spēs изъ *spēis, какъ *rēs изъ *rēis). Старо-слав. **уаѥ-ть** надо сопоставлять съ др.-инд. cáya-ti (старо-слав. **у** и др.-инд. *c* изъ k передъ ē); а корень cāy въ др.-инд. нельзя отдѣлять отъ *ci* или *ce* (откуда ci-ké-ti, cayate, cetṛ̥ и др.) и отъ производнаго *cit* или *cet* (Whitney, Wurz., стр. 46, 47). Въ предъидущей главѣ было указано также, что въ индо-европ. языкѣ кромѣ корней на āi (съ ā различнаго качества) существовали еще корни на iāi (гдѣ ā было также различнаго качества, и гдѣ *i* могло чередоваться съ i̯ и *j*). Отъ такихъ корней также извѣстны немногія основы сильнаго вида съ суф. *e—o*. Въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежитъ основа **сиꙗѥ-** или **сьꙗѥ-**, которую Миклошичъ (въ словарѣ) вѣрно сопоставляетъ съ др.-инд. çyetá, çyena; сюда же принадлежитъ ведійское çyénī, и далѣе отсюда, вѣроятно, не надо отдѣлять глагола çyáya-ti, çyāya-te, çīyáte (страд. зал.), именъ çyāna, çīta (ср. Fick, Wrtb. I³, 550; Brugmann, M. U. I, 6) [2]). Такимъ образомъ основа старо-слав. **сиꙗѥ-**, **сьꙗѥ-** восходитъ къ индо-европ. *k¹iāj-e-. Качество ā здѣсь остается неизвѣстнымъ; старо-славянскія же сочетанія **и**+j и **ь**+j восходятъ къ обще-слав. сочетанію ĭ+j, которое, въ свою очередь, могло получиться какъ изъ литовско-слав. и индо-

---

[1]) О распространеніи корней суффиксомъ *d* см. также I главу.

[2]) Ст.-слав. **сивъ, синь**, литовск. szývas, szývis, др.-инд. çyāvá, çyávī (ср. Микл. и Fick l. c.) надо отдѣлять отъ этого корня: эти слова представляютъ образованія отъ корня *k¹iāu; **сивъ**, szývas, szývis—отъ слабой основы (ср. **живъ** и g̑ývas отъ *g̑iāu), çyāvá, çyávī — отъ сильной.

европ. *i*, такъ и изъ литовско-слав. и индо-европ. i̯ въ положенiи въ началѣ слова. Вѣроятно, такого же происхожденiя и старо-слав. **ꙁиѭ-ть**, литовск. žióju [1]), латинск. *hiā-re, hiā-tus, hiā-scere; ср. при **ꙁиꙗ-ти** другое образованiе **ꙁи-нѫ-ти**, какъ при **сиꙗ-ти — си-нѫ-ти**; ст.-слав. **си-** и **ꙁи-** должны представлять слабыя основы изъ индо-европ. k¹ī и g¹hī, которыя уже въ индо-европ. языкѣ должны были получаться изъ *k¹iī, *g¹hiī или изъ *k¹i̯ī, *g¹hi̯ī; латинское hi-scere можетъ также представлять hī = ст.-слав. **ꙁи**, только съ другимъ суффиксомъ настоящаго времени; но оба суффикса, и ст.-слав. **-нѫ-** и лат. -sco-, обыкновенно присоединяются къ слабому корню, какъ всегда было въ индо-европ. языкѣ [2]).

Такимъ образомъ приведенныя основы съ jo—je надо исключать изъ числа первоначальныхъ основъ съ суф. jo—je; ихъ надо, собственно, ставить рядомъ съ такими основами, какъ литовск. vejù и др., разобранныя уже въ I главѣ. Но отчасти непосредственное сопоставленiе основъ отъ корней на āi и iāi съ основами отъ корней на первоначальныя ā и далѣе съ основами на *e—o* отъ корней на первоначальный дифтонгъ ăi необходимо въ виду того, что между тѣми и другими основами часто оказываются взаимодѣйствiя въ различныхъ направленiяхъ. Можетъ быть, что корней на āi въ литовско-слав. языкѣ было получено изъ индо-европ. языка гораздо большее число, чѣмъ можно опредѣлить при данномъ матерiалѣ для сравненiя, и можетъ быть, что еще многiя изъ указанныхъ выше основъ съ jo—je въ старо-слав. и литовск. языкахъ

---

1) Литовское žióju указываетъ на сочетанiе i̯ō; въ корняхъ такого рода существовало чередованiе i и i̯; такимъ образомъ ст.-слав. языкъ удержалъ формы съ i, а лит. языкъ съ i̯; латинское hiāre, конечно, не можетъ рѣшать вопроса объ i и i̯.

2) О корняхъ съ āi и āu и сопоставленiе фактовъ сюда относящихся см. въ статьѣ Wilh. Schulze, въ K. Z. XXVII, стр. 420—429.

представляютъ образованія типа *tāj-e-ti. Др.-инд. языкъ указываетъ, во всякомъ случаѣ, на значительное число такихъ корней, полученныхъ имъ изъ индо-европ. языка (ср. факты въ грамматикѣ Whitney'a, § 761, d). Вліяніемъ основъ отъ корней этого рода надо объяснять тотъ фактъ, что въ европейскихъ языкахъ мы находимъ очень много основъ съ суф. jo—je отъ корней на первоначальное ā, между тѣмъ какъ для индо-европ. языка можно предполагать ихъ лишь небольшое число. Вліяніе это со стороны основъ отъ корней на āi и iāi вполнѣ объясняется тѣмъ, что во многихъ образованіяхъ тѣ и другіе корни между собой совпадали, такъ какъ āi и iāi утрачивали еще въ индо-европ. языкѣ вторую часть, если находились передъ согласной или въ окончаніи слова; слѣдовательно, при совпаденіи, напр., въ литовско-слав. языкѣ такихъ образованій какъ *tātī [1]) (отъ tāi) и *bātī [1]) (отъ bhā) совершенно возможно было появленіе *bāje-ti при существованіи *tāje-ti. Старо-славянскіе и литовскіе глаголы съ основой на jo—je, которые были приведены выше, и этимологія которыхъ ясна, могутъ быть по отношенію къ родственнымъ языкамъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ: къ индо-европ. языку могутъ восходить ст.-слав. **лаѥ-ть**, лит. lóju, латыш. láju, готск. laian, др.-инд. rā́ya-ti; ст.-сл. **блѣѥ-ть**, ср.-в.-нѣм. blaen, лат. fleo (изъ *flējo, inf. flēre) (Fick, Wrtb. II, 422); другія основы извѣстны только изъ ст.-слав., литовск. и нѣмецкихъ языковъ: ст.-слав. **вѣѥ-ть**, готск. vaian, но въ др.-инд. vāti (vā́ya-ti имѣетъ другое значеніе, и его совсѣмъ надо отдѣлять отъ vāti, какъ обыкновенно и дѣлаютъ; иначе — Whitney, Wurz. стр. 157); ст.-сл. **сѣѥ-ть**, лит. sė́ju, готск. saian, но лат. sero (изъ *si-so, съ удвоеніемъ) и, можетъ быть, греч. ἵη-μι (изъ *si-sē-mi, съ удвоеніемъ); ст.-слав. **граѥ-ть**, лит. groju, др.-в.-нѣм. crājan (Fick, Wrtb. I, 565); только изъ

---

[1]) Конечное ī въ этихъ формахъ я ставлю только условно, не опредѣляя, какой звукъ или звуковое сочетаніе было здѣсь на самомъ дѣлѣ.

ст.-слав. и литовск. языковъ извѣстны съ jo—je ст.-слав. **баѥ-ть**, можетъ быть сюда же лит. bóju, at-bóju, но ср. обще-греч. φᾱ-μί, атт.-іон. φη-μί; ст.-слав. **маѥ-ть**, лит. móju; ст.-сл. **стаѥ-ть**, лит. stóju, но ср. обще-греч. ἵ-στᾱ-μι, аттико-іон. ἵ-στη-μι (изъ *si-stā-mi), лат. si-sto (которое перешло въ тематическое спряженіе, какъ и приведенное выше sero), др.-инд. tí-ṣṭha-ti (также перешло въ тематич. спряженіе); наконецъ, **даѥ-ть** мы находимъ только въ ст.-слав. языкѣ, при другомъ образованіи **дамь, дасть** (нетематическ. спряженіе), ср. лит. dū́mi и dū́du (1-я форма нетематич. спряженія, 2-я тематическаго; ср. старо-слав. **дады, дадѫшта**), греч. δί-δω-μι, др.-инд. dá-dā-ti и dā́-ti, при чемъ есть и dáda-ti по тематич. спряженію (основа dāya- въ dāya- māna такая же не первоначальная, какъ и ст.-слав. **даѥ-**; см. Whitney, Wurz., стр. 71); такая же единичная ст.-слав. основа на je находится и въ **дѣѥ-ть**, при **дежде-ть** (удвоенная основа съ суф. je), ср. литовск. dė́mi (нетематич.) и dedù (удвоенная тематич. основа), греч. τί-θη-μι, др.-инд. dá-dhā-ti, (удвоенная нетематич.), dádha-ti (удвоенная тематич.) и dhā-ti (основа dhāya- въ dhāyeta и adhāya-ta такая же непервоначальная, какъ и выше приведенная основа dāya- и ст.-славянскія **даѥ-** и **дѣѥ-**; см. Whitney, Wurz., стр. 82).

Факты др.-инд. языка показываютъ также, что въ индо-европ. языкѣ было лишь немного основъ съ jo—je отъ корней на первоначальное ā. Именно, кромѣ приведеннаго rāya-ti (**лаѥ-ть**) въ др.-инд. языкѣ можно указать еще неясныя по происхожденію основы kṣāya- (въ Брахм. и Скр.) и glāya-; за исключеніемъ этихъ основъ основы gāya- (**гаѥ-ть**), vāya- (въ значеніи „быть утомленнымъ“; ср. Schulze, I. c. 427), çyāya- (**сияѥ-ть**), stāya- (**таѥ-ть** „скрываетъ“), sāya- (**уаѥ-ть**) çāya- (ведійск. açāyatam, açāyata, при çáyate, çéte, греч. κεῖται) представляютъ основы на *e—o* отъ корней на первоначальныя āi. Между тѣмъ, какъ показываетъ также др.-инд. языкъ, обыкновенно корни на первоначальное ā образуютъ основу настоящаго времени или прямо отъ корня, по нетематич. спряженію, или

же берется какъ основа корень съ удвоеніемъ двухъ видовъ (съ гласной *a* и *i*): ср. dádā-ti — dā-ti, греч. δίδω-μι; dádhā-ti — dhā-ti, греч. τίθη-μι и др.; факты распредѣляются такъ, что отъ извѣстнаго корня на ā являются или два образованія, или только одно изъ нихъ. Такое отношеніе этихъ образованій надо принимать и для индо-европ. языка. И такъ, въ индо-европ. языкѣ основы съ jo — je отъ корней на первоначальныя ā употреблялись, по крайней мѣрѣ, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и вѣроятнѣе всего, что появленіе ихъ здѣсь было вызвано только вліяніемъ аналогіи основъ другого происхожденія [1]).

---

[1]) Чтобы въ послѣдующемъ изложеніи не возвращаться снова къ корнямъ на āi, замѣчу здѣсь, что въ индо-европ. языкѣ корни этого рода, какъ и всякіе другіе, могли образовывать основы на *e—o* двухъ видовъ — сильныя и слабыя; напр., отъ корня kēi сильная основа была kḗjo- : kḗje-, слабая должна была сокращать ē въ ĕ, т. е. получалась основа kĕjó- : kĕjé-; ср. съ такимъ чередованіемъ гласныхъ подобное же чередованіе въ именныхъ основахъ — др.-инд. rā́yam (Ac.) : -raye (D.), -rayas (G. s.), въ bṛhád-raye, ṛdhád-rayas (Whitney, Ind. Gr., § 361, e), и производное существ. rayí; основы, соотвѣтствующія предполагаемымъ kḗjo-, kḗje- и kĕjo-, kĕje- мы находимъ въ др.-инд. çā́ya- и çaya- (çā́ya-ti : çaya-te); такія же основы мы находимъ далѣе въ dháya-ti (dhāi), váya-ti (vāi), dáya-te (dāi) и, можетъ быть, maya-nte (māi „мѣнять") (Whitney, l. c. § 761, d. 2); о такихъ основахъ, какъ vyaya-, hvaya- и др., будетъ сказано позже. Эти слабыя основы отъ корней на āi въ индо-европ. языкѣ часто могли служить основаніемъ для смѣшенія корней на āi съ корнями на ăi; въ свою очередь сильныя основы отъ корней на ăi (какъ véje- и др.) могли влiять на слабыя основы отъ корней на āi: подъ этимъ вліяніемъ въ др.-инд. языкѣ возникли dháya-, váya- и т. д., вмѣсто ожидаемыхъ *dhayá-, *vayá- и т. д. Но, повидимому, въ индо-европ. языкѣ корни на āi могли образовывать слабыя основы еще иначе: въ этомъ образованіи корень получалъ слабѣйшій видъ, т. е. ī или i, которое передъ *e—o* суффикса или оставалось какъ i (м. б. какъ ii̯ изъ ī), или измѣнялось въ i̯ (точнѣе опредѣлить здѣсь звуки трудно); на такое образованіе основы могутъ указывать др.-инд. dyá-ti (dāi),

Др.-инд. языкъ даетъ еще одно важное показаніе относительно употребленія основъ съ jo—je. Кромѣ приведенныхъ выше основъ съ ya др.-инд. языкъ представляетъ основы типа dhyā́ya-ti и çrā́ya-ti. Основы этого рода представляютъ ту особенность, что здѣсь ā не восходитъ къ дифтонгу āi и не есть первоначальное ā корневое; напр., при основѣ dhyāya- мы находимъ основы dhī-, dīdhaya-, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ указаній, чтобы ā въ dhyā восходило къ āi; при основѣ çrāya- мы находимъ çrīṇā- (съ суф. -nā-), и при этомъ тотъ же корень безъ ā въ формахъ çīrá, çáras и çr̥tá при çrātá. Подобныя же основы мы находимъ еще въ pyā́ya-te (ср. páyate, pīpi-hí, pinvánt и др.), styāya-te (ср. вед. существ. stíyā-, греч. στία, готск. stainas, сл. стѣна; см. Fick, Wrtb. I, 245); glā́ya-ti, trā́ya-te, mlā́ya-ti [çlāya-ti, сомнит.]; съ mlā́ya-ti ср. греч. ἀ-μαλός, μαλακός, ἀ-βληχρός; съ trā́yate ср. др.-инд. tára-ti, tir-áti, tīrṇá, tūrtá и др. Къ корнямъ съ плавными и носовыми того же рода принадлежатъ еще: prā, наст. вр. prā́si, ср. píparti, pr̥ṇáti, pūrṇá, pūrtá и др.; съ prā ср. греч. πίμ-πλη-μι, πλήθω, лат. plēre, plētus, plēnus и др.; въ ст.-слав. и литовск. въ соотвѣтствіи съ др.-инд. pūrṇá находимъ плънъ, pìlnas; можетъ быть, сюда же принадлежатъ и такіе др.-инд. корни, какъ drā („спать“), ghrā, dhmā, mnā (при man) (см. сопоставленіе фактовъ у Brugmann'а, M. U. I, 39 и слѣд.). Что касается корней этого рода, то существуетъ два объясне-

---

çyá-ti (çāi?), syá-ti (sāi) и нѣкоторыя другія формы (Whitney, l. c. § 761, d. 3.); въ Ведахъ эти формы, большею частью, читаются съ *i* вмѣсто *y*. Одинаковаго образованія съ этими основами должны быть еще основы khya-, vya- (отъ khāi, vāi?) въ формахъ прошедшаго времени — ákhya-t, ávya-t; также надо объяснять и основы hva-, çva- (отъ hū, çū) въ формахъ áhva-t (въ R. V. áhvat и áhuat) и áçva-t. Отношеніе между собой двухъ формъ слабыхъ основъ отъ корней на āi (и āu?) остается неяснымъ; можно только сопоставить по образованію основы dyá-ti и др. съ такими, какъ jī́va-ti, mī́va-ti (отъ giāu, miāu).

нія для нихъ: по одному изъ нихъ, корни типа prā при par (съ плавными и носовыми) явились посредствомъ перестановки звуковъ (явленіе подобное тому, которое мы находимъ, напр., и въ старо-слав. языкѣ); по другому изъ нихъ и корни типа prā, и корни типа dhyā явились путемъ приставки къ корню въ слабомъ видѣ производнаго суффикса ā; таково мнѣніе Brugmann'a (M. U. I, 1 слѣд.). Какъ показываютъ факты, приводимые Brugmann'омъ, большая часть корней съ такъ называемымъ суф. ā принадлежатъ къ типу prā, т. е. это — корни съ плавными и носовыми; то, что приводится Brugman'омъ для доказательства существованія корней типа *ghs-ā при *ghas, *k^1-ā при *ak^1, *r-ā при *ar, то весь этотъ матеріалъ, лишь за немногими исключеніями, оказывается слишкомъ сомнительнымъ; онъ можетъ лишь показать, что частью уже въ индо-европ. языкѣ существовали съ самаго начала параллельные корни, какъ ak^1 : k^{1}ā, которые первоначально и по значенію могли отличаться другъ отъ друга, частью же корни такого рода, какъ греч. πτη, при πετ, явились уже въ отдѣльныхъ языкахъ. Несомнѣнный же параллелизмъ, восходящій къ индо-европ. языку, представляютъ только корни типа prā при par, корни съ плавными и носовыми, хотя и здѣсь корни съ ā не всегда могутъ считаться первоначальными. Если сопоставить при этомъ еще тотъ фактъ, что въ случаяхъ несомнѣнно древнихъ, какъ prā при par, g^{1}nā при g^{1}an, слабыя формы корней имѣютъ видъ pa̯r̥̄ и g^{1}a̯n̥̄ (въ положеніи не передъ гласной), то станетъ несомнѣннымъ, что въ индо-европ. языкѣ prā и g^{1}nā являлись фонетически изъ par, g^{1}an при извѣстномъ качествѣ плавныхъ и носовыхъ, при извѣстномъ положеніи ихъ въ словахъ (не передъ гласной) и еще при какихъ-то условіяхъ, которыя остаются неизвѣстными [1]). И такъ по отношенію къ приведеннымъ выше др.-инд. корнямъ, какъ prā, çrā, mlā, jñā, слѣдуетъ держаться ста-

---

[1]) При отсутствіи этихъ послѣднихъ условій корни типа par и g^{1}an остаются безъ перестановки.

раго объясненія, по которому они явились уже въ индоевроп. языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ путемъ перестановки.

По отношенію къ образованію основы настоящаго времени любопытный случай представляютъ корни ǵhrā, prā и g¹nā. Отъ ǵhrā извѣстно въ др.-инд. языкѣ только образованіе удвоенной основы, въ 3 pl. — jíǵhrati; съ этимъ образованіемъ можно сравнить также 3 pl. píprati, которое относятъ къ pr̥ („наполнять"), а не къ prā, на основаніи того, что при píprati есть píparmi и т. д.; но на самомъ дѣлѣ píprati точно такъ же можно относить къ prā, какъ jíǵhrati къ ǵhrā. Далѣе отъ корня g¹nā мы находимъ въ греч. языкѣ образованіе удвоенной основы— γιγνώ-σκω (съ прибавленіемъ новаго суффикса -σκο-); при др.-инд. píprati и píparmi въ греч. мы находимъ πίμπλημι (—πίπλημι) и πίμπλἄμεν. Опредѣлить отношеніе этихъ образованій можно слѣдующимъ образомъ. Въ индо-европ. языкѣ отъ корней на плавныя и носовыя было извѣстно, между прочимъ, образованіе основы съ удвоеніемъ по нетематическому спряженію; удвоенныя основы въ индо-европ. языкѣ были при этомъ двухъ видовъ: въ слогѣ удвоенія *e* и въ слогѣ удвоенія *i*; съ этимъ различіемъ связано различіе въ видѣ самой основы (ср. др.-инд. dádhā-ti, dadhmás и çíçā-ti, çiçī-masi) и вмѣстѣ съ тѣмъ въ удареніи (ср. др.-инд. juhó-ti, ciké-ti, однородныя съ bíbhar-ti, çíçā-ti, въ противоположность къ dádhā-ti); оба образованія, повидимому, допускались въ индо-европ. языкѣ одинаково для всякаго вида корней (ср. др.-инд. dadh- и çiçī- отъ корней на ā); въ отдѣльныхъ же языкахъ мы находимъ обобщеніе какого нибудь одного вида; такъ, въ греч. языкѣ мы не находимъ удвоенныхъ нетематическихъ основъ настоящаго времени съ *e*, а только съ *i* (ср. τίθεμεν съ dadh-más). Но нѣкоторые слѣды первоначальнаго различія подобныхъ основъ сохранились въ греч. языкѣ; сюда принадлежатъ именно случаи γιγνω- и πιπλη-: γιγνω- принадлежитъ къ типу основъ съ *i* въ удвоеніи и съ удареніемъ на корнѣ, πιπλη- къ основамъ съ *e* въ удвоеніи

и съ удареніемъ на удвоеніи; этимъ различіемъ обусловливается и различіе въ гласныхъ корня: γιγνω- явилось изъ индо-европ. *g¹i-g¹nō- (ср. лат. gnōsco, ignōro, латышск. znůts), которое произошло изъ *g¹i-g¹ŏn- при извѣстномъ положеніи, а πιπλη- восходитъ къ индо-европ. *pé-plē- (ср. лат. plēnus, plētus и др.), которое произошло въ индо-европ. изъ *pé-pel-. Допуская это первоначальное различіе въ образованіи удвоенныхъ основъ, можно объяснить и тотъ фактъ, что въ др.-инд. языкѣ вмѣсто *pápra̅-mi явилось píparmi и т. д., и что въ греч. языкѣ мы находимъ при πίπλη-μι множ. ч. πίπλᾰ-μεν: греч. -πλᾰ- соотвѣтствуетъ др.-индійскому -pr̥- въ двойств. и множ. числѣ, и оба они восходятъ къ индо-европ. сочетанію ə̯r̥̆, которое получалось здѣсь изъ ослабленія er̄ при этомъ именно образованіи основы, между тѣмъ какъ иначе ожидалось бы ослабленіе er̄ въ ə̯r̥̄, откуда въ др.-инд. было бы ūr (ср. pūrṇá и др.), въ греч. или λᾱ, или λω (или ἄλᾰ, ολο); образованіе ə̯r̥̆ вмѣсто ə̯r̥̄ въ такихъ основахъ можно сопоставить съ соотвѣтствующимъ ослабленіемъ ā въ 0 (нуль) въ основахъ какъ dadh- при dadhā- [1]). Но разъ въ индо-европ. языкѣ при такихъ основахъ, какъ peprā-, являлось въ двойств. и множ. числѣ pepə̯r̥̆-, представлялась полная возможность смѣшенія корней на er̄ и er̆ и появленіе новообразованій какъ *pé-par-mi. Были ли случаи такого смѣшенія уже въ самомъ индо-европ. языкѣ, сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, др.-инд. píparmi представляетъ новообразованіе, вызванное существованіемъ такихъ слабыхъ формъ, какъ pipr̥más и др.; что касается гласной удвоенія, то она не сохранилась здѣсь, а была замѣнена на *i* потому же, почему вообще, за рѣдкими

---

[1]) По всей вѣроятности, основы аналогичныя съ πίπλημι : πίπλᾰμεν представляютъ въ греч. языкѣ также πίπρημι : πίπρᾰμεν и κίχρημι : κίχρᾰμεν; съ основой πιπρη- можно сопоставить ст.-сл. **полѣ-ти (полѭ, поли-ши), плаполати, планѫти сѧ, пепелъ, попелъ**; κίχρημι не ясно по происхожденію; ср. χερνής (G. Meyer, Gr. Gr. § 39, стр. 44).

исключеніями, въ удвоенныхъ основахъ въ др.-инд. не удерживалось первоначальное *a*, а замѣнялось на *i* или *u*. Замѣна этого рода явилась въ греч. языкѣ, и также — по общему правилу этого языка.

И такъ, одно изъ образованій основы, которое допускали въ формахъ настоящаго времени индо-европ. корни вида prē и g¹nō, было удвоеніе основы; точнѣе сказать — въ индо-европ. языкѣ корни этихъ двухъ видовъ могли получаться изъ корней вида per и g¹en, между прочимъ, въ формахъ ед. ч. отъ удвоенныхъ основъ двухъ типовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что корни вида g¹nō могли получаться въ индо-европ. языкѣ еще въ удвоенныхъ основахъ третьяго типа: это, именно, — основы такъ называемаго perfect'a, которыя въ индо-европ. языкѣ постоянно имѣли въ удвоеніи гласную *e*, и въ трехъ лицахъ ед. ч. представляли гласную *o* (при чередованіи съ *e*); но здѣсь возникновеніе формы какъ g¹e-g¹no- было ограничено, вѣроятно, лишь вторымъ л. ед. ч. Далѣе, корни типа prē могли получаться въ индо-европ. языкѣ при образованіи основы настоящаго и прошедшаго временъ прямо отъ корня, т. е. prē, напр., могло возникать въ ед. ч. въ такихъ формахъ какъ *pér-mi, *pér-si, *pér-ti; въ прош. времени — *a-per-s, *a-per-t. Такое образованіе основы и существовало въ индо-европ. языкѣ; ср. др.-инд. вед. prā́si, ghrāti, trā́sva (trā, tṛ̊); сюда же могутъ принадлежать и формы drāti („спитъ"), drāhi („бѣги"), прош. вр. aprāt; въ греч. яз. ср. аор. πλῆ-το („наполнился"), и сюда же можетъ принадлежать ἀποσκλῆναι (въ греч. языкѣ при этомъ та особенность, что корень сильнаго вида обобщался и проникъ въ слабыя формы). Наконецъ, корни типа prē въ индо-европ. языкѣ могли получаться и при образованіи основы съ суф. jo—je; при существованіи въ индо-европ. языкѣ такихъ основъ, какъ *tenjo- (др.-инд. tanyati), *herjo- (др.-инд. háryа-ti, háryа-te), надо предполагать и такія основы, какъ *k¹erjo-, откуда могло явиться *k¹rējo-; къ основѣ *k¹rējo- должно восходить др.-инд. çrāya-ti (ср. выше родственныя слова отъ этого корня);

вѣроятно, основы такого же происхожденія мы находимъ и въ др.-инд. çlāya-ti, glāya-ti при glā-ti, trāya-te при trā-sva, trā-dhvam (нѣкоторые сопоставляютъ съ trāya-te старо-слав. **траѥ-ть,** но это сопоставленіе едвали вѣрно), mlāya-ti при mlānti; къ такимъ же образованіямъ должны относиться ст.-слав. **ꙁрѣѥ-ть** [1]) (ср. **ꙁорити, съꙁорь,** др.-инд. járati, jíryati и др.; Fick, l. c. I, 71; II, 548), ст.-слав. **грѣѥ-ть** (ср. др.-инд. gharmá, греч. θερμός, θέρο-μαι, θέρος = др.-инд. háras, и сюда же, вѣроятно, **горѣ-ти** и **жаръ**); не ясно по своему происхожденію **про-клѣѥ-ть,** при **про-клиѥ-ть** (inf. **про-клѣти** и **про-клити**; слов. Микл., s. v.); изъ литовск. языка не извѣстны, кажется, такія основы; въ греч. языкѣ на существованіе такихъ основъ могутъ указывать формы, какъ аттич. χρῆται, χρῆσθε изъ *χρήjε-ται, *χρήjε-σθε; сомнительные случаи представляютъ κνῆται (κνῆν), Hippocrat. III, 490, и σμῆται (σμῆν), Antiph. frgm. 148 (см. объ этихъ случаяхъ у G. Mekler'a Beiträge z. Bildung d. griech. Verbums, стр. 16, 20, 22); въ латинск. языкѣ сюда можетъ принадлежать pleo изъ *plējo, если только plē- не латинскаго образованія. Въ общемъ, основы на jo—je̥ этого происхожденія сохранились главнымъ образомъ въ др.-инд. и ст.-слав. языкахъ; въ греч. и латинск. языкахъ они большею частью утратились, будучи вытѣснены другими образованіями [2]).

---

[1]) **ꙁьрѣлъ** при **ꙁрѣлъ** и **съꙁьрѣ-ти** при **съꙁрѣ-ти** въ нѣкоторыхъ памятникахъ представляютъ такую же непервоначальную форму infinitiv'a, какъ **мьрѣти** и др.; ср. Leskien, Hndb. § 111.

[2]) Въ заключеніе о корняхъ вида g'nō и prē надо добавить, что перестановку, происходившую въ такихъ корняхъ еще въ индо европ. языкѣ ранѣе его распаденія, надо отличать отъ аналогичной перестановки гласныхъ при плавныхъ и носовыхъ, происходившей уже въ отдѣльныхъ языкахъ; факты послѣдняго рода особенно извѣстны изъ языковъ старо-славянскаго и греческаго. По отношенію къ греч. языку надо имѣть въ виду, что перестановка при плавныхъ и носовыхъ стоитъ здѣсь въ связи съ слабымъ видомъ корня, и при

Перейдемъ теперь къ упомянутымъ выше др.-инд. основамъ dhyāya-ti, pyāya-te, styāya-te. Какъ было уже замѣчено, эти основы не происходятъ отъ корней на iāi, и вмѣстѣ съ тѣмъ yā въ нихъ чередуется съ ī, ĭ; такимъ образомъ представляется возможнымъ думать, что эти корни производятся отъ корней на ĭ и ī, т. е. на ăi и āi; къ такимъ производнымъ корнямъ причисляются также др.-инд. khyā, jyā и vyā. По отношенію къ образованію основы съ ya эти корни представляютъ слѣдующіе факты: ведійскій примѣръ такой основы только одинъ — pyāya-te (въ RV); dhyāya-ti и styāya-te извѣстны изъ Брахманъ и классич. языка; отъ khyā извѣстно praes. только khyā-si и еще нѣсколько формъ, въ эпосѣ, гдѣ употребляется также и dhyā-ti; отъ jyā совсѣмъ не образуется praes. (есть только jinā-ti и jīya-te); отъ vyā мы находимъ praes. vyáyati. По отношенію къ другимъ глагольнымъ формамъ эти

томъ рядомъ съ перестановкой здѣсь существуетъ часто и „полногласіе"; ср., напр., такіе случаи какъ θνᾱ-τός, діал. θνη-τός : θάνα-τος, δμᾱ-τός, діал. δμη-τός : ἀ-δάμα-τος, παν-δαμά-τωρ; τλη-παθής (изъ τλᾱ-) : ταλα-πενθής; ἔ-στρω-ται : ἐ-στόρο-ται и др. Сходство этой спеціально греч. перестановки съ индо-европ. состоитъ въ томъ, что и въ греч. языкѣ перестановка связана съ особымъ видомъ плавныхъ и носовыхъ (ср. de Saussure, Mémoire, стр. 271, слѣд.); не ясно въ греч. языкѣ отношеніе формъ съ перестановкой и съ полногласіемъ (какъ не ясно оно и въ случаяхъ ἄρ : ρᾰ, ἄλ : λᾰ, при другомъ качествѣ плавныхъ). Другое сходство греческой перестановки съ индо-европейской состоитъ въ томъ, что какъ индо-европейскіе корни вида g'nō и prē въ отдѣльныхъ языкахъ часто обобщались, переходя въ такія формы, гдѣ первоначально не были, и образуя такимъ образомъ корни на долгія гласныя „безъ чередованія", такъ точно и въ греч. языкѣ обобщались корни θνᾱ, τλᾱ, στρω и др. (ср., напр., индо-европ. g'nō въ др.-инд. jñā-tá, jñā-yá-te, греч. γνω-τός, латыш. znūts; индо-европ. prē въ др.-инд. prā-tá при pūrtá, лат. plētus, plēnus, греч. ἐπλήμην, πλῆτο, πέπληνται и т. д.; греч. τλᾱ въ τέτληκα, τλαίην, ἔτλην и др.; δμᾱ въ δμῆσαι, δέδμηκα и др.); въ греч. языкѣ здѣсь иногда являлось, по аналогіи съ другими корнями на первоначальныя долгія гласныя, чередованіе: τέτλᾰμεν, τεθνᾰμεν, τλαίην, τεθναίην и др.

корни представляютъ ту особенность, что они часто являются съ yā въ такихъ образованіяхъ, гдѣ не могло бы быть ā, если бы оно было корневое: ср. passiv. dhyāya-te, khyāya-te, прич. dhyāta, pyāta, khyātá; но ни одинъ изъ этихъ корней не образуетъ корневаго аориста съ yā. Если сопоставить съ этими особенностями тотъ фактъ, что въ вед. языкѣ, за исключеніемъ указаннаго pyāya-te, causativ'a pyāyáya-ti въ AV, desider. jíjyāsa-ti, корни съ yā употребляются обыкновенно только въ именныхъ образованіяхъ (ср. dhyā́, stíyā, pra-khyāi, vi-khyāi, jyā́, которое читается какъ jiā въ jiāyas при jyā́yas, jiéṣṭha при jyéṣṭha, parama-jiā́ при parama-jyā́), то станетъ вполнѣ вѣроятнымъ то предположеніе, что корни этого рода возникли первоначально въ именныхъ образованіяхъ изъ соединенія корней на ăi, āi, въ слабомъ видѣ i, ī, съ именнымъ суффиксомъ ā. Соединеніе суффикса ā съ слабымъ видомъ корня происходило при этомъ, вѣроятно, такъ, что ĭ или оставалось какъ i, или измѣнялось при какихъ-то условіяхъ въ i̯, а ī распадалось на ii̯, которое въ отдѣльныхъ языкахъ частью сохранялось, переходя далѣе въ ij, частью измѣнялось въ i и далѣе въ i̯ и j; такимъ образомъ др.-инд. jiā, греч. βίᾱ (іон. βίη) могутъ восходить къ *giā, др.-инд. jyā—къ *gi̯ā; вед. stíyā, греч. στίᾱ могутъ восходить къ *stii̯ā; но при этомъ въ глагольныхъ формахъ мы находимъ styā, гдѣ y можетъ восходить къ i изъ ii̯. Принимая такое происхожденіе нѣкоторыхъ корней на yā въ др.-инд. языкѣ, надо считать основы настоящаго врем. отъ нихъ съ суф. ya (pyāyate) основами производными отъименными; таково именно и было въ индо-европ. языкѣ образованіе основы настоящаго времени у всѣхъ отъименныхъ глаголовъ; слѣдовательно, такое спряженіе этихъ корней, какъ dhyā-ti, khyā-ti, не можетъ быть первоначальнымъ.— Отъименныя основы изъ другихъ языковъ будутъ разобраны ниже, при обзорѣ производныхъ основъ вообще. Теперь я укажу только еще на одну особенность въ образованіи основы наст. времени въ др.-инд. языкѣ отъ упомянутыхъ производныхъ корней. Отъ такъ называе-

маго корня vyā или vī мы находимъ форму praesens'a vyáya-ti; аналогичныя образованія съ этимъ представляютъ еще çváya-ti и hváya-ti отъ корней çvā—çū и hvā—hū: корни çvā и hvā такіе же производные корни отъ çū и hū или hŭ, какъ vyā отъ vī, или jyā отъ ji и др. Эти же всѣ образованія praesens'a нельзя отдѣлять отъ такихъ, какъ caya-te при cāya-te, dáya-te при dā́-ti („дѣлитъ"), далѣе dháya-ti (2 dhā) и váya-ti (2 vā, vi, u), которыя, какъ было указано выше, представляютъ одинъ изъ видовъ слабой основы отъ корней на āi. Такимъ образомъ основы отъ корней на āi оказывали вліяніе на производныя основы какъ pyāya-te и др. въ томъ направленіи, что, чередуя сильныя и слабыя основы, какъ cāya- и caya-, вызывали подобное же чередованіе и въ производныхъ основахъ; при этомъ въ др.-инд. языкѣ удерживался только одинъ какой нибудь видъ основы, какъ это обыкновенно происходило и въ основахъ отъ корней на āi. Основы отъ корней на āi оказывали вліяніе на производныя основы еще въ другомъ отношеніи: подъ вліяніемъ такихъ производныхъ основъ отъ корней на āi, какъ pāyaya-, sāyaya- и др. (causativa отъ pāi, sāi и др.) явились и такія производныя основы, какъ pyāyaya- и hvāyaya- (также causativa). Съ другой стороны производныя основы могли иногда оказывать вліяніе на образованіе нѣкоторыхъ формъ отъ корней на āi; благодаря этому вліянію могли возникнуть такія формы будущаго времени, какъ вед. vayiṣyá-ti (отъ vāi) при praes. váya-ti, по аналогіи, напр., vyayiṣye при vyáya-ti, hvayiṣya-ti при hváya-ti и др.; въ позднѣйшемъ языкѣ такія образованія будущ. времени являются очень распространенными (ср. Whitney, Wurz., стр. 229).

Повторю въ короткихъ словахъ главные результаты предъидущихъ сопоставленій. Въ индо-европ. языкѣ основы отъ корней на первоначальныя ā (различныхъ качествъ) лишь въ рѣдкихъ случаяхъ образовывались съ суф. jo—je, и образованіе ихъ можетъ быть объясняемо вліяніемъ со стороны основъ на *e*—*o* отъ корней на первоначальныя āi. Въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ это вліяніе сказа-

лось въ гораздо большемъ числѣ случаевъ, и здѣсь появлялось уже значительное число основъ съ jo—je отъ корней на ā. Кромѣ того въ отдѣльныхъ языкахъ на распространеніе новообразованій съ суф. jo—je вліяли также основы на jo—je отъ корней типовъ g¹nō и prē и отъ корней производныхъ съ суф. ā, полученныя уже изъ индо-европ. языка.

Такимъ образомъ, возвращаясь къ старо-слав. и литовск. языкамъ, можно замѣтить, что большая часть основъ съ jo—je отъ корней на ā (различныхъ качествъ) въ этихъ языкахъ не индо-европейскаго происхожденія; нѣкоторыя основы появлялись даже въ отдѣльной жизни обще-литовск. и обще-слав. языковъ, что несомнѣнно относительно старо-слав. **дає-ть,** при литовск. dûmi, dûdu, и **дѣє-ть,** при литовск. dėmi, dedù. Особый случай отношенія старо-слав. основъ къ литовскимъ слѣдуетъ замѣтить въ ст.-слав. **ꙁнає-ть** при лит. żinaũ (żinójau, żinó-ti). Если не предполагать въ обще-слав. языкѣ выпаденія ĭ въ *znā- (между z и n), то старо-слав. **ꙁна-** надо отдѣлять отъ литовскаго żino- и возводить его непосредственно къ индо-европ. g¹nō- (др.-инд. jñā-, греч. γνω-, лат. gnō-, латыш. znû-). Такимъ образомъ старо-слав. **ꙁнає-** будетъ представлять основу znā-je-, образованную по аналогіи съ съ **тає-, ѵає-, грѣє-** и др. Что же касается литовск. żino-, то возможно двоякое объясненіе этой основы. Вопервыхъ, żino- можно сопоставлять съ др.-инд. основой jā-nā- (въ jā-nā-ti), которая восходитъ къ индо-европ. основѣ *g¹ǭn̥-nā-; въ этомъ случаѣ литовское żino- должно восходить къ первоначальному *żin-no-; за неимѣніемъ другихъ примѣровъ трудно только сказать, было ли въ литовск. языкѣ дѣйствительно упрощеніе nn въ n; что такого упрощенія не было еще въ литовско-слав. языкѣ, можетъ указывать ст.-слав. **по-ма-нѫ-ти.** Вовторыхъ, возможно объяснять литовское żino- изъ индо-европ. *g¹ɑnā-, т. е. изъ производной основы отъ корня g¹en, подобной вышеупомянутымъ др.-инд. основамъ jyā-, vyā- и др. При томъ и другомъ объясненіи литовское żinaũ будетъ представлять уже

производное спряженіе; поэтому болѣе подробно будетъ говориться о немъ въ связи съ другими производными основами.

Теперь слѣдуетъ еще остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ въ спряженіи старо-слав. глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ наст. времени суф. *je*, при корнѣ на долгія гласныя. Изъ одного памятника старо-слав. языка, именно изъ Маріинскаго евангелія, извѣстны такія формы какъ **прѣ-даа-тъ, въ-стаа-тъ, по-каа-тъ; даа-те, ҹаа-те; дѣа-тъ; оу-спѣа-тъ; дѣа-та** (собраніе этихъ формъ см. Ягичъ, Мар. Четвероев., стр. 444, 445; Leskien, Hndb., § 122; Wiedemann, Beitr. z. altb. Conjug., стр. 75, 76); при этихъ формахъ извѣстны также и обыкновенныя, какъ **даѥ-тъ, ꙁнаѥ-тъ, сѣѥ-тъ** (Ягичъ, l. c., стр. 445). По своему образованію эти формы, конечно, ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ производныхъ глаголовъ, какъ **дѣлаа-тъ, оумѣа-тъ; на-кладаа-те, оумѣа-те** и др.; при томъ, формы производныхъ и непроизводныхъ глаголовъ этого образованія отличаются вполнѣ отъ формъ съ **-ѥ-** въ основѣ, рядомъ съ которыми они существуютъ; отношеніе ихъ другъ къ другу будетъ опредѣлено ниже, при разборѣ производныхъ основъ. Теперь важно только выяснить, насколько формы съ **-аа-, -ѣа-** въ непроизводныхъ глаголахъ находятся въ зависимости отъ соотвѣтствующихъ формъ въ производныхъ глаголахъ. Какъ было указано выше, старо-слав. основы, какъ **ҹаѥ-, сиꙗѥ-** или **сьꙗѥ-, спѣѥ-**, восходятъ къ индо-европ. основамъ *kēje-, *k¹iāje-, *spēje- (или *sphēje-), гдѣ j не принадлежалъ суффиксу; основы, какъ **ꙁрѣѥ-** (иногда непервонач. **ꙁьрѣѥ-, ꙁърѣѥ-**) восходятъ къ индо-европ. основамъ съ суф. je; основы отъ корней на долгія гласныя частью въ литовско-слав. языкѣ, частью въ обще-славянскомъ образовывались по аналогіи этихъ основъ: слѣдовательно, всѣ они имѣли въ основѣ настоящаго времени j; предполагать въ нихъ какой нибудь другой суффиксъ нѣтъ никакихъ основаній. Отсюда слѣдуетъ, что если въ старо-слав. языкѣ, въ извѣстныхъ его діалектахъ, мы находимъ формы **ҹаа-те, сѣа-тъ, оу-спѣа-тъ,**

со-зърѣа-тъ, знаа-тъ, даа-те, сѣа-тъ и др., то мы не можемъ считать ихъ первоначальными; напротивъ, мы должны считать ихъ формами возникшими по аналогіи съ соотвѣтствующими формами производныхъ глаголовъ; т. е. надо полагать, что, напр., **дѣлаа-ть** при **дѣлаѥ-ть, оумѣа-ть** при **оумѣѥ-ть** и т. д. вызвали и формы **знаа-ть, зрѣа-ть** при **знаѥ-ть, зрѣѥ-ть** и т. д. Но въ этомъ случаѣ представляется еще вопросъ о томъ, когда явились эти новообразованія въ непроизводныхъ глаголахъ, въ отдѣльной ли жизни старо-слав. языка, или же въ обще-слав. языкѣ. Тотъ фактъ, что указанныя непроизводныя основы съ **-аа-** и **-ѣа-** мы находимъ только въ одномъ памятникѣ (не считая формы **дѣѣши**—1 р. въ Супр. р., при **дѣѥши** и **деши**), самъ по себѣ не могъ бы еще указывать на позднее происхожденіе ихъ; но въ пользу такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ другихъ славянскихъ языкахъ мы не находимъ формъ, соотвѣтствующихъ этимъ формамъ съ **-аа-** и **-ѣа-**. Единственный глаголъ, спряженіе котораго можно прослѣдить почти по всѣмъ славянскимъ языкамъ, и который можетъ указывать на формы съ **-аа-**, есть старо-слав. **знаѥ-ть**, діалектич. **знаа-тъ**; а онъ представляетъ почти вездѣ двѣ формы основы: или форму соотвѣтствующую старо-слав. **знаѥ-** (ср. русск. *знаетъ*, болг. znajъ, серб. znaje—3 л. ед., чешск. znaju—znaji, польск. znają), или же форму нетематич. спряженія (ср. русск. діалектич. *знашь*, болг. znam, словинск. znam, сербск. znam, чешск. znám, польск. znam) (Mikl., Vrgl. Gr., III², стр. 322. 194. 236. 167. 384. 456.). Нетематическія формы этого глагола можно бы было сопоставить съ приведенными старо-славянскими діалектич. **знаа-тъ, знаа-те**, объясняя *а* въ славянскихъ языкахъ изъ стяженія *аа;* но такъ какъ онъ—единственный глаголъ, который вездѣ последовательно представляетъ нетематич. спряженіе, то гораздо естественнѣе возводить эти нетематич. формы прямо къ соотвѣтствующимъ обще-слав. формамъ *zna-mĭ, *zna-tĭ и т. д. Такое же спряженіе этого глагола въ обще-слав. языкѣ необходимо предполагать, принимая во вниманіе

происхожденіе основы zna изъ индо-европ. g¹nō: т. е. въ обще-слав. языкѣ спряженіе *zna-mĭ, *zna-tĭ и т. д. должно было представлять спряженіе индо-европ. удвоенной основы *g¹i-g¹nō-, съ утратой удвоенія (ср. выше греч. γι-γνω-); при этомъ спряженіи въ обще-слав. языкѣ, по аналогіи другихъ основъ отъ корней на долгія гласныя, возникло позже и спряженіе съ суф. je. Существованіе въ обще-слав. языкѣ нетематическаго спряженія основы zna- можетъ подтверждаться также и тѣмъ фактомъ, что эта основа въ отдѣльныхъ слав. языкахъ является одной изъ немногихъ старыхъ основъ, распространенныхъ суффиксомъ d (ср. сербск. znadem и т. д.; Mikl., l. c., стр. 226. 227); а такое распространеніе основы предполагаетъ старое нетематическое спряженіе ея. Отдѣльные случаи нетематич. спряженія въ славянскихъ языкахъ представляютъ еще русск. діалектич. *батъ* = *баетъ* (Mikl., l. c., стр. 315), словинск. smêm при smêjem, spêm, dêm при dêjem (стр. 167), сербск. sijam—sjam при sjajem, zijam—zjam (стр. 241), dim („говорю") (стр. 236), чешск. dím („говорю"), smím (стр. 384), польск. śmiem при śmieją (стр. 456), верхне-луж. smém при sm'u, 3 pl. sméju, sméja, smédža (стр. 495); всѣ эти случаи также могутъ указывать лишь на первоначальное нетематич. спряженіе въ обще-слав. языкѣ, которое и надо предполагать для корней съ долгими гласными (какъ съ первоначальными долгими гласными, такъ и съ индо-европ. āi различныхъ качествъ). Такимъ образомъ по отношенію къ старо-слав. діалектич. формамъ непроизводныхъ глаголовъ съ -ꙗ-, -ѣ- не оказывается достаточныхъ основаній считать ихъ формами обще-славянскими; скорѣе всего можно думать, что они возникли подъ вліяніемъ формъ производныхъ глаголовъ уже въ самомъ старо-слав. языкѣ, и даже въ одномъ изъ его діалектовъ.

Перейду теперь къ основамъ на jo—je отъ корней на дифтонги, и разсмотрю раньше именно корни съ дифтонгами au. Въ старо-слав. языкѣ основы на je отъ этихъ корней распадаются на два отдѣла: а) основы отъ корня

сильнаго вида (**гоуѥ-ть, коуѥ-ть** и др.) и b) основы отъ корня слабаго вида (**рыѥ-ть** и др.). Въ литовск. языкѣ эти основы производятся только отъ сильнаго вида корня (ráuju и др.). Рядомъ съ основами на -je- отъ корней сильнаго вида въ старо-слав. языкѣ часто существуютъ и основы на -*е*-; такъ мы находимъ **коуѥ-ть : ковє-ть, плоуѥ-ть : ховє-ть, сноуѥ-ть : сновє-ть, троуѥ-ть : тровє-ть** и др.; въ литовск. языкѣ основъ на *е—о* мы уже не находимъ; но здѣсь часто при основахъ съ -jo- существуютъ основы съ -no-; напр., száuju : száunu, piáuju : piáunu и др. Что касается основъ на -no-, то они не первоначальны здѣсь и возникли уже въ самомъ литовск. языкѣ, подъ вліяніемъ такихъ же основъ отъ корней съ слабымъ видомъ, какъ, напр., bú-nu, pū-nù, żu-nù и др.; въ старо-слав. языкѣ мы находимъ такія же новообразованія: напр., **соу-нє-ть, доу-нє-ть, блю-нє-ть, плю-нє-ть** при **соуѥ-ть, доуѥ-ть, блюѥ-ть, плюѥ-ть**; объ отношеніи литовскаго -no- и старо-славянскаго **но—нє** было уже сказано въ I главѣ. Что касается основъ на *е—о* отъ корней на дифтонги au, то, какъ мы видѣли, они существовали уже въ индо-европ. языкѣ и въ литовско-славянскомъ; литовскій же языкъ утратилъ ихъ. Основы на jo—je отъ этихъ корней были такимъ образомъ самыя употребительныя въ литовско-слав. языкѣ. Но этого нельзя сказать относительно индо-европ. языка. Въ др.-инд. языкѣ мы совсѣмъ не находимъ основъ этого рода, и ихъ, повидимому, не было уже въ индо-иранск. языкѣ; въ греческомъ мы находимъ очень мало такихъ основъ; ср. νεύω, σεύω, δεύει (G. Meyer, Gr. Gr., § 496, 5.), которыя восходятъ къ *νεύ-jω, *σεύ-jω, *δεύ-jει; но въ обще-греч. языкѣ въ такихъ основахъ, повидимому, существовало смѣшеніе суффикса jo—je съ суффиксомъ слабыхъ основъ i̯o—i̯e; такъ, вѣроятно, надо объяснять гомеровск. θείω, πλείω, πνείω, χείω, гесіод. ῥείω и встрѣчающееся въ надписяхъ δείω (ср. δεύω) (G. Meyer, l. c., § 512); эти формы могутъ восходить къ обще-греч. *θέϝi̯ω, *πλέϝi̯ω и т. д.; случай аналогичный съ гесіод. ῥείω мы можемъ находить въ литовск. sravìu, которое также

имѣетъ суф. i̯o—i̯e при сильномъ видѣ корня; точно такое же образованіе представляютъ литовск. avìu (при au-nù, ст.-слав. **ов-оуѥ-ть,** греч. ἔν-αυον· ἔνθες — изъ *ἔν-αυσ-ον) и ravìu (при ravėjù и ráuju, ст.-слав. **рыѥ-ть**—съ другимъ видомъ корня) [1]. Но рядомъ съ суф. i̯o—i̯e въ греч. существовалъ и суф. jo—je; такъ, съ гомер. θείω, χείω, πνείω, ср. эолійск. χεύω, θεύω, ἐπι-πνεύων (R. Meister, Die griechischen Dialekte, 1. B., стр. 94). Такія основы, какъ лесб. ναύω, аттич. νᾱ́ω, θραύω, χναύω, χραύω (G. Meyer, § 105), могутъ представлять основы съ jo—je отъ корней на дифт. āu, который сократился въ ău еще въ обще-греч. языкѣ, по общему закону; при этомъ аттич. νᾱ́ω указываетъ, что при обще-греч. *νᾰυjω изъ *nāujō, существовала также основа *năvi̯o-, съ первоначальнымъ ă; ср. аттич. κᾱ́ω, κλᾱ́ω изъ καίω, κλαίω=*κᾰϜi̯ω, *κλᾰϜi̯ω, слабыхъ основъ съ суф. i̯o—i̯e отъ корней *kāu и *klāu. Были ли въ лат. языкѣ основы съ jo—je отъ корней на ău, сказать трудно, благодаря неясности нѣкоторыхъ фонетическихъ явленій въ этомъ языкѣ; можетъ быть, основу такого образованія представляетъ лат. pluit, ср. литовск. pláuju, старо-слав. **плоуѥ-ть,** отъ основы *pleu-jo-, *pleu-je- (per-plovĕre, какъ и греч. πλέει изъ *πλέϜει, ст.-слав. **плове-ть,** представляетъ основу *-pleve-); можетъ быть, и лат. ruo можно сопоставлять непосредственно съ литовск. ráuju, а не съ старо-слав. **рыѥ-ть** или **ръве-ть;** spuo и suo, вѣроятно, не надо отдѣлять по образованію отъ греч. πτύω, старо-слав. **шиѥ-ть;** что касается такихъ случаевъ, какъ ind-uo, ex-uo, ab-luo, то ихъ можно объяснять и изъ *-avo-, *-lavo-, въ положеніи послѣ слога съ удареніемъ (ср. Osthoff, M. U., IV, 80. 158.

---

[1]) Аналогія литовск. sravìu съ гесіод. ῥείω идетъ еще дальше: какъ при sravìu мы находимъ вторую основу съ ė (sravė́-ti, sravėjau), такъ точно и въ греч. мы находимъ ῥυη- (ἐρρύην, ῥυῆ-ναι и др.) изъ *ῥυϜη-; тоже самое въ литовск. avė́-ti, ravė́-ti, въ греч. гомер. δευη- (ἐδεύησε), въ надписи—ἐδειή-θη (G. Meyer, § 512).

391. и Brugmann, Grdr., § 172. 1.).—Такимъ образомъ, малочисленность основъ съ jo—je отъ корней на ăŭ въ обоихъ классич. языкахъ и полное отсутствіе ихъ въ индо-иранскомъ языкѣ заставляетъ думать, что эти основы не существовали въ индо-европ. языкѣ, но появились уже въ отдѣльныхъ языкахъ, подъ вліяніемъ основъ на jo—je отъ корней другого рода, и что касается литовско-слав. языка, то здѣсь на возникновеніе такихъ основъ должны были особенно сильно вліять основы съ jo—je отъ корней на долгія гласныя; отчасти вліяніе такихъ основъ должно было сказаться и въ греч. языкѣ. И понятно, почему особенно основы отъ корней на долгія гласныя вызывали основы на jo—je отъ корней на ăŭ: основы перваго рода, какъ мы видѣли выше, допускали во многихъ случаяхъ двоякое образованіе основы наст. времени: или съ суф. jo—je, или же нетематич. образованіе прямо отъ корня; чередованіе этихъ двухъ образованій легко могло вызвать такое же чередованіе двухъ основъ и въ корняхъ на ăŭ, если только они имѣли также нетематич. спряженіе; а такое спряженіе эти корни дѣйствительно имѣли. Для греч. языка въ этомъ можно убѣдиться непосредственно, изъ формъ какъ σεῦ-ται, στεῦ-ται; σύ-το, ἔσσυ-το, στεῦ-το; δεύ-μενον; сюда же принадлежитъ и λοῦ-ται, ἐλοῦ-μεν, которое нѣтъ необходимости объяснять изъ стяженія (G. Meyer, Gr. Gr., § 482, съ прим. 1. 2.); такое же нетематич. образованіе въ ἔχυ-το (Brugmann, Gr. Gr., § 112; ср. B. B. II, 247 слѣд.). Для старо-слав. языка мы не имѣемъ такихъ фактовъ; но въ литовск. яз., вопервыхъ, извѣстна форма spiáumi (Курш. Гр. § 1194), вовторыхъ, на нетематич. спряженіе указываютъ вышеупомянутыя основы на -na-, которыя существуютъ часто рядомъ съ основами на -ja-; а эти основы на -na- должны непосредственно замѣнять собой старыя корневыя основы, т. е., напр., piáu-nu должно было возникнуть при *piáu-mi точно такъ же, какъ einù явилось при ei-mì (извѣстномъ изъ стараго языка). О существованіи нетематич. спряженія корней на au въ литовско-слав. языкѣ можно заключать отчасти и a priori,

такъ какъ такое спряженіе, наряду съ тематич. на *e*—*o* и нетематич. съ удвоенной основой, было очень распространено въ индо-европ. языкѣ; ср., напр., факты изъ др.-инд. и иранскихъ языковъ [1]).

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ др.-инд. нетематическаго спряженія корней на au. Какъ извѣстно, въ этомъ спряженіи въ др.-инд. языкѣ мы рѣдко находимъ дифт. ău (напр., вед. çró-ṣi, ho-ṣi): обыкновенно здѣсь является āu (напр., stāú-mi, yāú-mi и др.); но въ иранск. языкахъ, повидимому, этого дифтонга нѣтъ: ср. авест. staomī (въ гатахъ), staoiti (въ зендѣ) съ др.-инд. stāúmi, stāúti. Такимъ образомъ можно думать, что этотъ дифтонгъ спеціально др.-индійскаго происхожденія; происхожденіе его можно объяснять, сопоставляя формы какъ stāúmi съ такими, какъ brávīmi (авест. mraomi): дифт. au въ этихъ случаяхъ былъ полученъ изъ индо-европ. языка съ особымъ качествомъ неслоговой части, благодаря которому au въ др.-инд. не стягивалось впослѣдствіи въ ō, но измѣнялось въ āu; благодаря этому же качеству неслоговой части и въ индо-европ. языкѣ изъ au передъ согласными являлось -au̯*a*-, откуда др.-инд. -avī-. Ср. съ дифтонгомъ au этого рода дифтонгич. сочетанія an̄, am̄, ar̄, которыя также въ индо-европ. языкѣ могли являться какъ an*a*, am*a*, ar*a*: ср. др.-инд. amīṣi, çamīṣva, ániti, ānīt и др. (Факты см. Whitney, Ind. Gr., §§ 626—634). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ др.-инд. āu можетъ допускать, вѣроятно, и иное объясненіе; именно, въ snāu-ti это āu можетъ быть индо-европ. āu (ср. греч. лесб. *ναύω* изъ *nāujō и аттич. *νά'ω* изъ **ναίω*, *năv̯ō); фонетически изъ *snāu-mi въ индо-европ. языкѣ мы должны ожидать *snā-mi; эту форму и представляетъ др.-инд. snā-mi („купаюсь“); въ другихъ формахъ, не передъ m, snāu должно было сохраняться; такимъ образомъ надо предполагать индо-европ. спряженіе для ед. ч.: *snā-mi, *snāu-si, *snāu-ti; въ дв. и мн. ч. должны были являться формы съ слабымъ корнемъ snū (snŭ); это спряженіе, не совсѣмъ обычное среди другихъ, должно было подвергнуться еще въ индо-европ. языкѣ видоизмѣненію, которое, можно думать, состояло въ томъ, что или получала преобладаніе форма 1-го лица, такъ что являлось спряженіе *snā-mi, *snā-si, *snā-ti, или же āu во 2-мъ и 3-мъ л. вытѣснялъ собою ā въ 1-мъ л.; въ др.-инд. языкѣ мы находимъ тотъ и другой способъ спряженія; но при этомъ въ др.-инд. языкѣ формы snāmi, snāsi,

Я обращусь теперь къ опредѣленію качества слоговой гласной въ дифтонгѣ, къ которому восходятъ старо-слав. **оу** и литовск. au. Обыкновенно старо-слав. **оу** и литовск. au восходятъ къ индо-европ. дифтонгамъ ău и ŏu. Такого происхожденія **оу** и au въ разбираемыхъ основахъ представляетъ основа старо-слав. **-оуѥ-** (**ок-оуѥ-**) и литовск. aunù, aũti: здѣсь **оу** и au восходятъ именно къ индо-европ. au, какъ показываютъ греч. ἔν-αυον· ἔνθες и ἐξ-αῦσαι· ἐξελεῖν. Въ старо-слав. **ꙋюѥ-ть** мы находимъ уже другой дифтонгъ — индо-европ. eu (**ꙋюѥ-ть** и **ꙋоуѥ-ть** представляютъ только діалектическую разницу); что здѣсь былъ дѣйствительно дифт. eu, а не сочетаніе iau (или i̯au, jau), можно видѣть изъ сопоставленія съ греч. κοέω (изъ *κοϜέω) = лат. caveo, др.-инд. kuvate, kaví и др., литовск. kavóju. Но этотъ старо-слав. глаголъ и есть единственный, въ которомъ мы находимъ несомнѣнно индо-европ. дифтонгъ eu. Въ такихъ же случаяхъ, какъ старо-слав. **плюѥ-ть, жюѥ-ть** и **жоуѥ-ть, блюѥ-ть,** литовск. spiáuju, dżiáuju, bliáuju мы находимъ уже не дифтонгъ eu, а сочетаніе i̯au, гдѣ качество *a* остается неизвѣстнымъ; но, во всякомъ случаѣ, если бы въ литовско-слав. языкѣ здѣсь было даже *a* или *o*, въ старо-слав. и литовск. языкахъ одинаково должны были получиться **ю**, діалектич. **оу** послѣ извѣстныхъ согласныхъ, и iau, какъ и изъ литовско-слав. i̯eu. При томъ въ указанныхъ глаголахъ, какъ было замѣчено въ I главѣ, можно видѣть не только литовско-слав. i̯au, но также i̯āu, гдѣ ā можетъ быть также различныхъ качествъ. Относительно литовскихъ piáuju (лат.

---

snā́ti повлекли за собою смѣшеніе этого корня съ корнями на первоначальное ā. Такое объясненіе для др.-инд. āu можно допускать еще, напр., въ формѣ dhāu-tá (въ SV, Whitney, Wurz., 83), при praes. dhā́va-ti, dhā́va te; или, напр., въ формѣ cyāutná, авест. s̆i̯aoϑna, при cyáva-te и т. д. — Замѣчу здѣсь, что ученіе о дифтонгахъ aĩ, aũ, añ, am̃, ar̃ я принимаю въ томъ видѣ, какъ оно излагается проф. Фортунатовымъ (о дифтонгахъ съ плавными и носовыми см. его статью въ Arch. f. sl. Phil., IV, 575 слѣд.).

pavio, Fick, Wrtb., II, 607), liáujůs (латышск. ł̦auju, др.-инд. lu-nā́ ti, греч. λύω, l. c. 654), griáuju и gráuju, какъ grūvù, grūnù при griūvù, griūnù (лат. -gruo въ in-, con-gruo; I, 567), briáujůs и i̯-si-brauju (у Bezz. Forsch.) положительно нельзя рѣшать, было ли здѣсь сочетаніе i̯au, или же просто дифтонгъ eu, который въ литовск. языкѣ можетъ являться въ видѣ iau и au; родственные языки здѣсь также не даютъ положительныхъ указаній; только въ liáujůs на основаніи формъ др.-инд. языка можно вѣроятнѣе всего видѣть простой дифтонгъ eu. Точно также и въ старо-слав. **клюѥ-ть** нельзя опредѣлить съ точностью то звуковое сочетаніе, къ которому восходитъ здѣсь **ю** (сопоставленіе этого глагола съ литовск. kliūvù, лат. clāvus, clāvis, греч. κλείω, у Fick'a II, 544, сомнительно). За исключеніемъ указанныхъ случаевъ въ остальныхъ основахъ на jo—je отъ корней на au мы находимъ въ ст.-слав. языкѣ **оу**, въ литовск. всегда au; быть можетъ, въ числѣ ихъ найдется еще нѣсколько случаевъ, гдѣ эти ст.-слав. и литовск. звуки восходятъ къ индо-европ. дифтонгу au, какъ въ **ок-оуѥ-ть**, au-nù; но нельзя предполагать сколько нибудь значительнаго числа подобныхъ случаевъ, такъ какъ дифтонгъ au и въ отдѣльныхъ языкахъ и въ индоевроп. языкѣ употреблялся довольно рѣдко. Слѣдовательно, надо предполагать, что въ большинствѣ указанныхъ основъ мы должны находить дифтонгъ ou; но при этомъ надо имѣть въ виду, что дифтонгъ ou не чередовавшійся съ eu точно такъ же, какъ и дифтонгъ au, употреблялся рѣдко; такимъ образомъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы могли бы предполагать лишь очень немного основъ, аналогичныхъ по гласной корня съ греч. λούω изъ *λούjω (ср. другую основу λοο- изъ *λοϝο- въ гомер. 3. pl. λόον, лат. lavo, lavĕre изъ *lovo, *lovĕre—Thurneysen, K. Z. XXVIII, 154 слѣд.); большинство же случаевъ предполагаютъ такой дифтонгъ ou, который находится въ чередованіи съ eu. Но въ этомъ случаѣ представляется вопросъ, почему въ основахъ на jo—je явился въ старо-слав. и литовск. языкахъ дифтонгъ ou вмѣсто eu, который мы дол-

жны ожидать въ этомъ образованіи основъ. Ср., напр., аналогичныя греческія основы νεύω, σεύω и др. Можно объяснять этотъ фактъ отчасти тѣмъ, что нѣкоторыя основы съ jo—je замѣнили собою старыя основы другого образованія, которыя имѣли уже въ индо-европ. языкѣ ou вмѣсто eu, и такими основами могли быть удвоенныя основы извѣстнаго вида, имѣвшія въ сильныхъ формахъ вообще *o* вмѣсто *e*; ср. вышеупомянутое старославянск. **ꙁнлѥ-ть**, которое предполагаетъ индо-европ. основу *g^1i-g^1nō-. Но это объясненіе не можетъ относиться ко всѣмъ старо-славянск. и литовск. основамъ; многія изъ нихъ должны были замѣнять собою старыя корневыя основы безъ удвоенія, а въ нихъ должно было находиться eu. Такимъ образомъ надо придти къ заключенію, что въ разбираемыхъ основахъ или уже въ литовско-слав. языкѣ, или только въ отдѣльной жизни обще-литовскаго и обще-славянскаго языковъ дифтонгъ eu былъ почему-то вытѣсненъ дифтонгомъ ou. Едва ли при этомъ причиной можно считать только вліяніе со стороны тѣхъ основъ, которыя уже издавна могли имѣть ou; явленіе замѣны дифтонга eu дифтонгомъ ou можно наблюдать въ старо-слав. и литовск. языкахъ и во многихъ другихъ случаяхъ, кромѣ разбираемыхъ здѣсь основъ; ср., напр., производные глаголы на **-оуѭ** и -áuju, гдѣ въ соотвѣтствіе съ греч. глаголами на -εύω мы также должны бы были ожидать дифтонга eu. Причиной этого почти общаго явленія надо считать, въ концѣ концовъ, дѣйствіе аналогіи, хотя здѣсь не возможно въ большинствѣ случаевъ открыть исходные пункты для него. Относительно времени этого явленія можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дифтонгъ eu былъ вытѣсненъ дифтонгомъ ou уже въ литовско-славянскій періодъ; но въ большинствѣ случаевъ это явленіе надо относить уже къ эпохѣ отдѣльнаго существованія обще-славянскаго и обще-литовскаго языковъ. Такимъ образомъ можно сказать, что въ этихъ языкахъ происходило явленіе обратное тому, которое совершилось въ греч. языкѣ,

гдѣ, также подъ вліяніемъ аналогіи, дифтонгъ ou былъ почти вполнѣ вытѣсненъ дифтонгомъ eu [1]).

Отъ корней на дифтонги au въ старо-слав. языкѣ, кромѣ указаннаго образованія основы наст. времени, существуетъ и другое, въ которомъ суф. -je- приставляется къ корню въ слабомъ видѣ; сюда принадлежатъ, напр., **рыѥ-ть, мыѥ-ть, кыѥ-ть** и др.; **ы** здѣсь восходитъ къ литовско-славянскому и индо-европейскому ū, которое въ слабыхъ формахъ являлось вмѣсто дифтонговъ āu и ău. Но, какъ было замѣчено въ началѣ главы, въ индо-европ. языкѣ суффиксъ jo—je не употреблялся въ соединеніи съ корнями слабаго вида: въ этомъ случаѣ являлся другой суффиксъ — i̯o—i̯e. Слѣдовательно, приведенныя старо-слав. основы не могутъ быть древними образованіями; отсутствіе такихъ же основъ въ литовскомъ языкѣ показываетъ, что ихъ не было и въ литовско-слав. языкѣ. Такимъ образомъ основы этого рода надо считать уже славянскими новообразованіями. Тотъ фактъ, что эти основы рѣдко употребляются въ славянскихъ языкахъ, даетъ основаніе думать, что и въ обще-слав. языкѣ ихъ было немного. Происхожденіе ихъ проще всего можно бы было объяснять такимъ образомъ, что въ обще-слав. языкѣ къ формамъ неопредѣленнаго наклоненія, какъ *rū-ti, *mū-ti и др. были образованы основы наст. времени *rū-je-, *mū-je- и др. по аналогіи съ другими глаголами на долгія гласныя, какъ *znā-ti : *znā-je-, *sē-ti : sē-je- и т. д. Но это объясненіе оказывается неудовлетворительнымъ при томъ соображеніи, что для литовско-слав. языка самыя формы infinitiv'a нельзя, большею частью, считать формами первичными, возникшими независимо отъ основы настоящаго времени: обыкновенно всѣ такъ называемые корневые infinitiv'ы получаютъ корень въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ является въ основѣ настоящаго времени. Такъ точно и въ настоящемъ

[1]) Ср. по поводу этихъ явленій соображенія, высказанныя проф. Брандтомъ, Грамматич. замѣтки, стр. 103 съ прим. 4, стр. 104 съ прим. 3.

случаѣ скорѣе надо предполагать, что формы *rū-ti, *mū-ti и др. возникли подъ вліяніемъ *rū-je-, *mū-je- и др., чѣмъ наоборотъ. Только для небольшого числа корней, какъ ст.-слав. **кы-**, литовск. bū-, можно предполагать первоначальную гласную ū и считать первоначальными infinitiv'ы **бы-ти** и bú-ti (ср. родственныя по образованію др.-инд. bhū-tí и bhū́-ti, греч. φῦ-σι- въ гомер. φυσί-ζοος); но какъ-разъ отъ этого корня въ обще-слав. языкѣ и не было основы съ je (ст.-слав. **бый** = ***быѩ** и сербск. dobijem, snebijem se, у Микл. Vgl. Gr. III, стр. 110, 236, должны считаться только новообразованіями этихъ языковъ). Выходя изъ того положенія, что основы *rūje-, *mūje- и др. возникли независимо отъ формъ неопредѣленнаго наклоненія, надо придти къ заключенію, что они замѣнили собою старыя основы какого нибудь другого образованія. А такими основами могли быть именно основы съ суф. i̯o—i̯e, которыя въ индо-европ. языкѣ имѣли слабый видъ корня; можно, такимъ образомъ, думать, что въ обще-слав. языкѣ, напр., основа *rūje- замѣнила собою индо-европ. основу *rū-i̯e-. Такая замѣна была вполнѣ естественна на томъ основаніи, что основы какъ *rū-i̯e- еще въ литовско-слав. языкѣ должны были принимать форму *rū-e-; открытыя формы отъ такихъ основъ при своей исключительности среди другихъ образованій и должны были въ обще-слав. языкѣ подчиниться аналогіи основъ съ je отъ корней на долгія гласныя. Но эта замѣна старыхъ открытыхъ основъ основами на je не была въ обще-слав. языкѣ единственнымъ средствомъ устраненія необычныхъ формъ: какъ показываютъ русскія формы *плывy*, *слывy*, чешск. plyve (Микл. III, 384), нѣкоторыя основы типа *rū-e- не принимали суффикса je, но, продолжая сохраняться въ томъ же видѣ, развивали между ū и e звукъ v (первоначально, вѣроятно, u̯). Отъ тѣхъ же основъ настоящаго времени производились въ обще-слав. языкѣ и вторичныя причастія съ суф. -eno-: ср. рѣдкія старо-слав. формы **крывенъ, мывенъ** (Микл. III, 108), словинск. pokriven, vmiven (l. c. 168), сербск. umiven,

pokriven, šiven (l. c. 236); эти причастія въ обще-слав. языкѣ возникли при болѣе древнихъ образованіяхъ, къ которымъ восходятъ, напр., старо-слав. **кръвенъ, мъвенъ, шьвенъ**, сербск. šven, и при старыхъ причастіяхъ съ суф. -to-, которыя мы находимъ, напр., въ старо-слав. **крытъ** (у Микл. III, 108—**съкрыть**; ср. также **плытъкъ, плъітьнъ**— въ словарѣ), сербск. pokrit, šit (Микл. l. с. 236). Причастія такого образованія, какъ *krūvenŭ и др.., въ обще-слав. языкѣ повліяли и на образованіе соотвѣтствующихъ формъ другихъ непроизводныхъ глаголовъ, имѣвшихъ въ окончаніи корня долгія гласныя; подъ этимъ вліяніемъ явились такія причастія, къ которымъ восходятъ, напр., старо-слав. **об-оувенъ, одѣвенъ** (у Микл. стр. 108—**одѣвень**, при **одѣнъ**), словинск. neobriven, razodiven, obuven (стр. 168), сербск. izuven при izut, čuven, nadiven, biven при bijen и др. (стр. 236); вліяніе причастій какъ *krūvenŭ на другія образованія надо объяснять такимъ образомъ, что въ *krūvenŭ при формахъ *krū-jǫ и *krū-ti за суффиксъ причастія принималось уже не -enŭ, а -venŭ; тогда и при формахъ, напр., *o-dē-jǫ и *o-dē-ti легко могла возникнуть форма *o-dē-venŭ.

Въ литовск. языкѣ основы, соотвѣтствующія обще-слав. *rū-e-, изъ индо-европ. *rū-i̯e-, не слѣдовали аналогіи основъ съ суф. jo—je, но, продолжая сохраняться въ томъ же видѣ, развивали между ū и суффиксомъ основы v (первоначально, вѣроятно, u̯); слѣдовательно, въ литовск. языкѣ во всѣхъ случаяхъ такихъ основъ произошло тоже самое, что отчасти произошло въ обще-слав. языкѣ. Къ этому образованію въ литовскомъ принадлежатъ pūvù (и pū-nù), žūvù (и žū-nù), cziūvù (ср. cziáudmi и cziáudžiu), szcziūvù, griūvù—grūvù (и griū-nu, grū-nù; ср. griáuju—gráuju), kliūvù (и kliū-nù; ср. kliaudau), bliūvù (ср. bliáuju), siūvù (и siū-nù). Слѣдовательно, по образованію основы эти литовскія формы можно сравнить съ русск. *плывy, слывy;* въ самомъ литовскомъ языкѣ аналогію для глагольныхъ образованій представляютъ такія имена, какъ dziūvà, krūvà (ср. dziáuju, kráuju), которыя восходятъ

къ первоначальнымъ образованіямъ съ суф. -i̯ā [1]). Сравнительно съ старо-славянскимъ въ литовскомъ можно отмѣтить только ту особенность, что послѣдній въ числѣ разбираемыхъ основъ сохранилъ преимущественно основы, происходящія отъ корней на дифтонгъ iāu; между тѣмъ въ старо-слав. языкѣ мы находимъ только одну несомнѣнную основу этого происхожденія—**шиѥ-ть**, литовск. siūvù; форма **жижщиимъ** у Григ. Наз. можетъ быть и ошибочной вмѣсто **жоу-** (см. словарь Миклошича подъ словомъ **жьвати**).

По отношенію къ гласной корней, которые принимаютъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ такое образованіе основы, возникаетъ вопросъ, почему эти корни имѣютъ ы и ū. Какъ было замѣчено выше, нельзя всѣ корни, которые образуютъ въ старо-слав. языкѣ основы на -**ыѥ**-, возводить къ первоначальнымъ корнямъ на дифтонги āu; тоже самое надо думать, вѣроятно, и о нѣкоторыхъ литовскихъ корняхъ, имѣющихъ основы на -ūva-. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ слѣдующія указанія: въ др.-инд. языкѣ отъ всѣхъ корней на дифтонги au основы съ суф. i̯o—i̯e образуются всегда съ ū въ корнѣ (ср., напр., skūyá-te отъ sku, çrūyá-te отъ çru, hūyá-te отъ hu и др.); многіе корни, конечно, и въ др.-инд. языкѣ могутъ восходить къ первоначальнымъ корнямъ на āu; но есть здѣсь и несомнѣнные корни на ău. Въ греч. языкѣ въ глаголахъ на -υω мы находимъ часто колебаніе формъ съ ῠ и ῡ; ср., напр., δῠ́ω и δῡ́ω, θῠ́ω и θῡ́ω, λῠ́ω и λῡ́ω, φῠ́ω и φῡ́ω и др. (Osthoff, M. U., IV, 12 слѣд.); но, какъ было замѣчено въ I главѣ, формы съ ῠ восходятъ къ индо-европ. формамъ съ uv: δῠ́ω, напр., изъ первоначальнаго *δῠ́Fω; суффикса i̯o—i̯e здѣсь не было съ самаго начала; къ индо-европ. образованіямъ съ i̯o—i̯e должны восходить только формы съ ῡ; такимъ образомъ и въ греч. языкѣ мы находимъ долготу корневой

---

[1]) Литовск. piūvė при piūvėnė и piūvis (ср. piáuju) представляютъ уже новообразованія по отношенію къ суффиксамъ.

гласной передъ суффиксомъ основы i̯o—i̯e. Это совпаденіе четырехъ языковъ по отношенію къ разбираемому образованію основъ заставляетъ предполагать, что уже въ индо-европ. языкѣ всѣ основы этого рода имѣли передъ суффиксомъ основы ū; вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ индо-европ. языку трудно допускать, что ū только обобщилось здѣсь подъ вліяніемъ тѣхъ основъ, въ которыхъ корни съ самаго начала имѣли ū; надо думать поэтому, что ū въ индо-европ. языкѣ возникало фонетически изъ сочетаній ŭ, ū+i̯ó—ŭé; именно, можно предполагать, что i̯ послѣ гласной передъ слѣдующей гласной съ удареніемъ распадалось на i̯i̯, при чемъ первое i̯, примыкая къ предшествующимъ ū и ŭ, стягивалось съ ними въ ū. Случай аналогичный съ этимъ, какъ увидимъ далѣе, представляютъ основы съ i̯o—i̯e отъ корней на дифтонги ai. Къ этому можно добавить, что такія индо-европ. основы на i̯o—i̯e и могли послужить, между прочимъ, основаніемъ для смѣшенія корней на дифтонги au, ai съ корнями на дифтонги āu, āi, которые уже съ самаго начала въ слабыхъ формахъ имѣли ū и ī.

Перехожу къ основамъ съ jo—je отъ корней на дифтонги ai. Объ основахъ какъ старо-слав. **вию-ть** и **вью-ть** =литовск. vejù было уже сказано въ I главѣ. Здѣсь надо только замѣтить объ основахъ, которыя имѣютъ **ѣ** передъ суффиксомъ основы. Сюда принадлежатъ **ѕѣю-ть, лѣю-ть, рѣю-ть, смѣю-ть сѧ** и рѣдкое **прѣю-ть** (отъ **прити**) [1]. Лескинъ (Hndb., стр. 11, внизу) видитъ въ этомъ старо-слав. **ѣ** первоначальное ē и объясняетъ формы **лѣѭ, ѕѣѭ** какъ основы на *e—o* отъ корней на дифтонгъ ēi. Но, во-первыхъ, ни въ одной изъ приведенныхъ старо-слав. основъ

---

[1]) Къ этимъ образованіямъ принадлежитъ и русск. *сѣетъ* (въ значеніи „cribrare“); въ старо-слав. языкѣ отъ этого корня извѣстна, кажется, только основа infinitiv'a — **сѣяти** (см. словарь Микл. подъ словами **сѣяти** и **просѣяти**); ср. того же корня литовск. sijóju, кроат. sijati (въ сл. Микл. подъ словомъ **сито**), литовск. sëtas, русск. *сито*.

съ ѣ нельзя съ достовѣрностью указать корня съ дифтонгомъ ēі; вовторыхъ, эти старо-слав. основы съ ѣ трудно отдѣлять отъ литовскихъ основъ съ ё—lė́ju (и lė̃-nu), skrė̃jù (и skrė̃-nù), szlė̃jù (ср. латышск. sli-nu при sleiju). Такимъ образомъ старо-слав. ѣ и литовск. ё указываютъ на литовско-слав. дифтонгъ аі, который можетъ соотвѣтствовать индо-европ. аі и оі. Трудно сказать, можно ли въ какихъ нибудь изъ приведенныхъ старо-слав. и литовск. основъ предполагать индо-европ. дифтонгъ аі; во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ ихъ надо предполагать индо-европ. оі. Появленіе этого дифтонга надо объяснять тѣмъ, что упомянутыя старо-слав. и литовскія основы съ jо—je замѣнили собою старыя корневыя основы, которыя утратили удвоеніе; напр., старо-слав. основа **лѣѥ-**, литовск. lė̃ja- предполагаютъ литовско-слав. основу *lai- (съ нетематич. спряженіемъ) изъ первоначальной *li-loi-, съ которой ср. въ др.-инд., напр., ci-ké- изъ индо-европ. *ki-koi-. На нетематич. спряженіе этихъ основъ указываютъ параллельныя литовск. основы на -na-. (Ср. выше объ основахъ отъ корней на au.) Но въ числѣ старо-слав. основъ съ ѣ есть нѣкоторыя, въ которыхъ такое образованіе основы не можетъ считаться древнимъ; это именно — **ꙁѣѥ-ть** и **прѣѥ-ть**; какъ было указано выше, старо-слав. **ꙁиꙗ-** и литовск. žio- восходятъ къ индо-европ. *g¹hiāi- и *g¹hi̯āi-; ст.-слав. **приꙗ-ти** имѣетъ praes. обыкновенно **приѥѥ-ть** и по своему происхожденію есть производная основа. Слѣдовательно, формы **ꙁѣѥ-ть** и **прѣѥ-ть** могли возникнуть только подъ вліяніемъ аналогіи **лѣѥ-ть** и др., такъ какъ infinitiv'ы **ꙁиꙗ-ти, приꙗ-ти** по формѣ совпадали съ **лиꙗ-ти, риꙗ-ти, смиꙗ-ти сѧ**, и въ praes. при формахъ **лѣѥ-ть, смѣѥ-ть сѧ** существовали также формы **лиѥѥ-ть** (см. **прѣлиѣѭштѫ сѧ** въ Мар. ев.) и **смиѥѥ-ть сѧ** (см. слов. Микл. подъ сл. **по-смиꙗти сѧ**).

Остается сказать еще о литовск. формахъ lỹja (и lyna), gyjù, ryjù (и rynù). Эти основы, подобно вышеприведеннымъ pūvù и др., старо-слав. **крыѥ-ть** и др., въ литовскомъ языкѣ замѣнили собою старыя основы съ

суффиксомъ i̯o—i̯e; gyjù, напримѣръ, предполагаетъ болѣе древнюю форму *gī-u, въ которой между ī и u исчезло, еще въ литовско-слав. языкѣ, i̯; j же развился здѣсь изъ ī уже въ обще-литовск. языкѣ [1]). Такимъ образомъ предполагаемая литовско-слав. основа *gī-o-, *gī-e- изъ болѣе древнихъ *gī-i̯o-, *gī-i̯e- будетъ соотвѣтствовать такимъ др.-инд. основамъ, какъ kṣīya-te, rīya-te и др.; въ греч. языкѣ сюда принадлежатъ, напр., гомер. τῑ́-ει (при τῐ́ει), φθῑ́-ῃς (при ἔ-φθῐε-ν) и нѣкоторыя другія (см. Osthoff, M. U., IV, 12 слѣд.). Въ индо-европ. языкѣ въ основахъ этого образованія ī получалось изъ стяженія ĭ и ī+i̯, которое являлось при распаденіи i̯ въ суффиксѣ основы на i̯i̯; поэтому въ отдѣльныхъ языкахъ мы находимъ постоянно въ такихъ основахъ въ корнѣ ī; такія же основы, какъ др.-инд. kṣiyá-ti (1 kṣi), греч. τῐ́ει, ἔ-φθῐε-ν и др. представляютъ уже основы другого образованія (см. I главу). Ср. выше основы отъ корней на дифтонги au.

Были ли въ старо-слав. языкѣ основы одинаковыя съ литовск. lȳja и др., сказать навѣрное нельзя; можетъ быть, что такую именно основу мы должны видѣть въ **по-чиѥ-ть,** при которомъ не извѣстна параллельная основа съ **ь** вмѣсто **и** (Leskien, Hndb., стр. 106; Mikl., Vgl. Gr., III, 108).

Окончивъ описаніе основъ на jo—je отъ корней на гласныя, я обращусь къ такимъ же основамъ отъ корней на согласныя. Прежде всего надо замѣтить, что въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы находимъ очень большое число основъ съ jo—je отъ корней на согласныя; сравненіе же съ другими родственными языками показываетъ, что первоначально число этихъ образованій въ глаголахъ непроизводныхъ было очень ограниченное. Поэтому надо думать, что значительная часть этихъ основъ явилась уже

---

[1]) На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, напр., старо слав. **пригати,** лит. bijaũs, можно, впрочемъ, думать, что послѣ i въ въ литовско-слав. языкѣ i̯ не выпадало; такъ что литовск. j въ указанныхъ основахъ могъ явиться и изъ i̯.

въ отдѣльной жизни литовско-слав. языка и даже въ отдѣльной жизни обще-литовск. и обще-славянскаго языковъ. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что въ отдѣльныхъ языкахъ часто оказывается невозможнымъ строго разграничить непроизводныя основы съ jo—je отъ производныхъ, именно—отъименныхъ основъ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляется затруднительнымъ отдѣлять непроизводныя основы отъ производныхъ отглагольныхъ основъ; въ послѣднемъ случаѣ болѣе или менѣе надежный критерій для раздѣленія можно находить только въ видахъ корня основъ. Такъ какъ въ этомъ изслѣдованіи имѣется въ виду опредѣлять не значенія глагольныхъ основъ, а только ихъ формальный составъ, то я не буду останавливаться на точномъ разграниченіи производныхъ и непроизводныхъ основъ съ суф. jo—je, а укажу только нѣкоторыя частности въ самомъ образованіи этихъ основъ, держась въ главныхъ чертахъ того распредѣленія матеріала, который даютъ Миклошичъ (Vgl. Gr., II, 454. 458. 461. 462. 466. 467. 468) и Лескинъ (Hndb., стр. 107, 108).

Прежде всего надо отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что въ старо-слав. и литовск. языкахъ основы съ jo—je чередуются иногда съ основами безъ этого суффикса. Такъ, въ старо-слав. языкѣ мы находимъ рядомъ формы **иштѫ** и **искѫ**, **мєштє-ть** и **мєтє-ть**; другіе славянскіе языки указываютъ еще нѣкоторые случаи двухъ основъ: при ст.-слав. **жьнѥ-ть** мы находимъ малор. *жну* (жнешь, жне) (Mikl., Vgl. Gr., III, 275), чешск. žnu (žneš, žne) при старочешск. žnju (žněš, žně) (l. c. 382), верхне- и нижне-луж. žnu (н.-луж. žńoš, žnu) (493. 523); при ст.-слав. **орѥ-ть** (по ср. въ Остромир. ев. **оры—орѭщь**) — болгарск. orъ (198); при ст.-слав. **стєлѥ-ть, мєлѥ-ть, колѥ-ть** — верхнелуж. sćełu, m'ełu, kołu (и kolu) (500); при старо-слав. **стєнѥ-ть**, чешск. stoni—русск. *стону* (327), малор. *стену* или *стону* (282); при ст.-слав. **плаѹѫ, плаѹє-ть** — русск. *плакучи* (326), *плакучій*, нижне-луж. płaku (и płacu, płacom) (529); съ русск. *порю* ср. польск. porę (при porzę) (461), верхне-луж. poru (500); ср. также русск.

зобетъ (326) съ ст.-слав. **ꙁоблю-ть**; сюда же русск. *щипетъ* (326) при *щиплетъ*. Старо-слав. формы причастія **коленъ** (при **ис-колена** въ Остром. ев.), ***коренъ** — въ **кореніє** (ср. **коленію**), **жненъ** (=***жьненъ**, у Кир. Іер.) и, вѣроятно, **поренъ** (ср. **въс-порена ѩдрь**) указываютъ также на основы безъ суф. jo—je.

Въ литовск. языкѣ также извѣстны случаи чередованія двухъ основъ: ср. béldžiu—beldu, grénd*iu—gréndu, lèczìu—lètu, bódžiůs—bódu, gůdžiůs—pasi-gódu (у Bezz. Forsch.); формы прошедш. времени léidau, grúdau отъ léidžiu, grúdžiu предполагаютъ старыя формы praesens'a *leidu, *grūdu (ср. также нетематич. léidmi при léidžiu); у Nesselmann'a дается kretù, обыкновенное—kreczìu; точно также менѣе употребительно gnýbu при gnýbiu; основы съ jo—je при корневыхъ основахъ мы находимъ въ áudžiu : áud-mi, raugiu : raug-mì, žėbiù : žėb-mì, jůsiu, ср. ст.-слав. **по-ѩше-ть** : jůs-mi. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ основу съ jo—je въ одномъ языкѣ при основѣ безъ этого суффикса въ другомъ: ст.-слав. **дежде-ть**: литовск. dedù; **мелю-ть** и, вѣроятно, ***молю-ть**, ср. **молѩхоу** (словарь Микл.) [1] : malù; **колю-ть** : kalù, ср. также **ис-колена**; **корю-ть** : barù, barůs, ср. **кореніє**; **стеню-ть** : stenù; **съше-ть** (**съшѫ**) : susù; **скаче-ть** (**скачѫ**) : szóku; обратно—литовск. geidžiù : ст.-слав. **жиде-ть**; perìu : **пере-ть**. Очень часто можно наблюдать чередованіе сильной основы съ суф. jo—je и слабой безъ него; такъ, въ литовск. яз. мы находимъ, напр., žëbiù : žibù, rëczìu : ritù, braukiù : brukù, geliù : gilu и др.; но при этомъ въ большинствѣ случаевъ обѣ основы различаются по значенію: если сильная основа съ jo—je имѣетъ переходное значеніе, то соотвѣтствующая слабая съ *e—o* имѣетъ уже непереходное значеніе. Отношеніе двухъ родовъ основъ можно наблюдать въ двухъ языкахъ, напр., въ литовск. verìu : старо-слав. **вьре-ть**, nerìu : **ньре-ть**, gerìu : **жьре-ть**.

---

[1]) **Молити**, которое предполагаетъ Микл. (см. словарь и грамм. III, 107), кажется, недостаточно засвидѣтельствовано.

Это существованіе рядомъ двухъ основъ — съ суф. jo—je и съ *e—o* — въ разныхъ случаяхъ должно быть объясняемо различно. Вопервыхъ, нѣкоторыя основы съ jo—je надо объяснять только какъ новообразованія отдѣльныхъ языковъ; такъ надо смотрѣть, напр., на старо-слав. основу **стеню-**, сопоставляя ее съ литовск. stenù, греч. στένω, др.-инд. stana-ti и stani-hi; литовско-слав. основа *leiżjo- [1]) (лит. lëżiù, ст.-слав. **лиже-ть**) должна считаться новообразованіемъ сравнительно съ греч. λείχω, др.-инд. riháṇti и leḍhi, liha-ti, латинск. lingo; по всей вѣроятности, новообразованіями надо считать и почти всѣ вышеупомянутыя литовскія основы съ jo—je, которыя чередуются съ слабыми основами на *e—o* (какъ żëbiù : żibù и др.), при чемъ эти новообразованія могли находиться въ связи съ переходнымъ значеніемъ основъ. Вообще, очень много ст.-слав. и литовск. основъ съ jo—je оказались бы, вѣроятно, новообразованіями или литовско-слав. языка или ст.-слав. и литовск. языковъ отдѣльно, если бы можно было чаще дѣлать непосредственныя сопоставленія основъ этихъ языковъ съ основами другихъ родственныхъ языковъ; этого можно ожидать на томъ основаніи, что другіе индоевроп. языки, вообще, не представляютъ такъ много основъ съ jo—je, какъ ст.-слав. и литовск. языки. — Вовторыхъ, въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ чередованіе двухъ основъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ можно считать первоначальнымъ, полученнымъ изъ индо-европ. языка; случаевъ, гдѣ можно убѣдиться въ этомъ непосредственнымъ сопоставленіемъ, я не знаю для старо-слав. и литовск. языковъ; но фактъ чередованія двухъ основъ въ индо-европ. языкѣ можно видѣть, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ др.-инд. páca-ti, старо-слав. **пече-ть** (сюда же и литовск. kepù, латинск. coquo) : др.-инд. pácya-te, греч. πέσσω; точно также въ др.-инд. языкѣ существуютъ рядомъ

---

[1]) Здѣсь ż условно обозначаетъ тотъ литовско-слав. звукъ, къ которому восходятъ литовск. ż и старо-слав. **ȥ**.

основы tápa-ti : tápya-ti, rán̥a-ti : rán̥ya-ti и др.; въ греч. языкѣ — τένων : τείνω, θένων : θείνω.

Далѣе въ старо-слав. и литовск. языкахъ надо отмѣтить фактъ смѣшенія суффикса jo—je съ другимъ суффиксомъ i̯o—i̯e. Такъ, въ старо-слав. языкѣ мы находимъ это смѣшеніе въ глаголѣ **хотѣ-ти** или **хътѣ-ти:** въ 3-мъ л. мн. ч. **хотѧ-ть** и въ основѣ причастія наст. вр. **хотѧ, хотѧшта** и т. д. мы находимъ суф. i̯e (ср. **горѧ-ть, горѧ, горѧшта** и т. д.), въ другихъ же формахъ наст. времени является суффиксъ je; 3-е л. мн. ч. **довьлѧтъ** (Leskien, Hndb., § 138), при **довьлѭтъ** и **довьлѣѭтъ,** также представляетъ суф. i̯e рядомъ съ je. Смѣшеніе двухъ суффиксовъ въ этихъ глаголахъ показываетъ, что первоначально въ обще-слав. языкѣ основа наст. времени въ нихъ могла имѣть два суффикса во всѣхъ формахъ; но съ теченіемъ времени въ обще-слав. языкѣ установилось то смѣшанное спряженіе, которое мы находимъ въ старо-слав. и другихъ славянскихъ языкахъ. Въ гораздо большемъ числѣ случаевъ смѣшеніе двухъ суффиксовъ мы находимъ въ литовск. языкѣ. Именно, здѣсь извѣстны случаи, гдѣ оба суффикса могутъ употребляться параллельно; напр., въ pluszkiù — 3-е л. ед. ч. plùszk (изъ *plùszki) и plùszkia, plùszk' (infin. pluszkė́ti); отъ gėdė̃tis при формѣ gė́dimės есть и gė́dżiamės (Шлейхеръ, Гр., § 116, стр. 246). Въ другихъ случаяхъ вмѣсто суффикса i̯o—i̯e мы находимъ только jo—je: ráiszia (ráiszė̃ti); точно такъ же образуется основа praesens'а въ kentė́ti, riáugėti (ráugėti) (ibid., стр. 245), reikė́ti. Чередованіе основъ praesens'а съ i̯o—i̯e и jo—je въ литовск. языкѣ отразилось далѣе въ томъ, что нѣкоторые глаголы получали такъ называемую вторую основу (основу infinitiv'а) въ двухъ видахъ: въ соотвѣтствіе съ суф. i̯o—i̯e являлась вторая основа съ -ė-, въ соотвѣтствіе съ jo—je являлась корневая основа; при этомъ, когда съ теченіемъ времени изъ двухъ основъ praesens'а получала преобладаніе какая нибудь одна, обыкновенно — основа съ jo—je, двѣ основы infinitiv'а продолжали сохраняться; такимъ образомъ мы находимъ: bódżiùs — bóstis и bodė́tis,

plerszkiù—plel̃kszti и plerszkėti, nerszių—nel̃szti и nerszėti, siauczių—siaũsti и siautėti (praes. siautėju и sautėju есть позднѣйшая замѣна siauczių, въ которомъ могъ быть суф. i̯o—i̯e), kùisziu—kùiszti и kùiszėti, bìrbiu—bir̃pti и birbėti (isz-birbėti у Bezz. Forsch.), kenczių—kę̃sti и kentėti, gulių—gul̃ti и gulėti, rõkia—rõkti и rõkėti.

Смѣшеніе двухъ суффиксовъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ можно наблюдать также, разсматривая виды корней, которые являются въ основахъ съ jo—je. Какъ было замѣчено выше, суф. jo—je присоединялся первоначально къ корнямъ въ сильномъ видѣ. Отсюда въ старо-слав. языкѣ мы находимъ первоначальныя образованія основы, напр., въ **теше-ть** (кор. съ e), **зыблю-ть** (кор. съ em), **урѣплю-ть** (кор. съ er), **зижде-ть** (кор. съ ei, лит. žėdžiu), **строуже-ть** (кор. съ ou, которое, можетъ быть, нефонетически замѣняетъ старое eu; см. выше объ этихъ дифтонгахъ), **стелю-ть** (кор. на el), **юмлю-ть** (кор. на em), **рѣже-ть** (кор. съ ē), **краче-ть** (кор. съ ā, лит. krokių); въ литовск. языкѣ такимъ основамъ соотвѣтствуютъ, напр., dreskių, lenkių, mérkiu, delbių, lëžių [1]), láukiu (объ au ср. выше), verių, kelių, vemių, kvėpių, vóžiu, ũdžiu; съ этими старо-слав. и литовскими основами ср. въ греч.

---

[1]) Въ литовск. основахъ этого образованія мы находимъ изъ ei не только ė, но также и ei; но какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь остается неяснымъ, почему ei въ литовск. языкѣ то остается какъ ei, то измѣняется въ ė. Догадка Бругмана (Grdr., § 68, anm. 2.) по этому поводу не подтверждается фактами; напр., что касается качества ударенія, то въ основахъ на jo—je мы находимъ одинаково и ė̃, ė́, и eĩ, éi (изъ примѣровъ, которые я имѣю, оказывается, 12 имѣютъ ė̃, 9—ė́, 15—eĩ, 5—éi; въ двухъ случаяхъ чередуются eĩ и ė̃ — szveiczių—įszveĩsti и szvėczių—szvė̃sti, teisių—teĩsti (?) и tėsių—tė̃sti); далѣе, по предположенію Бругмана, мы ожидали бы въ основахъ съ jo—je почти исключительно eĩ, а между тѣмъ мы этого не находимъ: число глаголовъ съ ė̃ и eĩ почти равно, и при томъ многіе изъ глаголовъ съ ei — производные (напр., veikių, teisių, veisių и др.).

языкѣ, напр., πέσσω (σσ изъ kj), ῥέζω (ζ изъ g¹j), σκέπτομαι (πτ изъ pj), λεύσσω (которое можетъ вполнѣ соотвѣтствовать литовскому láukiu), κείρω при лесб. κέρρω (оба изъ *κέρjω), στέλλω (λλ изъ lj), κτείνω при эол. κτέννω (оба изъ *κτενjω), πλήσσω (=лит. plė́kiu), πρᾱ́σσω — іон. πρήσσω, κρώζω (=лит. krogiu, которое является при krokiù = ст.-слав. **краѫж**, лат. crōcio) [1]). При этихъ обыкновенныхъ образованіяхъ основъ съ jo—je надо замѣтить въ старо-слав. и литовск. языкахъ нѣкоторыя особенности. Въ основахъ **орѥ-ть**, литовск. ariù является въ корнѣ гласная индо-европ. ă (ср. греч. ἀρόω, лат. aro); можетъ быть, что это ă находилось въ чередованіи съ ā (ср. литовск. ōrė); но въ собственно глагольныхъ образованіяхъ это чередованіе уже неизвѣстно, такъ что **орѥ-** и aria- нельзя принимать за основы съ слабымъ видомъ корня, а слѣдуетъ считать ихъ основами просто отъ корня ăr-. Въ основахъ **колѥ-ть, корѥ-ть** и, можетъ быть, ***молѥ-ть** (при **мелѥ-ть**) мы находимъ старо-слав. **о** изъ первоначальнаго ŏ, чередовавшагося, какъ кажется во всѣхъ этихъ случаяхъ, съ *е* (ср. съ **колѥ-ть** латинск. per-cello, если только здѣсь ll изъ lj, а не изъ ln; родственны по корню, вѣроятно, и литовск. skeliù, русск. *щель;* съ **корѥ-ть** ср. лат. ferio); въ литовск. языкѣ, какъ было указано выше, этимъ старо-слав. основамъ соотвѣтствуютъ основы безъ суф. jo—je: kalù, barù, malù, такъ что суффиксъ этотъ былъ приставленъ къ упомянутымъ основамъ уже въ обще-слав. языкѣ, при чемъ они и здѣсь могли употребляться также безъ него (ср. выше); по своему происхожденію эти основы, какъ было замѣчено въ I главѣ, могутъ быть видоизмѣненіемъ старыхъ удвоенныхъ основъ,

---

[1]) Чередованіе въ нѣкоторыхъ корняхъ k и g восходитъ къ индо-европ. языку. Ср. еще при πλήσσω, plė́kiu — ἐπλήγην, πληγή, лит. plėgà; ст.-слав. **блискати,** лит. blizgù. Этимъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ объясняется въ греч. языкѣ чередованіе глаголовъ на -ζω и -σσω (-ττω); ср. Brugmann, Gr. Gr., § 121.

откуда и объясняется въ нихъ *о* вмѣсто *е*. Не ясна гласная *о* въ основахъ **плачеть** („моетъ"), **коплѥ-ть**, **ꙁоблѥ-ть**, **скомлѥ-ть**, **кжплѥ-ть**; въ **коплѥ-ть** и **ꙁоблѥ-ть** это *о* находилось, повидимому, въ чередованіи съ долгими гласными: ср. лит. kapóju, греч. *κάπετος*, *σκάπετος*, *σκάπτω* и лит. žėbiù, žėbmì, žeblióju и др. Нѣсколько особый случай представляетъ старо-слав. **лачеть** при **алъчеть**: сравненіе съ литовск. álkstu (álkti), ст.-слав. **лакомъ** показываетъ, что въ обще-слав. языкѣ въ этомъ глаголѣ было двѣ основы praesens'а — съ jo—je и безъ него; для литовско-слав. языка надо предполагать только основу *olko- : *olke-; какого происхожденія здѣсь *о* въ корнѣ, изъ первоначальнаго *о* или изъ *а*, остается неизвѣстнымъ [1]). Въ литовскихъ основахъ во многихъ случаяхъ является гласная *а;* такъ отъ корней съ дифтонгомъ *ai*, при обыкновенныхъ основахъ съ ë и *ei* въ корнѣ (изъ *ei)*, мы находимъ также основы съ *ai* въ корнѣ: žá-džiu, staigiûs, sklaidžiu, saicziu (и saitu), baigiù, kaicziù; изъ нихъ staigiûs (ср. staigùs), saicziu (ср. saitas) и kaicziù (ср. kaitrà, kaitrùs)—глаголы отъименные; остальные не ясны по происхожденію; производныя основы съ *а* представляютъ также krankszcziù, szvankszcziù, vagiù, žagiù, kársziu; звукоподражательные глаголы съ *ar*, какъ cziarszkiù, karkiù, parpiù и др., имѣютъ въ корнѣ *а* не чередующееся съ *е;* въ глаголахъ tariù и smagiù ă находится въ чередованіи съ ā: ср. прусск. tārin (Ac. sg.) (Fick, Wtb. II, 568) и литовск. smogiu; глаголы skalbiù, krankiù, kariù не ясны по происхожденію.

Сильныя основы съ суф. jo—je могли чередоваться правильно съ слабыми основами на i̯o—i̯e. Примѣры та-

---

1) Чередованіе *olk- и *olŭk- (откуда ст.-слав. ***лак-** и ***алък-**) можетъ быть не старое, а образовавшееся только въ обще-слав. языкѣ; въ нѣкоторыхъ изъ относящихся сюда случаяхъ было, повидимому, нѣкогда чередованіе *ălk- : *ālak-: ср. литовск. alkúnė, греч. *ἄλξ* (Hesych. *ἄλαξ?*), ст.-слав. **лакъть** и литовск. ólaktis, o^l^ektis.

кого чередованія мы находимъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ; въ старо-слав. языкѣ ср. **слѣпле-ть** („прыгаетъ“): **сльпи-ть (въ-сльпѣ-ти); ꙁа-драже-ть, ꙁа-дръже-ть : дръжи-ть, въꙁ-дръжи-ть; плѣже-ть : плъꙁи-ть**; въ литовск. языкѣ ср. láukiu (láukti) : lúkiu (lukéti); trenkiù (treñkti) : trìnkiu (trinkéti); lenkiù (leñkti) : linkiù (linkéti); żvelgiù (żveĩlk-ti) : żvìlgiu (żvilgéti); verżiù (veřszti) : vìrżiu (virżéti); stẽbiũs (stẽptis) : stebiũs (stebétis); kvẽpiù (kvẽpti) : kve-più (kvepéti); tũpiù (tũpti) : tũpiù (tũpéti); литовск. vẽria (vérti) : ст.-слав. **вьри-ть**; литовск. ũdżiu (ũsti) : греч. ὄζω; надо думать, что такое чередованіе существовало и въ индо-европ. языкѣ. Но при этомъ правильномъ чередованіи въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы находимъ часто отступленія въ томъ отношеніи, что вмѣсто слабыхъ основъ съ суф. i̯o—i̯e здѣсь являются слабыя основы съ jo—je; напр., въ старо-слав. языкѣ при **плъꙁи-ть** есть **плъже-ть**, при **дръжи-ть — ꙁа-дръже-ть**, при **сльпи-ть — сльпле-ть** (словарь Микл. подъ словомъ **слъпати**); раньше было указано, что въ глаголахъ **хотѣ-ти, хътѣ-ти** и **довьлѣ-ти** смѣшивались въ основѣ наст. времени оба суффикса: въ **довьлѣ-ти**, по виду корня, первоначальнымъ надо считать i̯e, въ **хотѣ-ти, хътѣ-ти**, вѣроятно, первоначально чередовались двѣ основы *chotje- и *chŭti̯e- (ср. аналогичное чередованіе гласныхъ въ **ход- : шьд-, пекѫ : пьци** и др.); такимъ образомъ надо думать, что многія старо слав. основы съ слабыми корнями и съ суф. jo—je представляютъ новообразованія, т. е. что въ такихъ основахъ суф. jo—je замѣнилъ собою старый суф. i̯o—i̯e. При этомъ надо также полагать, что смѣшеніе двухъ суффиксовъ и замѣна суффикса i̯o—i̯e суффиксомъ jo—je происходили во многихъ случаяхъ уже въ литовско-слав. языкѣ; къ этому заключенію надо придти, вопервыхъ, при томъ соображеніи, что въ отдѣльныхъ языкахъ, старо-славянскомъ и литовскомъ, оба суффикса подверглись совершенно различнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, такъ что здѣсь не было никакихъ основаній для смѣшенія ихъ между собой; вовторыхъ, непосредственное сопоставленіе фактовъ обоихъ

языковъ заставляетъ относить явленіе смѣны двухъ суффиксовъ къ литовско-слав. языку. Именно, въ соотвѣтствіе съ старо-слав. основами какъ **довьлѥ-ть, смрьүе-ть, жьнѥ-ть, лъже-ть, рыже-ть, ӡоблѥ-ть** (см. выше) и др. мы находимъ и въ литовскомъ языкѣ много такихъ основъ, какъ żvygiù (żvỹkti), szvilpiù (szvil̃pti), spiriù (spìrti) (ср. греч. ἀσπαίρω), rúgiu (rúkti) и др.; глаголъ guliù (gul̃ti и guléti) представляетъ фактъ вполнѣ аналогичный съ ст.-слав. **довьлѣ-ти**: и здѣсь и тамъ суффиксы i̯o—i̯e (первоначальный) и jo—je существуютъ еще рядомъ.

Но на ряду съ этими старыми основами на jo—je съ слабыми корнями, которыя были получены старо-слав. и литовск. языками изъ литовско-слав. языка, въ обоихъ языкахъ есть значительное число подобныхъ же основъ новаго происхожденія, явившихся уже въ отдѣльной жизни этихъ языковъ. Къ числу такихъ основъ въ ст.-слав. и литовск. языкахъ принадлежатъ многія производныя основы, которыя утратили отчасти или вполнѣ производное спряженіе, послѣдовавъ аналогіи непроизводныхъ основъ съ суф. jo—je; въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежатъ, напр., такія основы, какъ **съла-ти — сълѥ-ть** (или **шлѥ-ть**), **съха-ти — съше-ть**; довольно много такихъ основъ мы находимъ въ числѣ основъ съ **и** въ корнѣ, гдѣ это **и** восходитъ къ литовско-слав. ī: **рипште-ть, свипште-ть, пиште-ть** и др.; въ литовскомъ имъ соотвѣтствуютъ основы какъ sznypiù, pypiù, klykiù и др.; этого рода старо-слав. и литовск. основы обыкновенно отъименныя; въ литовскомъ языкѣ особенно много производныхъ основъ съ jo—je въ глаголахъ, обозначающихъ „звукоподражанія“, какъ prunkszcziù, grumzdżiù, urziù, purkszcziù, kirkiù, cirpiù, niũkiù и т. д.: въ такихъ основахъ корни, по большей части, и не имѣютъ какихъ нибудь другихъ видовъ, которые можно бы было называть сильными. Наконецъ, въ обоихъ языкахъ мы находимъ и такія слабыя основы съ jo—je, которыя уже въ этихъ языкахъ замѣнили собою старыя слабыя основы на *e—o* (подобно тому, какъ это происходило иногда и въ сильныхъ основахъ на *e—o*); такого

происхожденія въ ст.-слав. языкѣ, напр., **ѫрьплѥ-ть** при **ѫрьпе-ть**; такой же основой поздняго происхожденія должна быть и **-рѧште-** въ **ок-рѧште-ть** и др.: какъ было указано въ I главѣ, ***рѧт-** представляетъ слабый корень съ носовымъ infix'омъ при сильномъ **-рѣт-**; но такіе корни, вообще, извѣстны только въ слабыхъ основахъ на *е—о* (ср., напр., и въ ст.-слав. языкѣ **сѧде-ть**), такъ что ст.-слав. **-рѧште-** и надо считать уже новообразованіемъ этого языка; можетъ быть, и еще нѣкоторыя старо-слав. основы съ **ѧ** въ корнѣ такого же происхожденія (напр., **вѧже-ть**); въ литовск. языкѣ мы находимъ основу jùngiu (jùnkti), которая замѣнила собою уже въ этомъ языкѣ старую основу на *е—о* (ср. лат. jungo) отъ корня съ носовымъ infix'омъ; аналогичны съ этой основой, вѣроятно, также siunczìu (siųsti) и sunkìu (suñkti); ср. подобнаго образованія основу въ греч. языкѣ — πτίσσω изъ *πτινσį̯ω: здѣсь суф. į̯o—į̯e (см. Ѳ. Е. Коршъ, Ж. М. Н. Пр., 1881. мартъ, стр. 121, прим. 15) замѣнилъ старое *е—о* (лат. pinso, др.-инд. apiṅṣat), корень имѣлъ носовой infix'ъ; въ старо-слав. ср. **пьше-ть** (съ je) и прич. **пьхомъ** (отъ основы на *е—о*). — Интересный случай представляетъ ст.-слав. основа **мрьмьрѥ-ть**, которую даютъ Миклошичъ (словарь) и Лескинъ (Hndb., стр. 107): она по своему образованію, повидимому, подходитъ къ такимъ греч. основамъ, какъ *γαργαίρω, μαρμαίρω* и др. (Brugmann, Gr. Gr., § 122. b.), др.-инд. marmṛjyá-te и др. (Whitney, Ind. Gr., §§ 1016, 1017); въ этомъ случаѣ въ ст.-слав. языкѣ суф. jo—je замѣнилъ собою старый суф. į̯o—į̯e; но возможно думать, что форма **иꙁ-мрьмьрѫтъ** (въ Супр. рук.) представляетъ собою основу безъ j; въ такомъ случаѣ въ ст.-слав. языкѣ основа съ jo—je была бы позднѣйшей замѣной слабой удвоенной основы на *е—о;* наконецъ, эту основу можно сближать съ гомер. *μάρμᾰρος*: въ этомъ случаѣ ст.-слав. **мрьмьрѥ-** надо бы было считать основой отъименной.

B. Основы производныя.

Производныя основы, какъ было замѣчено выше, надо различать на основы *отглагольныя* и основы *отъименныя*. Я начну изложеніе основами отглагольными. Для большей ясности эти основы можно подраздѣлить еще на основы *первичныя* производныя и *вторичныя* производныя; подъ первичными основами разумѣются тѣ, которыя производятся съ помощью какого нибудь суффикса непосредственно отъ корня (напр., **лиш-**, **тоука-** и др.), подъ вторичными — тѣ, которыя производятся съ помощью какого нибудь суффикса отъ другихъ производныхъ основъ (напр., **о-клеветава-** отъ основы **клевета-**, **разоумѣва-** отъ **разоумъ-**, **възнаша-** отъ **възноси-** и др.). Въ старо-слав. и литовск. языкахъ большая часть производныхъ основъ образуется посредствомъ суффикса -ā- изъ индо-европ. -ā-. Къ этимъ основамъ я теперь и обращусь.

Въ индо-европ. языкѣ суффиксъ ā при образованіи производныхъ отглагольныхъ основъ присоединялся къ корнямъ въ слабомъ видѣ; отсюда мы находимъ такія производныя основы, какъ др.-инд. jyā- и вед. jiā- (ср. выше) = греч. βιᾱ- (въ βιᾱ́-σω, ἐβίᾱ-σα, іон. βιή-σω, ἐβίη-σα, гомер. βιάζω и βιόωνται; ср. др.-инд. jyā-sya-ti, a-jyā-siṣam), др.-инд. hvā- (въ hvā-sya-te, a-hvā-sīt) и ст.-слав. **зъва-** (напр., **зъва-ти**); такого же образованія др.-инд. основы dhyā- (dhyā-ya-ti, эпич. dhyā-ti), pyā- (pyā-ya-te), styā- (styā-ya-te), vyā- (a-vyā-sīt), çvā- (ср. çvā́ya-ti и -çvāyin) и, можетъ быть, khyā- (khyā-si, khyā-ya-te); въ греч. языкѣ такую основу представляетъ ζη- (изъ обще-греч. ζᾱ- и далѣе изъ *gi̯ā-) въ формахъ ζῇ (изъ *ζή-ει), ἔζη и и др. [1]); сюда же можетъ относиться и основа *λιᾱ-, ко-

---

[1]) Эту основу ζη- надо отличать отъ корня ζω- въ гомер. ζώεις, ζώοντες, ἔζωον и т. д.: между тѣмъ какъ ζη- представляетъ индо-европ. производную основу *gi̯ā- отъ корня gi- или gai- (ср. авест. gai̯a, ǰiγaeša, gaeϑā, литовск. gajùs,

торую надо предполагать для гомер. λιάζομαι (объ этимологіи этого глагола см. F. Fröhde, B. B. IX, 110 и III, 10). Изъ старо-слав. и литовск. языковъ извѣстны также основы этого образованія; именно, въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежатъ **оу-вии-, лии-, прии-, рии-, смии-; зъва-, ква-** (вѣроятно,=**къва-**, ср. **кы-ти, кыѭ**), **пъва-, ръва-**; по всей вѣроятности, къ такимъ же основамъ надо причислять и **жьва-, кльва-, бльва-, пльва-, рьва-** (? см. въ словарѣ Микл. **рьванию**), хотя для нихъ, какъ будетъ указано ниже, можно допускать и иное происхожденіе. Въ литовск. языкѣ сюда принадлежитъ, несомнѣнно, основа bijo- (inf. bijó-tis) [1]); далѣе основы этого образованія въ

---

gyjù, ст.-слав. **гой, гоило**), ζω- представляетъ индо-европ. корень gi̯ōu- или g̑i̯ōu-, такъ что приведенныя формы ζώεις, ζώοντος и т. д. изъ *ζωϜεις, *ζωϜοντος и т. д. суть образованія отъ основы на *e—o* съ корнемъ на ōu, т. е. эти формы совершенно аналогичны съ такими, какъ гомер. πλώοιεν, ῥώομαι, χώεται; σώοντο· ὁρμῶντο, ἤρχοντο (Hesych.) и нѣкоторыя другія (ср. G. Meyer, Gr. Gr., § 121); отъ того же корня происходятъ и формы ἐβίων и т. д.: въ нихъ мы находимъ нетематич. спряженіе корневой основы *giōu-, въ которой утратилось чередованіе сильныхъ и слабыхъ формъ, при чемъ получила преобладаніе сильная форма *giō- (которая, можетъ быть, уже въ индо-европ. языкѣ изъ 1-го л. ед. ч. проникла и въ формы 2-го и 3-го л. ед. ч.); съ этимъ спряженіемъ ср. также гомер. ἀπ-έπλω, ἐπ-έπλως, παρ-έπλω, ἐπι-πλώς; имя, происходящее отъ того же корня, есть гомер. ζώς, ζών, съ суффиксомъ -o- — ζωός (*ζωϜός); съ ζών ср. βῶν, съ ζώς — дор. βῶς: ζών и βῶν — формы первоначальныя, ζώς и βῶς возникли подъ вліяніемъ ихъ; тотъ же корень въ слабомъ видѣ мы находимъ въ ζόη (при ζωή), ζοός и ζόειν (ср. также βοή изъ *βοϜή при гомер. βώσαντι, ἐπι-βώσομαι); другой слабый видъ того же корня мы находимъ въ βίος, βίομαι (изъ *βίϜος, *βίϜομαι; ср. стр. 35, прим.). Что касается отношенія ζω- и βιω-, то, какъ было показано выше, уже въ индо-европ. языкѣ въ корняхъ этого рода существовало чередованіе i̯ и i: ζωϜ- = g̑i̯ōv-, βιω-=giō- (вмѣсто giōu-). Объ авест. ǰi̯āiti и ǰi̯ātu трудно сказать, соотвѣтствуютъ ли они по корню греч. ζη- (ζā-) или ζω-.

[1]) Основа sijo- (sijó-ti, sijó-ju) по образованію вполнѣ

литовск. языкѣ надо предполагать для многихъ формъ такъ называемаго прошедшаго времени, какъ, напр., lìjo, rìjaŭ (Schleich., Gr.), gìjaŭ, vìjaŭ: эти формы по своему образованію соотвѣтствуютъ, повидимому, вполнѣ формѣ bìjaŭs отъ основы bìjo-; съ другой стороны, основы какъ lìjo- вполнѣ бы соотвѣтствовали старо-слав. основамъ какъ **лиа**-; аналогичныя съ этими основами были бы также основы на *o* въ формахъ kliŭvaŭ, griŭvaŭ, bŭvaŭ, pŭvaŭ, żŭvaŭ: и здѣсь основы bŭvo-, pŭvo- и т. д. соотвѣтствовали бы старо-слав. **зъва-**, **ръва-** и т. д.; но нельзя прилагать этого объясненія для всѣхъ подобныхъ формъ прошедшаго времени въ литовск. языкѣ безусловно: какъ было замѣчено уже въ I главѣ, по поводу слабыхъ основъ на *e—o* отъ корней на дифтонги *ai* и *au*, литовск. формы какъ vìjaŭ, kliŭvaŭ и др. могутъ указывать только на нѣкогда бывшія слабыя основы *vija-, *kliŭva- (ср. др.-инд. kṣiyá- и старо-слав. **жьве-**, **ръве-**), которыя могли существовать рядомъ съ сильными основами, и отъ которыхъ уже въ литовск. языкѣ могли возникнуть формы прошедш. времени vìjaŭ, kliŭvaŭ по аналогіи другихъ глаголовъ, безъ посредства основъ на *o;* ср., напр., прошедшее время mìlżau при двухъ основахъ настоящ. времени mélżu и milżu, но при которыхъ ни для литовскаго языка, ни для литовско-славянскаго нельзя предполагать еще третьей основы на ā. Такимъ образомъ для каждой данной формы прошедшаго времени съ слабымъ видомъ корня въ литовск. языкѣ нельзя предполагать непремѣнно основу на *o;* но, съ другой стороны, нельзя сводить всегда эти формы прошедш. времени и къ формамъ слабой основы настоящаго времени тамъ, гдѣ мы не находимъ посредствующихъ производныхъ основъ на *o*, такъ какъ слабыя основы наст. времени на *e—o*, вообще, употреблялись въ индо-европ. языкахъ не часто. Слѣдовательно, по отношенію къ литовск. формамъ прошедшаго времени на -au

---

соотвѣтствуетъ старо-слав. **зиа-** и т. п.; ср. ст.-слав. **сѣѥ-ть** („cribrat“); см. объ этихъ основахъ выше.

съ слабымъ видомъ корня отъ основъ наст. времени съ корнями въ сильномъ видѣ (или тоже въ слабомъ видѣ, но отличномъ отъ этого вида въ прошедш. времени) надо представлять себѣ факты такимъ образомъ: съ самаго начала литовскій языкъ имѣлъ нѣкоторое число данныхъ формъ прошедшаго времени отъ производныхъ основъ па *o* при сильныхъ и слабыхъ основахъ настоящ. времени (напр., vijaũ : vejù, kirtaũ : kertù); подъ вліяніемъ аналогіи со стороны этихъ образованій тѣ глаголы, которые представляли въ наст. времени чередованіе двухъ основъ— сильной и слабой—, но не имѣли параллельныхъ производныхъ основъ на *o*, стали употреблять какъ формы прошедшаго времени новообразованія на -au отъ слабой основы настоящаго времени (milžau, bridaũ); далѣе же подъ вліяніемъ аналогіи этихъ двухъ образованій и многіе другіе глаголы, не имѣвшіе при сильныхъ основахъ наст. времени ни соотвѣтствующихъ слабыхъ, ни параллельныхъ производныхъ основъ на *o*, стали употреблять въ качествѣ формы прошедшаго времени новообразованіе на -au съ слабымъ видомъ корня. И такъ, если для всѣхъ выше приведенныхъ литовск. формъ какъ lìjo, klìjvaũ и др. нельзя предполагать непосредственно старыхъ производныхъ основъ на *o*, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторое число такихъ основъ должно было быть получено литовск. языкомъ изъ литовско-слав. языка.

Такимъ образомъ факты литовско-слав., др.-инд. и греч. языковъ показываютъ, что въ индо-европ. языкѣ существовали производныя основы съ суф. ā отъ корней на дифтонги ai и au, въ которыхъ ā приставлялось къ корнямъ въ слабомъ видѣ. Относительно фонетическихъ явленій въ этихъ основахъ надо имѣть въ виду слѣдующее. Такъ какъ дифтонги ai и au (не различая здѣсь ă̆i, ă̆u и āi, āu) въ слабомъ видѣ являлись въ видѣ ĭ, ŭ и ī, ū, то при соединеніи съ суф. ā въ индо-европ. языкѣ получались или сочетанія iā, uā (изъ ĭ+ā, ŭ+ā), чередовавшіяся съ i̯ā, u̯ā, или же сочетанія ii̯ā, uu̯ā (изъ ī+ā, ū+ā), чередовавшіяся съ ijā, uvā, iā, uā и, въ рѣдкихъ

случаяхъ, съ i̯ā, u̯ā (ср. такія же измѣненія при образованіи основъ на *e—o* слабаго вида); такимъ образомъ греч. ζη- (ζᾱ-) и λιᾱ- восходятъ къ *gi̯ā- и *liā- (или *lii̯ā-); вед. jiā-, греч. βιᾱ- = *giā-; ст.-слав. **смиꙗ-, лиꙗ-, риꙗ-**, литовск. lijo-, gijo-, vijo- указываютъ на литовско-слав. ii̯ или ij, которое восходитъ, вѣроятно, къ индо-европ. первоначальному *ī;* старо-слав. **приꙗ-**, литовск. bijo- (ср. др.-инд. priyāyáti, prī-ṇā́-ti и bhiyānā́, bhī) указываютъ на литовско-слав. ii̯ или ij изъ индо-европ. первоначальныхъ ii̯ или ij; др.-инд. dhyā- можетъ указывать на *ī* или на рѣдкое i̯ изъ первоначальнаго ii̯ (ср. отъ того же корня dhiyás, dhíyam и т. д.); старо-слав. **ръва-, пъва-**, литовск. *pūvo-, *žūvo-, *kliūvo-, *griūvo- могутъ указывать на литовско-слав. uu̯ или uv какъ изъ индо-европ. u, такъ и изъ индо-европ. uu̯ или uv; въ старо-слав. **ꙁъва-**, литовск. *būvo- надо видѣть индо-европ. uu̯ или uv; ст.-слав. **ковa-, жьвa-, кльвa-, пльвa-** (**рьвa-** ?), если они старыя основы, должны представлять **ьв** изъ индо-европ. сочетаній i̯uu̯ или i̯uv; др.-инд. hvā- представляетъ v изъ индо-европ. u̯, которое получилось здѣсь при какихъ то условіяхъ изъ сочетанія uu̯ (ср. съ hvā- авест. hu-zbā-ta и съ др.-инд. hváya-ti зендск. zbai̯eiti).

Но не только отъ корней на ai и au образовывались основы на ā въ индо-евр. яз.: они извѣстны также и отъ другихъ видовъ корней; и въ этихъ случаяхъ корни мы находимъ въ слабомъ видѣ. Въ старо-слав. языкѣ можно указать основы **бьрa-, дьрa-, пьрa-, стьлa-, имa-** (изъ *jьmā-, ср. **вънꙁьмa-ти** въ Супр. рук. и др. — Wiedemann, стр. 150), **гънa-** (гдѣ ъ изъ *a*) [1] — отъ корней на плавныя и носовыя; **жьдa-, искa-** (которое можетъ быть изъ *jьskā-, ср. литовск. su-jiszko при jёszkau), **ꙁьдa-, пьсa-, пьхa-** — отъ корней съ дифтонгомъ *ai;* **съсa-, тъкa-, лъгa-, ръꙁa-**,

---

[1]) Въ **сълa- ъ,** вѣроятно, изъ первоначальнаго ŭ, отъ корня съ дифтонгомъ au (?). — Слабый корень можетъ представлять и **орa-**, если здѣсь **о** изъ сокращенія ā; ср. латинск. ărā-re.

съха- [1])—отъ корней съ дифтонгомъ au; вѣроятно, и нѣкоторыя основы на **а** съ **ы** въ корнѣ представляютъ такія же первоначальныя образованія, какъ и основы съ **ъ**, такъ какъ дифтонгъ au можетъ ослабляться въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ ŭ; таковы могутъ быть основы **гыба-**, **рыда-** („плакать"), **рыка-** [2]); точно также можно думать, что и въ нѣкоторыхъ основахъ съ корневымъ **и** это **и** есть первоначальное ослабленіе *ai*, напр., основа **пита-** (при **питѣ-**); **урьпа-**, **урьта-**, **срьба-**, **плъза-**, **жльда-** (? при **жльдѣ-**) — отъ корней съ плавными; что касается основъ съ носовыми въ корнѣ, какъ **каза-**, **жада-** и др., то въ нихъ это **а** можетъ восходить какъ къ en, такъ и къ an; поэтому нельзя рѣшать о нихъ вопроса, насколько въ каждомъ случаѣ данная основа первоначальна; основа **зова-** имѣетъ **о** изъ ослабленія долгой гласной (ср. литовск. żėbiù); можетъ быть, такое же **о** мы находимъ въ **глода-** и **сопа-**. Въ литовск. языкѣ приведеннымъ старо-слав. основамъ соотвѣтствуютъ, напр., такія основы: kilo- (kiłoia у Bezz. Forsch., словарь), ср. латышск. zilá-t, pino- (su-pino-ju), żino- (żinaũ, żinóti); можетъ быть, такая же основа есть и rimo- (rimóju, которое Куршатъ приводитъ изъ Mielcke), если только здѣсь вѣрно передано ĭ; vito- (vitóju, vitóti), jiszko- (въ su-jìszkau), stigo- (stìgoju); съ первоначальнымъ ī могутъ быть mylo- (myloju), tyko- (týkau, týko-ti); mirkso- (mirksaũ, mirksó-ti), gvildo- (gvildóju=gvìldau), grižo- (grìżoju), timpso- (timpsaũ, timpsó-ti); *a* изъ ослабленія ā представляютъ smago- (smagóju, ср. smogiu, smogauju), skapo- (skapoju, ср. skũpiù), skabo- (skaboju); далѣе въ литовск. языкѣ можно видѣть первоначальныя основы на *o* въ нѣкоторыхъ формахъ прошедшаго времени; такъ, напр., съ литовск. kirtaũ (отъ kertù) ср. старо-

---

[1]) **съпа-** имѣетъ **ъ** изъ ŭ, которое явилось какъ результатъ ослабленія первоначальнаго сочетанія ue.

[2]) Основы **въс-кыса-**, **въс-хыта-** имѣютъ **ы** изъ ŭ, которое явилось изъ ослабленія первоначальныхъ сочетаній uā (гдѣ качество ā не извѣстно).

слав. урьта-; такимъ образомъ можно предполагать, вообще, для такихъ типовъ прошедш. времени, какъ dilaŭ (dį̄lŭ), iraŭ (į̄rŭ), likaŭ (lĕkŭ), mįžaŭ (mę̄žŭ), lindaŭ (lendŭ), krimtaŭ (kremtŭ) и т. д., первоначальныя основы на *o*, но, конечно, съ тѣми ограниченіями, которыя были указаны выше. Въ др.-инд. языкѣ извѣстны основы на ā—damā- (damā-ya-, гдѣ корневое ă изъ *α*; ср. греч. *δαμᾱ-* въ гомер. *δαμάᾳ* и въ *δαμάζω*, латинск. domā-re), tudā-tudā-ya-), gr̥bhā- (gr̥bhā-ya-), mathā- (mathā-ya-, гдѣ корневое *a* изъ *a̯n̥*) и др. (см. Whitney, Ind. Gr., § 1066. b.); но по отношенію къ этимъ др.-инд. основамъ надо имѣть въ виду тотъ фактъ, что здѣсь ā можетъ быть = первоначальнымъ ā и ē, такъ что среди нихъ могутъ быть основы, соотвѣтствующія не только основамъ на ā другихъ языковъ, но также и особымъ производнымъ основамъ на ē (какъ старо-слав. желѣ- и т. п.). Въ греч. языкѣ, кромѣ упомянутаго *δαμᾱ-*, къ этимъ основамъ принадлежитъ, вѣроятно, неясное *χαλᾱ-* въ *χαλάω* (см. Fröhde, B. B. IX, 110); большею же частью мы находимъ въ греч. языкѣ такія основы съ непервоначальнымъ ε въ корнѣ, которое перенесено сюда изъ другихъ основъ отъ тѣхъ же корней: гом. *περάαν*, *πελάζειν* (ср. гом. *πεπλημένος*, *πλῆτο*; *πελάαν* — Hymn. 7, 44); гомер. *ἀγάασθε*, *ἄγᾱσθε*, *μιγαζομένους*; *ὀπάζω* и *ὀπᾱ́ων* (ср. *ὀπηδεῖ*, *ὀπη-δός*); можетъ быть, и еще нѣкоторыя основы принадлежатъ сюда же (см. сопоставленія у Fröhde, l. c., 108—112); но не слѣдуетъ также считать всѣ подобныя основы въ греч. языкѣ старыми, такъ какъ многія изъ нихъ могли явиться уже въ самомъ греч. языкѣ; особенно большое подозрѣніе въ очень позднемъ происхожденіи возбуждаютъ такіе глаголы, какъ *ἐράω*, *ἐράομαι* при *ἔραμαι*, *κεράομαι* при *κέραμαι*, *κεδάομαι* при *κίδνημι* и др.: здѣсь *α* можетъ восходить къ индо-европ. *α* въ качествѣ соединительной гласной, и формы на *-αω* могутъ быть позднѣйшими переносами въ тематическое спряженіе первоначальныхъ нетематическихъ формъ, подобныхъ др.-индійскимъ áni-ti, rodi-ti и др., такъ что *ἐράομαι* при *ἔραμαι* и др. могутъ быть такими же новообразованіями,

какъ *ἐμέω* при др.-инд. vámi-ti, или какъ *δαμνάω*, *κιρνάω* при *δάμ-νη-μι*, *κίρ-νη-μι* (см. объ этихъ явленіяхъ Brugmann, M. U. III, стр. 79, 80 съ прим. 2). Въ латинск. языкѣ, кромѣ упомянутаго domā-re, можно считать первоначальными основами на ā еще cŭbā-re (ср. cumbo), secā-re (ст.-слав. **сѣкѫ**), можетъ быть — dĭcā-re, lĭquā-re, e-dŭcā-re, nĕcā-re.

Рядомъ съ приведенными старыми основами на ā, въ которыхъ корни являются въ слабомъ видѣ, мы находимъ въ отдѣльныхъ языкахъ новыя основы на ā, въ которыхъ корни являются, обыкновенно, уже въ сильномъ видѣ. Эти основы особенно распространены въ старо-слав. и литовск. языкахъ. Въ старо-слав. языкѣ, именно, новыя основы на ā почти совсѣмъ вытѣснили собою старыя корневыя основы въ формахъ infinitiv'а въ глаголахъ отъ корней на долгія гласныя: **лаıа-ти** : литовск. ló-ti, **граıа-ти** : gro-ti, **каıа-ти** : at-bó-ti (?), **маıа-ти** : mó-ti, **сѣıа-ти** : sé-ti (ср. также и въ старо-слав. формы **въ-сѣ-ние, не-сѣ-тъ, о-сѣ-тъ**) и др.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обѣ основы въ старо-слав. языкѣ существуютъ рядомъ: **спѣıа-ти : спѣ-ти, грѣıа-ти : грѣ-ти, съ-ʒрѣıа-ти : съ-ʒрѣ-ти, даıа-ти : да-ти, стаıа-ти : ста-ти**; корни на дифтонгъ au представляютъ колебаніе: всегда только **троу-ти, плоу-ти, слоу-ти** (при **рю-ти**, діалект. **роу-ти**, ср. **рьва-ние**); всегда только **кова-ти, кова-ти**; двѣ формы имѣютъ **сноу-ти : снова-ти, ок-оу-ти : ок-оува-ти, ую-ти (уоу-ти) : уюва-ти (уоува-ти); кы-ти : кыва-ти, бы-ти : быва-ти, тры-ти : трыва-ти, кры-ти : крыва-ти, ши-ти : шива-ти** и др. Но эти новыя основы на **а** въ ст.-слав. языкѣ надо различать на два разряда: нѣкоторыя изъ нихъ являются только въ формахъ infinitiv'а и связанныхъ съ нимъ образованій, другія являются также и въ формахъ praesens'а; напр., ср. **лаıа-ти : лаıе-ть, кова-ти : кове-ть, коуıе-ть** и **ок-оува-ти : ок-оуваıе-ть, быва-ти : бываıе-ть**; такое различіе въ употребленіи новыхъ основъ на **а** въ старо-слав. языкѣ стоитъ далѣе въ связи съ различіемъ въ значеніяхъ этихъ основъ какъ формъ недлительнаго вида и длительнаго. Насколько старо указанное различіе въ упо-

требленіи и въ значеніи основъ на **а** въ ст.-слав. языкѣ, будетъ указано ниже; теперь же слѣдуетъ обратить вниманіе только на самыя формы этихъ новыхъ основъ на **а**. Какъ показываютъ приведенные выше примѣры, отъ корней на **а** и **ѣ** основы на **а** образуются такимъ образомъ, что суф. **а** приставляется къ корню взятому вмѣстѣ съ j основы praesens'a (**лаıа-, сѣıа-**); основы **кова-, сова-** (при praes. **кове-ть, коуıе-ть** и **соуıе-ть**) показываютъ, что въ этихъ случаяхъ суф. **а** присоединялся къ старой корневой основѣ на дифтонгъ непосредственно, т. е. **кова-, сова-** должны были явиться уже въ обще-слав. языкѣ и, именно, въ ту эпоху, когда дифтонгъ ou еще сохранялся въ формахъ *kou-ti, *sou-ti. По аналогіи съ основами **кова-, сова-** можно думать, что и такія основы, какъ **бльва-, кльва-, пльва-**, явились въ замѣнъ старыхъ основъ на дифтонгъ iu (изъ ḙeu, ḙou), т. е. что здѣсь **-ьва-** восходитъ къ обще-слав. -ĭvā- изъ ĭu̯+ā; поэтому, какъ было замѣчено выше, нельзя вполнѣ утвердительно эти основы считать старыми, объясняя въ нихъ **-ьв-** изъ обще-слав. и литовско-слав. ḙuv. Тѣ корни на дифтонгъ au, которые въ основѣ наст. времени и въ infinitiv'ѣ имѣютъ **ы**, приставляютъ суф. **а** къ корню на **ы+в**; происхожденіе здѣсь **в** должно быть такое же, какъ и въ основахъ praesens'a, когда здѣсь является **в** (см. выше объ этихъ основахъ), т. е. **кыва-**, напр., обще-слав. *kūvā- явилось изъ открытой формы *kū-ā-, въ которой изъ ū развилось u̯, v. Въ дальнѣйшей исторіи обще-слав. языка основы послѣдняго образованія оказали большое вліяніе на производныя основы съ ā отъ другихъ корней на долгія гласныя; именно, изъ основъ какъ *kūvā- цѣлое сочетаніе vā было отвлечено въ качествѣ суффикса производныхъ основъ и во многихъ случаяхъ стало замѣнять собою первоначальное сочетаніе jā; въ отдѣльныхъ славянск. языкахъ, напр., въ русск. языкѣ, -vā- въ производныхъ глаголахъ почти совершенно могло вытѣснять собою -jā-; такимъ образомъ, въ старо-слав. языкѣ мы находимъ, напр., основы **даıа- : дава-, стаıа- : става-, маıа- : мава-, пиıа- : пива-, смиıа- : смива-, о-дѣıа- : о-**

дѣва-, **ꙁрѣи- : ꙁрѣва-** и т. д.; по аналогіи съ **пии- : пива-** и др. явилась въ старо-слав. языкѣ даже такая основа, какъ **сива-** (у Микл. **въ-сива-**) при **сии-**. Еще въ обще-слав. языкѣ, вѣроятно, явились такія новообразованія, какъ старо-слав. **лѣва-** (**прѣ-лѣва-**), **рѣва-** (**ниꙁ-**), **смѣва-** (**по-**), **ꙁѣва-** (**по-**): ср. въ словинск. основы izlêva-, zêva-, въ сербск. proljeva-, osmijeva-, zasijeva-, въ русск. *зѣва-*, чешск. zíva-, польск. ziewa- (Микл., Vgl. Gr., II², стр. 456. 459. 464. 466. 467.); такія основы въ обще-слав. языкѣ частью могли возникать непосредственно съ суф. -vā- при основахъ praesens'a *lēje- [1]) и т. д. (подъ вліяніемъ отношеній *dēje- : *dēvā- и др.), частью же они вытѣсняли болѣе старыя основы съ -jā-, какъ *lējā- (ср. старо-слав. **ꙁѣи-ние**, **ꙁѣа-ние**, **рѣи-ти**, р. *смѣяться* и нѣкотор. друг.), которыя, однако, стары только сравнительно, потому что они замѣнили собою дѣйствительно старыя основы какъ *lija- подъ вліяніемъ основъ praesens'a *lēje-. Тѣ корни на дифтонгъ au, которые не чередовали этого дифтонга съ ŭ въ извѣстныхъ образованіяхъ основы praesens'a, получали производныя основы на ā, приставляя этотъ суффиксъ непосредственно къ корню, какъ мы видѣли это въ старо-слав. **кова-**, **сова-**; но извѣстно и другое образованіе производной основы отъ такихъ корней въ старо-слав. **об-**, **иꙁ-оува** и **чюва-**, **чоува-** (ср. словинск. obuva-, болгарск. obuva-, čjuva-, сербск. obuva-, čuva-, чешск. čuva-, польск. czuwa-, в.-луж. obuva-, н.-луж. hobuva-; Микл. l. c.); какъ показываютъ славянскіе языки, эти основы явились уже въ обще-слав. языкѣ; но на основаніи формъ **кова-**, **сова-** надо заключать, что они возникли здѣсь позже, чѣмъ послѣднія основы и, именно, — въ ту эпоху обще-слав. языка, когда въ немъ старые дифт. ou и iu (изъ eu) уже не были дифтонгами; слѣдовательно, эти основы въ обще-слав. языкѣ возникли подъ

[1]) Я ставлю въ такихъ формахъ условно ē для обозначенія того звука, въ которомъ въ извѣстную эпоху обще-слав. языка совпадали первоначальныя oi и ē.

непосредственнымъ вліяніемъ отношеній *krū-je- : *krūvā-, *dē-je- : *dēvā- и т. д.; въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ вліяніе этихъ отношеній вызвало и другія производныя основы, подобныя обще-слав. *-uvā-, *čuvā-: ср. ст.-слав. **раз-доуваа-, по-коуваа-, соуваа-, ис-клюваа-, блюваа-, плюваа-**, в.-луж. naduva-, русск. *раз-дува-* (Mikl. l. c. и въ словарѣ). — Далѣе, въ старо-слав. языкѣ надо отмѣтить основы на **а** отъ корней на согласныя, гдѣ корни также являются въ сильномъ видѣ; сюда принадлежатъ такія основы, какъ, напр., **пада-, капа-, бѣга-** (**бѣsа-**), **сѣка-** (**сѣца-**), **сѣда-** (корни съ ā и ē), — **урѣпа-, плѣза-, влада-** (отъ корней съ плавными); среди основъ съ **ѫ** въ корнѣ, какъ было замѣчено выше, въ старо-слав. языкѣ могутъ быть и сильныя и слабыя основы; основы, которыя имѣютъ въ корнѣ **ѫ**, какъ **кѫса-, стѫпа-, ѫха-, рѫга-, об-рѫба-, кѫпа-**, повидимому, всѣ представляютъ **ѫ** не изъ on, чередовавшагося съ en, а изъ того on, которое являлось при извѣстномъ образованіи основъ отъ корней съ долгими гласными, т. е. при образованіи съ носовымъ infix'омъ; точно также и нѣкоторыя основы на **а** съ **ѧ** въ корнѣ могутъ имѣть **ѧ** такого же происхожденія (см. объ этихъ корняхъ въ I главѣ); такимъ образомъ по своему происхожденію основы на **а** съ такими **ѫ** и **ѧ** могли бы считаться слабыми основами; но такого названія нельзя прилагать къ нимъ въ ст.-слав. языкѣ, такъ какъ здѣсь они уже обобщились въ употребленіи и утратили въ корняхъ чередованіе гласныхъ; съ другой стороны, въ старо-слав. языкѣ извѣстны основы съ носовымъ infix'омъ, которыя какъ-разъ, получая суффиксъ **а**, являются съ корнемъ въ сильномъ видѣ безъ infix'а; таковы основы **сѣда-** (ср. съ infix'омъ **сѧде-**), **об-рѣта-** (ср. **об-рѧште-**), **жада-** при **жѧда-** (**жѧдѣ-**); слѣдовательно, такія основы съ **ѫ** и **ѧ**, вообще, надо считать основами сильными; — отъ корней съ дифтонгами извѣстны основы **лиза-, вида-** (ср. **видѣ-**, литовск. veizdé-ti) и, вѣроятно, еще многія съ **и** въ корнѣ, — **вѣда-** (**ѣ** изъ oi), — **съ-блюда-** (изъ *bjeudā-).

Приведенныя до сихъ поръ основы на **а** съ корнями

въ сильномъ видѣ отличаются тѣмъ, что ихъ корни являются въ томъ же видѣ и въ другихъ образованіяхъ основъ. Но въ старо-слав. языкѣ есть еще цѣлый рядъ такихъ основъ на *а*, въ которыхъ сильный видъ корня принадлежитъ только этому образованію основы, въ другихъ же образованіяхъ тѣ же корни являются уже въ слабомъ видѣ; при этомъ въ нѣкоторыхъ основахъ сильный видъ корней отличается по своему фонетическому составу отъ тѣхъ сильныхъ видовъ, въ которыхъ являются или могли бы являться тѣ же самые корни въ другихъ образованіяхъ, чѣмъ основы на *а*. Къ такимъ основамъ въ старо-слав. языкѣ принадлежатъ: **мага-** (**въз-**, ср. **може-ть**), **каса-** (ср. **коснѫ-ти, косение**), **бада-** (ср. **боде-ть**), **мака-** (ср. **мокнѫ-ти**), **скака-** (ср. **скочи-**), **тапа-** (ср. **топи-ти, тонѫ-ти**), — здѣсь чередованіе *а* и **о** можетъ соотвѣтствовать первоначальнымъ чередованіямъ ā : ă и ō : ŏ (ср. съ старо-слав. **скака-** литовск. szóku, съ **бада-** — bódu);—въ корняхъ съ *е* мы находимъ различныя чередованія: **гнѣта-** (**гнете-ть**, въ Остром. ев. — **гнютѫть**), **о-грѣба-сѧ** (**гребе-ть сѧ**), **лѣта-** (**лети-ть**), **мѣта-** (и **мета-**), **пѣка-** (**печеть**), **иштаза-** (**исчаза-** и **иჩаза-**; ср. **чезнѫ-ти**), **стрѣка-** (ср. **стрькнѫ-ти**, гдѣ **рь** изъ r̥ꝛ); корень **лег-** (**лежа-ти**) имѣетъ двѣ различныя гласныя въ основахъ на *а*: **въз-лага-** и **въз-лѣга-** (съ различіемъ въ значеніи); особый случай представляетъ чередованіе гласныхъ въ нѣкоторыхъ корняхъ, которые передъ *е* имѣютъ плавныя или носовыя: **рѣка-** и **рица-** (ср. **рече-ть** и **рьци**), **по-грѣба-** и **по-гриба-** (ср. **гребе-ть**, греч. γράφω), **плѣта-** и **плита-**; только **и** извѣстно въ **глипа-** (ср. греч. βλέπω, βλέφαρον) и, вѣроятно, въ однородной основѣ съ этой— **блиска-** (**блисца-, блиста-**; ср. **блѣскъ, бльскъ, бльснѫ-ти**); при **ньзе-ть** мы находимъ основу **низа-** (ср. **вънози-ти**); чередованіе подобное **рѣка- : рица-** представляютъ и нѣкоторые глаголы безъ плавныхъ и носовыхъ въ корнѣ: **въ-жага-** и **въ-жига-**, **въ-жиѕа-** (ср. **жеже-ть, жьже-ть**), **тѣка-** и **тица-** (ср. **тече-ть, тьци**) и, кромѣ того, **така-** (ср. **така-ние**); въ этихъ основахъ на *а* первоначальнымъ можно считать **ѣ**, вѣроятно, въ **о-грѣба-сѧ** (ср. литовск. gré-

biu), **лѣта-** (которое, повидимому, нельзя отдѣлять отъ литовск. lěkti), **стрѣка-** (ср. литовск. strŏkas и sztriŏkas, strakùs; J. Schmidt, Voc. II, 72—3), **рѣка-** (ср. литовск. rèkiù, rěkti, **рѣчь**, греч. λάσκω, λέληκα, лат. loquor; Fick, Wrtb. s. v.); въ основахъ **тѣка-** и **така-** первоначальными могутъ быть оба звука: для **а** ср. литовск. į-toka, isz-toka, для **ѣ** — tèkẽ (Mielcke); на ā указываютъ и нѣкоторыя формы др.-инд. и авест. языковъ, которыя имѣютъ носовой инфиксъ: др.-инд. -tāñkam (Whitney, Wurz., стр. 59), tanákti, -tāñcana и др. (id. стр. 60), авест. tančišta, tąši̯āo (ср. греч. ϑα̃σσων; J. Schmidt, K. Z. XXV, 156); чередованіе ē и ā въ этомъ корнѣ было бы такое же, какъ въ ст.-слав. **сѣд-** : **сад-** и проч. [1]); въ другихъ приведенныхъ основахъ съ **ѣ** это **ѣ** нельзя считать старымъ, такъ какъ корни этихъ основъ представляютъ первоначальное чередованіе ĕ : ŏ; что касается основъ съ **и** въ корнѣ (какъ **рица-** и проч.), то здѣсь это **и** находится, очевидно, въ какой-то связи съ **ь**, которое мы находимъ въ тѣхъ же корняхъ при другихъ образованіяхъ основы; даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не находимъ основъ съ **ь** прямо изъ памятниковъ старо-слав. языка, ихъ надо предполагать для объясненія основъ на **а** съ корневымъ **и**, какъ **плита-**, **грибa-**, **глипа-**: именно, для такихъ основъ, какъ было указано въ I главѣ, надо предполагать нѣкогда бывшія слабыя основы на *e—o* — *plĭte-, *grĭbe-, *glĭpe-, которыя могли быть утрачены въ обще-слав. языкѣ. Отъ корней съ дифтонгами au и ai основы на **а** образуются съ **ы** и **и** въ корнѣ, при чемъ въ соотвѣтствіи съ этими **ы**, **и** въ другихъ основахъ отъ тѣхъ же корней мы нахо-

---

[1]) Такимъ образомъ въ указанныхъ корняхъ надо видѣть первоначальное чередованіе сильныхъ и слабыхъ формъ съ ē : ĕ̥ (и ā : ă); но съ теченіемъ времени эти корни обобщались съ ĕ, и въ нихъ являлось чередованіе ĕ : ŏ, какъ и въ первоначальныхъ корняхъ съ такимъ чередованіемъ; такъ надо объяснять формы какъ **про-рокъ, токъ,** литовск. tãkas, takŭnas, laka, lãkas, lakinù и др.

димъ **ъ** и **ь**: **въꙁ-быда-** (**бъдѣ-ти**; ср. **боуди-ти**), **дыха-** (**дъхнѫ-ти**; ср **доуха-ти**), **сыпа-** (**съпе-ть**; ср. **соу-ти**), **ꙁа-рыда- сѧ** (**рѫдѣ-ти сѧ**), **гыба-** (**гънѫ-ти**) и др.; — **по-миꙁа-** (**мьгнѫ-ти**), **при-липа-** (**при-льпѣ-ти**), **свита-** (**свьтѣ-ти**), **цвита-** (**цвьте-ть**) и др.; въ числѣ этихъ основъ есть такія, для которыхъ мы не находимъ соотвѣтствующихъ основъ съ **ъ** и **ь**; напр., **кыда-**, **выцѧ-**, **стрига-** и др.; въ этихъ случаяхъ частью надо предполагать утрату нѣкоторыхъ образованій съ **ъ** и **ь**, частью же, какъ было замѣчено выше, **ы** и **и** надо считать первоначальными ослабленіями изъ au, ai. Отъ корней на плавныя и носовыя употребляются, обыкновенно, основы на *а* съ **и** (**ы**) въ корнѣ, при соотвѣтствіи съ **ь** (**ъ**) въ другихъ образованіяхъ основы: **въ-ꙁира-** (**ꙁьрѣ-ти**, **ꙁьри-ть**), **бира-** (**бьра-ти**), **въꙁ-дира-** (**дьра-ти**), **иꙁ-мира-** (**мьре-ть**) и др., — **съ-мила-**, **прѣ-стила-** (**стьла-ти**), **ꙁа-клина-** (**кльне-ть**), **ꙁа-пина-** (**ꙁа-пьне-ть**), **въспо-мина-** (**мьни-ть**), **о-жима-** (**жьме-ть**), **грима-** (**грьми-ть**) и др., — **ныра-** (**въ-ньре-ть**) предполагаетъ также и образованіе съ **ъ**, напр., — ***нъре-**, ср. **на-дыма-** (**дъме-ть**); во всѣхъ этихъ случаяхъ для **и** (**ы**) нельзя признавать древняго происхожденія. Но рядомъ съ такими основами стоятъ совсѣмъ особо основы **жела-** (при **желѣ-**), **пала-** (**полѣ-ти**), **въꙁ-гара-** (**горѣ-ти**), **ꙁа-кала-** (**колѥ-ть**, **коленъ**); изъ другихъ слав. языковъ сюда можно прибавить словинск. pod-ara- (Микл., II, 460); относительно словинск. -ara-, конечно, трудно сказать, насколько это старая основа, хотя въ этомъ корнѣ и можно предполагать старое $\bar{a}$ (см. выше); старослав. же **гара-** и **горѣ-** (ср. также **горѭщь**) не слѣдуетъ отдѣлять отъ **по-жаръ**, **жаратъкъ**, **жеравъ**, **жеравиѥ**, **жератъкъ**: эти слова указываютъ на чередованіе въ корнѣ $\bar{e}:\breve{e}$; съ другой стороны, всѣ эти образованія должны быть родственны съ **ꙁаріа**, **ꙁоріа**, въ которыхъ мы находимъ чередованіе $\bar{a}:\breve{a}$; чередованіе въ этомъ корнѣ g^1h и g^2h не единично (ср. **гѫсь** — лит. žąsis); въ литовск. языкѣ этотъ корень мы находимъ только съ g^1h: žėriù : žerpiu, žerplė́ju и žióra, pa-žióra, žiorõju (žiorau) : žarijęs, žarýjos,

żarïūju [1]); такимъ образомъ старо-слав. и литовск. формы указываютъ въ данномъ корнѣ чередованіе ē : ĕ и ā : ă (при которыхъ могло быть и ō : ŏ, ср. примѣч. [1])); ст.-слав. **жела-** (и **желѣ-**) при **жаль, жалити, жаловати** также указываютъ на первоначальное чередованіе ē : ĕ, такъ что **жела-** по образованію можно сопоставить съ **ора-** (т. е. обѣ основы будутъ слабыя) [2]); что касается основы **кала-**, то здѣсь нельзя предполагать первоначальной долгой гласной; **пала-ти, полѣ-ти** и др. не ясны по этимологіи. Отъ корней на дифтонгъ au, какъ мы видѣли, существуютъ два образованія основъ на **а** — старое съ **-ъв-** и новое съ **-ыв-** (**ръва-ти, -крыва-ти**); надо при этомъ добавить еще слѣдующее: основы съ **-ыв-** мы находимъ въ старо-слав. языкѣ не только отъ такихъ глаголовъ, которые имѣютъ наст. время съ **-ы-** (**крыѥ-ть**), но и отъ другихъ: **иꙁдрыва-** (при **иꙁдръва-**, praes. **ръве-ть**), **въ-ꙁыва-** (**ꙁъва-ти, ꙁове-ть**), **о-сныва-** (**о-снова-ти, -сноуѥ-ть, -снове-ть**) (ср. въ сербск. o-sniva- и, кромѣ того,—u-kiva-, старо-слав. **коуѥ-ть, кове-ть**; Микл., II, 464); въ основахъ **-рыва-, -ꙁыва- ы** находится въ такомъ же отношеніи къ **ъ** въ **ръва-, ръве-, ꙁъва-**, какъ и, напр., въ **сыпа- : съпе-, -дыма- : дъме-** и др.;

---

[1]) Литовск. gãras и проч. нѣтъ основанія сопоставлять съ **горѣти** и проч. Чередованіе g¹h и g²h ср. и въ др.-инд. и иранск. языкахъ: gharmá : hári, авест. garema : zairi-, zāri-; въ лат. и греч. языкахъ извѣстны, кажется, только формы съ g²h: θερμός и др., formus; отношеніе лат. *o* и греч. ε надо объяснять такимъ же образомъ, какъ и отношеніе въ старо-слав. языкѣ, напр., **горѣти** и **жеравъ**, т. е. всѣ эти случаи представляютъ гласныя изъ различныхъ рядовъ чередованія (ē : ĕ и ō : ŏ при ā : ă). О смѣшеніи двухъ рядовъ k, g, gh см. въ статьѣ J. Schmidt'a (K. Z. XXV, 1—179) отдѣлъ IV.

[2]) Греч. φαλίζειν (Hesych.) при θέλειν можетъ указывать на двойное чередованіе — ē : ĕ и ā : ă. Въ индо-европ. языкѣ, можетъ быть, кор. *ghēl (*ghĕl) былъ въ ближайшемъ родствѣ съ *ghēr (*ghĕr) и *ghār (*ghăr), къ которому надо относить др.-инд. hárya-ti, греч. χαίρω, литовск. gėrėjůs, gėrỹbė, gẽras, gerus (G. geraus), gerůs и goróju.

о-сныва-, сербск. u-kiva- предполагаютъ нѣкогда бывшія формы съ й; относительно **жива-** (**и-жива-, прѣ-жива-**) можно думать, что эта основа аналогична съ **-шива-**, если дѣйствительно можно допускать praes. ***жиѭ** (ср. **жиѭщиимъ**), соотвѣтствующее **шиѭ**; иначе **жива-** (при **жьве-ть**) будетъ аналогично съ **-рыва-** и др.; отъ этихъ основъ отличается **плава-** (ср. также **плыва-ти**, болгарск. pliva-, польск. pływa-, русск. *-плыва-*): по корню эта основа одинакова съ **плави-ти**, сущ. **плавь**; съ другой стороны эта основа, также по корню, должна быть родственна и съ греч. πλώω (изъ *πλώFω); какъ было замѣчено уже въ I главѣ, такія образованія отъ корней на au указываютъ, именно, на дифтонги āu; при этомъ такіе случаи, какъ **плава-, плавь**, πλώω при **плоути, пловеть**, πλέω, πλέος и др., указываютъ, что въ индо-европ. языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существовало смѣшеніе дифтонговъ āu и ău (какъ и смѣшеніе āi, ăi); въ данномъ случаѣ первоначальнымъ дифтонгомъ, повидимому, слѣдуетъ считать ău (т. е. ĕu чередовавшееся съ ŏu); такимъ образомъ корневое **а** въ **плава-** надо считать первоначальнымъ; основа **жава-ти**, которую приводитъ Микл. въ словарѣ, была бы также вполнѣ правильной (**жав-** изъ *g̑āv-, съ ā неизвѣстнаго качества); **о-снава-ти, о-кава-ти, по-кава-ти** могутъ быть позднѣйшаго происхожденія. Если бы основа **баꙗ-** (см. у Миклош. въ словарѣ **въꙁ-баꙗ-ти сѧ**) была лучше засвидѣтельствована, то и въ ней можно бы было видѣть старый дифтонгъ āi на основаніи того, что въ слабыхъ формахъ этого корня мы находимъ постоянно ī (ср. др.-инд. формы отъ этого корня).

Въ литовскомъ языкѣ приведеннымъ фактамъ старослав. языка соотвѣтствуютъ слѣдующіе. Отъ корней на долгія гласныя мы не находимъ почти производныхъ основъ на *o*, за исключеніемъ lojo- (lojóju, lojóti) къ lóju, въ соотвѣтствіе съ старо-слав. **лаꙗ-**, и еще, можетъ быть, rojo- (rojoju, rojoti). Отъ корней на дифтонги въ литовскомъ надо отмѣтить новообразованія klejo- въ klejójimas (у Bezz. Forsch., при klejávimas), въ которомъ основа

на *o* произведена непосредственно или отъ infinitiv'a *klei-ti (какъ старо-слав. **кова-**), или же отъ основы praesens'a *kleja- (какъ veja-); есть ли соотвѣтствующія новообразованія въ числѣ старо-слав. какъ **лиꙗ-** и т. п., рѣшить нельзя (изъ -ej- въ старо-слав. языкѣ получилось бы -**ij**-, -**ьj**-); рядомъ съ этой основой мы находимъ также klajo- (при klajů-, infinit. klajó-ti, сущ. klajójimas); происхожденіе этой основы можно объяснять двояко: или это основа уже отъименная производная (ср. klajùs; ср. также kláidžioju при klaidùs), или же эта основа такого же происхожденія, какъ klejo-, только отъ формы infinitiv'a *klai- (которому въ praes. соотвѣтствовало бы *klēja-, какъ, напр., skrēja-); въ послѣднемъ случаѣ съ klajo- можно бы было сопоставить старо-слав. основу **поꙗ-** въ формахъ **поꙗше, поꙗхѫ, поꙗста** (Leskien, Hndb., § 123), хотя въ **поꙗ- о**, можетъ быть, не находилось въ чередованіи съ *e*. Съ старо-слав. основами какъ **кова-** можно сопоставить литовск. kavo- (kavóju; родственно съ **чюѥ-ть**). Происхожденіе и значеніе plaujoju (см. словари Куршата и Шлейхера) не ясны, такъ что нельзя рѣшить, отглагольная ли это основа, или отъименная; въ первомъ случаѣ ее можно бы было сопоставлять по образованію съ сербск. čuja- (при čuva-), старо-слав. **чюꙗ-** въ **чоуꙗше, чоуꙗста** (Leskien, l. c.); основу kliujo- (klujo-, kliujoju, klujoju; ср. kliūvù), можетъ быть, можно сопоставлять съ старо-слав. **крыꙗ-** (**крыꙗше**, Leskien, l. c.); такимъ образомъ и литовская и старо-славянская основа могутъ быть произведены непосредственно отъ основы настоящаго времени. Значительное число основъ на *o* мы находимъ въ литовск. языкѣ отъ корней съ долгими гласными; напр.,— szokoju, krokóju, godau (godyti) и godoju, mozoju, globóju, roksaŭ (roksóti), kėžóju и др. Отъ корней съ *e* въ литовск. языкѣ, какъ часто и въ старо-славянскомъ, основы на *o* являются, обыкновенно, безъ измѣненія гласной; напр.,— pleskoju, lekóju, klepóju и др.; только въ соотвѣтствіе съ старо-слав. основой **мѣта-** мы и въ литовск. языкѣ находимъ mėto- (mėtau, mė́tyti; ср. также mė́czioju, mė-

tlióju, mètinéju); въ соотвѣтствіе съ **жига-, жиза-, тица-** мы находимъ kybo- (kýbau, kýboti) при kimbù (kìpti) и kabù; старо-славянскому **грива-** и др. соотвѣтствуютъ литовскія brydo- (brýdau, brýdoti) при bredù—bridaũ и drybo- (drýbau, drýboti) при drebiù, drimbù. Отъ корней съ плавными и носовыми нѣкоторыя основы на *о* имѣютъ въ корнѣ *а;* напр., — pampsaũ (pampsóti), branksaũ или brankszaũ (-óti), karvoju, talkszóju; но эти глаголы не ясны по происхожденію; можетъ быть — они отъименные; въ основѣ varto- (vartaũ, vartýti, и сюда же, вѣроятно, принадлежитъ vartóju) ar объясняется не изъ этой основы, а изъ основы на у, которая является въ infinitiv'ѣ (ср. ст.-слав. **врати-ти**); такихъ глаголовъ въ литовскомъ довольно много отъ различныхъ видовъ корней; ср., напр., kaiszaũ—kaiszýti и už-kaíszot (Bezz. Forsch.) при kiszù, karpaũ—karpýti (kerpù—kìrpau), málżau—málżyti (mélżu, milżu—mìlżau), kamszaũ—kamszýti (kemszù—kimszaũ), ganaũ—ganýti (genù—giniaũ) и др.; объ отношеніи между собою основъ на *о* и *у* въ литовск. языкѣ будетъ сказано ниже. Отъ корней съ дифтонгами мы находимъ основы съ сильнымъ видомъ — mëgo-, которая является только въ формахъ imperfect'а и infinitiv'а — mëgójau, mëgóti, а praes. — mëgù, mëgmì, mëktù; точно такъ же относятся gëdójau, gëdóti : gédu, géstu, gédmi; основа raudo- въ старомъ языкѣ точно такъ же употреблялась лишь въ raudójau, raudóti при praes. ráudmi (жемайтск. ráumi); но въ болѣе позднее время явилось и praes. raudóju; изъ другихъ основъ этого образованія, которыя употребляются во всѣхъ формахъ, можно отмѣтить jészkau (jëszkóti), szmëkszaũ (-szóti), vëpsaũ (-sóti), но есть и vypsaũ (-sóti), — eikvóju (?); не ясно *ai* въ vaitóju и vainóju, при которомъ есть также vainyju, -nyti (Ness.); но бо́льшую часть основъ на *о* отъ этихъ корней мы находимъ съ ī и ū, при чемъ въ другихъ образованіяхъ основы этимъ ī и ū часто соотвѣтствуютъ ĭ и ŭ; напр., — at-blyzgóju (ср. также blyzgũju при blizgù и др.), vyzgóju (vizgù), stýgau—stýgoti (при stìgoju, stingù—stigaũ), kýszau—ký-

szoti (kiszù); sŭpoju (ср. sūbóju) при sŭpù, klúpau—klúpoti (klumpù—klŭpaŭ; ср. klaupiŭ́s), glúdau и glúdoju (ср. glùst, glùsteriu при glúst); въ нѣкоторыхъ случаяхъ при основахъ съ ī и ū не извѣстны другія образованія съ ĭ и ŭ, или извѣстны, но также съ ī и ū; напр.,—szypsaŭs—szýpteriu, szypl̀a и др., slygoju—slykstu, stūksaŭ—pa-stūgù, stúkstu, kiútau и kiútoju, rūgóju, ūdóju и др.; для нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ надо предполагать ī и ū первоначальныя (изъ ослабленія ai, au), для другихъ образованія съ ĭ и ŭ могутъ быть или случайно неизвѣстными, или же дѣйствительно утраченными въ языкѣ; такимъ образомъ эти литовскія основы соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ какъ **при-липа-, въз-быда-** и др. Отъ корней на плавныя и носовыя мы находимъ въ литовскомъ основы какъ svyróju (ср. svįrù—sviraŭ, sveriù), škyloju (skįlù—skilaŭ, skeliù), rýmau и rýmoju (ср. remiù), stýrau и stýroju, dýrau—dýroti, которыя соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ **бира-, прѣ-стила-, за-пина-** и проч.; о литовск. żioróju—żiorau и goróju было уже сказано; можетъ быть такое же образованіе съ первоначальнымъ *o* представляетъ и dorot (Bezz. Forsch.) при daraŭ—darýti, которое представляло бы слабую основу на *o* (въ praes.); klõnojûs и klõnijûs, вѣроятно, заимствованы (ср. ст.-слав. **кланѣти сѧ**); что такое delóti (Bezz. Forsch.) при старо-слав. **дѣлити,** литовск. dalyjù (ср. dal̀is, **дѣлъ**), не ясно, такъ какъ остается неяснымъ, дѣйствительно ли здѣсь ĕ [1]); не ясно также, что такое lolojûs.

Изъ этого сопоставленія фактовъ старо-слав. и литовск. языковъ можно вывести слѣдующія заключенія. Изъ индо-европ. языка въ литовско-слав. языкъ перешло нѣкоторое число первоначальныхъ производныхъ основъ на ā, въ которыхъ корни имѣли слабый видъ; эти старыя основы первоначально, распространяясь суффиксами jo—je

---

[1]) Можно думать, что корень этихъ словъ имѣлъ двойное чередованіе — ē : ĕ и ā : ă; литовск. dal̀is, dalyjù, русск. *доля* — съ ă, **дѣлити, дѣлъ** (delóti?) — съ ē (ĕ?).

и i̯o—i̯e, употреблялись въ качествѣ основъ настоящаго времени; безъ этого суффикса они могли становиться основами различныхъ другихъ глагольныхъ образованій, изъ которыхъ нѣкоторыя должны были получиться также изъ индо-европ. языка; возможенъ при этомъ также и тотъ фактъ, что нѣкоторыя основы на ā были получены изъ индо-европ. языка безъ суффиксовъ jo—je и i̯o—i̯e и только въ другихъ образованіяхъ, чѣмъ основы наст. времени; на это можетъ указывать то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ языкахъ мы часто находимъ эти основы только въ другихъ образованіяхъ, чѣмъ основы настоящаго времени: въ старо-слав. языкѣ эти основы часто извѣстны только изъ формъ infinitiv'a и связанныхъ съ нимъ образованій; въ литовск. языкѣ, какъ мы видѣли, эти старыя основы мы находимъ часто только въ формахъ такъ называемаго прошедшаго времени, которыя уже въ литовск. языкѣ замѣнили собою какія то другія образованія, бывшія нѣкогда, вѣроятно, дѣйствительными формами прошедшаго времени; факты такого рода извѣстны изъ др.-инд. языка (ср. спряженіе jyā-) и, повидимому, изъ греч. языка, гдѣ мы иногда находимъ основы на -η- только въ формахъ, напр., будущаго вр. и аориста (ср., напр., гомер. μεδήσομαι, πεπιθήσω и др.); но эти формы, извѣстныя изъ іон. и атт. нарѣчій, не даютъ возможности различать въ нихъ основъ съ первоначальнымъ ā отъ подобныхъ же основъ съ ē, которыя также извѣстны въ этомъ употребленіи въ греч. языкѣ; во всякомъ случаѣ, аналогія послѣднихъ основъ (съ η обще-греческой) даетъ право заключать и о существованіи основъ съ обще-греч. ᾱ. Такимъ образомъ надо предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ формахъ настоящаго времени въ литовско-слав. языкѣ могли существовать основы различныхъ другихъ образованій при основахъ на ā въ формахъ другихъ глагольныхъ образованій; число этихъ случаевъ въ отдѣльныхъ языкахъ могло увеличиваться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ формахъ настоящаго времени при существованіи параллельныхъ основъ на ā съ суффикс. jo—je,

i̯o—i̯e и основъ другихъ образованій (съ суф. *e—o* и jo—je) послѣднія основы, какъ вообще болѣе распространенныя, могли вытѣснять собою основы перваго рода; при такомъ распредѣленіи фактовъ въ отдѣльныхъ языкахъ возможно было возникновеніе значительнаго числа новообразованныхъ основъ на ā въ формахъ ненастоящаго времени; отсюда въ литовск. языкѣ могли появиться, напр., такія основы, какъ mëgo-, gëdo-, raudo-, въ старо-слав. **дꙗ-, сѣꙗ-, лиꙁа-, плака-** и проч., которымъ въ praes. обыкновенно соотвѣтствуютъ основы съ jo—je, иногда — съ *e—o;* только въ рѣдкихъ случаяхъ, можетъ быть, эти новыя основы возникали еще въ литовско-слав. языкѣ, какъ можно думать, напр., относительно lojo-, **лаꙗ-**; еще рѣже въ отдѣльныхъ языкахъ эти новыя основы могли переноситься въ формы наст. времени, какъ, напр., въ старо-слав. **каꙗѥ-ть** (при **каѥ-ть**), **по-смиꙗѥ-ть сѧ** (при **по-смѣѥ-ть сѧ**), **скакаѥ-ть** (при **скаче-ть**), **владаѥ-ть** (при **владе-ть**, рѣдко **владжде-ть**) и нѣкотор. другія, въ литовскомъ szokoju, krokóju, raudóju (при krokiù, szóku, ráudmi) и нѣкотор. другія.

Но рядомъ съ этими основами новаго происхожденія, которыя возникали большею частью въ отдѣльной жизни старо-слав. и литовск. языковъ въ формахъ ненастоящаго времени, мы находимъ еще другого рода основы на ā, которыя и въ старо-слав. и въ литовск. языкахъ употребляются во всѣхъ глагольныхъ формахъ; при этомъ въ нихъ, какъ показываютъ вышеприведенныя сопоставленія, мы находимъ часто особыя измѣненія корневыхъ гласныхъ, именно удлинненіе нѣкоторыхъ краткихъ гласныхъ; далѣе, этого рода основы въ обоихъ языкахъ отличаются тѣмъ, что они имѣютъ особое видовое значеніе длительности и кратности. Въ другихъ индо-европ. языкахъ мы не находимъ основъ, соотвѣтствующихъ этимъ по формѣ и по значенію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ въ греч. языкѣ, гдѣ извѣстны образованія какъ *πωτάομαι, ποτάομαι* (при *πέτομαι*), *στρωφάω*, ср. *στροφαλίζω* (при *στρέφω*), *τρωπάω*, ср. *τροπέω* (при *τρέπω*), *τρωχάω*, *τροχάω*

(въ нѣкоторыхъ изданіяхъ пишется вмѣстѣ *ἀματροχάω*) (при τρέχω), νωμάω (при νέμω); ср. также πωλέομαι (при πέλομαι); эти формы, повидимому, имѣютъ также значеніе кратнаго вида, и въ корнѣ ихъ также находится долгота, которая не извѣстна изъ другихъ образованій; но вмѣстѣ съ этимъ эти греческія основы также нельзя считать старыми: они, какъ кажется, явились даже довольно поздно въ греч. языкѣ [1]). Такимъ образомъ нѣтъ достаточныхъ основаній указанныя старо-слав. и литовск. основы возводить далѣе, чѣмъ къ литовско-славянскому языку: здѣсь уже развились и нѣкоторыя формы этихъ основъ и ихъ особое видовое значеніе. Для выясненія развитія особаго значенія въ нихъ было бы важно опредѣлить значеніе тѣхъ первоначальныхъ основъ на ā, которыя были получены въ литовско-славянскомъ изъ индо-европ. языка; тотъ фактъ, что эти основы въ индо-европ. языкѣ иногда употреблялись только въ формахъ ненастоящаго времени, указываетъ, повидимому, что съ этими основами было связано какое-то особое значеніе. Но минуя этотъ вопросъ, я остановлюсь здѣсь еще на тѣхъ особенностяхъ въ корняхъ литовск. и старо-слав. основъ, на которыя было указано выше. Существуетъ предположеніе (см., напр., Leskien, Hndb., § 12, стр. 16), что основы такого образованія, какъ **тѣка-** и др., отъименнаго происхожденія, и что долгія гласныя такихъ основъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были уже въ тѣхъ именахъ, отъ которыхъ они произведены; другія основы получали долгія гласныя по аналогіи съ этими. При сопоставленіи фактовъ мы найдемъ, что нѣкоторымъ основамъ этого образованія дѣйствительно соотвѣтствуютъ имена, отъ которыхъ могли бы быть произведены глагольныя основы; такъ было указано, что, напр., при старо-слав. **плака-** есть существ. **плачь**, при литовск.

---

[1]) Въ гомер. языкѣ эти глаголы преимущественно употребляются въ Одиссеѣ, и въ обоихъ памятникахъ отъ нихъ извѣстны исключительно стянутыя формы praesens'а; см. E. Frohwein, Verbum Homericum (Leipzig. 1881.).

žioróju—сущ. žióra, pa-žióra; вѣроятно, найдется и еще нѣкоторое число такихъ соотвѣтствій; но, въ общемъ, ихъ очень немного; можно при этомъ предполагать, конечно, что нѣкоторыя изъ такихъ именъ были утрачены въ литовско-слав. языкѣ въ дальнѣйшей его жизни; однако и этого предположенія недостаточно, чтобы объяснить вліяніемъ немногихъ, во всякомъ случаѣ, основъ такого происхожденія появленіе такихъ основъ, какъ старо-слав. **брида-, рица-**, литовск. brydo-, rymo- и т. п., которыя должны были возникнуть исключительно по аналогіи съ **тѣка-, плава-**, mėto-, žioro- и т. п., такъ какъ для нихъ уже нельзя найти соотвѣтствующихъ именныхъ основъ [1]). Такимъ образомъ искать объясненія для долготы корневой гласной во всѣхъ этихъ основахъ надо среди самихъ глагольныхъ образованій. Какъ было указано выше, въ литовско-слав. языкѣ возникли два ряда основъ на ā: старыя основы съ корнемъ въ слабомъ видѣ и новыя, въ которыхъ корневая часть обыкновенно была таже самая, что въ основахъ наст. времени съ суффиксами *e—o* и jo—je; такимъ образомъ въ литовско-слав. языкѣ являлось чередованіе слабыхъ основъ на ā съ корневыми ă, ĕ, ĭ и ī, ŭ и ū и сильныхъ съ корневыми ā, ē, ei, eu (oi, ou); но при этомъ и самыя основы на *e—o* и jo—je часто представляли чередованіе сильныхъ и слабыхъ основъ съ тѣми же самыми рядами гласныхъ; такимъ образомъ, когда новыя основы на ā получили особое значеніе, и между ними и старыми основами на ā установилось противоположеніе, то при этомъ противоположеніи должно было представляться въ большинствѣ случаевъ, что новыя основы съ корневыми ā, ē, ī, ū есть тоже, что старыя основы на ā съ корневыми ă, ĕ,ĭ, ŭ, но только съ долготой гласныхъ, или — что новыя основы на ā производятся отъ основъ съ корне-

---

[1]) Такія имена, какъ литовск. brȳdis, skylē̃ (ср. skilis), сами отглагольнаго происхожденія; кромѣ того и нѣкоторыя изъ такихъ именъ, какъ **плавь**, žióra, могутъ быть также отглагольными именами.

выми ă, ĕ, ĭ, ŭ разныхъ образованій съ удлинненіемъ этихъ гласныхъ. Отсюда объясняется и тотъ странный фактъ, что при чередованіи сильныхъ и слабыхъ основъ отъ какихъ нибудь корней мы находимъ новыя производныя основы лишь отъ слабыхъ основъ; напр.,—литовск. brydo-, kybo-, старо-слав. **ꙁыва-, бира-** и др.; тѣ корни, которые представляли чередованія другихъ рядовъ, чѣмъ указанныя, напр., er, or : ir, en, on : in передъ согласными и т. д., уже не могли слѣдовать аналогіи вышеупомянутыхъ корней, поэтому отъ нихъ въ качествѣ производныхъ основъ на ā съ извѣстнымъ значеніемъ употребляются или старыя основы съ слабымъ видомъ корня, или же новыя, произведенныя непосредственно отъ сильной основы наст. времени на *e—o* (напр., старо-слав. **ѹрьпа-** и **ѹрѣпа-, клада-, каꙁа-** и др.); тѣ корни съ ĕ, которые не представляли чередованія въ различныхъ глагольныхъ образованіяхъ, въ литовско-слав. языкѣ обыкновенно получали и производныя основы на ā съ той же корневой гласной; только въ рѣдкихъ случаяхъ они, подчиняясь аналогіи корней съ первоначальнымъ чередованіемъ ĕ : ē, могли давать такія основы, какъ **мѣта-**, mėto- при **мета-**; въ отдѣльной жизни обще-слав. языка эта аналогія дѣйствовала сильнѣе, и явилось большее число такихъ основъ, какъ старо-слав. **мѣта-**; здѣсь же возникли и основы, которымъ соотвѣтствуютъ старо-слав. **плѣта-, грѣба-, жага-, пѣка-** при болѣе древнихъ (литовско-славянскихъ) основахъ, которымъ соотвѣтствуютъ старо-слав. **плита-, грика-, жига-**, сербск. u-pica- se; подъ вліяніемъ аналогіи корней съ первоначальнымъ чередованіемъ ă : ā точно также въ обще-слав. языкѣ могли возникать и такія основы, какъ старо-слав. **кала-, кава-**, слов. para-, kala-, od-kava-, do-zava-, болг. kala-, para- (Микл. II, 469), которыя производились отъ основъ наст. времени съ корневыми ă (изъ ŏ); можетъ быть, что нѣкоторыя изъ такихъ основъ возникали даже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Слѣдовало бы сказать еще объ одномъ фонетическомъ явленіи, которое мы наблюдаемъ часто въ разбираемыхъ

основахъ; именно, въ нихъ мы часто находимъ передъ суффиксомъ основы вмѣсто **к, г, х** смягченныя **ц, ѕ, с** (**тица-, бѣѕа-, смиса-** и др.); но явленіе это для меня не ясно; въ такихъ случаяхъ, гдѣ этимъ согласнымъ предшествуютъ мягкія гласныя, можно бы было обратиться къ аналогіи нѣкоторыхъ именныхъ образованій, какъ **отьць, кънѧѕь, стьѕа** и др.; но и здѣсь условія появленія этихъ согласныхъ не ясны (во всякомъ случаѣ только не изъ k, g+j, какъ часто объясняютъ ихъ). Можно бы было допускать для упомянутыхъ глагольныхъ образованій такое объясненіе, что въ обще-слав. языкѣ въ ту эпоху, когда уже окончилось дѣйствіе стараго закона смягченія k, g, ch, основы на ā стали получать мягкость въ согласныхъ, предшествующихъ суффиксу основы, по аналогіи съ какими нибудь другими основами близкими къ нимъ по образованію, но имѣвшими мягкія согласныя передъ суффиксомъ основы уже съ самаго начала; такими основами были именно особаго рода производныя основы на i̯ā, которыя частью были получены уже изъ литовско-слав. языка; ср. въ литовск. языкѣ основы bėgio-, gylio-, vilio-, lakio-, sekio-, neszio- и др., въ старо-славянск. языкѣ **бѣжа-** [1]), **въ-коуша-, слоуша-, хышта-, по-мача-, ис-тача-** и др.; такимъ образомъ въ основѣ, напр., *bēgā- въ обще-слав. языкѣ g могло получить мягкость подъ вліяніемъ *bēžā- (изъ *bēgi̯ā-), и затѣмъ мягкое g по новому закону смягченія измѣнялось въ dz [2]).

Обращусь теперь къ производнымъ основамъ съ другимъ суффиксомъ — ē. И этотъ суффиксъ, какъ показываютъ различные индо-европ. языки, присоединялся первоначально къ корнямъ въ слабомъ видѣ. Поэтому въ старо-слав. языкѣ мы находимъ основы **вьрѣ-ти, ѕьрѣ-ти, довь-**

---

[1]) Которая не есть основа на ѣ, какъ показываетъ смѣшанное спряженіе въ формахъ наст. времени.

[2]) Ученіе о двухъ законахъ (древнѣйшемъ и позднѣйшемъ) смягченія k, g, ch въ обще-слав. языкѣ принадлежитъ проф. Фортунатову.

лѣ-ти, грьмѣ-ти, мьнѣ-ти; дрьжа-ти, врьтѣ-ти, скръбѣ-ти, жльдѣ-ти, млъча-ти; дръжа-ти („дрожать"), **въ-сльпѣ-ти** (здѣсь **ръ** и **лъ** — изъ r̥a̯, l̥a̯; ср. **за-драза-ти, за-дрѣза-ти** и **слѣпа-ти**); **льпѣ-ти, бльшта-ти сѧ, льшта-ти сѧ, бльстѣ-ти; бъдѣ-ти, рьдѣ-ти сѧ, мъча-ти; вѧзѣ-ти, жѧдѣ-ти, глѧдѣ-ти, съ-тѧжа-ти, грѧзѣ-ти** (насколько въ такихъ основахъ **ѧ** изъ a̯n̥; но здѣсь могутъ быть и основы съ носовымъ инфиксомъ, такъ что **ѧ** = en; основъ, въ которыхъ бы можно было предполагать en чередовавшееся съ on, нельзя открыть); единственную основу на **ѣ** отъ корней на ū мы находимъ въ старо-слав. **бѣ-**, которое должно восходить къ *bvē-, *bu̯ē-, гдѣ u̯ при какихъ то условіяхъ получалось изъ первоначальнаго uu̯ (ср. индо-иранск. *żhvā-, *żhu̯ā- при *żhuu̯a-, *żhuva-); особый случай представляетъ основа **боꙗ-ти сѧ:** какъ было указано выше, на основаніи ī въ слабыхъ формахъ, этотъ корень надо принимать съ дифтонгомъ āi (гдѣ ā можетъ быть первонач. или ā, или ō); слѣдовательно, основа **боꙗ-** представляетъ слабый видъ корня съ ăj (изъ ăj или ŏj); ср. такой же самый видъ корня въ литовск. bajù̃s, въ др.-инд. bháya-te; съ сильнымъ видомъ тотъ же корень можетъ быть въ основѣ **въз-баꙗ-ти сѧ**; — образованіе основы **стоꙗ-ти** не совсѣмъ ясно; можно предполагать, что въ индо-европ. языкѣ уже корень stā (или sthā) въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшивался съ корнями на дифтонгъ āi (объ этомъ явленіи уже говорилось выше): на дифтонгъ въ этомъ корнѣ указываютъ литовск. stáinė, staĩbis и далѣе, вѣроятно, stimpù, stipti, гдѣ къ корню присоединяется еще *p*, въ русск. языкѣ *стойло* (ср. по образованію ст.-слав. **гоило,** отъ корня *gai), въ старо-слав. языкѣ **до-стойнъ**; на этомъ основаніи можно думать, что **стоꙗ-** по образованію аналогично съ **боꙗ-** [1]). Аналогичная по образованію съ **боꙗ-** дол-

---

[1]) На смѣшеніе съ корнями на āi указываетъ, вѣроятно, и др.-инд. sthīyate. Основаніемъ для этого смѣшенія въ индо-европ. языкѣ могли послужить, между прочимъ, такія формы, какъ *staya-ti (или *sthaya-ti), которыя возникали подъ влія-

жна быть и основа **горѣ-**, въ которой корень, какъ было указано выше, оканчивался на сочетаніе $\bar{a}r$ (т. е. $\bar{e}r$ чередовавшееся съ $\bar{a}r$, въ слабыхъ формахъ — $\breve{e}r : \breve{a}r$); можетъ быть, таковы же и основы **полѣ-ти, болѣ-ти.** Что касается основы **имѣ-**, то ее надо сводить къ *jьmē- (ср. **имa-** изъ *jьmā-) и по образованію не отдѣлять отъ **грьмѣ-ти, мьнѣ-ти** и т. д. (иначе Миклошичъ и Лескинъ). Въ основахъ отъ корней съ дифтонгами ai и au при **ь** и **ъ** мы находимъ иногда **и** и **ы: висѣ-ти, криуa-ти, ниуa-ти, видѣ-ти** и, можетъ быть, **питѣ-ти** (ср. **питомъ**, какъ **видомъ**), **кыпѣ-ти, слышa-ти**; въ этихъ основахъ, кромѣ **видѣ-ти**, можно предполагать ī и ū какъ первоначальныя ослабленія изъ ai и au; но въ **видѣ-ти**, какъ показываетъ однородная литовская основа veizdė́-ti, **и** явилось изъ дифтонга ei; сравненіе съ латинской основой vĭdē- и греч. ἰδη- (въ ἰδησῶ, Theocr. III, 37; см. Mahlow, Die langen Vocale, стр. 12) показываетъ, что основа *veidē- есть литовско-слав. новообразованіе, которое появилось какъ результатъ взаимодѣйствія старыхъ основъ — *veid-, *veide- и *vĭdē-; ср. такое же новообразованіе и въ греч. гомер. εἰδήσεις, εἰδήσειν, ᾔδησθα, ᾔδη; основа **вѣдѣ-ти** явилась, вѣроятно, уже въ самомъ старо-слав. языкѣ при старыхъ основахъ **вѣд-** и **вѣде-** подъ вліяніемъ основы **видѣ-**. Литовско-слав. новообразованіе суть и основы **сѣдѣ-ти**, литовск. sėdė́-ti, которыя также возникли изъ смѣшенія старыхъ основъ *sēd-, *sēdo- и *sĕdē-; ср. латинск. sĕdē-; старо-слав. основѣ **влaдѣ-ти** соотвѣтствуетъ въ литовск. языкѣ veldė́-ti: можно предполагать, что въ литовско-слав. языкѣ подъ вліяніемъ *vildē- явилась основа *veldē-, которая и вытѣснила первую основу; въ обще-слав. языкѣ подъ вліяніемъ этого *veldē- и другая основа *volde- замѣнилась на *voldē-. Въ основѣ **летѣ-ти** *е* можетъ быть старое ослабленіе изъ ē (ср. выше объ этомъ корнѣ); въ **хотѣ-ти, хътѣ-ти** первоначальнымъ можетъ быть **ъ** (ср. также вы-

---

ніемъ основъ на *e—o* отъ корней на āi; см. вышесказанное о такихъ образованіяхъ, какъ др.-инд. hváya-ti и др.

ше). Основы **велѣ-ти** и **лежа-ти** — новообразованія, вѣроятно, обще-слав. языка; **одѣлѣ-ти, одолѣ-ти** можетъ быть отъименной основой. Основу **бѣжа-ти** надо отдѣлять отъ этихъ образованій: литовск. bėgió-ti указываетъ, что основа здѣсь оканчивается на i̯ā; въ настоящемъ времени смѣшиваются въ этомъ глаголѣ основы **бѣго-** (литовск. bėga-) и **бѣжи-**, которая вытѣснила собою основу ***бѣже-** по аналогіи съ другими глаголами, какъ **дръжа-ти** и т. п., гдѣ **а** дѣйствительно изъ ē; такая замѣна основъ произошла еще въ обще-слав. языкѣ; здѣсь же вышли изъ употребленія и формы *bēžājǫ, *bēžāje-tь и т. д. (ср. лит. bėgióju и т. д.).

Въ литовск. языкѣ мы находимъ слѣдующія основы на *ė*, соотвѣтствующія старо-славянскимъ на **ѣ**: kvepė́-ti (ср. kvėpiù), dvesė́-ti (ср. dvēsti), stebė́-tis (ср. stēptis) — отъ корней съ ĕ, ослабленіемъ изъ ē; kakė́-ti (ср. kankù, kàkti), svagė́-ti и, вѣроятно, mažė-tí — отъ корней съ ă, ослабленіемъ изъ ā; żydė́-ti (ср. żēdu), mylė́-ti (ср. méilė, mė́las), lydė́-ti, blyskė́-ti, lytė́-ti, klydė́-ti (ср. klajóti, kláidżioti), tikė́-ti,—pa-ūgė́-ti, dūsė́-ti и dŭsė́-ti, tŭpė́-ti (ср. tŭpti), rūzgė́-ti, liūbė́-ti, rūpė́-ti, lūkė́-ti (ср. láukti) и еще нѣкотор. другія — отъ корней съ дифтонгами, при чемъ ī и ū отчасти могутъ быть въ этихъ основахъ старыми ослабленіями изъ ai, au, отчасти новыми удлинненіями по аналогіи, какъ это мы видѣли въ основахъ на *o;* girdė́-ti, smirdė́-ti, kirbė́-ti (у Bezz. Forsch.), virpė́-ti, girgżdė́-ti, isz-birbė́-ti (Bezz. Forsch.), virżė-ti, mirszė́-ti, żvilgė́-ti, ilsė́-tis,—spindė́-ti, trinkė́-ti, żįgė́-ti, linkė́-ti, slinkė́-ti, нѣкоторыя съ ur, ul — cziurszkė́-ti, burbė́-ti (isz-, su-burbė́-ti у Bezz. Forsch.), sulpė́-ti — отъ корней съ плавными и носовыми; żvē-ti (żvėju, żvėjau) можетъ представлять основу на *ė* отъ корня на дифт. au, подобную ст.-слав. **бѣ-**; отъ корней на плавныя мы находимъ основы на *ė* съ непервоначальной долготой ī, ū — tylė́-ti, kylė́-ti, byrė́-ti, żiūrė́-ti, niūrė́-ti, sūlė-ti (ср. также отглагольныя имена—tylà, tylùs, byrẽjas, żiūrà), — съ ŭ — gulė-ti, turė-ti; кромѣ указанныхъ основъ въ литовск. языкѣ есть еще нѣкоторыя образованія, для которыхъ надо также

предполагать эти основы; это, именно, нѣкоторыя формы прошедшаго времени, какъ gimiaũ, giniaũ, miniaũ (praes. gemù, genù, menù), miriaũ (mìrsztu), viriaũ (vérdu), tapiaũ (tampù), plakiaũ (plakù), musziaũ (muszù), szvilpiaũ (szvilpiù, szvìlpti) и, вѣроятно, ariaũ (ariù, árti) и bariaũ (bariù и barù, bárti); объ образованіи этихъ формъ прошедш. времени будетъ сказано ниже; теперь только можно замѣтить въ общемъ, что ихъ происхожденіе вполнѣ аналогично съ приведенными выше образованіями прош. времени отъ первоначальныхъ основъ на *o*, какъ lìjo, kliuvaũ, dìlaũ, likaũ, kirtaũ и др.: какъ эти формы замѣнили собою нѣкогда бывшія дѣйствительныя формы прошедшаго времени отъ основъ на ā, такъ и формы на -iau замѣнили собою нѣкогда бывшія дѣйствительныя формы прошедшаго времени отъ основъ на ē.—До сихъ поръ были приведены только тѣ литовск. основы на ė, котôрымъ въ формахъ наст. времени соотвѣтствуютъ параллельныя основы на i̯e- (откуда *i*); но въ литовскомъ есть еще рядъ основъ на ė извѣстныхъ изъ формъ неопредѣл. наклоненія и вторичныхъ формъ прошедш. времени, которымъ въ формахъ наст. времени соотвѣтствуютъ основы на *a;* среди этихъ основъ много новыхъ (хотя еще частью литовско-славянскихъ), какъ tekė́-ti, tekė́-jau (tekù), knabė́-ti (knabù), bodė́-ti (bódu), żėbė́-ti (żėbù), rėtė́-ti (rė́tu), barszkė́-ti (bárszku) и др.; но есть много и старыхъ съ слабыми гласными въ корнѣ; напр.,—szlakė́-ti (szlakù, ср. szlė̀kiu), żvagė́-ti (żvagù, ср. żvėgauju, żvógauju), żibė́-ti (żibù, ср. żėbiù), blizgė́-ti (blizgù), dygė́-tis (dygů̀s, ср. dė̃gia), kutė́-ti (kutù), truszkė́-ti при traszkė́-ti (truszkù, traszkù), klugė́-ti при klagė́-ti, klegė́-ti (klugù, klagù, klegù) (здѣсь ru, lu могутъ быть изъ r̥ɑ, l̥ɑ), bìldė-ti (bìldu), dulkė́-ti (dùlku), minė́-ti (menù; ср. выше miniaũ отъ той же основы) и др.; но не слѣдуетъ при этомъ думать, конечно, что всѣ основы этого рода получены литовскимъ языкомъ изъ литовско-слав. и индо-европ. языковъ; и въ этомъ случаѣ появленіе нѣкоторыхъ основъ на ė въ литовск. языкѣ аналогично съ слабыми основами на *o:* и тѣ

и другія основы могли производиться уже въ литовскомъ языкѣ непосредственно отъ слабыхъ основъ наст. времени съ суф. *e—o* по аналогіи старыхъ глаголовъ, которые уже издавна имѣли и слабыя основы на *e—o* и основы на ē, ā; частью даже, по аналогіи съ этими, могли являться основы на *ė́*, *o* и у такихъ глаголовъ, которые не имѣли слабыхъ основъ на *e—o;* отчасти эти новыя основы на ē съ слабымъ корнемъ могли являться, конечно, уже въ литовско-слав. языкѣ. Рядомъ съ старыми основами на ė и съ образованными по ихъ аналогіи основами на ė съ слабымъ видомъ корней въ литовск. языкѣ существуютъ основы на ė, которыя явились также по аналогіи старыхъ основъ, но при этомъ сохранили сильный видъ корней; таковы, напр., основы żėrė́-ti (żėriù), kalė́-ti, genė́-ti, velė́-ti, skelė́-ti, derė́-ti, perė́-ti [1]), — avė́-ti (ср. aũti), sravė́-ti (sraviù; ср. въ греч. гесіод. ῥείω; но старая основа на ē— ῥυῆναι изъ *ῥυϜῆναι), ravė́-ti, съ дифтонг. āu—isz-dżóvė-t (Bezz. Forsch.; ср. туже основу въ прош. вр. dżióviau),— veldė́-ti, mérdė-ti, sérgė-ti, pendė́-ti, trendė́-ti, tarszkė́-ti (ср. также основу въ tarszkiaũ къ praes. társzku),—veizdė́-ti (ср. также pa-vydė́-ti), pléiszė-ti, reikė́-ti (reĩkia), vėszė́-ti, sausė́-ti, ráugė-ti, sautė́-ti,—sopė́-ti (sõpi), norė́-ti, sėdė́-ti, gė́dė-tis и нѣкоторыя другія основы; въ корняхъ съ *e*, какъ извѣстно, сильныя и слабыя формы, вообще, не различаются; поэтому среди основъ какъ tesė́-ti, regė́-ti и др. могутъ быть какъ новыя основы, такъ и старыя; — особый случай представляетъ основа stovė́-ti (stóviu, stovė́-jau); по своей формѣ она походитъ на вышеприведенную основу isz-dżóvė-t; но между тѣмъ какъ послѣдняя происходитъ отъ корня на дифт. āu, въ stovė́-ti корень извѣстенъ, вообще, только съ ā; очень важное указаніе даетъ здѣсь сѣверно-лит. форма stáu-nu (вм. stóviu), которая, во всякомъ случаѣ, говоритъ за дифтонгъ въ этомъ корнѣ; на дифтонгъ указываютъ и готск. stojan, stauida,

---

[1]) kerė́-ti (keriù) имѣетъ ĕ изъ ослабленія ē: ср. ст.-слав. **үаръ.**

старо-слав. **ставити**; въ др.-инд. языкѣ извѣстны также образованія, указывающія на дифтонгъ; напр., — sthā́va-, sthā́vira, sthā́vīyas, sthūrá и др. (см. Whitney, Wurz., стр. 195); такимъ образомъ надо думать, что уже въ индо-европ. языкѣ корень *stā (или *sthā) имѣлъ параллельную форму *stāu (или *sthāu), т. е. въ этомъ корнѣ мы находимъ опять примѣръ смѣшенія въ индо-европ. языкѣ корней на ā съ корнями на āu, вызваннаго совпаденіемъ ихъ при нѣкоторыхъ фонетическихъ условіяхъ; но еще интереснѣе этотъ корень тѣмъ, что онъ представляетъ примѣръ смѣшенія трехъ видовъ корней — на ā, āu и āi: формы съ āi, какъ мы видѣли, предполагаетъ старо-слав. **стоя-ти** [1]); — основа dėvė́-ti (dėviù), вѣроятно, уже отъименнаго происхожденія, и v здѣсь принадлежало какому-то именному суффиксу.

Въ греч. языкѣ основы на ē, соотвѣтствующія старославянскимъ на ѣ и литовскимъ на ė, мы находимъ въ формахъ такъ называемаго страдательнаго аориста на -ην (съ η обще-греческой) [2]); и здѣсь въ старыхъ образованіяхъ мы находимъ слабый видъ корней; ср., напр., ἐρρύην (ср. выше), ἐκάην (изъ *ἐκάϝην, кор. на дифт. āu; ср. аор. ἔκηα изъ *ἔκηϝα),—ἐδάην (можетъ быть отъ корня на āi;

---

[1]) Можетъ быть, нѣкоторые слѣды такого же смѣшенія корней на ō и ōu представляютъ и литовск. образованія daviaũ, szlaviaũ, davė̃jas, dovanà, szlavinė́ju, szlavė̃jas; но по отношенію къ этимъ образованіямъ возможно и то предположеніе, что здѣсь формы съ v распространились изъ формъ прич. прош. времени dā̃vęs, szlā̃vęs, гдѣ v принадлежитъ собственно суффиксу причастія (см. J. Schmidt, K. Z., XXVI, 329, слѣд.).

[2]) Бругманъ (M. U., I, 71, слѣд.) совершенно справедливо опредѣлилъ первоначальное значеніе этихъ аористовъ въ греч. языкѣ; но несправедливо онъ объясняетъ формы этого аориста какъ новообразованія по аналогіи съ ἔβλην и т. п. и отдѣляетъ его основы отъ нѣкоторыхъ лат. основъ съ ē, связь которыхъ съ греч. аористомъ въ общемъ вѣрно указали Шлейхеръ и Курціусъ.

ср. гомер. δῆεις и др. и авест. daenā; но возможенъ и корень *dās : *dăs),—ἐχάρην, ἐσπάρην, ἑάλη, ἐσφάλην, ἐδάμην, ἐφάνην,—ἐτράφην, ἐγράφην, ἐπλάκην (гдѣ ρα, λα изъ r̥a, l̥a),—ταρπῆ-ναι, — ἐμίγην, ἐτύπην, — ἐπάγην, ἐσάπην (ср. πήγνυμι, σήπω); ἐφλέγην также можетъ быть старое образованіе, въ которомъ ĕ — ослабленіе изъ ē (ср. др.-инд. bhrāja-te); въ ἐρράγην ρα изъ r̥a, получившагося изъ ослабленія rē (ср. ῥήγνυμι, ἔρρωγα); при этихъ старыхъ основахъ есть новыя съ сильными корнями, какъ τερσήμεναι (гомер.), ἐπλήγην, ἐλέγην, ἐστέρην и нѣкотор. другія (см. факты у G. Meyer'a, Gr. Gr., § 532). Аналогія этихъ греч. основъ на η съ литовско-славянскими на ē подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ греч. языкѣ, какъ и въ старослав. и литовск. языкахъ, при этихъ основахъ въ формахъ ненастоящаго времени мы находимъ часто параллельныя основы на i̯o—i̯e въ формахъ наст. времени; ср. ἐφάνην : φαίνω, φαίνομαι; ἐχάρην : χαίρω; ἐρρύην : гесіод. ῥείω; ἐκάην : καίω; ἐτύπην : τύπτω; ἐσφάγην : σφάζω и нѣкотор. другіе случаи. Кромѣ указанныхъ основъ на η, которыя мы находимъ въ формахъ такъ называемаго страд. аориста, въ греч. языкѣ есть еще довольно много такихъ основъ, которыя извѣстны изъ другихъ формъ; и въ этихъ случаяхъ мы находимъ частью старыя основы или образованныя вполнѣ по ихъ аналогіи, частью же новыя образованія съ сильнымъ видомъ корней; такъ, выше были приведены ѳеокрит. ἰδησῶ, гомер. εἰδήσεις; изъ гомер. языка можно отмѣтить еще слѣдующія формы: βεβαρηότα, ἐνισπήσω, ἐνίσπες (гдѣ -ες изъ сокращенія -ēs), σχήσω, κεκαφηότα, κεκαδήσει, -σόμεθ', κεχορήμεθα—κεχορημένοι—κεχορηότε, πεπιθήσω—πιθήσεις—πιθήσας, πεπτεῶτα—πεπτεῶτας (позднѣйшія формы, гдѣ -εω- изъ старыхъ -ηο-), ῥιγήσειν—ἐρρίγησε (ср. ἔρριγα); примѣрами сильныхъ основъ могутъ служить ἐθέλησα—ἐθελήσω, εἰρήσομαι—εἴρηται, ἀπο-κηδήσαντε, κηδήσοντες и др.; но, какъ было замѣчено выше, среди этихъ основъ могутъ быть и старыя основы на ā, которыхъ въ іон. нарѣчіи нельзя отдѣлить отъ основъ на первоначальную η; что касается такихъ основъ, какъ σχη-, σπη-, πτη-

(отъ корней съ *e*), то они могли бы быть и старыми основами, такъ какъ корневое *e* при извѣстныхъ условіяхъ могло выпадать въ такихъ корняхъ еще въ индо-европ. языкѣ; но существованіе при этихъ основахъ въ греч. языкѣ основъ на *e—o* съ такимъ же видомъ корней (ἔσχον, ἔνισπες, πίπτω) заставляетъ скорѣе думать, что основы на η уже въ греч. языкѣ замѣнили собою въ извѣстныхъ случаяхъ указанныя основы на *e—o*.

Въ латинск. языкѣ основы на ē находятся большею частью среди глаголовъ на *-eo*, отчасти въ другихъ образованіяхъ; сюда принадлежатъ, напр., основы: 1. viē- (въ viē-sco, viē-tus; Brugm., M. U., I, 7), 2. viē- (viē-re, viē-tum, viē-tor; ibid. 9.), quiē- (quiē-sco, quiē-tus; ibid. 10), — lĭquē-re, lĭcē-re, vĭdē-re, — lŭbe-t (позже lĭbe-t), rŭbē-re, stŭdē-re, — torrē-re, horrē-re, torpē-re, ardē-re, fulgē-re, — carē-re, — sĕdē-re, tĕpē-re, mădē-re, plăcē-re (ср. plācare), ŏlē-re (ср. греч. ὄζω и литовск. ŭdżiu) и др.; съ сильными корнями, вѣроятно, — suādē-re, merē-re, lūgē-re (здѣсь ū можетъ быть изъ oi или eu; ср. греч. λοιγός, но также и λυγρός, λευγαλέος), gaudē-re (гдѣ au можетъ быть изъ āu; ср. греч. γηθέω; но можетъ быть и первонач. ău—ослабленіе изъ āu) и др.

Въ др.-инд. языкѣ нельзя открыть основъ на ē; но, вѣроятно, они здѣсь есть среди производныхъ основъ на ā.

Приведенныя выше сопоставленія фактовъ старо-слав., литовск., греч. и латинск. языковъ даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что въ индо-европ. языкѣ, кромѣ суф. ā, въ производныхъ основахъ существовалъ еще суффиксъ ē; но при этомъ между обоими суффиксами существовали нѣкоторыя различія въ значеніи и употребленіи; по значенію различіе состояло, повидимому, въ томъ, что основы съ суффиксомъ ē получали непереходное значеніе, между тѣмъ какъ это значеніе не было связано съ производными основами на ā; по употребленію различіе между обоими суффиксами было въ томъ, что основы на ā съ присоединеніемъ новыхъ суффиксовъ i̯o—i̯e или jo—je могли употребляться въ качествѣ основъ настоящаго времени; между

тѣмъ основы на ē, повидимому, не могли употребляться такимъ образомъ: по указанію отдѣльныхъ языковъ можно думать, что въ формахъ наст. времени основы на ē замѣнялись въ индо-европ. языкѣ основами на i̯o—i̯e, которыя въ значительномъ числѣ случаевъ, повидимому, также имѣли непереходное значеніе; такимъ образомъ надо думать, что основы на ē употреблялись въ индо-европ. языкѣ только въ формахъ ненастоящаго времени, хотя и нельзя указать съ точностью, какія именно были эти формы. Въ отдѣльныхъ языкахъ это различіе въ употребленіи двухъ родовъ производныхъ основъ начало отчасти утрачиваться, какъ будетъ показано ниже.

Былъ ли въ индо-европ. языкѣ еще третій суффиксъ— ō — въ отглагольныхъ производныхъ основахъ, остается сомнительнымъ. Нѣкоторыя указанія на такой суффиксъ даетъ болѣе опредѣленно только греч. языкъ, гдѣ основы на ω мы находимъ въ формахъ гомер. ἁλῶναι—ἁλώω—ἧλω и т. д., ῥιγωσέμεν (ср. выше ῥιγῆσειν), παρ-ῴχωκεν; въ πέπτωκα (ср. также πτῶμα, πτῶσις, ἀπτώς; Brugm., M. U., I, 17) это ω чередуется съ η: ср. гомер. πεπτεώς [1]). Но по этому небольшому числу греческ. образованій нельзя придти ни къ какимъ надежнымъ заключеніямъ. Точно также не даютъ указаній и весьма немногія неясныя литовскія основы на ů, какъ važiůju, geliůju, lingůju. Быть можетъ, это отглагольныя основы на ō явились только въ отдѣльныхъ языкахъ подъ вліяніемъ производныхъ отъименныхъ основъ.

Я перейду теперь къ *вторичнымъ* отглагольнымъ основамъ. Довольно значительное число такихъ основъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы находимъ съ суф. ou (изъ eu); эти основы употребляются съ суф. jo—je въ формахъ наст. времени; къ суффиксу ou можетъ прибавляться еще суф. ā, и такимъ образомъ получаются опять

[1]) Объ ἐβίων и ζώω было сказано выше; что такое ἀρόω, не ясно; въ лат. языкѣ мы находимъ arā-re; ст.-слав. **орати** можетъ имѣть и ā и ō.

новыя производныя основы на -ovā-, которыя также могутъ употребляться въ формахъ наст. времени въ соединеніи съ суф. jo—je; въ старо-слав. языкѣ по большей части эти основы распредѣляются такимъ образомъ, что въ формахъ наст. времени является основа на **-оує-**, въ формахъ infinitiv'a и связанныхъ съ нимъ образованій — основа на **-ова-**; въ литовск. языкѣ основы на -au- и -avo- различаются въ спряженіи. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ старо-слав. языкѣ мы находимъ въ этихъ основахъ **-ыва-** вмѣсто **-ова-**; въ литовск. языкѣ соотвѣтствующихъ основъ мы не находимъ; но отдѣльные славянскіе языки показываютъ, что въ обще-слав. языкѣ такихъ основъ было все-таки значительное число; происхожденіе **-ыва-** можно объяснять такъ, что суф. ou нѣкогда имѣлъ чередованіе сильныхъ и слабыхъ формъ; въ послѣднихъ должно было являться ŭ или ū; при соединеніи ū + ā въ обще-слав. языкѣ и должно было получиться ūvā (черезъ ūu̯ā); но вѣроятнѣе всего, что такія основы на **-ыва-** возникли собственно въ производныхъ отъименныхъ глаголахъ, и тамъ они могутъ быть объяснены иначе, какъ мы увидимъ далѣе. — Въ старо-слав. языкѣ основы на **-оує-**, **-ова-** и **-оваѥ-** замѣняютъ собой различныя основы непроизводныя; такъ, мы находимъ ихъ вмѣсто основъ на *e—o*: **въз-несова-**, **влѣкова-**; вмѣсто основъ на **не—но**: **въз-бънова-**, **по-манова-**, **минова-**, **разинова-**; въ числѣ этихъ основъ нѣкоторыя могутъ быть болѣе стараго происхожденія сравнительно съ другими, такъ какъ старо-слав. суф. **не—но**, какъ было указано въ I главѣ, замѣняетъ собою, между прочимъ, индо-европ. суф. -neu-; — далѣе мы находимъ эти основы особенно часто вмѣсто также производныхъ основъ на **а**: **коупова-**, **оу-сыпова-**, **при-имова-**, **об-лъгова-**, **на-рѣкова-**, **про-зирова-**; вмѣсто основъ на **-и-** (которыя большею частью происходятъ отъ основъ на **и**) — **о-поѥва-**, **оу-чинѥва-**, **за-штиштева-** и др.; — несомнѣнный примѣръ основы на **-ыва-** въ старо-слав. языкѣ мы находимъ, кажется, только въ **цѣлыва-**. Въ литовск. языкѣ основы на -au-, если они отглагольныя, имѣютъ тоже значеніе, что

и извѣстныя основы на *o*, которыя они замѣняютъ; ср., напр., rékauju, lepáuju, ragáuju, brizgauju, kūpáuju, szúkauju, klýkauju, żióvauju, geidáuju; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти основы чередуются съ основами на ŭ, что очень часто бываетъ въ отъименныхъ глаголахъ; отсюда въ литовск. языкѣ произошло отчасти смѣшеніе въ спряженіи тѣхъ и другихъ основъ, которое состоитъ въ томъ, что основы на ŭ получили въ прошедш. времени окончаніе -avau, принадлежащее собственно основамъ на au. Отглагольныя основы на -avo- въ литовск. языкѣ употребляются очень рѣдко; примѣрами ихъ могутъ служить хотя и нѣсколько сомнительныя gedavóti (у Bezz. Forsch.; ср. geidáuju, geidżiù), glebavoti (ср. glebū́ti, glepti), geravoti (ср. geráuti, gérti), tyravóti (ср. tyriù—tìrti, tariù—tar̃ti), szelavoti (ср. прич. szẽlęs?); въ отъименныхъ глаголахъ такихъ основъ очень много [1]).

Очень значительное число вторичныхъ производныхъ основъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ имѣютъ суффиксъ i̯ā. Эти основы производятся отъ основъ на ī различнаго происхожденія, т. е. отглагольныхъ и отъименныхъ; отглагольныя основы на ī, какъ будетъ указано въ слѣдующей главѣ, въ литовско-слав. языкѣ были обыкновенно такъ называемыя causativa, полученныя здѣсь уже изъ индо-европ. языка; основы causativ'овъ всегда имѣли корни въ сильномъ видѣ, и при этомъ если корневая гласная была *e* чередовавшееся съ *o* (просто *e*, или въ сочетаніяхъ съ i̯, u̯, съ плавными и носовыми), то въ этихъ основахъ являлось именно *o* (и сочетанія oi, ou, or и т. д.). Отсюда и въ производныхъ основахъ на -i̯ā- мы также находимъ сильные корни. Но въ старо-слав. языкѣ вмѣсто o

---

[1]) Замѣчу здѣсь, кстати, о томъ фактѣ, что глаголы на -auju образуютъ отглагольныя существ. съ суф. -imas обыкновенно на -āvimas. Это ā въ такихъ образованіяхъ явилось не фонетически, но по аналогіи съ подобными же старыми образованіями, какъ blióvimas (отъ bliáuju—blióviau), grióvimas (отъ griáuju—grióviau) и др.

въ этихъ основахъ мы находимъ всегда *a*; какъ показываютъ факты другихъ славянскихъ языковъ, измѣненіе *o* въ ā надо относить уже къ обще-слав. языку, насколько, конечно, можно возводить къ обще-слав. языку извѣстное количество такихъ основъ на ḭā; происхожденіе ā корневого въ этихъ основахъ надо объяснять въ обще-слав. языкѣ только дѣйствіемъ аналогіи со стороны производныхъ основъ на ā, которыя, какъ мы уже видѣли, также представляютъ подобное явленіе. Въ литовск. языкѣ, гдѣ не существуетъ общаго правила объ удлинненіи ă въ производныхъ основахъ на ā, и въ производныхъ основахъ на ḭā остается всегда ă; *o* мы находимъ только въ vōlioju и kōlioju; но первой основѣ соотвѣтствуетъ и основа на *y* съ *o* — vōlyju, и при томъ этотъ глаголъ можетъ быть заимствованнымъ; вторая основа (kōlioju) можетъ быть отъименной. Такимъ образомъ обыкновенныя основы на ḭā мы находимъ въ старо-слав., напр., **клани-** (ср. **клони-**), **оу-марш-** (**мори-**), **на-пай-** (**на-пои-**), **ис-тауа-** (**ис-тоуи-**), **въз-наша-** (**въз-носи-**), **о-цѣшта-** (**о-цѣсти-**; здѣсь **ѣ** изъ oi), **мѣша-** (**мѣси-**), **въ-коуша-** (**въ-коуси-**; здѣсь **оу** можетъ быть изъ ou), **въз-люблю-** (**въз-люби-**; здѣсь дифт. eu вытѣснилъ собою ou, который надо ожидать въ этихъ основахъ) и др.; въ литовск., напр., láidžioju (ср. láidyti и léisti), skráidžioju (skraidýti, skrējù), láipioju (ср. limpù, lìpti), по аналогіи съ этими и bráidžioju (braidýti, bredù—brìsti), — vajóju (vejù), válkioju (velkù), lándžioju (ср. landinu, lendù), ránkioju (renkù),—vadžióju (vedù), razgióju (rezgù; при этомъ есть и raizgióju, raizgýti, какъ bráidžioju, braidýti), lakióju (ср. lakinù, lekiù), sakióju (при sekióju; ср. sekù), mazgióju (mezgù); только въ двухъ случаяхъ мы находимъ *e* — neszióju и sekióju (при sakióju); отъ causativ'а mindyti происходитъ mìndžioju. — Рядомъ съ основами на -ḭā- такого происхожденія въ литовско-слав. языкѣ существовало небольшое число основъ, при которыхъ мы не находимъ основъ съ ī; вмѣстѣ съ тѣмъ эти основы иногда представляютъ въ корнѣ тѣ особенности, которыя находятся въ производныхъ основахъ

на ā, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанныя основы на i̯ā чередуются съ основами на ā; такъ, въ старо-слав. языкѣ при основѣ **ныра-** мы находимъ **ныря-, бѣга-, бѣsа- : бѣжа-, по-двиsа- : по-движа-, довьлa- : довьля** (?); къ этимъ основамъ принадлежитъ и **слыша-ти** (praes. **слыши-ть** и **слышаю-ть**); въ литовскомъ языкѣ мы находимъ bėgiója (при *bėgo- въ прош. вр. bėgau), kándžioju (ср. прош. вр. kándau), mėczioju (ср. mėtau; хотя здѣсь основаніемъ могла послужить и форма infinitiv'a mėtyti); нѣтъ соотвѣтствующихъ основъ на *o* при mýnioju, gylióju (geliù), trýnioju (trinù), при которомъ есть tráiniojůs, какъ bráidžioju. Какимъ образомъ возникли эти основы на i̯ā, не ясно; можетъ быть, они произошли подъ вліяніемъ отъименныхъ основъ.

Въ литовск. языкѣ производныя основы на i̯ā извѣстны въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ указанные. Глаголы, имѣющіе въ основѣ praesens'а суф. -st- или -szt-, могутъ образовывать отъ этой основы производныя основы на -au, -yti по аналогіи съ старыми глаголами; отъ этихъ же новыхъ основъ далѣе могутъ производиться основы на i̯ā; ср., напр., graipstaũ — graipstýti : gráipszczioju (ср. старую форму graibaũ—graibýti); по аналогіи съ такими основами въ литовскомъ возникло довольно много основъ на -szczioju, какъ szniokszczioju (и sznioksztóju), saikszczioju, szvankszczióju, tvìnkszczióju, krúpszczioju, váikszczioju и др. При суф. st и szt въ praes. есть и суф. t (ср. I главу); отъ основъ съ этимъ суффиксомъ мы находимъ тѣже производныя основы, какъ и въ предъидущемъ случаѣ; ср., напр., отъ riszù—старая производная основа raiszaũ—raiszýti, по аналогіи съ ней — raisztaũ—raisztýti, и отсюда — ráiszczioju; по аналогіи съ такими основами далѣе явились и другія на -czioju, какъ szókczioju, trúkczioju, dilkczioju, sziùrpczioju, pýrpczioju, žiópczioju (и žiopszczióju) и др. Въ нѣкоторыхъ основахъ мы находимъ передъ суф. i̯ā приставленное къ корню l, неясное по происхожденію; напр., dėdlióju, důdlióju, teplióju (tepù), szveplióju, žirglióju, rėplióju; вѣроятно, что это l

первоначально принадлежало отъименнымъ глаголамъ: ср. szveplỹs при szveplióju, vamplỹs при vamplioju (также derklà при derklóju); отъименнаго происхожденія далѣе такія основы, какъ sziltelioju, sárgalioju (и sergalioju), knìburioju (и knỹburioju), viñgurioju, vỹburioju, (vyburiu), krũtulioju (krũtuliu), võbulioju (võbuliu), surbulióju (surbuliu) и др. Отъ основъ praesens'a съ n также образуются немногія основы на i̯ā — vynióju, guinióju; но здѣсь возможенъ и суф. ā — lynója; по аналогіи съ этими основами, и отчасти по аналогіи отъименныхъ основъ, явились довольно многія основы на -nio- (-snio-), чаще -no- (-sno-, -szno-): mìrksnioju, burksznóju, cziaksznóju, szalnója (ср. szalnà), glužnóju (и glužūnóju), spleznóju, lesnóju и др. Извѣстны нѣкоторыя основы на ā отъ глаголовъ на -inu и -enu; напр.,—linksminóju (=lìnksminu), gabenóju (ср. gabenù).

Въ обще-слав. языкѣ отъ производныхъ основъ на ā и ē образовывались еще вторичныя производныя основы на ā, при чемъ этотъ суффиксъ присоединялся вмѣстѣ съ v; какъ было указано выше, суф. -vā- въ производныхъ основахъ былъ отвлеченъ изъ извѣстныхъ образованій, гдѣ v появлялось фонетически; эти вторичныя основы съ -vā- употреблялись въ обще-слав. языкѣ частью только въ формахъ отъ основы infinitiv'a, частью же въ соединеніи съ суф. jo—je употреблялись и въ качествѣ основъ наст. времени. По аналогіи основъ съ -vā- отъ основъ на ā и ē въ обще-слав. языкѣ, повидимому, явилось и небольшое число такихъ основъ отъ основъ на ī, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ обще-слав. языкѣ существовали параллельно старыя основы на -i̯ā- и эти новыя основы на -īvā-. Въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежатъ, напр., основы **копава-, мaѕава-, пытава-, лъгава-, лишва-, ѕишва-, о-клеветава-, от-вѣштава-, — горѣва- сѧ, велѣва-, бъдѣва-, блѧдѣва-, обѣ-ништава-, обетъшава-, — въспива-, оу-съпива-** (ср. **на-въпли-ти, оу-сыпли-ти**) и др.

Слѣдуетъ отмѣтить еще въ литовск. языкѣ вторичныя производныя основы на -inéju. Эти основы представляютъ

первоначально производныя основы на ė отъ основъ на -ina-, какъ, напр.,—važinėju, varinėju, bėginėju, szlavinėju, siuntinėju и др.; по аналогіи съ такими основами явились далѣе и нѣкоторыя отъименныя основы, какъ aklinėju, žioplinėju, ůginėju, szūdinėju и др.

Обращусь къ основамъ отъименнымъ. Эти основы, какъ показываетъ сравненіе различныхъ индо-европ. языковъ, произошли въ индо-европ. языкѣ такимъ образомъ, что къ различнымъ именнымъ основамъ присоединялись для образованія формъ настоящаго времени суффиксы i̯o—i̯e и, частью, jo—je; можетъ быть, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ индо-европ. языкѣ возможно было образованіе формъ наст. времени и непосредственно отъ именныхъ основъ, по нетематич. спряженію, какъ показываютъ нѣкоторые случаи изъ др.-инд. языка (см. Whitney, Ind. Gr., § 1054); но, во всякомъ случаѣ, обыкновенное образованіе отъименныхъ основъ было съ суффиксами i̯o—i̯e и jo—je. Такимъ образомъ собственно суффиксами спряженія отъименныхъ основъ въ индо-европ. языкѣ и надо считать эти суффиксы i̯o—i̯e и jo—je; то, что находилось непосредственно передъ этими суффиксами, уже не принадлежало глагольной основѣ, но именной. Слѣдовательно, чтобы классифицировать различныя отъименныя основы, надо бы было дать только классификацію именныхъ основъ. Впрочемъ, сдѣлать эту классификацію было бы нелегко, такъ какъ теперь еще нельзя опредѣлить съ точностью всѣхъ именныхъ основъ для индо-европ. языка; къ тому же, при имѣющемся матеріалѣ, трудно опредѣлить и тотъ фактъ, какія именныя основы въ индо-европ. языкѣ могли употребляться въ качествѣ производныхъ глагольныхъ основъ, какія не могли; въ отдѣльныхъ языкахъ мы находимъ лишь сравнительно небольшое число именныхъ основъ въ этомъ употребленіи; отчасти этотъ фактъ надо объяснять утратами отдѣльныхъ языковъ, въ которыхъ получали преобладаніе какіе нибудь извѣстные типы отъименныхъ основъ и вытѣсняли собою другіе типы; такъ, напр., въ старо-слав. и литовск. языкахъ мы не находимъ

тѣхъ отъименныхъ основъ, которыя должны бы были соотвѣтствовать извѣстнымъ греческимъ глаголамъ на -εω и -οω; между тѣмъ эти основы несомнѣнно существовали въ индо-европ. языкѣ; слѣдовательно въ литовско-слав. языкѣ они были только вытѣснены основами на ī; но за исключеніемъ такихъ случаевъ все-таки останется довольно много именныхъ основъ, о которыхъ нельзя утверждать, что они употреблялись въ индо-европ. языкѣ въ качествѣ производныхъ глагольныхъ основъ. Не входя въ подробности этого вопроса, я остановлюсь здѣсь на разборѣ только тѣхъ отъименныхъ основъ, которыя мы находимъ въ ст.-слав. и литовск. языкахъ.

Прежде всего о самомъ глагольномъ суффиксѣ этихъ основъ. Какъ показываетъ др.-инд. языкъ, этотъ суффиксъ въ индо-европ. языкѣ имѣлъ на себѣ удареніе; слѣдовательно, мы должны предполагать для него первоначальную форму i̯ó—i̯é; но отдѣльные индо-европ. языки (напр., греч. языкъ своими глаголами на -αζω и -ιζω) указываютъ, что вмѣсто этого суффикса могъ употребляться также и суф. jo—je; появленіе jo—je при i̯o—i̯e въ индо-европ. языкѣ надо объяснять дѣйствіемъ аналогіи: непроизводные глаголы, какъ мы видѣли, чередовали суффиксы i̯o—i̯e и jo—je, и хотя основы съ этими суффиксами первоначально различались по ударенію, но уже въ индо-европ. языкѣ, вѣроятно, возникали случаи переноса ударенія съ суффикса на корень, и вмѣстѣ съ тѣмъ являлось отчасти смѣшеніе вообще основъ на i̯o—i̯e и на jo—je; смѣшеніе обоихъ суффиксовъ въ непроизводныхъ глаголахъ повело далѣе къ смѣшенію ихъ и въ глаголахъ производныхъ на ā, основы которыхъ первоначально въ формахъ praesens'а получали также суф. i̯ó—i̯é, но затѣмъ они могли получать вмѣсто него и jo—je; такъ какъ отглагольныя производныя основы на -āi̯o- въ praes. совпадали съ извѣстными отъименными основами съ тѣмъ же окончаніемъ, то смѣшеніе суффиксовъ i̯o—i̯e и jo—je въ основахъ перваго рода повлекло за собой смѣшеніе обоихъ суффиксовъ и въ основахъ второго рода; кромѣ того

извѣстныя отъименныя основы на -e̯ó- въ индо-европ. языкѣ легко могли смѣшиваться съ особаго рода отглагольными основами на -éjo- (ср. такіе факты въ др.-инд. языкѣ; Whitney, Ind. Gr., § 1056); подъ вліяніемъ аналогіи этихъ двухъ образованій отъименныя основы вообще могли смѣшивать въ индо-европ. языкѣ суффиксы i̯o—i̯e и jo—je. Далѣе по отношенію къ суффиксу i̯o—i̯e въ непроизводныхъ глаголахъ мы видѣли, что въ индо-европ. языкѣ въ положеніи послѣ гласныхъ *i* и *u* этотъ суффиксъ являлся въ видѣ i̯i̯o—i̯i̯e, т. е. его i̯ въ этомъ положеніи распадалось на i̯i̯, при чемъ первое i̯ примыкало къ предшествующимъ *i* и *u* и сливалось съ ними въ ī и ū; тоже самое мы находимъ и въ тѣхъ отъименныхъ основахъ, которыя происходятъ отъ именныхъ основъ на *i* и *u*; именно, въ др.-инд. языкѣ мы находимъ отъ основъ на *i* и *u* отъименныя основы обыкновенно съ ī и ū, напр., arātīyá-ti, çatrūyá-ti и др.; въ греч. языкѣ мы находимъ, напр., *μαστί́ω*, *μηνί́ω* (B, 769), *κονί́ω*, *'ῑδί́ω* [1]); въ литовск. языкѣ мы находимъ глаголы на -yju; въ обще-слав. языкѣ къ такимъ основамъ можно возводить упомянутыя выше образованія съ -ūvā-, какъ старо-слав. **цѣлыва-ти**, русск. *игрывать* и т. п.: эти основы могли въ обще-слав. первоначально возникнуть въ отъименныхъ глаголахъ и затѣмъ уже перенестись въ отглагольныя образованія; объяснять индо-европ. отъименныя основы съ ī и ū можно бы было и тѣмъ предположеніемъ, что такія основы произошли отъ первоначальныхъ именныхъ основъ съ ī и ū; но если принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ индо-европ. языкѣ именныхъ основъ на ī и ū было очень мало сравнительно съ основами на ĭ и ŭ, а между тѣмъ большинство отъименныхъ основъ этого разряда имѣли ī и ū, то станетъ несомнѣннымъ, что при небольшомъ числѣ основъ съ первоначальными ī и ū въ остальныхъ основахъ ī и

---

[1]) Глаголы на -υω, къ сожалѣнію, извѣстны, напр., въ гомер. нарѣчіи лишь въ очень немногихъ формахъ наст. времени (около 7 формъ отъ разныхъ глаголовъ) и только съ ῠ.

ū возникли фонетически изъ соединеній ĭi̯, ŭi̯. Что же касается основъ съ ĭ и ŭ, которыя также несомнѣнно были въ индо-европ. языкѣ (ср. др.-инд. putriyá-ti при putrīyá-ti, arātiyá-ti при arātīyá-ti, gātuyá-ti и др.), то ихъ надо объяснять тѣмъ смѣшеніемъ суффиксовъ i̯o—i̯e и jo—je, о которомъ было упомянуто выше: между тѣмъ какъ основы съ ī и ū имѣли суф. i̯o—i̯e, основы съ ĭ и ŭ имѣли суф. jo—je, при которомъ уже не было основанія для удлинненія ĭ и ŭ. Этимъ различіемъ суффиксовъ надо объяснять и тотъ фактъ, что въ греч. языкѣ — при глаголахъ на -ῑω и -υω (-ῡω ?) мы находимъ параллельные глаголы на -ιζω, -υζω; напр., въ гомер. языкѣ *μαστῑ́ω* и *μαστίζω*; ἑρπύζω ср. съ ἑλκύω, и далѣе — гомер. глаголы *ἀτύζομαι*, ἰύζω, ὀλολύζω: основы на -ιζο-, -υζο- восходятъ къ индо-европ. основамъ на -ijo-, -ujo-. Что же касается чередованія въ греч. языкѣ глаголовъ на -ῑω (-ῡω ?) съ глаголами на -ῐω, -ῠω (напр., гомер. *μηνῐ́ω* при *μηνῑ́ω*, *κηκῐ́ω*, ἰδῐ́ω при ἰδῑ́ω, ἰθῠ́ω, μεθῠ́ω и др.), то это надо объяснять вліяніемъ со стороны извѣстныхъ непроизводныхъ основъ; именно, какъ мы уже видѣли, основы на *e—o* отъ корней на дифтонги ei, eu получили въ греч. языкѣ два вида — φθῐ́ω : φθῑ́ω, φῠ́ω : φῡ́ω; чередованіе ῐ : ῑ, ῠ : ῡ въ этихъ основахъ вызвало такое же чередованіе и въ отъименныхъ глаголахъ; а послѣдніе, въ свою очередь, оказали вліяніе на непроизводные глаголы, которое выразилось въ томъ, что и въ этихъ глаголахъ появились основы съ ζ; напр., — κτίζω, βρίζω, βλύζω при βλύω, κλύζω и др. И такъ, формы основъ отъ именъ на *i* и *u* даютъ основаніе принять, что въ индо-европ. языкѣ въ отъименныхъ основахъ существовали рядомъ суффиксы i̯o—i̯e и jo—je, и что суф. i̯o—i̯e принималъ въ этихъ образованіяхъ видъ i̯i̯o—i̯i̯e; эти положенія подтверждаются, какъ мы увидимъ, и формами другихъ отъименныхъ основъ.

Перейду теперь къ вопросу о томъ, какія именныя основы и въ какомъ видѣ могли въ индо-европ. языкѣ становиться глагольными основами. Объ основахъ на *i* и *u* (ī, ū) было уже сказано; теперь слѣдуютъ основы на

e—*o* и ā. Суффиксъ основъ 1-го рода въ склоненіи являлся въ индо-европ. языкѣ въ двухъ видахъ — ĕ и ŏ, которыя чередовались между собою по различнымъ падежнымъ формамъ; точно также и при образованіи глагольныхъ основъ съ суффиксами i̯o—i̯e и jo—je эти имена могли являться въ индо-европ. языкѣ частью съ ĕ, частью съ ŏ; но при этомъ, если судить по греч. языку, который имѣетъ, сравнительно, очень мало глаголовъ на -οω, то надо сдѣлать заключеніе, что въ индо-европ. языкѣ чаще употреблялись отъименныя основы съ ĕ, чѣмъ съ ŏ [1]). Такимъ образомъ отъименныя основы этого происхожденія въ индо-европ. языкѣ должны были оканчиваться обыкновенно на -ei̯i̯e-, -eje-, рѣже — на -oi̯i̯e-, -oje-; сочетаніе i̯i̯ здѣсь должно было оставаться безъ измѣненія, такъ какъ для стяженія e+i̯ и o+i̯ въ одну долгую гласную не было основанія. Въ др.-инд. языкѣ сочетаніе ei̯i̯e съ теченіемъ времени должно было измѣниться въ ēya-; тоже самое должно было произойти и съ oi̯i̯e; сочетаніе eje въ др.-инд. измѣнилось въ aya, а oje — въ āya (такъ какъ такое *o*, которое въ этихъ основахъ, должно въ открытомъ слогѣ въ др.-инд. языкѣ давать ā); отсюда въ др.-инд. языкѣ мы и находимъ такія основы какъ vareyá-ti, devayá-ti, açvāyá-ti и др. (Whitney, Ind. Gr., § 1059); при этомъ надо замѣтить, что основы на -eya- въ др.-инд. языкѣ рѣдки (ведійск. примѣръ 1); основы на -aya- и -āya- въ ведійск. языкѣ часто находятся въ чередованіи между собою (отчасти въ двухъ текстахъ, отчасти въ одномъ и томъ же; см. Delbrück, Aind. Verb., стр. 202); это чередованіе тѣхъ и другихъ основъ даетъ возможность думать, что уже въ индо-европ. языкѣ оба рода основъ могли чередоваться между собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ греч. языкѣ сочетаніе ei̯i̯e упрощалось въ ei̯e, которое сохранялось въ обще-греч. языкѣ и перешло

---

[1]) Отвергать же вполнѣ индо-европ. происхожденіе греч. глаголовъ на -όω, какъ склоненъ дѣлать Бругманъ (Gr. Gr., § 123), нѣтъ основанія.

въ отдѣльные діалекты; въ сочетаніи -eje- въ обще-греч. языкѣ j, такъ какъ былъ въ положеніи послѣ ĕ, совпадалъ съ i̯, и, какъ всякое i̯, между гласными исчезалъ; отсюда въ греч. діалектахъ открытыя формы на -εω, -εεις, -εομεν и т. д., которыя съ теченіемъ времени подвергались стяженіямъ въ разныхъ діалектахъ различнымъ; раньше всего подверглись стяженію и во всѣхъ діалектахъ тѣ формы, которыя имѣли сочетаніе -εε-, при чемъ это εε въ аттико-іон. нарѣчіи стягивалось въ ει (недифтонгъ), въ лесбійск. и дорійск. — въ η; такимъ образомъ, напр., въ гомеровск. нарѣчіи мы находимъ формы, какъ ἀγινεῖς, ἀγινεῖ, ἠγίνεον и ἀγίνεον, ἄγρει, ἀγρεῖτε, ἀελπτέοντες, βουκολέων, δατέονται и т. д., и при этомъ — μαχειόμενος (ср. μαχέοιτο), ὀκνείω (ср. ὤκνεον), у Гесіода — ὑμνείω, οἰκείω (ср. у Гом. ᾤκει, ᾤκεον, въ гимн. — ὕμνει, ὑμνεῦσι). Отъименные глаголы этого происхожденія съ -ειε- отчасти, можетъ быть, уже въ обще-греч. языкѣ, отчасти въ отдѣльныхъ діалектахъ были смѣшаны съ отъименными глаголами другого происхожденія, именно съ тѣми, которые произошли отъ именныхъ основъ на -es-, какъ напр., гомеровск. νεικείω, τελείω (изъ *neikesi̯ō, *telesi̯ō; ср. др.-инд. namasyá-ti, apasyá-ti и др.), гдѣ изъ сочетанія esi̯ въ обще-греч. языкѣ получалось ei (черезъ посредство, вѣроятно, eʽi), которое и сохранялось между гласными (см. Ѳ. Е. Коршъ, О звукахъ *е* и *о* въ греч. языкѣ, стр. 112, 151); смѣшеніе двухъ родовъ основъ на -ειε- въ греч. языкѣ повело къ тому, что и основы 2-го рода при формахъ на -ειω, -ειεις и т. д., по аналогіи съ основами 1-го рода, получили формы на -εω, -εις и т. д.; отсюда, напр., въ гомеровск. нарѣчіи мы находимъ формы νεικεῖ, νείκει, νεικεῖν, νείκεον и др. при νεικείω, νεικείειν, νείκειον и др.; въ аттич. нарѣчіи оба рода основъ вполнѣ смѣшались, при чемъ получили преобладаніе основы 1-го рода. — По аналогіи съ измѣненіемъ сочетанія ei̯i̯e надо заключать, что и сочетаніе oi̯i̯e должно было въ обще-греч. языкѣ измѣняться въ oi̯e, которое переходило въ отдѣльные діалекты; но глаголовъ на -οιω мы совсѣмъ не находимъ въ греч. язы-

кѣ; въ гомеровск. нарѣчіи основы этого рода извѣстны лишь въ немногихъ формахъ настоящаго времени, какъ γυμνοῦσθαι, γουνοῦμαι, γουνοῦσθαι и др., θεειοῦται, κάκου, κορυφοῦται, παχνοῦται, χολοῦμαι, χολοῦται; отдѣльно стоитъ ἀρόωσι (3 pl.); всѣ эти формы переданы въ текстахъ съ стяженіемъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно читать вмѣсто ου οο, напр., — γουνόομαι (Z 149; G. Meyer, Gr. Gr., § 126); было ли въ древнемъ іон. нарѣчіи стяженіе οο, сказать трудно; по аналогіи съ формой родит. падежа на -ου (въ основахъ на ο) можно заключать, что такое стяженіе дѣйствительно было, и формы какъ γουνόομαι надо считать непервоначальными (все равно какъ и, напр., δοκέεις, κρατέεις, φιλέει и др.); что же касается другихъ стяженій, напр., — οε, то надо думать, что въ старомъ іон. нарѣчіи ихъ не было, такъ что формы какъ κάκου, κορυφοῦται и др. надо считать уже позднѣйшими формами; во всякомъ случаѣ, всѣ приведенныя гомеровск. формы указываютъ только на основы съ -οο-, а не съ -οιο-; изъ другихъ нарѣчій также не извѣстны основы послѣдняго рода; слѣдовательно, надо думать, что уже въ обще-греч. языкѣ они были не многочисленны и скоро вытѣснены основами на -οο-. Но возникаетъ вопросъ, какъ явились эти послѣднія основы; рѣшеніе его зависитъ отъ рѣшенія другого вопроса, въ какомъ видѣ должно было явиться въ обще-греч. языкѣ сочетаніе oje, которое также должно было существовать въ основахъ этого происхожденія; единственный, кажется, въ греч. языкѣ глаголъ, который бы могъ говорить за то, что j въ этомъ сочетаніи не совпадалъ съ i̯, есть ἁρμόζω; но единичность этого глагола и существованіе параллельной формы ἁρμόττω не позволяютъ рѣшить опредѣленно вопросъ объ измѣненіи въ обще-греч. языкѣ сочетанія oje; можно думать, такимъ образомъ, что или j здѣсь совпадалъ съ i̯, и являлись фонетически глаголы на -οω, которые и вытѣснили собою глаголы на *-οιω, или же что глаголы на -οω явились при глаголахъ на *-οιω по аналогіи съ глаголами на -εω при глаголахъ на -ειω и вытѣснили затѣмъ глаголы на *-οιω, подобно

тому какъ впослѣдствіи глаголы на -εω вытѣсняли глаголы на -ειω.—Именныя основы на ā въ индо-европ. языкѣ представляли чередованіе ā : ă; оба эти вида основы могли употребляться въ производныхъ основахъ; такъ надо думать, главнымъ образомъ, на основаніи греч. языка, хотя др.-инд. языкъ представляетъ мало фактовъ для основъ на ă въ отъименныхъ глаголахъ (ср. Whitney, Ind. Gr., § 1060; Delbrück, Aind. Verb., стр. 202). Такимъ образомъ въ индо-европ. языкѣ надо предполагать первоначальныя отъименныя основы на -ā-i̭e-, -ā-je- и -ă-ie-, -ă-je-; подвергалось ли въ индо-европ. языкѣ i̭ распаденію на i̭i̭ въ суффиксѣ въ положеніи послѣ ā, сказать трудно; можно думать, что если и получалось въ этомъ случаѣ первоначально i̭i̭, то съ теченіемъ времени еще въ индо-европ. языкѣ это сочетаніе, вѣроятно, упрощалось въ i̭ послѣ долгой гласной; изъ ă-i̭e должно было получиться ăi̭i̭e, которое затѣмъ сохранялось и переходило въ отдѣльные языки; точно также въ отдѣльные языки переходили и сочетанія āje и ăje. Въ др.-инд. языкѣ мы находимъ изъ основъ этого образованія, напр., gopāyá-ti (gopā́-), a-kr̥paya-t, kr̥páyant- (kr̥pā́-), spr̥haya-nti (*spr̥hā-; Delbrück, l. c., стр. 204). Въ греч. языкѣ мы находимъ глаголы на -ᾱω, -ᾰω, -αιω и -αζω; въ нихъ -ᾱε- = индо-европ. -āi̭e- и -āje-, -αιε- = -ăi̭i̭e-, -αζε- соотвѣтствуетъ индо-европ. -ăje-. Глаголы на -ᾱω мы находимъ въ гомеровск. формахъ ἀνα-μαιμᾱ́-ει, πεινᾱ́ων—πεινᾱ́οντα—πεινᾱ́οντε, διφᾱ́ων; точно также и въ нѣкоторыхъ формахъ съ такъ называемымъ „эпическимъ растяженіемъ“ мы должны видѣть глаголы съ ᾱ; сюда относятся формы γελώοντες—γελώων, μαιμώωσι—μαιμώων—μαιμώωσα, μενοινώω—μενοινᾱ́ᾳ—μενοινήῃσι, ἡβώοιμι—ἡβώοντα—ἡβώοντες—ἡβώωσα: эти формы явились въ позднѣйшей редакціи гомеровск. текста вмѣсто старыхъ γελᾱ́οντες, γελᾱ́ων, μενοινᾱ́ω, μενοινᾱ́ει и т. д. (см. объ этихъ фактахъ J. Wackernagel, B. B., IV, 307—309) [1]). Формы съ ᾱ извѣстны и изъ другихъ па-

[1]) Можно думать, что въ гомеровск. языкѣ очень рано

мятниковъ; напр., у Гесіода—ἀμᾶ́ειν, у Пиндара и аттиковъ—διψῇ (3. sg. indic.), у аттиковъ и Геродота—διψῆν, у Гиппократа—ἐδίψη, у Архилоха—διψέων, аттич.—πεινῆν (см. G. Mekler, Beitr. z. Bildung d. griech. Verb., стр. 31, 34, 37). Большинство же глаголовъ какъ у Гомера, такъ и въ другихъ памятникахъ мы находимъ съ ᾰ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ можно наблюдать чередованіе основъ съ ᾱ и ᾰ; такъ въ гомеровск. языкѣ мы находимъ при γελώοντες (γελᾱ́οντες) также γελόωντες (γελᾰ́οντες, при μενοινώω и т. д. — μενοινᾷς, μενοινᾷ, μενοίνα, которыя указываютъ на ᾰ, — при гесіод. ἀμᾱ́ειν (гомер. стянутыя формы ничего не рѣшаютъ) — аттич. ἀμᾷ, ἧμα, ἀμᾶσθε (Mekler, l. c., стр. 33); у Геродота мы находимъ ὁρέωμεν, ὁρέωσι, ὁρέωντα, ὁρέωντες (при варіантахъ ὁρέομεν, ὁρῶμεν и др.) при ὁρᾷ, ὥρα, ὡρᾶτε и т. д. (Mekl., стр. 37); можно предполагать, что въ обще-греч. языкѣ это чередованіе было въ большемъ числѣ случаевъ. Очень часто въ греч. языкѣ чередуются глаголы на -αω и -αζω; напр., у Гомера—ἀγαπάω : ἀγαπάζω, ἀνιάω : ἀνιάζω, ἀτιμάω : ἀτιμάζω и т. д.; такихъ фактовъ мы находимъ много въ разныхъ нарѣчіяхъ, и глаголы на -ζω, какъ было указано выше, должны соотвѣтствовать индо-европейскимъ съ основой на -ăje-. Изъ глаголовъ на -αιω у Гомера извѣстны только παλαίω и κεραίω (при κερᾰ́ω); изъ грамматиковъ извѣстны еще βιαίω, διχαίω, ἰσαίω, σταλαίω, χαλαίω, κεδαιόμενος (G. Meyer, Gr. Gr., § 519. b.); эти глаголы въ греч. языкѣ стали исчезать тѣмъ же путемъ, какъ, вѣ-

---

явилась въ нѣкоторыхъ формахъ глаголовъ на -ᾱω и -ᾰω такъ называемая ассимиляція и, повидимому, ᾱε, ᾰε — въ ᾱα, ᾰα и ᾱει, ᾰει—въ ᾱαι, ᾰαι (въ текстахъ—ᾱᾳ, ᾰᾳ); рѣдкія формы какъ ἀοιδιάει, ἀνα-μαιμᾱ́ει и нѣкоторыя другія являются уже новообразованіями по аналогіи, подобно упомянутымъ выше δοκέεις, κρατέεις и др.; эти ассимилированныя формы уже старыя, вѣроятно, и подали поводъ позднѣйшимъ редакторамъ распространить ассимиляцію и на другія формы; впрочемъ, сдѣлано это было непослѣдовательно, какъ показываютъ наши тексты Гомера.

роятно, и глаголы на *-οιω, т. е. глаголы на -ᾰω явились при глаголахъ на -αιω по аналогіи съ глаголами на -εω при глаголахъ на -ειω и подъ вліяніемъ глаголовъ на -ᾱω; затѣмъ глаголы на -ᾰω стали вытѣснять глаголы на -αιω. Существованіе параллельныхъ глаголовъ на -αιω и -ᾰω, -ᾱω повліяло на спряженіе тѣхъ глаголовъ на -αιω, въ которыхъ это сочетаніе восходитъ къ обще-греч. *-ăsi̯ō; таковъ былъ нѣкогда глаголъ γελάω (см. F. Solmsen, K. Z. XXIX, 109 слѣд.): первоначальная форма его *γελαίω (изъ *gelasi̯ō) была вытѣснена формами на -ᾰω и -ᾱω (гомер. γελόωντες и γελώοντες, γελώων) по аналогіи основъ на первонач. ᾰ и ᾱ; съ своей стороны и глаголы этого образованія повліяли на первоначальные глаголы съ -ᾰω и -ᾱω: въ нихъ являлось часто въ формахъ ненаст. времени сочетаніе -ασσ-, -ασ- вмѣсто -ᾱσ- (-ησ-); напр., — ἠτίμασεν, ἑτοιμάσατ᾽—ἑτοιμάσσαντο, ὀπάσσω—ὄπασσον и др.; смѣшеніе глаголовъ этихъ двухъ родовъ въ греч. языкѣ настолько сильно, что едва ли можно точно выдѣлить всѣ первоначальные глаголы на -αιω изъ *-asi̯ō (см. нѣкоторыя сопоставленія у Solmsen'a, l. c.). Отъименные глаголы на -ᾰω, -ᾱω и -αιω оказали вліяніе на производные глаголы съ суффиксомъ ā и далѣе — на глаголы, имѣвшіе ā въ окончаніи корня; подъ этимъ вліяніемъ основы, напр., βιᾱ-, δαμᾱ-, ἐλᾱ-, κερᾱ- и др. получили формы βιάζω—βιαίω, ἐδάμασσα, ἐλάσσω—ἔλασσα, κεραίω—κέρασσε и др.: въ этихъ глаголахъ praesens должно было имѣть въ окончаніи только -ᾱω (изъ -āj̄ō и āi̯ō; см. ниже), въ основѣ ненастоящ. времени — ᾱ (η); по аналогіи отъименныхъ глаголовъ явилось въ окончаніи -αζω и -αιω; подъ вліяніемъ этихъ же глаголовъ далѣе появились и такія основы, какъ гомер. παρα-φθαίησι (см. G. Meyer, Gr. Gr., § 511), δαίομαι, λαίειν· φθέγγεσθαι (Hesych.; ср. λᾶσθαι· παίζειν. ὀλιγωρεῖν. λοιδορεῖν, λαήμεναι· φθέγγεσθαι, также у Гесихія; Mekler, l. c., стр. 25); глаголъ δαίομαι при этомъ представляетъ ту особенность, что онъ въ греч. языкѣ производится отъ корня *δᾱ-, между тѣмъ какъ индо-европ. первоначальный корень былъ *dāi- (ср. др.-инд. dā-ti, dáya-te, dyá-ti); смѣ-

шеніе двухъ видовъ корня было, вѣроятно, уже въ индоевроп. языкѣ, и при этомъ въ формѣ *dā- этотъ корень чередовался съ *dē- (ср. литовск. da-lìs, ст.-слав. **дѣ-лъ**). Такимъ же чередованіемъ ē : ā надо объяснять, вѣроятно, и формы *κναίω*, *ψαίω* при *κνῆν* и *ψῆν* (основы **κνήjο-*, **ψήjο-*), насколько эти образованія могутъ считаться старыми въ греч. языкѣ.

Какъ было указано выше, въ индо-европ. языкѣ былъ извѣстный разрядъ отъименныхъ глаголовъ съ основой на -oi̯i̯e-, -oje-, чередовавшихся съ основами на -ei̯i̯e-, -eje-; но надо предполагать, что въ индо-европ. языкѣ существовали еще основы на -oi̯i̯e-, -oje-, чередовавшіяся съ основами на -ōi̯e-, -ōje- (подобно чередованію -ăi̯i̯e-, -ăje- : -āi̯e-, -āje-); но вопросъ объ основахъ на -ōi̯e-, -ōje- въ индо-европ. языкѣ не ясенъ въ томъ отношеніи, что самыя именныя основы на ō въ индо-европ. языкѣ не достаточно опредѣленно засвидѣтельствованы. J. Schmidt (K. Z., XXVII, стр. 369—397) указалъ на возможность въ индоевроп. языкѣ именныхъ основъ на ōi : oi : i, которыя, благодаря измѣненію въ нѣкоторыхъ формахъ ōi въ ō, могли въ склоненіи совпадать съ основами на ā; при этомъ предположеніи возможно допускать, что отъ основъ на ōi, по аналогіи съ основами на ā, могли въ индо-европ. языкѣ возникать отъименные глаголы на -ōi̯e-, -ōje- и -ŏi̯i̯e-, -ŏje- [1]). Основы этого рода въ индо-европ. языкѣ употреблялись, повидимому, довольно рѣдко; въ греч. языкѣ на такія основы указываютъ гомер. ἱδρώοντα — ἱδρώοντας — ἱδρώουσα и ὑπνώοντας; въ аттич. нарѣчіи извѣстны также эти основы — ἱδρῶντι (при ἱδροῦντι), ῥιγῶν (при ῥιγοῦν, ῥιγούντων); у Гиппократа — ἱδρώῃ, ῥιγώῃ, у Симонида — ῥιγῶσα; изъ другихъ діалектовъ извѣстны ἀπαλλοτριώουσα—ἀπαλ-

---

[1]) Можно при этомъ допускать и такъ, что первоначально въ индо-европ. языкѣ возникли отъименныя основы на -ōi̯-e-, -ŏi̯-e- (съ суф. -e-; ср. др.-инд. dhunayá-ti; Whitney, Ind. Gr., § 1061), которыя затѣмъ уже послѣдовали вполнѣ аналогіи глаголовъ, произведенныхъ отъ основъ на ā.

λοτριωοίη (?), δουλώῃ, κλαρώειν (Mekler, l. c., стр. 40—42), беот. δαμιώοντες, дельф. στεφανωέτω, μαστιγώων (R. Meister, Die griech. Dial., I, стр. 177). Многіе изъ приведенныхъ глаголовъ представляютъ чередованіе основъ съ ω и съ ο; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это чередованіе объясняется тѣмъ, что основы съ ω являлись уже поздно, въ отдѣльныхъ діалектахъ, вмѣсто старыхъ основъ съ ο, которыя происходили не отъ именныхъ основъ на ō (ōi); такой случай, напр., въ глаголахъ στεφανώω, ἀλλοτριώω, ὑπνώω; но, во всякомъ случаѣ, эти позднѣйшія основы съ ω при основахъ съ ο могли возникнуть только по аналогіи съ старыми основами, чередовавшими ο и ω; къ послѣднимъ принадлежатъ, напр., ἱδρώω : ἱδρόω, ῥιγώω : ῥιγόω. Но благодаря этому смѣшенію двухъ родовъ основъ съ ο и ω нельзя, большею частью, опредѣлять въ греч. языкѣ, къ какому первоначальному разряду принадлежатъ эти основы. — Отдѣльные языки показываютъ, что въ индоевроп. языкѣ существовали еще отъименные глаголы съ -ēi̯e-, -ēje- въ основѣ. Связь этихъ глаголовъ съ какими нибудь именами установить еще труднѣе, чѣмъ въ предъидущемъ случаѣ. Для индо-европ. языка теперь надо допускать только очень рѣдкія односложныя именныя основы на ēi, въ извѣстныхъ формахъ—ē (напр., др.-инд. rā́s, латинск. res); на многосложныя основы съ такимъ окончаніемъ отдѣльные языки не даютъ указаній; во всякомъ случаѣ, если и можно предполагать ихъ для индо-европ. языка, то лишь въ очень ограниченномъ числѣ. Такимъ образомъ нельзя, повидимому, сводить упомянутыя основы съ -ēi̯e-, -ēje- къ какимъ нибудь именамъ; происхожденіе ихъ надо объяснять, слѣдовательно, иначе. Можно думать именно, что въ этихъ отъименныхъ основахъ ē принадлежитъ уже не какимъ нибудь именамъ, но есть производный суффиксъ, — тотъ же самый, который является и въ производныхъ отглагольныхъ основахъ; на такое происхожденіе ē въ отъименныхъ основахъ указываетъ и само значеніе этихъ основъ. Основы этого рода вполнѣ засвидѣтельствованы старо-слав., литовск. и латинск. языками; что же

касается греч. языка, то въ немъ эти основы утратили свое первоначальное спряженіе въ формахъ наст. времени; именно, они смѣшались здѣсь съ основами на -ĕi̯i̯e-, -ĕje-; но что нѣкогда въ греч. языкѣ существовали основы на -ēi̯e-, -ēje-, указываютъ, вопервыхъ, такія формы, какъ лесб. *ποθήω, ἀδικήει* и др., дельф. *συλήοντες* (R. Meister, стр. 173 слѣд.) и, вовторыхъ, такъ называемое эолійское спряженіе этихъ основъ—гомер. *ἀπειλήτην, φιλήμεναι,* беот. *ἀδικείμενος,* аркадск. *ἀδικήμενος,* лесб. *κάλημι* и пр. (Meister, l. c.); эти формы возникли уже въ позднее время (только отчасти, можетъ быть, еще въ обще-греч. яз.), такъ какъ мы находимъ ихъ отъ такихъ глаголовъ, въ которыхъ были первоначальныя основы на -ĕi̯i̯e-, -ĕje-; но они могли явиться только по аналогіи съ старыми формами отъ основъ съ ē. Фактъ надо представлять такъ: въ греч. языкѣ (отчасти уже въ обще-греческомъ, отчасти въ отдѣльныхъ діалектахъ) глаголы съ основами на -ēi̯e-, -ēje- представлялись въ такой же связи съ глаголами на -ĕi̯i̯e-, -ĕje-, какъ и глаголы на -āi̯e-, -āje-, -ōi̯e-, -ōje- съ глаголами на -ăi̯i̯e-, -ăje-, -ŏi̯i̯e-, -ŏje-; вслѣдствіе этого формы отъ основъ съ ē стали смѣшиваться съ формами отъ основъ съ ĕ (въ настоящ. времени и въ другихъ); впослѣдствіи же въ формахъ настоящаго времени основы съ ē стали вытѣсняться основами съ ĕ подобно тому, какъ вытѣснялись и основы съ ā и ō основами съ ă и ŏ; но при другомъ спряженіи (нетематическомъ) получили преобладаніе основы съ ē, такъ же какъ и основы съ ā и ō.—Старо-слав., литовск. и греч. языки указываютъ еще на существованіе отъименныхъ основъ съ дифтонгомъ eu; въ латинск. и др.-инд. языкахъ мы почти не находимъ этихъ основъ; несмотря на это можно видѣть въ нихъ индо-евр. основы и считать утрату ихъ въ двухъ указанныхъ языкахъ явленіемъ только этихъ отдѣльныхъ языковъ. Что касается именныхъ основъ, отъ которыхъ могли произойти эти отъименныя основы, то они были извѣстны въ индоевроп. языкѣ или съ eu, или съ ēu, āu, ōu въ окончаніи; при этомъ имена на дифтонги съ долгими гласными упо-

треблялись довольно рѣдко. Такъ какъ всѣ эти имена представляли въ своихъ основахъ чередованіе гласныхъ [eu : ŭ; ēu, āu, ōu : ĕu, ău, ŏu : ŭ (ū)], то можно ожидать, что и производныя отъ нихъ глагольныя основы могли заключать въ себѣ именныя основы въ различныхъ видахъ; основы на eu, какъ было указано выше, обыкновенно являлись въ производныхъ основахъ въ слабомъ видѣ (на -ūi̯e- и -ŭje-); но по аналогіи съ основами на ei : ĭ, отъ которыхъ извѣстны также и образованія съ сильнымъ видомъ (ср. вышеприведенное др.-инд. dhunayá-ti, хотя это образованіе — съ суф. *e*), можно думать, что и основы на eu : u могли являться здѣсь и въ сильномъ видѣ; на такое образованіе могутъ указывать именно греч. глаголы на -ευω, старо-слав. на **-оуѭ**, литовск. на -auju; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти языки допускаютъ возможность объяснять дифтонги въ этихъ основахъ и изъ индо-европ. дифтонговъ съ долгими слоговыми гласными, особенно — въ греч. языкѣ, гдѣ при глаголахъ на -ευω мы нерѣдко находимъ и соотвѣтствующія имена на дифтонгъ ευ изъ индо-европ. ēu (напр., βασιλεύω при βασιλεύς, изъ *βασιληυς); въ др.-инд. языкѣ извѣстна, кажется, только одна основа отъ именъ на āu, именно — gavyá-ti: здѣсь мы находимъ дифтонгъ уже съ сокращеніемъ слоговой части (суффиксъ -i̯o-); такимъ образомъ въ этихъ образованіяхъ можно допускать всѣ виды основъ на ău и āu. Что касается суффикса, то и здѣсь извѣстны были, вѣроятно, оба — i̯o—i̯e и jo—je; но изъ греч., старо-слав. и литовск. языковъ извѣстенъ, повидимому, только jo—je.

Въ дополненіе къ предъидущему слѣдуетъ замѣтить, что въ индо-европ. языкѣ отъ именныхъ основъ на *e*—*o* во многихъ случаяхъ употреблялись параллельныя образованія глагольной основы: рядомъ съ основами на -ĕi̯i̯e-, -ĕje- употреблялись также и основы на -īi̯e-, -ĭje-, какъ будто отъ основъ на *i*; на такое чередованіе указываютъ въ др.-инд. языкѣ, напр., основы putrīyáti при putriyáti, m̥̄sīyáti и др. (Whitney, Ind. Gr., § 1059, c.); въ греч. языкѣ на это указываетъ частое чередованіе глаголовъ на

-εω и -ιζω (напр., гомер. *καλέω* : *προκαλίζομαι*, *μαχέομαι* : *προμαχίζω*, *ὁπλέω* : *ἐφοπλίζω* и др.); въ литовско-слав. языкѣ на это указываетъ тотъ фактъ, что глаголы на -e̯i̯e-, -eje- были здѣсь вытѣснены глаголами на -ῑi̯e-. Объяснять происхожденіе этого чередованія основъ въ индо-европ. языкѣ надо тѣмъ предположеніемъ, что самыя имена въ нѣкоторыхъ случаяхъ чередовали основы на *e—o* и основы на *i*; отсюда—двойныя основы и въ отъименныхъ глаголахъ; по аналогіи съ такими глаголами далѣе могли получать двѣ основы и тѣ глаголы, у которыхъ уже не было соотвѣтствующихъ именъ на *e—o* и *i*.

Связь извѣстныхъ отъименныхъ основъ съ извѣстными именными основами можно установлять только для индо-европ. языка, да и здѣсь — не для всѣхъ періодовъ; и въ индо-европ. языкѣ въ эпоху его распаденія было, вѣроятно, уже довольно много случаевъ, въ которыхъ именныя основы въ производныхъ глаголахъ являлись уже не въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись въ самостоятельномъ употребленіи. Въ различныхъ отдѣльныхъ языкахъ число такихъ несоотвѣтствій очень значительно. Объясняется этотъ фактъ, главнымъ образомъ, дѣйствіемъ аналогіи, вслѣдствіе котораго образованія наиболѣе распространенныя вытѣсняли собой образованія менѣе распространенныя; такимъ образомъ въ отдѣльныхъ языкахъ изъ извѣстныхъ образованій основъ наиболѣе распространенныхъ обобщалось въ качествѣ суффикса производныхъ отъименныхъ основъ не простое сочетаніе i̯e или je, но сложное, въ составъ котораго входила какая нибудь гласная (или дифтонгъ) въ окончаніи именной основы + суф. i̯e или je; эти сложныя сочетанія, обобщившіяся какъ особый суффиксъ, могли затѣмъ приставляться уже къ различнымъ именнымъ основамъ, которыя при этомъ теряли свои первоначальныя гласныя въ окончаніи, и эти новыя образованія могли вытѣснять собою иныя болѣе древнія образованія основы. Путемъ такихъ обобщеній въ литовско-слав. языкѣ установились въ качествѣ суффиксовъ отъименныхъ основъ сочетанія āi̯e, āje, ēi̯e, ēje, ῑi̯e (или ῑje) и auje

(изъ eu̯je и, можетъ быть, частью изъ āu̯je, съ ā различныхъ качествъ), и образованія съ этими суффиксами вытѣснили собою всѣ другія образованія, соотвѣтствовавшія приведеннымъ выше индо-европейскимъ.

Я обращусь теперь къ подробностямъ относительно спряженія какъ отъименныхъ основъ, такъ и производныхъ отглагольныхъ основъ главнымъ образомъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ, при чемъ я теперь оставлю въ сторонѣ отъименныя основы на -īi̯e- (-īje-), которыя будутъ разобраны въ слѣдующей главѣ. Какъ было уже замѣчено выше, отъименныя основы различныхъ образованій въ индо-европ. языкѣ имѣли первоначально суффиксъ i̯o—i̯e, на который падало удареніе; но впослѣдствіи въ индо-европ. языкѣ при этомъ суффиксѣ явился и другой — jo—je; оба эти суффикса мы находимъ въ отдѣльныхъ индо-европ. языкахъ, въ томъ числѣ и въ литовско-слав. языкѣ. Какъ показываетъ удареніе въ др.-инд. gr̥bhāyá-ti, skabhāyá-ti и др., для производныхъ отглагольныхъ основъ съ суффиксомъ ā въ индо-европ. языкѣ также надо принимать первоначальный суффиксъ i̯o—i̯e; но вполнѣ вѣроятно, что и въ этомъ случаѣ уже въ индо-европ. языкѣ являлся также суффиксъ jo—je; отдѣльные языки указываютъ на тотъ и другой суффиксы. Въ литовско-слав. языкѣ различіе двухъ суффиксовъ въ отглагольныхъ и отъименныхъ основахъ выразилось въ томъ, что суффиксъ i̯o—i̯e въ положеніи между гласными терялъ свое i̯, и такимъ образомъ въ спряженіи этихъ основъ получались открытыя формы, которыя затѣмъ въ отдѣльныхъ языкахъ подвергались различнымъ измѣненіямъ; между тѣмъ тѣ же самыя основы съ суффиксомъ jo—je сохраняли j въ литовско-слав. языкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ. Отсюда въ литовск. языкѣ отъ производныхъ отглагольныхъ основъ на ā съ одной стороны мы находимъ такія формы, какъ bijaũs, żinaũ, stýgau, glúdau, dýrau, rýmau, grą̄żaũ, mė́tau и др., съ другой стороны—формы mazgóju, klepóju, ráudóju, sūbóju, svyróju, goróju, vitóju, sijóju и др.; различіе въ этихъ образованіяхъ и состоитъ въ томъ, что, напр., mazgóju восхо-

дитъ къ литовско-слав. формѣ *mazgā-jǫ; между тѣмъ, напр., žinaŭ восходитъ къ литовско-слав. формѣ *žinājǫ, откуда далѣе *žināǫ, отсюда въ литовскомъ — žinaŭ черезъ соединеніе сочетанія *āŭ въ дифтонгъ au; подобное же соединеніе въ дифтонгъ ai происходило въ формѣ 2-го лица ед. ч.; въ прочихъ формахъ происходило стяженіе ā + a въ ā, т. е. литовск. *o*. Въ отъименныхъ глаголахъ съ *o* и ů (изъ индо-европ. ā и ō), какъ kovóju, szukóju, nakvóju, pãsakoju, žvairióju, kaczióju,—vainikũju, vagũju, tulkũju, tarpũju, vỹturiũju, versziũju, variũju, sódžiũju и др., въ литовск. языкѣ сохранился только суффиксъ jo—je. Въ старо-слав. языкѣ мы находимъ то же различіе двухъ суффиксовъ въ производныхъ отглагольныхъ основахъ и также въ отъименныхъ; съ суф. jo—je мы находимъ обычныя въ старо-слав. языкѣ образованія, какъ **приѥмлѥ-ть, иꙁ-бираѥ-ть, ꙁа-клинаѥ-ть, ꙁа-калаѥ-ть, до-рыкаѥ-ть, плакаѥ-ть, иꙁ-бадаѥ-ть, по-грибаѥ-ть, съ-дѣлоуаѥ-ть** — отъименные глаголы съ **а**, въ которыхъ совпали литовско-слав. глаголы съ ā и съ ō, — **дѣлаѥ-ть, играѥ-ть, ꙁнаменаѥ-ть, коньчаѥ-ть, плиштаѥ-ть** и др.; но рядомъ съ этими обычными формами въ діалектахъ старо-слав. языка мы находимъ такія формы, какъ **раꙁ-бивала-тъ, бывала-тъ, оу-мирала-тъ, въ-мѣтала-тъ, на-рицала-тъ, — подобала-тъ, помышлѣала-те, оу-готовала-тъ, отъ-вѣштала-те, троуждала-те** и др. (см. сопоставленіе фактовъ у Wiedemann'a, Beitr. z. altb. Conjug., стр. 74—78, и Лескина, Hndb., § 133); эти формы, какъ указалъ мнѣ проф. Фортунатовъ, восходятъ уже къ обще-слав. языку и были получены тамъ изъ открытыхъ формъ, которыя являлись въ обще-слав. языкѣ и въ литовско-славянскомъ послѣ утраты ḭ въ суффиксѣ ḭo—ḭe; при такомъ объясненіи этихъ формъ становится понятнымъ и тотъ фактъ, что въ обще-слав. языкѣ разбираемые производные глаголы могли получать въ 1-мъ л. ед. ч. нетематич. спряженіе подъ вліяніемъ непроизводныхъ глаголовъ, и что непроизводные глаголы, въ свою очередь, въ старо-слав. языкѣ могли заимствовать отъ производныхъ такія формы, какъ **сѣла-тъ, дала-тъ, ꙁнала-тъ, по-кала-тъ сѧ, чала-те**

и др. Факты, относящіеся къ спряженію этихъ основъ въ старо-слав. языкѣ и въ обще-славянскомъ, излагаются проф. Фортунатовымъ въ его сочиненіи „Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка“ (печатающемся въ Запискахъ Московскаго университета). — Что касается отглагольныхъ основъ на ē, то, какъ было указано выше, эти основы въ различныхъ индо-европ. языкахъ являются обыкновенно только въ формахъ ненастоящаго времени; въ настоящемъ же времени они замѣняются основами на i̯o—i̯e; такъ было и въ литовско-слав. языкѣ; но въ отдѣльной жизни литовск. и старо-слав. языковъ основы на ē могли проникать и въ формы наст. времени, при чемъ они распространялись суффиксами i̯o—i̯e и jo—je; возникло это явленіе подъ вліяніемъ отъименныхъ глаголовъ, которые съ самаго начала имѣли основы praesens'а на -ēi̯e- и -ēje-; такимъ образомъ въ литовск. языкѣ возникли отъ основъ на ē извѣстныя формы на -iau, которыя получили значеніе прошедшаго времени (см. объ этомъ ниже), въ старо-слав. языкѣ явились такія формы praesens'а, какъ **вьрѣѥ-ть** (при **вьри-ть**; см. словарь Микл.), **о-полѣѥ-ть** (при **въс-поли-ть сѧ**; ibid.), **желѣѥ-ть, въс-питѣѥ-ть, владѣѥ-ть, довьлѣѥ-ть** (при **довьлѥ-ть** и **довьлѧть**); съ суффиксомъ i̯o—i̯e мы находимъ **питѣа-тъ, въжделѣа-те.** Отъименныя основы имѣли въ литовско-слав. языкѣ -ēi̯e- и -ēje-; въ литовск. языкѣ сохранились только основы съ j, какъ żė́dėju, seilė́ju, żmonė́jůs, senė́ju, kūlė́ju, këminė́ju и др.; въ старо-слав. языкѣ такія основы обыкновенно также имѣютъ j, какъ **гонѣѥ-ть, о-каменѣѥ-ть, късиѣѥ-ть, боуиѥ-ть, множаѥ-ть** и др.; но извѣстны также и формы отъ основъ съ суф. i̯o—i̯e, какъ **ӡа-поустѣа-тъ, о-скѫдѣа-тъ, оумѣа-тъ, оумѣа-те** и др.; въ литовск. языкѣ во многихъ случаяхъ отъименныя основы послѣдовали аналогіи отглагольныхъ основъ, и такимъ образомъ въ формахъ наст. времени отъименные глаголы получили основы на i̯o—i̯e, какъ droviů̃s—drovė́-tis, sznairiù и sznairė́ju—sznairė́-ti, ráisziu—ráiszė-ti, baisiů̃s—baisė́-tis и др. — Литовско-слав. отъименныя основы на -au- имѣли въ формахъ наст. вре-

мени, повидимому, только суффиксъ jo—je, какъ показываютъ, напр., литовск. karáuju и kariáuju, kùmetauju, moteráuju, nūmáuju, ū̃gauju, mártauju, kerdžiáuju и др., старо-слав. **дароуѥ-ть, грѣхоуѥ-ть, каменоуѥ-ть, немоштоуѥ-ть, воюѥ-ть** и др.; старо-слав. формы, извѣстныя изъ Маріинск. евангелія, какъ **вѣроуоу-тъ, радоуоу-тъ сѧ, трѣбоуоу-те** и др., не могутъ восходить къ какимъ нибудь открытымъ формамъ обще-слав. языка; они явились только въ томъ нарѣчіи старо-слав. языка, которое представляетъ этотъ памятникъ, по аналогіи съ глаголами, имѣвшими въ основахъ **а** и **ѣ**. Въ литовск. языкѣ глаголы на -auju въ своемъ спряженіи смѣшались съ глаголами на -ūju, такъ какъ очень часто отъименныя основы того и другого образованія чередовались между собою; вслѣдствіе этого смѣшенія глаголы на -ūju получили формы прошедш. времени отъ основъ на -au-, съ окончаніемъ 1-го л. ед. ч. -avau. Отъименныя основы на -au-, повидимому, уже въ литовско-слав. языкѣ повліяли на нѣкоторыя непроизводныя глагольныя основы, вслѣдствіе чего въ литовско-слав. языкѣ возникли тѣ отглагольныя производныя основы на -au-, къ которымъ восходятъ нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше старо-слав. глаголовъ на **-оуѭ** и литовскихъ на -auju.

По отношенію къ спряженію производныхъ отъименныхъ и отглагольныхъ основъ въ греч. языкѣ въ дополненіе къ сказанному уже выше мы должны замѣтить еще слѣдующее. Какъ было уже указано, греч. языкъ различалъ въ этихъ основахъ суффиксы i̭o—i̭e и jo—je, хотя и не во всѣхъ случаяхъ; именно, можно думать, что въ обще-греч. языкѣ j суффикса jo—je въ положеніи послѣ всякихъ долгихъ гласныхъ совпадалъ съ i̭ и затѣмъ, какъ и всякое i̭ между гласными, исчезалъ; такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ греч. языкъ не различаетъ обоихъ суффиксовъ; въ положеніи послѣ краткихъ гласныхъ, кромѣ ĕ, j въ греч. языкѣ не совпадалъ съ i̭, но подвергался особому измѣненію; каково было это измѣненіе, можно судить по аналогіи съ измѣненіемъ j въ нѣкоторыхъ имен-

ныхъ образованіяхъ; именно, такія формы, какъ ἐλπίδος (ср. въ др.-инд. языкѣ тождественныя по измѣненію основы ведійск. cakrīyā, yayíyas, родственныя, хотя не тождественныя, въ томъ же отношеніи — rathías, nadías), показываютъ, что j въ обще-греч. языкѣ въ положеніи послѣ ĭ измѣнялся въ δ; можно думать, что и послѣ другихъ гласныхъ j измѣнялся точно такъ же; отсюда мы ожидали бы въ греч. языкѣ производныхъ глаголовъ на *-αδω, *-ιδω, *-υδω; но такіе глаголы не сохранились въ греч. языкѣ: подъ вліяніемъ всѣхъ другихъ производныхъ глаголовъ, гдѣ были постоянно суффиксы i̯o—i̯e и jo—je, глаголы съ δ, какъ представлявшіе нѣкоторую исключительность, получили вторичные суффиксы i̯o—i̯e или jo—je и обратились такимъ образомъ въ глаголы на -αζω, -ιζω, -υζω (см. такое объясненіе фактовъ у Ѳ. Е. Корша, О звукахъ *e* и *o* въ греч. языкѣ, стр. 113; ср. также Mahlow, Die langen Vocale, стр. 15 слѣд., 145 слѣд.); послѣ ĕ j совпадалъ съ i̯; измѣненіе j послѣ ŏ, какъ было замѣчено выше, остается неяснымъ. — Перенесеніе въ греч. языкѣ производныхъ основъ на η (обще-греч.) въ формы настоящаго времени можно наблюдать только въ очень рѣдкихъ случаяхъ; именно, сюда могутъ относиться такіе случаи, какъ γηθέω, ср. лат. gaudeo, gaudē-re (греч. η (ᾱ), лат. au могутъ оба восходить къ āu съ особымъ качествомъ неслоговой части), δοκέω и, можетъ быть, δατέομαι, δρέομαι (у Гомера); въ образованіи основы наст. времени эти глаголы такимъ образомъ послѣдовали аналогіи отъименныхъ глаголовъ и утратили формы на *-ēi̯ō, *-ējō; обыкновенно же основы на η въ греч. языкѣ употребляются только въ формахъ ненастоящаго времени. — Производныя отглагольныя основы на ā (отчасти, можетъ быть, на ē) и отъименныя основы съ ā, ē, ō, смѣшиваясь между собою въ образованіи формъ наст. времени, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергались иногда смѣшенію въ спряженіи наст. времени и съ непроизводными глаголами отъ корней на долгія гласныя; эти глаголы, какъ мы видѣли выше, въ индо-европ. языкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ, если не образовывали основы

наст. времени съ удвоеніемъ по нетематич. спряженію, то получали или простыя корневыя основы по нетематич. спряженію (*bhā-mi), или же основы съ jo—je по тематич. спряженію (*psē-je-, *lā-je-, *mō-je-); подъ вліяніемъ этихъ непроизводныхъ глаголовъ, чередовавшихъ двѣ основы въ формахъ наст. времени, и производные глаголы, имѣвшіе основы praesens'a на -āje-, -ēje-, -ōje-, получили также и нетематич. основы на -ā-, -ē-, -ō-; отсюда въ греч. языкѣ возникло такое спряженіе, какъ *ζη-μι (ср. ζῆθι), δίζη-μαι, гомер. συν-αντή-την, ἀλιτή-μενος, ἀρή-μεναι, προσ-αυδή-την, ἵλη-θι, κέρωνται (conj.), ὅρηαι, πεινήμεναι, συλή-την, φοιτή-την, — ἀπειλή-την, καλή-μεναι, πενθή-μεναι, ποθή-μεναι, φιλή-μεναι, φορή-μεναι—φορῆ-ναι; изъ другихъ нарѣчій извѣстны такія же образованія: беот. ἀδικεί-μενος, аркад. ἀδική-μενος, локр., фок. καλεί-μενος, дельф. ποιεί-μενος, ἀφαιρεί-μενος, καλεί-μενος, памфил. βωλή-μενυς (R. Meister, стр. 177); въ эолійск. нарѣчіи болѣе всего распространилось это спряженіе — κάλη-μι, ὄρη-μι, — γέλαι-μι, πάλαι-μι, — ἐλευθέρω-μι, δοκίμω-μι — δοκίμοι-μι и т. д. (id., стр. 173 слѣд.). Возникновеніе такого спряженія надо относить уже къ обще-греч. языку; условія возникновенія его были такія же, какъ и въ обще-слав. языкѣ въ формѣ 1-го л. ед. ч. — Такъ какъ отъименные глаголы въ индоевроп. языкѣ не имѣли другихъ формъ, кромѣ формъ производимыхъ отъ основы настоящаго времени, то въ отдѣльныхъ языкахъ они должны были при образованіи формъ ненаст. времени слѣдовать аналогіи другихъ глаголовъ; при этомъ глаголы отъ именныхъ основъ на гласныя ā и ē (отчасти, можетъ быть, и ō), какъ въ другихъ языкахъ, такъ и въ греческомъ должны были ближе всего послѣдовать аналогіи производныхъ глаголовъ съ суффиксами ā, ē (ō ?); когда въ греч. языкѣ появилось смѣшеніе отъименныхъ глаголовъ съ ā, ē, ō и глаголовъ съ ă, ĕ, ŏ въ формахъ наст. времени, то понятно, что смѣшеніе ихъ должно было послѣдовать и въ формахъ другихъ временъ; вслѣдствіе этого и глаголы съ ă, ĕ, ŏ получили въ формахъ ненаст. времени основы на ā, ē, ō; по аналогіи же

съ этими и глаголы съ ĭ и ŭ въ формахъ ненаст. времени получали ī и ū; отъименные глаголы отъ именныхъ основъ на согласныя при образованіи формъ ненаст. времени въ греч. языкѣ слѣдовали аналогіи тѣхъ непроизводныхъ глаголовъ, въ которыхъ основа praesens'а состояла изъ корня на согласную + суф. jo—je или i̯o—i̯e; отсюда, напр., ἐτέλεσσα — по аналогіи съ ἔζεσσα, ἔτρεσσα и др., ἐγέλασσα—по аналогіи съ ἔνασσα, ἔσπασσα и др.; но такъ какъ при этомъ отъименные глаголы отъ основъ на s въ греч. языкѣ въ praesens'ѣ смѣшивались съ извѣстными отъименными глаголами на -αιω, -αω, -ειω, -εω (см. выше), то и въ формахъ ненаст. времени также было возможно смѣшеніе, вслѣдствіе котораго съ одной стороны являлись формы какъ аттич. ἀκηδήσω (ср. гомер. ἀκήδεσε), ἤχθημαι (при ἀχθέσομαι) (ср. также гомер. ἄκημα, гесіод. νεικητήρ при νεικεστήρ), съ другой стороны, подъ обратнымъ вліяніемъ—гомер. ἐκάλεσσα (ср. здѣсь же καλήτωρ), ἐμαχεσάμην (при ἐμαχησάμην),—ἀγάσσομαι—ἠγασσάμην, ἐπέλασσα, ἐκρέμασα и др.

Въ латинск. языкѣ въ производныхъ глаголахъ на *-ao, -eo, -io, -uo нельзя различать ни количества гласныхъ a, e, i, u, ни обоихъ суффиксовъ i̯o—i̯e и jo—je. Основы съ ō и ŏ въ латинскомъ почти совершенно исчезли (кромѣ такихъ остатковъ, какъ aegrō-tus), смѣшавшись съ основами съ ā (ср. факты у Stolz'а, Lat. Gr., § 105); повидимому, этимъ смѣшеніемъ основъ съ ā, ă и основъ съ ō, ŏ надо объяснять форму 1-го л. ед. ч. praes. въ глаголахъ съ *a:* объяснять, напр., amo изъ стяженія *amăo или *amāo едва ли можно [случаи какъ flōs изъ *flāos, sōl изъ *sāu̯el, *sāu̯ol (см. Mahlow, Die langen Voc., стр. 74; Stolz, Lat. Gr., §§ 41. 2., 14.) сомнительны]; скорѣе можно предполагать, что эта форма принадлежала первоначально глаголамъ съ ō, ŏ, т. е. *amōo стягивалось въ amo (ср. cors, prorsus, copia, proles изъ co(h)ors, pro(v)orsus, *co-opia, *pro-oles; Stolz, § 41. 1.). Вслѣдствіе совпаденія въ формахъ наст. времени глаголовъ съ долгими гласными и съ краткими явилось совпа-

деніе ихъ и въ другихъ формахъ, при чемъ получили преобладаніе основы глаголовъ съ долгими гласными (ср. тоже въ греч. языкѣ). — Отглагольныя производныя основы съ суф. ē въ латинск. языкѣ очень часто переносятся и въ формы настоящ. времени; отсюда мы находимъ, напр., horreo (др.-инд. hr̥ṣyati), torreo (tr̥ṣyati), oleo (греч. ὄζω), madeo (ср. др.-инд. mádyati) (Stolz, § 105): здѣсь основы на -ēi̯e- (-ēje-) замѣнили собою старыя основы на i̯o—i̯e (ср. подобные факты въ греч. и старо-слав. языкахъ); но замѣна старыхъ основъ была въ латинск. языкѣ не во всѣхъ случаяхъ: основы на i̯o—i̯e мы находимъ, напр., въ capio, farcio (φράσσω), rugio (ῥύζω), mugio (μύζω), salio (ἅλλομαι), sarcio (ῥάπτω), sario (σαίρω), venio (βαίνω) и др. (Stolz, § 105); эти основы удержались потому, что при нихъ уже издавна не существовали параллельныя производныя основы на ē; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти глаголы на -io получали въ латинск. языкѣ часто новыя параллельныя основы на ī, заимствованныя ими у глаголовъ отъименныхъ; это находимъ мы, напр., во всѣхъ приведенныхъ выше глаголахъ, кромѣ capio; объясняется это заимствованіе тѣмъ, что въ формахъ наст. времени глаголы съ основами на i̯o—i̯e совпадали въ латинскомъ языкѣ съ отъименными глаголами на -io; тѣ глаголы съ суф. i̯o—i̯e, которые не слѣдовали аналогіи отъименныхъ глаголовъ на -io, какъ capio, получали съ теченіемъ времени производныя основы на -iē- въ формахъ ненаст. времени (отсюда impf. на -iēbam; Stolz, § 111), по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣвшихъ старыя основы на ē (какъ horrē-bam, legē-bam, senē-bam и др.); слѣдовательно, здѣсь производныя основы на ē образовывались непосредственно отъ основы наст. времени (ср. аналогичныя образованія въ старо-слав. языкѣ, какъ **оучихъ, крыхъ**).

Говоря о производныхъ основахъ съ суффиксами ā и ē въ старо-слав. и литовск. языкахъ, нельзя не остановиться на формахъ прошедшихъ временъ въ этихъ языкахъ, въ образованіи которыхъ являются также основы на ā и ē. На основаніи формъ старо-слав. языка, при сравненіи ихъ

съ формами другихъ родственныхъ языковъ, надо заключать, что въ литовско-слав. языкѣ были получены изъ индо-европ. языка слѣдующія формы прошедшихъ временъ: 1. прошедшее время отъ основъ на *e—o* (такъ называемое imperfectum): **несъ—несе—несѫ, отъ-врьгѫ, исъхѫ, о-тьре, о-живе, падѫ, оу-топѫ** и т. д. (съ сильными и слабыми корнями, сообразно съ основами praesens'а на *e—o*); 2. прошедшія времена съ s; а) основа оканчивается на s, которое приставляется непосредственно къ корню (нетематич. спряженіе): **нѣсъ—нѣсте—нѣсѧ, врѣсѧ, мѧсѧ, блюсѧ, рѣшѧ, жрѣшѧ, плоушѧ, ѕнашѧ, сѣшѧ, бишѧ, брашѧ** и др.; это образованіе должно было имѣть первоначально сильные корни; но въ старо-слав. явились уже и новообразованія, когда формы этого аориста были приведены въ связь съ формами infinitiv'а: **крышѧ, брашѧ, жрьшѧ, минѫшѧ** и др.; подъ вліяніемъ формы 1-го л. ед. ч. (**нѣсъ**), гдѣ нетематич. спряженіе было уже издавна замѣнено тематическимъ (**-ъ** изъ *-om), въ старо-слав. языкѣ въ этомъ аористѣ явились и тематич. формы 1-го л. дв. и мн. чиселъ (**нѣсовѣ, нѣсомъ**); b) основа оканчивается на s, которое присоединяется къ корню посредствомъ *o* (изъ индо-европ. *α*): **несохъ—несосте—несошѧ, двигошѧ** и др.; этотъ аористъ также долженъ имѣть корни въ сильномъ видѣ; подъ вліяніемъ формы 1-го л. ед. ч. и здѣсь явились тематическія **несоховѣ, несохомъ.** Такія формы прошедш. времени мы находимъ въ глаголахъ непроизводныхъ. Въ производныхъ глаголахъ съ основой на ā для литовско-слав. языка надо предполагать слѣдующія образованія прошедшаго времени: 1. аористъ нетематич. съ s; этотъ аористъ употреблялся въ индо-европ. языкѣ отъ производныхъ отглагольныхъ основъ на ā: ср. въ др.-инд. языкѣ, напр., aĥvāsīt, ajyāsiṣam, apyāsam и др.; въ греч. языкѣ гомер. ἐβιήσατο, ἐδάμασσα и др.; въ старо-слав. языкѣ сюда принадлежатъ **ѕъвахъ, бьрахъ, гънахъ, жьдахъ, биꙗхъ, пиꙗхъ**; аналогія 1-го л. ед. ч. и здѣсь вызвала формы **ѕъваховѣ, ѕъвахомъ**; 2. прошедшее время нетематич. спряженія, въ которомъ личные суффиксы приставля-

лись непосредственно къ основѣ на ā; на существованіе такого образованія въ индо-европ. языкѣ указываютъ языки греческій и латинскій; др.-инд. же языкъ не сохранилъ почти вообще формъ прош. времени отъ основъ на ā нетематич. спряженія; въ греч. языкѣ мы находимъ такое образованіе, напр., въ формахъ ἔζην, ἔπτᾱν—ἔπτην, ἐγήρᾱν; въ латинск. языкѣ старыя формы прошедш. времени отъ основъ на ā, какъ tulat, tagat, venat, fuat, повліяли на образованіе нѣкоторыхъ формъ прошедш. времени (напр., plsqpf.) и послужили основаніемъ для извѣстныхъ формъ conjunctiv'a (см. R. Thurneysen, B. B., VIII, 269—288); такое же образованіе формъ прошедшаго времени надо предполагать и для литовско-слав. языка; непосредственное указаніе на это образованіе въ старо-слав. языкѣ можно видѣть въ формѣ **бѫ**, которая соотвѣтствуетъ латинскому -bant (въ формахъ сложнаго imperfect'a), — обѣ формы изъ первоначальн. *bhu̯ānt (ср. туже основу *bhu̯ā- и въ старо-слав. **бѫде-ть**; см. I главу); далѣе, такія формы аористовъ, какъ **ꙁъва**, могутъ указывать и на формы аориста съ s (*zŭvā-s-t, *zŭvā-s-s), и вмѣстѣ съ тѣмъ на формы непосредственно отъ основы на ā (*zŭvā-t, *zŭvā-s); но, вообще, это образованіе не сохранилось въ первоначальномъ видѣ ни въ старо-слав., ни въ литовск. языкахъ, такъ какъ въ этихъ языкахъ исчезало вообще нетематич. спряженіе. Тѣже самыя два образованія прошедш. времени надо предполагать въ литовско-слав. языкѣ и для производныхъ основъ на ē; аористъ съ s мы находимъ, напр., въ **бѣхъ** (отъ основы *bhu̯ē-), **горѣхъ** и др.; при этомъ формы **бѣ, горѣ** могутъ принадлежать какъ этому аористу (*bē-s-t, *bē-s-s), такъ и прошедшему нетематическому (*bē-t, *bē-s); вообще же и здѣсь не сохранилось нетематич. спряженіе. Всѣ эти приведенныя здѣсь формы прошедш. времени, существовавшія въ литовско-слав. языкѣ, должны были перейти и въ отдѣльные языки; но здѣсь многія изъ нихъ или совсѣмъ утратились, или подверглись видоизмѣненіямъ. Литовск. языкъ утратилъ всѣ аористы съ s и тематическое прош. время отъ основъ на *e—o*;

утрата послѣднихъ формъ въ литовск. языкѣ объясняется тѣмъ, что они по своему образованію, при одинаковости многихъ личныхъ суффиксовъ въ этихъ формахъ и въ формахъ наст. времени, мало отличались отъ формъ наст. времени; такимъ образомъ въ литовск. языкѣ изъ всѣхъ формъ прошедшаго времени оставались только формы нетематич. спряженія отъ основъ на ā и ē; но и эти формы не могли сохраниться въ литовскомъ въ своемъ первоначальномъ видѣ: какъ только утратились другія формы нетематич. спряженія прошедш. времени, и при этомъ личные суффиксы прошедшаго времени тематич. спряженія вполнѣ совпали съ личными суффиксами наст. времени того же спряженія, то и эти нетематич. формы прошедш. времени отъ основъ на ā и ē должны были утратить нетематич. спряженіе и получить тѣже личныя окончанія, которыя находились въ формахъ настоящаго времени; иначе говоря, эти формы прошедш. времени должны были замѣниться тѣми формами, которыя въ производныхъ глаголахъ употреблялись отчасти и въ настоящемъ времени; такимъ образомъ, напр., спряженіе *bridā-m, *bridā-s, *bridā-t и т. д. должно было замѣниться спряженіемъ bridaũ, bridaĩ, brìdo, какъ żinaũ, żinaĩ, żìno; отъ основъ на ē, какъ мы видѣли выше, вообще не употреблялись формы наст. времени; слѣдовательно, прошедш. время отъ этихъ основъ, переходя въ тематич. спряженіе, должно было послѣдовать аналогіи формъ отъ основъ на ā; такимъ образомъ и здѣсь должны были получиться вмѣсто старыхъ *-ēm, *-ēs и т. д. окончанія *-ēu, *-ēi и т. д., откуда затѣмъ -iau (съ смягченіемъ предшествующей согласной), -ei, -ė и т. д.; такимъ образомъ, напр., отъ основы *girė- прошедш. время gýriau, gýrei, gýrė; точно такъ же образуется vercziaũ, verteĩ, veȓtė. При этомъ надо замѣтить, что въ этихъ формахъ прошедш. времени *o* и *ė* въ 3. л. и 1. 2. дв. и мн. могутъ принадлежать какъ позднѣйшему тематич. спряженію, такъ и первоначальному нетематическому. По аналогіи съ этими образованіями различные глаголы, которые и не имѣли первона-

чальныхъ основъ на ā и ē, стали образовывать прошедшее время на -au и -iau, при чемъ основаніемъ для этихъ формъ часто служили тѣ вторичныя основы на ā и ē, которыя, какъ было указано выше, въ довольно значительномъ числѣ явились уже въ литовско-слав. яз.; во многихъ случаяхъ можно наблюдать тотъ фактъ, что извѣстные глаголы слѣдуютъ аналогіи основъ на ā или на ē въ зависимости отъ того, имѣетъ ли ихъ praesens основу на *e—o*, или же на i̯o—i̯e, jo—je. Производные глаголы съ основами на ā, ē, которые образуютъ основу наст. времени съ суф. jo—je, получаютъ въ литовск. языкѣ формы прошедш. времени непосредственно отъ основъ наст. времени, и возникаютъ формы на -ojau, -ėjau; подъ вліяніемъ такихъ образованій и тѣ глаголы, которые имѣли старыя основы на ā и ē, могутъ получать въ прош. времени формы не отъ этихъ основъ, но отъ основъ распространенныхъ; такимъ путемъ явились въ литовскомъ, напр., gė́dojau, mėgójau, saugójau, raudójau, kýbojau,—smirdė́jau, girdė́jau, żydė́jau и др. Въ тѣхъ глаголахъ, которые образуютъ прошедш. время на -iau, слѣдуетъ отмѣтить еще тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ, имѣя краткія гласныя въ praesens'ѣ, получаютъ долгія гласныя въ прош. времени (напр., pêriaũ, rêmiaũ, gýriau, kóriau, drêbiaũ, srêbiaũ и др.); это явленіе сложилось въ литовск. языкѣ, вѣроятно, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ основѣ наст. времени являлся суффиксъ i̯o—i̯e (или вслѣдствіе позднѣйшаго смѣшенія — jo—je) при слабомъ видѣ корня, а въ infinitiv'ѣ и въ производной непервоначальной основѣ прош. времени тотъ же корень являлся въ сильномъ видѣ; такое отношеніе мы находимъ, напр., въ dvesiù—dvêsti—dvėsiaũ, spleczių̃—splêsti—splêcziaũ, geliù—gélti—gė́liau; въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальную долготу надо видѣть и въ такихъ образованіяхъ, какъ dżióviau, blióviau, spióviau и др., изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ было уже указано, предполагаютъ корни на iāu (гдѣ можетъ быть ā первоначальное); что касается такой формы, какъ ėmiaũ, то здѣсь въ ė можно видѣть пер-

воначальное ē, явившееся изъ *e* приращенія + *e* корня, если только въ началѣ корня этого глагола было первоначальное ĕ (ср. подобные случаи въ ėjaŭ; ē̃same, ē̃sate и т. д.); но подъ вліяніемъ такихъ случаевъ удлинненіе гласной распространилось и на формы отъ другихъ глаголовъ, не имѣвшихъ первоначально въ корнѣ долгихъ гласныхъ.

Въ старо-слав. языкѣ, какъ было указано выше, формы стараго imperfect'а тематическаго спряженія сохранились, но при этомъ они получили значеніе аориста; это значеніе образовалось уже въ обще-слав. языкѣ; сохраняли ли здѣсь значеніе imperfect'а нетематическія формы отъ основъ на ā и ē вообще, рѣшить трудно, такъ какъ они не сохранились въ обще-слав. языкѣ и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ; но можно думать такимъ образомъ, что формы аориста съ s, которыя замѣнили собою нетематическія формы отъ основъ на ā и ē, удерживали значеніе imperfect'а, если при этихъ формахъ существовали другія формы аориста; при этомъ условіи и старыя формы аористовъ съ s отъ производныхъ основъ на ā и ē могли получать значеніе imperfect'а; такимъ образомъ, напр., аористы (первоначальные, или нѣтъ, здѣсь безразлично), какъ старо-слав. **биѩхъ, пиѩхъ, даѩхъ, сѣѩхъ,— бѣхъ, стоѩхъ** [1]), могли въ обще-слав. языкѣ удерживать значеніе imperfect'а, такъ какъ при этихъ формахъ существовали другіе старые аористы, какъ старо-слав. **бихъ, дахъ, сѣхъ, быхъ, стахъ**; точно также сохраняли значеніе imperfect'а и формы аористовъ отъ тѣхъ производныхъ основъ на ē, которыя уже въ литовско-слав. языкѣ явились при многихъ основахъ на *e—o*; такимъ формамъ могли бы соотвѣтствовать, напр., старо-слав. **идѣхъ, живѣхъ, растѣхъ, чьтѣхъ, ѩдѣхъ, можахъ** [1]) и др.; при этихъ фор-

---

[1]) Приводя эти формы, я не утверждаю, что они восходятъ непремѣнно къ соотвѣтствующимъ обще-слав. формамъ; въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ они встрѣчаются, можно объяснять

махъ существовали такіе аористы, какъ **нѣсъ, несохъ** и **несъ.** Надо при этомъ предполагать, что въ обще-слав. языкѣ было гораздо больше, чѣмъ можно судить по отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ, такихъ случаевъ, гдѣ чередованіе непроизводныхъ основъ съ производными на ā и ē давало возможность различать формы прошедш. времени отъ непроизводныхъ основъ и формы прошедш. времени отъ производныхъ основъ какъ аористъ и imperfectum; такъ можно предполагать, напр., относительно такихъ образованій, какъ, можетъ быть, старо-слав. **искахъ** (ср. praes. **искѫ**), **пльвахъ** (ср. praes. **плюють, пльветь**). Но рядомъ съ этими случаями было много и такихъ, гдѣ при формахъ прошедш. времени отъ производныхъ основъ на ā и ē не было другихъ формъ прошедш. времени, которыя могли бы быть собственно формами аориста; въ такихъ случаяхъ формы прошедш. времени отъ основъ на ā и ē должны были имѣть, вѣроятно, двоякое значеніе; но такое положеніе не могло долго оставаться въ обще-слав. языкѣ, такъ какъ по аналогіи съ другими случаями и здѣсь должно было возникнуть стремленіе различать оба значенія самими формами. Случаи, въ которыхъ прошедшее время не могло быть различаемо какъ собственно imperfectum, въ обще-слав. языкѣ могли быть такіе: формы, которымъ соотвѣтствуютъ старо-слав. **зъвахъ, гънахъ, жьдахъ,** не могли развить значенія собственно imperfect'а, такъ какъ въ этихъ глаголахъ въ обще-слав. языкѣ, повидимому, уже давно были утрачены другія формы прошедш. времени, которыя могли бы стать аористами; поэтому приведенныя формы и удержали значеніе аористовъ; при такихъ формахъ, которымъ соотвѣтствуетъ, напр., старо-слав. **знахъ,** также не было другихъ формъ прошедш.

ихъ и какъ новыя діалектич. формы, происшедшія путемъ стяженія; но возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ обще-слав. языку; а во всякомъ случаѣ для обще-слав. языка необходимо допускать формы этого образованія.

времени, и поэтому они сохранили значеніе аористовъ; всѣ производные глаголы съ основой на ā въ формахъ на *-āchй должны были соединять оба значенія; непроизводные глаголы, которые чередовали основы на i̯o—i̯e и на ē, въ формахъ на *-ēchй также должны были соединять оба значенія. Чтобы различить въ самихъ формахъ два значенія, въ обще-слав. языкѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно было видоизмѣнить какимъ нибудь образомъ или самую основу формъ на *-āchй и *-ēchй, или ихъ личныя окончанія по аналогіи съ какими нибудь другими образованіями прош. времени; послѣдній способъ и былъ дѣйствительно примѣненъ такимъ образомъ, что въ 3-мъ л. мн. ч. вмѣсто окончанія ę, которое принадлежало всѣмъ старымъ аористамъ съ s, образованія на *-āchй и *-ēchй въ значеніи imperfect'овъ получили окончаніе ǫ по аналогіи съ формами стараго тематическаго imperfect'а; подъ вліяніемъ той же аналогіи явились формы 2-го и 3-го ед. ч. по тематич. спряженію—на *-āše, *-ēše (въ аористахъ осталось въ окончаніи ā и ē); въ формахъ 2. л. мн. и 2. и 3. дв. въ обще-слав. языкѣ, повидимому, существовало колебаніе: здѣсь могли употребляться и старыя нетематич. образованія (на *-āste, *-ēste и т. д.) и новыя тематическія (на *-āšete, *-ēšete и т. д.); колебаніе это объясняется вполнѣ тѣмъ, что измѣненіе этихъ именно формъ не производило рѣзкаго различія между формами аориста и imperfect'а; можетъ быть даже, что тематич. формы въ этихъ лицахъ явились и не въ обще-слав. языкѣ. Подъ вліяніемъ этихъ случаевъ видоизмѣненныя тематич. формы аориста, обособлявшіяся въ значеніи imperfect'а, были перенесены, конечно, и на тѣ случаи, гдѣ и сами по себѣ аористич. формы прошедш. времени безъ этого измѣненія могли обособляться какъ imperfectum. Но вмѣстѣ съ измѣненіемъ окончаній въ обще-слав. языкѣ былъ примѣненъ и другой способъ различенія формъ аориста и imperfect'а, т. е. измѣненіе основы этихъ образованій; произошло это слѣдующимъ образомъ: наиболѣе рѣзкое различіе между формами аористовъ и формами imperfect'а представляли

тѣ глаголы съ основами на *e—o* въ praesens'ѣ, которые образовывали imperfectum отъ основы на ē; при томъ эта основа и являлась въ нихъ только въ этомъ образованіи; такимъ образомъ въ этихъ глаголахъ какъ характеристическая черта imperfect'a выдѣлялся именно звукъ ē; но такъ какъ число этихъ глаголовъ въ обще-слав. языкѣ было очень значительно, то понятно, что особенность ихъ образованія основы imperfect'a должна была отразиться и на другихъ глаголахъ, и именно — въ томъ направленіи, что во всѣхъ другихъ глаголахъ, имѣвшихъ формы на *-āchŭ и *-ēchŭ, но употреблявшихъ основы на ā и ē также и въ другихъ образованіяхъ, эти основы на ā и ē должны были получить распространеніе черезъ ē для образованія собственно формъ imperfect'a; вслѣдствіе этого въ обще-слав. языкѣ въ извѣстныхъ глаголахъ съ основами на ā и ē въ формахъ imperfect'a и являлись уже основы на -āē-, -ēē-, т. е. получались imperfect'ы на *-āēchŭ и *-ēēchŭ; изъ сочетаній же āē и ēē въ обще-слав. яз. получались фонетически сочетанія āā и ēā; такимъ образомъ и возникли въ обще-слав. яз. тѣ формы imperfect'a, которымъ соотвѣтствуютъ старо-слав. **знаахъ, бияахъ, горѣахъ** и др. Образованія imperfect'a съ āā и ēā, въ свою очередь, также должны были обобщить эти сочетанія какъ особый признакъ формы этого времени; вслѣдствіе этого, путемъ обратнаго вліянія, и такіе imperfect'ы, какъ *nesēchŭ, измѣнялись въ обще-слав. языкѣ въ *nesēāchŭ, откуда и старо-слав. **несѣахъ.** Этими двумя путями, т. е. измѣненіемъ окончаній и измѣненіемъ основы, въ обще-слав. языкѣ были вполнѣ разграничены формы аористовъ съ s и формы imperfect'a, которыя первоначально по своему образованію были одинаковы. Что касается такихъ формъ, какъ **плюѣхѫ** (Ассем. ев.), въ Супр. р. **зовѣаше, жьдѣаше, приемлаше сѧ, беседоуше** и др. (Wiedemann, стр. 118), въ Сав. кн. **знаахъ,** въ разныхъ памятникахъ **възъвнѣхъ** и др., гдѣ въ imperfect'ѣ является основа наст. времени, то ихъ надо считать діалектическими формами старо-слав.

языка (ср. Wiedemann, l. c.); формы какъ **хвалиахъ** могли возникать уже въ обще-слав. языкѣ, такъ какъ такіе глаголы, какъ было указано выше, имѣли производныя основы на -i̯ā-; о формахъ же какъ **глоумѣхъ сѧ, моудѣхъ, исходѣхъ, славѣхъ** и др. (Микл., Vgl. Gr., III, 93, 94) см. въ III главѣ.

III глава.

Основы наст. времени на **и** въ старо-слав. языкѣ распадаются на два отдѣла: 1. основы на **и**, которымъ въ infinitiv'ѣ соотвѣтствуютъ основы на **ѣ**, и 2. основы на **и**, которымъ и въ infinitiv'ѣ соотвѣтствуютъ основы на **и**. По своему происхожденію оба эти рода основъ вполнѣ различны; основы 1-го рода суть основы непроизводныя, основы 2-го рода—производныя, частью отглагольныя, частью же, и въ большинствѣ случаевъ, отъименныя. Я остановлюсь сначала на основахъ 1-го рода.

Какъ было указано во II главѣ, старо-слав. основы на **и** и **ѣ** восходятъ къ индо-европ. основамъ на i̯o—i̯e и ē, при чемъ основы на i̯o—i̯e употребляются въ формахъ наст. времени, основы на ē — въ формахъ ненаст. времени; корни въ тѣхъ и другихъ основахъ являются въ слабомъ видѣ; было также указано, что въ отдѣльныхъ языкахъ основы на ē могли проникать иногда и въ формы наст. времени, при чемъ они распространялись еще новымъ суффиксомъ jo—je; случаи этого переноса наблюдаются и въ старо-слав. языкѣ (ср. выше **довьлѣѥть** и др.). Но первоначально, во всякомъ случаѣ, въ формахъ наст. времени въ непроизводныхъ глаголахъ являлись только основы на i̯o—i̯e. Что касается связи между собой основъ на i̯o—i̯e и основъ на ē, то установленіе ея нельзя объяснять изъ отдѣльныхъ языковъ: она должна была возникнуть уже въ индо-европ. языкѣ; но на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ отдѣльныхъ языковъ можно предполагать, что эта связь двухъ родовъ основъ въ индо-европ. языкѣ возникла первоначально въ извѣстномъ ограниченномъ числѣ случаевъ и обусловливалась, вѣроятно, особымъ значеніемъ тѣхъ и другихъ основъ; именно, изъ тѣхъ язы-

ковъ, въ которыхъ существуетъ чередованіе основъ на i̯o—i̯e и ē, видно, что тѣ и другія основы имѣютъ часто непереходное значеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ отдѣльныхъ языковъ извѣстны также случаи, въ которыхъ основы на i̯o—i̯e не имѣютъ этого значенія; какъ было указано въ началѣ II главы, суффиксъ i̯o—i̯e долженъ быть въ родствѣ съ суф. jo—je, и различіе между ними по происхожденію должно быть только фонетическое, вызванное различнымъ положеніемъ ударенія въ основахъ, имѣющихъ эти суффиксы; слѣдовательно, тотъ и другой суффиксы первоначально должны были употребляться въ переходныхъ и непереходныхъ основахъ безразлично; такимъ образомъ надо думать, что въ индо-европ. языкѣ непереходное значеніе основъ съ суф. i̯o—i̯e лишь обобщилось изъ нѣкотораго числа такихъ основъ, имѣвшихъ реальное значеніе извѣстнаго рода. Точно такъ же можно думать и относительно основъ на ē: и эти основы въ отдѣльныхъ языкахъ извѣстны не только съ непереходнымъ значеніемъ; слѣдовательно, въ индо-европ. языкѣ непереходное значеніе ихъ также лишь обобщалось изъ нѣкотораго числа основъ, имѣвшихъ извѣстное реальное значеніе. Такимъ образомъ можно предполагать, что въ ограниченномъ числѣ случаевъ уже въ индо-европ. языкѣ существовало извѣстное чередованіе основъ на i̯o—i̯e и ē; въ отдѣльныхъ же языкахъ это чередованіе могло распространяться на большее число случаевъ, какъ это мы находимъ, напр., въ литовско-слав. языкѣ.

Такъ какъ различные случаи употребленія основъ на i̯o—i̯e и фонетическія измѣненія, происходившія въ нихъ, были указаны въ предъидущей главѣ, то здѣсь я прибавлю еще только немногія замѣчанія объ этихъ основахъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ. Въ старо-слав. языкѣ надо замѣтить рѣдкіе случаи, въ которыхъ основы на i̯o—i̯e чередуются, повидимому, съ основами не на ѣ, а на а; сюда принадлежитъ именно **съпи-ть : съпа-ти**; другіе славянск. языки (ср., напр., словинск. ščim : scati) указываютъ на чередованіе въ обще-слав. языкѣ основъ *sĭ-

či- : *sĭca-; но это чередованіе не первоначально: основы на ā здѣсь вытѣснили собою старыя основы на ē; при старо-слав. **съпа-** и русск. *спа-* мы находимъ также русск. *спѣ-* (Mikl., Vgl. Gr., III, 115); при *sĭca- не извѣстна основа на ē (если только на такую не указываетъ польск. szcza-). Чередованіе основъ на **ѣ** и **а** вообще извѣстно въ старо-слав. языкѣ изъ довольно многихъ случаевъ; ср., напр., **питѣ- : пита-, видѣ- : вида-, кыпѣ- : кыпа-, дръжа- : дръза-, дръга-, плъзѣ- : плъза-, жьльдѣ- : жьльда-, връча- : връка-, сьпѣ- : сьпа-, сѣдѣ- : сѣда-, брача- : браца-, жадѣ- : жада-, гладѣ- : глада-**; замѣна основъ на ē основами на ā извѣстна и изъ другихъ славянскихъ языковъ; напр., въ словинскомъ мы находимъ gleda-ti—gledim, въ польскомъ—sapać, skrzypać, chrapać—sapisz, skrzypisz, chrapisz (Микл., III, 459); такимъ образомъ надо думать, что чередованіе въ infinitiv'ѣ основъ на ē и ā въ нѣкоторыхъ случаяхъ существовало уже въ обще-слав. языкѣ, и что въ отдѣльныхъ случаяхъ здѣсь возможно было вытѣсненіе основъ на ē основами на ā, при чемъ въ praesens'ѣ сохранялись основы на i̯o—i̯e. Въ литовск. языкѣ не извѣстны такіе случаи чередованія двухъ основъ, и поэтому надо думать, что они возникли только въ обще-слав. языкѣ; возникновеніе чередованія въ infinitiv'ѣ должно стоять здѣсь въ связи съ чередованіемъ двухъ основъ въ praesens'ѣ: какъ было указано уже въ предъидущей главѣ, въ формахъ наст. времени еще въ литовско-слав. языкѣ существовало смѣшеніе суффиксовъ jo—je и i̯o—i̯e, такъ что при старыхъ основахъ съ i̯o—i̯e могли существовать и новыя основы съ jo—je; когда въ обще-слав. языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ установилась связь между основами на jo—je въ praesens'ѣ и основами на ā въ infinitiv'ѣ, то чередованіе въ praesens'ѣ основъ на i̯o—i̯e и на jo—je могло вызывать и чередованіе основъ на ē и на ā въ infinitiv'ѣ; на такое происхожденіе чередованія двухъ основъ могутъ указывать, напр., такіе случаи, какъ **дръжа-ти—за-дръза-ти : дръжи-ть—за-дръже-ть, плъзѣ-ти—плъза-ти : плъзи-ть — плъже-ть, жадѣ-ти — жада-ти : жа-**

ди-ть—жажде-ть и др.; въ дальнѣйшей жизни обще-слав. языка и отдѣльныхъ славянскихъ языковъ всѣ эти основы praesens'a и infinitiv'a частью продолжали сохраняться, частью же нѣкоторыя изъ нихъ утрачивались, такъ что могли получаться только такія чередованія, какъ старо-слав. **съпа- : съпи-**. Но, конечно, не во всѣхъ случаяхъ чередованіе основъ на ē съ основами на ā надо объяснять въ обще-слав. языкѣ вліяніемъ чередованія двухъ основъ въ формахъ наст. времени: въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ основы на ē, такъ и основы на ā могли быть вполнѣ самостоятельными образованіями, и чередованіе ихъ между собою могло быть уже старымъ въ обще-слав. языкѣ, насколько тѣ и другія основы были стары по происхожденію; на такіе случаи указываютъ, напр., старо-слав. **пи-тѣ- : пита-, видѣ- : вида-, кыпѣ- : кыпа-, сѣдѣ- : сѣда-**; возникновеніе этихъ параллельныхъ основъ въ обще-слав. языкѣ должно быть объясняемо точно такъ же, какъ и возникновеніе вообще всякихъ производныхъ основъ на ē и ā.

Нѣкоторые факты старо-слав. и литовск. языковъ показываютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ основы на i̭o—i̭e возникали въ литовско-слав. языкѣ вмѣсто старыхъ основъ различныхъ другихъ образованій. Такъ, напр., изъ старо-слав. языка извѣстна основа **види-**, которой соотвѣтствуетъ литовск. основа veizdi- [1]): литовская форма véizdmi при véizdžiu и старо-слав. формы повелит. наклоненія **виждь, видите** показываютъ, что въ литовско-слав. языкѣ этотъ глаголъ, между прочимъ, имѣлъ нетематич. спряженіе въ формахъ наст. времени, которое было получено уже изъ индо-европ. языка (ср. др.-инд. vetti); старо-слав. формы **видомъ, виджште**, польск. widǫc (Mikl., Vgl. Gr., III, 458) показываютъ, что въ обще-слав. языкѣ при основѣ veid- существовала еще основа veide- съ тематич.

---

[1]) Гдѣ zd вмѣсто d чисто литовскаго и неяснаго происхожденія; съ d ср. формы výstu—výdau, pa-vydė́-ti, vaidinů́s, pavydùs.

спряженіемъ; можно думать, что эта же основа существовала и въ литовско-славянскомъ (можетъ быть даже, что она была уже въ индо-европ. языкѣ; ср. др.-инд. эпич. veda); какъ показываютъ основы лат. vĭdē-, греч. ἰδη- (см. о нихъ въ предъид. главѣ), въ индо-европ. языкѣ рядомъ съ основами veid- и veide- (?) существовала еще производная основа vĭdē-, которая употреблялась здѣсь въ формахъ ненаст. времени; сопоставляя всѣ эти факты между собою, надо придти къ тому заключенію, что въ литовско-слав. языкѣ основы veid- и veide- въ формахъ ненаст. времени замѣнялись основой veidē-, вновь образованной по аналогіи старой основы vĭdē-, при чемъ эта послѣдняя основа была затѣмъ вполнѣ вытѣснена; по аналогіи со многими другими основами на ē въ формахъ ненастоящ. времени, которыя чередовались съ основами на i̯o—i̯e въ praesens'ѣ, и основа veidē- вызвала въ формахъ наст. времени основу veidi̯e-; можетъ быть при этомъ, что на появленіе veidi̯e- оказала вліяніе также старая основа *vĭdi̯e-, которую, можетъ быть, надо предполагать при vĭdē- (лат. vĭdeo можетъ быть видоизмѣненіемъ только стараго *vĭdio; ср. выше); такимъ образомъ въ литовско-слав. языкѣ возникла новая основа veidi̯e- при старыхъ veid- и veide- (?); но всѣ они продолжали существовать рядомъ и перешли въ отдѣльные языки; только въ обще-слав. языкѣ основа veid- въ формахъ изъявит. наклоненія съ теченіемъ времени была утрачена, и остались лишь veide- и veidi̯e-. Точно такое происхожденіе было въ литовско-слав. языкѣ и основы sēdi̯e- (старо-слав. **сѣди-**, литовск. sėdi-): литовск. sėdmi (ср. др.-инд. вед. sátsi), при sė́džiu, и sė́du, лат. sēdē-re, sĕdeo, греч. ἕζομαι показываютъ, что надо предполагать первоначальныя основы sĕd-, sĕde-, sēdē-, sēdi̯e- [1]); въ литовско-слав. языкѣ sēdē-, sēdi̯e-, повліявъ на sĕd-, sĕde-, исчезли; въ лат. и греч. языкахъ, наоборотъ, были вытѣснены sēd- и sē-

---

[1]) Старо-слав. **сѧде-** показываетъ еще слабую основу на *e—o* съ носовымъ инфиксомъ при сильной основѣ sĕde-.

de- [1]). Литовск. véldžiu при véldu и veldé-ti, старо-слав. **владѣѥ-ть — владѣ-ти** въ литовско-слав. языкѣ получили основы на ē, вѣроятно, непосредственно при сильныхъ основахъ velde- и volde-; можетъ быть, что въ литовско-слав. языкѣ существовала только основа veldē-, а voldē- явилась подъ ея вліяніемъ уже въ обще.-слав. языкѣ; въ формахъ наст. времени для литовско-слав. языка можно допускать только основы velde- и volde-; véldžiu и **владѣѥ-ть** явились уже въ отдѣльной жизни литовск. и обще-слав. языковъ; далѣе въ литовск. языкѣ новую основу на i̯o—i̯e можно видѣть еще въ sérgiu—sérgė-ti при sérgmi. Интересный случай представляютъ основы žýdžiu—žýdmi—žëdu—žydé-ti: надо предполагать такъ, что первоначально существовали основы *žeid-, *žeide- и *žīdi̯e-, *žīdē-; подъ вліяніемъ основы *žīdi̯e- старая основа *žeid- замѣнилась на *žīd-, откуда литовск. žýdmi; по аналогіи съ этимъ случаемъ и lydmi, girdmì надо объяснять видоизмѣненіемъ старыхъ сильныхъ основъ нетематич. спряженія подъ вліяніемъ lydžiù (lydé-ti), girdžiù (girdé-ti). Чередованіе niūriù и niurù при niuré-ti, lyczìù и lytù при lyté-ti, linkiu и linku при linké-ti, lúkiu и luku при lūké-ti, rúzgiu и ruzgu при rūzgé-ti должно быть объясняемо такъ, что основы на i̯o—i̯e явились въ формахъ наст. времени взамѣнъ первоначальныхъ слабыхъ основъ на *e—o* подъ вліяніемъ производныхъ основъ на ē въ формахъ ненаст. времени. Факты такого рода извѣстны и изъ старо-слав. языка; именно, мы находимъ здѣсь основу **вьри-** при **вьро-** въ причастіи **вржшть** (т. е. **вьржшть**) (см. Микл. въ словарѣ и Vgl. Gr., III, 107); ср. смѣшеніе обѣихъ основъ въ формахъ настоящ. времени также

---

[1]) Вѣроятно, и въ др.-инд. языкѣ sēdē-, sēdi̯e- повліяли на *sād- (sát-si) и затѣмъ исчезли; что касается основы sáda-, которая можетъ быть основой наст. времени (см. Whitney, Wurz., s. v.), то она можетъ быть не видоизмѣненіемъ старой основы *sāda-, подъ тѣмъ же вліяніемъ, но слабой основой, подобно старо-слав. **сѧдє-**, только безъ инфикса.

въ сербскомъ и польскомъ (Mikl., III, 238, 239, 455); при основѣ **гори-** мы находимъ прич. **горѧшть** и **горѫшть**, сербск. goreći и gorući (ibid., стр. 239), нижне-луж. goŕecy и gorucy (ibid., стр. 527); ср. также словинск. kipuči (ibid., стр. 170), сербск. letući (ibid., стр. 541), русск. *кипучій, шипучій, летучій* (при *кипящій, шипящій, летящій*, которыя не принадлежатъ, собственно, русскому языку); при основѣ sъpi- въ обще-слав. языкѣ, повидимому, также была извѣстна и основа sъpe- : sъpo-: на это могутъ указывать такія формы, какъ болгарск. spъ и spъt (при spь и spьt; ibid., стр. 196), малор. *спють, сплющій* (при *спять, сплять* и *спячій, спящій;* ibid., стр. 279); въ старо-слав. языкѣ извѣстна форма **не-оу-сыпѫщь** (Микл., въ словарѣ, подъ сл. **неоусыпаѩ**), которую надо считать видоизмѣненіемъ формы ***не-оу-съпѫшть** (ср. **неоусъпьнъ, неоусъпьно**); можетъ быть, старое чередованіе двухъ основъ мы находимъ также въ формахъ **льшти-ть сѧ** и **лъщѫщи сѧ** (Микл., словарь, s. v.). Замѣну слабыхъ основъ на *e—o* основами на i̯o—i̯e можно сравнить съ указанной выше замѣной сильныхъ основъ на *e—o* основами на i̯o—i̯e; но при этомъ надо имѣть въ виду, что не во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ можно видѣть замѣну слабыхъ основъ на *e—o* основами на i̯o—i̯e; именно, обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ случаевъ основы на *e—o* мы находимъ только въ формахъ причастія; трудно допускать, чтобы основы на *e—o* лишь случайно сохранились только въ этихъ формахъ; вѣроятнѣе объяснять этотъ фактъ тѣмъ предположеніемъ, что основы на *e—o* въ обще-слав. языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ и являлись только въ этихъ формахъ причастія, между тѣмъ какъ въ другихъ формахъ praesens'a находились старыя основы на i̯o—i̯e; это предположеніе легко допустимо при слѣдующемъ соображеніи: какъ было указано въ началѣ I главы, основы на *e—o* въ именит. падежѣ ед. ч. причастія наст. времени въ обще-слав. языкѣ допускали два образованія — на -ū и на -ę; такимъ образомъ въ извѣстномъ числѣ случаевъ въ об-

ще-слав. языкѣ существовало чередованіе въ формахъ причастія именит. падежа на -ę и основы косвенныхъ падежей на -ǫt(-i̯e-); рядомъ съ этимъ въ обще-слав. языкѣ были и такіе случаи, въ которыхъ старыя основы на *e—o* замѣнялись уже основами на i̯o—i̯e, и здѣсь также могло получаться чередованіе именит. падежа на -ę и косвенныхъ падежей съ основой на -ǫt(-i̯e-); подъ вліяніемъ аналогіи этихъ двухъ образованій въ обще-слав. языкѣ старыя основы на i̯o—i̯e, чередовавшія въ причастіи первоначально только -ę : -ęt(-i̯e-), могли получать здѣсь также и чередованіе -ę : -ǫt(-i̯e-); такимъ образомъ въ обще-слав. языкѣ чередованіе, напр., gorę : goręšte- : gorǫšte- могло возникать, съ одной стороны, подъ вліяніемъ, напр., živę : živǫšte-, съ другой—подъ вліяніемъ, напр., vĭrę (*vĭrū) : vĭręšte-, vĭrǫšte-; въ свою очередь чередованіе какъ gorę : goręšte- : gorǫšte- могло вліять и обратно на чередованіе какъ živę : živǫšte-, вызывая здѣсь еще živęšte-; такъ, можетъ быть, надо объяснять старо-слав. **живѧштиимъ** и **цвьтѧштъ** (въ Супр. р.; Leskien, Hndb., стр. 110). Чередованіе формъ отъ основъ на i̯o—i̯e и отъ основъ на *e—o* (все равно, какого бы происхожденія ни было это чередованіе) въ отдѣльныхъ славянск. языкахъ имѣло иногда слѣдствіемъ еще особаго рода взаимодѣйствіе однихъ формъ на другія; именно, подъ вліяніемъ формъ отъ основъ на i̯o—i̯e, которыя въ разбираемыхъ здѣсь случаяхъ въ отдѣльныхъ языкахъ, во всякомъ случаѣ, болѣе употребительны, формы отъ основъ на *e—o* получали смягченіе согласной, предшествующей суффиксу основы; отсюда объясняются такія формы, какъ старо-слав. **лъжѫщи**, **горѧштиімъ** (въ Супр. р.; Leskien, l. c., § 138), русск. *горючій*, малор. *спють*, *сплющій*, чешск. vřúcí (Mikl., Vgl. Gr., III, 383).

Остается сказать еще объ измѣненіяхъ суффикса i̯o—i̯e въ спряженіи старо-славянскихъ и литовскихъ основъ. Какъ показываетъ сравненіе основъ на i̯o—i̯e и основъ на jo—je, въ обоихъ языкахъ первый суффиксъ измѣняется совершенно иначе, чѣмъ второй: между тѣмъ

какъ jo—je въ обоихъ языкахъ измѣняется только въ томъ направленіи, что послѣ согласныхъ въ немъ утрачивается j, при чемъ извѣстныя предшествующія согласныя являются съ сложнымъ смягченіемъ, суффиксъ i̯o—i̯e подвергается большею частью такому измѣненію, что i̯ + слѣдующая краткая гласная стягиваются въ ĭ, и предшествующія согласныя извѣстнаго рода уже не подвергаются тому же смягченію, какъ при j; такимъ образомъ въ старо-слав. языкѣ мы находимъ противоположенія такого рода, какъ, напр., **урѣплю-ть, страждє-ть : трьпи-ть, бѫди-ть**; въ литовск. языкѣ, напр., — gũdžia (gũdžie), ver̃czia (ver̃czie): žýdi (žýd'), keñti (keñt'). Только въ немногихъ случаяхъ суффиксы i̯o—i̯e и jo—je совпадали по своимъ измѣненіямъ въ обоихъ языкахъ; именно, послѣ согласныхъ въ формѣ 1-го л. ед. ч. и въ старо-слав. и въ литовск. языкахъ въ томъ и другомъ суффиксѣ i̯ и j одинаково исчезаютъ при смягченіи извѣстныхъ согласныхъ; такимъ образомъ въ старо-слав. языкѣ не отличаются по фонетическимъ измѣненіямъ, напр., **урѣплѭ, страждѫ** и **трьплѭ, бѫждѫ**, въ литовскомъ, напр., gũdžiu, verciù и žýdžiu, kencziù; въ положеніи послѣ гласныхъ, какъ было указано въ предъидущей главѣ, суффиксы i̯o—i̯e и jo—je различались тѣмъ, что i̯ въ этомъ случаѣ еще въ литовско-слав. языкѣ исчезало, а j сохранялось и переходило въ отдѣльные языки, гдѣ также продолжало сохраняться; только въ положеніи послѣ ĭ и ī въ литовско-слав. языкѣ, повидимому, происходило иное явленіе: здѣсь i̯ не исчезало, но совпадало съ j и въ такомъ видѣ переходило въ отдѣльные языки (см. въ I и II главахъ объ образованіи такихъ формъ, какъ литовск. vijaũ, bijaũs, gyjù и др.); такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ уже въ литовско-слав. языкѣ суффиксъ i̯o—i̯e во всѣхъ формахъ по фонетическимъ измѣненіямъ совпадалъ съ суф. jo—je. За исключеніемъ этихъ случаевъ во всѣхъ другихъ суф. i̯o—i̯e подвергся измѣненіямъ отличнымъ отъ измѣненій jo—je; именно, факты старо-слав. и литовск. языковъ показываютъ, что сочетаніе i̯e еще въ литовско-слав. языкѣ измѣнялось

въ i̯i; въ обще-литовск. и обще-слав. языкахъ i̯i подвергалось стяженію въ ī, которое въ обще-литовскомъ являлось какъ y̆, а въ обще-славянскомъ — какъ ī; такимъ образомъ изъ обще-слав. языка были получены въ старо-славянскомъ такія формы, какъ **гори-ши, гори-ть, гори-те, гори-та**; въ литовскомъ имъ соотвѣтствуютъ формы mýli (mýl', — 3-е л.), mýli-ta, mýli-te; въ тѣхъ формахъ, гдѣ суффиксомъ основы должно было являться сочетаніе i̯o (1-е л. мн. и дв., 3-е мн., основа причастія наст. врем. дѣйств. зал. и основа прич. наст. вр. страд. зал.), въ литовско-слав. языкѣ произошла замѣна этого сочетанія сочетаніемъ i̯i подъ вліяніемъ остальныхъ формъ съ i̯i; отсюда въ старо-слав. языкѣ мы находимъ формы **гори-мъ, гори-вѣ**, прич. **трьпимъ**, 3-е мн. **горѧть**, прич. **горѧшта**, въ литовскомъ — mýlime, mýliva, mýlintį, mýlimas. Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ въ образованіи формъ отъ этихъ основъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ, я только сошлюсь здѣсь на сочиненіе проф. Фортунатова (Лекціи по фонетикѣ старослав. языка), которому принадлежитъ приведенное объясненіе разбираемыхъ здѣсь формъ.

Перейду теперь къ старо-слав. основамъ на **и** 2-го рода. Эти основы, какъ было замѣчено выше, распадаются на 2 отдѣла: основы отглагольныя и основы отъименныя [1]). Отглагольныя основы обыкновенно имѣютъ значеніе causativ'а; въ индо-европ. языкѣ основы этого рода отличались отъ другихъ основъ какъ по суффиксу, такъ и по гласной корня; о суффиксѣ будетъ говориться ниже; что же касается корневой гласной, то въ этихъ основахъ

---

[1]) На вопросѣ о томъ, можно ли сводить всѣ эти основы къ отъименнымъ, я не буду останавливаться; вопросъ этотъ касается не отдѣльныхъ языковъ, а индо-европ. языка; въ отдѣльныхъ же языкахъ во всякомъ случаѣ 2 отдѣла основъ должны быть различаемы; существованіе, напр., въ ст.-слав. языкѣ **возъ** при **возити** и **хвала** при **хвалити** вовсе не даетъ основанія для обобщенія **возити** и **хвалити**.

являлось обыкновенно *о*, если въ корняхъ ихъ было *е*, чередовавшееся съ *о;* что касается долгихъ корневыхъ гласныхъ ē и ā, чередовавшихся между собою или еще съ ō, то нельзя опредѣлить съ точностью, какая именно гласная являлась въ разбираемыхъ основахъ. Такимъ образомъ отъ корней съ *е*—*о* мы находимъ въ старо-слав. языкѣ, напр., основы **воꙁи-**, **води-**, **носи-**, **въ-ноꙁи-**, (**ньꙁе-ть**), — **ꙁа-мори-** (**мьре-ть**), **ꙁори-** (ср. **ꙁрѣѥ-ть**), **ори-**, **твори-**, **гони-** (**жене-ть**), **томи-**, — **пои-** (**пиѥ-ть**), **гнои-** (**гниѥ-ть**), **крои-**, **дои-**,—**на-трови-** (и **на-трави-**),—**грѫꙁи-** (ср. **граꙁѣ-ти**), **въꙁмѫти-** (**мѧте-ть**), **и-сѫчи-** (**исѧцa-ти**), **отъ-лѫчи-** (**лѧче-ть**),—**врати-** (**врьти-ть**), **о-смради-** (**смрьди-ть**), **влачи-** (**влѣче-ть**), **ис-тлачи-** (**тлъче-ть—тлѣшти**),—**коуди-** (**бѫди-ть**), **о-броуси-** (**о-бръсне-ть**), — **о-цѣсти-** (ср. **чистъ**), **ис-цѣпи-**, **ис-цѣди-**, **отъ-лѣпи-**, **съ-мѣжи-** (**мьгне-ть**, **мьжа-ти**), **вѣси-** (**виси-ть**), **свѣти-** (**о-свьне-ть**); во всѣхъ этихъ случаяхъ мы находимъ въ корнѣ *о* (одно или въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ) при чередованіи съ *е*, хотя изъ самого старо-слав. языка иногда не извѣстны формы съ *е;* иногда мы находимъ здѣсь *о* въ чередованіи съ такимъ *е*, которое само чередовалось нѣкогда съ долгими гласными; такой случай представляютъ, напр., основы **пои-** и **дои-**, которыя, какъ мы видѣли выше, происходятъ отъ индо-европ. корней на āi; появленіе въ нихъ чередованія *е* : *о* объясняется уже старымъ смѣшеніемъ корней на āi и ăi; но что въ отдѣльныхъ языкахъ сохранялись еще и основы отъ корней на āi, указываютъ старо-слав. основы **таи-** („скрывать"), **ис-таи-** („разслабить"); смѣшеніе корней на āu и ău представляетъ чередованіе приведенныхъ выше основъ **на-трави- : на-трови-**; съ **на-трави-** по образованію ср. также **плави-**, **слави-** и, можетъ быть, **дави-** [1]); вѣроятно, смѣшеніемъ двухъ рядовъ чередованія надо объяснять также основы **вари-** и **вали-** при литовск. vérdu—vìrti и veliù—vélti (ср. võlioju); между тѣмъ первоначальную долготу

[1]) Ср. также **стави-**, хотя здѣсь āu не первоначальнаго происхожденія; см. во II главѣ о литовск. stověti.

могутъ имѣть **пали-** (**полѣ-ти**) и, съ другой корневой гласной, **жари-**; въ такихъ случаяхъ, какъ **слони-**, **клони-**, **ломи-**, остается неизвѣстнымъ, къ какому ряду чередованія принадлежитъ **о**; — что касается корней съ долгими гласными не въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ, то въ старо-слав. языкѣ основы какъ **рази-** (**рѣза-ти**), **сади-** (**сѣдѣ-ти**), **гаси-** (ср. литовск. gesýti, gesinti, гдѣ корень является въ слабомъ видѣ) показываютъ, что при чередованіи въ нихъ ē : ā въ основахъ causativ'a являлось ā, хотя возможно было и ē, какъ показываетъ старо-слав. **жаси-**; ср. также вышеупомянутое **жари-**; во многихъ случаяхъ въ старо-слав. основахъ съ корневымъ **а** нельзя бываетъ рѣшить, какого качества было здѣсь ā въ литовско-слав. и индоевроп. языкахъ, или съ какими другими ā находилось оно въ чередованіи; сюда принадлежатъ такія основы, какъ **каки-**, **кади-**, **плати-** („solvere“), **глади-** и др.; — въ нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ отъ корней съ долгими гласными въ старо-слав. языкѣ извѣстны основы съ слабымъ видомъ корня; сюда принадлежитъ, напр., **иштези-** (ср. **иштаза-ти**); вѣроятно, что по корневымъ гласнымъ съ этой основой однородны нѣкоторыя изъ такихъ основъ, какъ **топи-**, **грози-**, **дроби-** и др.; — въ основѣ **заби-** (ср. **заблю-ть**, **забне-ть**) мы находимъ обобщеніе корня съ **а** подъ вліяніемъ другихъ образованій; ср. по образованію однородную основу **на-пери-**; въ основѣ **движи-** нельзя опредѣлить происхожденія **и**, изъ ei, или изъ ī; но въ томъ и другомъ случаѣ эта основа не первоначальна по гласной корня. Въ литовск. языкѣ ст.-слав. глаголамъ на **-и-ти** съ каузативнымъ значеніемъ соотвѣтствуютъ два ряда глаголовъ: глаголы на -inu и глаголы на -au, infinit.— -y-ti; въ этихъ обоихъ родахъ литовск. глаголовъ мы находимъ въ корнѣ *a* (соотвѣтствующее старо-славянскому **о**) при чередованіи съ *e*; ср., напр., vartý-ti (verczių̀), marký-ti (merkių̀), báldy-ti (béldžiu), rangý-ti (rengių̃s), grą̃žý-ti и grą̃žinu̇ (grę̃žių̀), skandý-ti и skandinu̇ (skę̃stu̇), — draiký-ti и draikinu̇ (drẽkių̀), szvaitý-ti и szvaitinu̇ (szveiczių̀, szvẽczių̀), láidy-ti и laidinu̇ (léidžiu, léidmi), — tráu-

ky-ti (tráukiu), spriáudy-ti (spriáudżiu), — narý-ti и narinù (ср. nirti), į-manýti (menù—miñti), ganý-ti (genù—giñti), — kratý-ti и kratinu (kreczių̀), taszý-ti (ср. старо-слав. теше-ть), — sodinù (sėdu, sėdżiu), lópy-ti, — vėty-ti, plėszy-ti (plėsziu); отъ корней на ŏu — żavinù (żūvù), отъ корней на āu — dżiovinù (dżiústu). Но рядомъ съ такими образованіями основъ мы находимъ въ литовск. языкѣ также основы съ слабыми корнями; ср., напр., dìlgy-ti и dìlginu, mirký-ti и mirkinù при marký-ti, vìlgy-ti, żìndy-ti и żìndinu (żìndu), — rìtinu при raitý-ti (rëcziù, rëtu), lipý-ti и lipinù (ср. láipioju и старо-слав. лѣпи-ти), — kusý-ti и kùsinu, — gesý-ti и gesinù (ср. старо-слав. гаси-ти; въ корнѣ было чередованіе ē : ā); можетъ быть, что нѣкоторыя изъ основъ съ корневымъ *a* имѣютъ это *a* также изъ ослабленія ā или ō, какъ, напр., raszý-ti, paszý-ti, adý-ti и др. Особый случай представляютъ въ лит. языкѣ causativ'ы съ d: эти основы производятся обыкновенно отъ корней на гласныя и на плавныя и носовыя, рѣдко на другія согласныя; при этомъ корни только рѣдко являются въ этомъ образованіи въ сильномъ видѣ, обыкновенно же — въ слабомъ; такимъ образомъ мы находимъ, напр., guldý-ti, tìldy-ti, spìrdy-ti, gimdý-ti (при gaminù), vìmdy-ti, — żvigdý-ti и żvìgdinu (żvëgiù), migdý-ti и mìgdinu, mìginu (mëgù, mëgmì), — klupdý-ti и klupinu, trukdý-ti и trùkdinu, trùkinu, — kliudý-ti и kliudinù (kliúti), żudý-ti при żavinù (żúti), púdy-ti (púti), siudy-ti и siúdinu (siúti), súdy-ti (ср. sūriù); съ сильнымъ видомъ корня—ardý-ti (į̇rù), tárdy-ti и tárdinu (tariù), rámdy-ti при raminù (rìmti), ap-lámdy-ti при ap-laminù, baidý-ti (bijaũs), máudy-ti (ср. старо-слав. мыѥ-ть); въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ въ такихъ основахъ является *e* вмѣсто *a*: żéldy-ti и żéldinu при żãlinu (żeliù), témdy-ti и témdinu (témti). Что касается происхожденія литовскихъ causativ'овъ съ d, то они представляютъ новообразованіе этого языка; основаніемъ для нихъ послужили тѣ основы съ d въ корнѣ, которыя производились отъ корней издавна распространенныхъ посредствомъ суффикса d; на это ука-

зываетъ тотъ фактъ, что эти causativ'ы мы находимъ почти исключительно отъ корней на гласныя и на плавныя и носовыя; а такіе корни, какъ было указано въ I главѣ, уже въ индо-европ. языкѣ часто распространялись суффиксомъ d; при этомъ старыми causativ'ами съ d въ литовскомъ надо считать именно тѣ, въ которыхъ корни являются въ сильномъ видѣ, такъ какъ корни распространяемые посредствомъ d образуютъ обыкновенно основы сильнаго вида; только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ можно считать первоначальными causativ'ы съ слабымъ корнемъ, какъ, напр., pú́dy-ti, съ которымъ ср. греч. πῡ́θω; вообще же литовскіе causativ'ы съ слабыми корнями и съ d являлись въ самомъ литовск. языкѣ, производясь непосредственно отъ извѣстныхъ слабыхъ основъ на *e*—*o*, имѣвшихъ непереходное значеніе; ср. guliù при guldý-ti, tyliù и tįlù при tìldy-ti, szįlù при szìldy-ti, — mingù при migdý-ti, kliūvù и kliūnù при kliudý-ti и др.

Изъ другихъ родственныхъ языковъ можно сопоставить слѣдующіе факты. Въ греческ. языкѣ мы находимъ, напр., такіе causativ'ы, какъ πορθέω (πέρθω), τροπέω (τρέπω), φοβέω (φέβομαι), ὀχέω (ср. старо-слав. **возити**), κλονέω, σοβέω, σοέω (Brugmann, Gr. Gr., § 124); отъ корней съ долгими гласными такое образованіе представляетъ, вѣроятно, ὠθέω; не извѣстно, отъ какого рода корня образовано гомер. πτοιέω, δια-πτοιέω; въ греч. языкѣ causativ'ы, вообще, сохранились не въ большомъ числѣ. Точно также мы находимъ ихъ немного и въ латинск. языкѣ; сюда принадлежатъ, именно, нѣкоторые изъ глаголовъ на -eo и -io, какъ, напр., moneo (ср. литовск. menù), noceo (ср. necare), sopio, fodio, quatio; въ двухъ послѣднихъ глаголахъ ŏ и ă могутъ быть ослабленіями изъ ō и ā (ср. fōdi); causativ'ы на -io въ латинск. языкѣ различаются на два отдѣла: глаголы съ основой на ī (какъ sopio — sopī-re) и глаголы съ основой на i̯o—i̯e (какъ fodio—fodere, quatio — quatere). Въ др.-инд. языкѣ causativ'ы такъ же распространены, какъ въ старо-слав. и литовск. языкахъ; образованіе ихъ по отношенію къ гласной корня вполнѣ со-

отвѣтствуетъ образованію въ другихъ родственныхъ языкахъ; такимъ образомъ отъ корней съ *e* : *o* мы находимъ, напр., основы dhāraya-, sāraya-, bhāvaya-, svāpaya-, tāpaya-, trāsaya- и др., гдѣ ā изъ индо-европ. ŏ, чередовавшагося съ *e;* въ такихъ основахъ, какъ vedaya-, cetaya-, codaya-, dyotaya-, tarpaya-, kalpaya-, rambhaya-, manthaya- и др., въ др.-инд. языкѣ нельзя опредѣлить качества гласной, такъ какъ въ дифтонгическ. сочетаніяхъ ŏ и ĕ совпадали вполнѣ еще въ индо-иранск. языкѣ; въ другихъ основахъ этого образованія мы находимъ въ др.-инд. языкѣ ā изъ индо-европ. ā, качества котораго въ др.-инд. языкѣ нельзя опредѣлить; ср., напр., āpaya- (āpnóti), kāçaya- (kāçate), svādaya- (въ RV ср. svādate) и др.; отъ корней на дифтонги āi и āu мы находимъ causativ'ы, напр., pāyaya- (pāi), sāyaya- (sāi), bhāyaya- (bhāi), cyāvaya- (ki̯āu), dhāvaya- (1. 2. dhāu). Наряду съ этими обыкновенными образованіями мы находимъ еще causativ'ы съ нѣкоторыми особенностями въ корняхъ; такъ, часто въ др.-инд. языкѣ являются основы съ корневымъ ă вмѣсто ā отъ корней съ *e* : *o*, при чемъ нерѣдко основы съ ă и ā чередуются между собою; ср., напр., gāmaya- : gamaya-, jāraya- : jaraya-, nāmaya- : namaya-, pātaya- : pataya-, svāpaya- : svapaya- и др. (Whitney, Wurz., 235 слѣд.); нѣкоторыя основы являются только съ ă (Whitney, Ind. Gr., § 1042, c.); отъ корней на дифтонгъ ăi извѣстны образованія, кажется, только съ ă; ср. kṣayaya- (1. 2. kṣi); основа smāyaya- (въ классич. языкѣ) возникла, вѣроятно, поздно при старой основѣ smāpaya- подъ вліяніемъ чередованія старыхъ основъ, какъ bhāpaya- : bhāyaya-, cāpaya- : cāyaya- (Whitney, Ind. Gr., § 1042, e.); но возникновеніе такихъ формъ, какъ smāpaya- (smi), kṣāpaya- при kṣayaya- (kṣi), jāpaya- (ji), можно объяснить только тѣмъ предположеніемъ, что въ др.-инд. языкѣ при основахъ какъ kṣayaya- существовали и основы съ ā (*kṣāyaya-): эти основы съ ā (изъ ŏ извѣстнаго рода) и послужили основаніемъ для смѣшенія основъ отъ корней на ăi съ основами отъ корней на āi, и чередованіе двухъ формъ causativ'a отъ корней на āi вызвало такое же

чередованіе и въ корняхъ на ăi; можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ чередованіе causativ'овъ съ корневыми ă и ā отъ корней на ăi вызывалось тѣмъ фактомъ, что такое чередованіе существовало въ causativ'ахъ отъ корней на āi; здѣсь же это чередованіе могло быть слѣдствіемъ смѣшенія корней на āi и ăi; аналогичные факты мы находимъ въ causativ'ахъ отъ корней на ău и āu; ср. yāvaya- : yavaya- (2. yu), cyāvaya- : cyavaya- (kꜭāu и kꜭău), drāvaya- : dravaya- (dru и drāu?), plāvaya- : plavaya- (plu) и др.; такимъ образомъ др.-инд. plāvaya-, çrāvaya- могутъ имѣть ā какъ изъ индо-европ. ŏ (извѣстнаго рода), такъ и изъ индо-европ. ā: ср. въ старо-славянскомъ основы **плави-** и **слави-**; съ другой стороны основы съ корневыми ă въ др.-инд. языкѣ не могутъ указывать прямо на индо-европ. ĕ: можетъ быть, что ă, напр., въ kṣaya- являлось при ā въ *kṣāya- по аналогіи съ тѣми индо-европ. основами съ ă, которымъ соотвѣтствуютъ, напр., старо-славянскія **пои-**, **дои-**; корни съ ā внутри сохраняютъ въ др.-инд. языкѣ ā въ основахъ causativ'а; но при этомъ мы находимъ нерѣдко и чередованіе основъ съ корневыми ā и ă; ср., напр., dāsaya- : dasaya- (dásyati, dāsati), ādaya- : adaya- (átti), mādaya- : madaya- (mádati, mādyati), svādaya- : svadaya- (svádati, svādate); въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ такихъ корней мы находимъ основы только съ ă: напр., chadaya- (chantti, chandati), nabhaya- (nábhate; ср. nābh, nābhi), rajaya- (rajyati; ср. rāga); при этомъ очень часто основы съ ă въ корнѣ чередуются еще съ основами съ an или am въ корнѣ: ср., напр., madaya- : mandaya-, chadaya- : chandaya-, rajaya- : rañjaya-, nabhaya- : nambhaya- и др.; иногда основы съ носовыми въ корнѣ являются одни; ср., напр., añjaya-, daçaya-, lambhaya- и др.; это чередованіе causativ'овъ съ ā и ă, an въ корнѣ вполнѣ аналогично съ чередованіемъ causativ'овъ съ e, o, ar и i, u, r̥, in, un, r̥n въ корнѣ; ср., напр., cetaya- : citaya-, cintaya-; dyotaya- : dyutaya-, barhaya- : br̥ṅhaya-, lepaya- : limpaya-, çodhaya- : çundhaya- и др.; такимъ образомъ всѣ эти образованія cau-

sativ'овъ различаются между собою тѣмъ, что одни изъ нихъ имѣютъ корни въ сильномъ видѣ (ā, e, o, ar), другія — въ слабомъ, и при этомъ слабые корни являются то съ носовыми infix'ами, то безъ нихъ (ă, i, u, r̥ и an, in, un, r̥n); слѣдовательно, здѣсь мы находимъ тѣже самыя формы корней, которыя мы видѣли уже въ образованіи основъ на *e*—*o* (см. I главу); такую же аналогію съ основами на *e*—*o* представляютъ еще образованія какъ turaya- при tāraya- (ср. tárati и turáti), giraya- (giráti), kīraya- (kiráti), çrīvaya- при srevaya- (srīvyanti), jīvaya- (jívati) и др.

Вышеприведенныя сопоставленія образованій causativ'а даютъ основаніе для слѣдующихъ выводовъ: въ индо-европ. языкѣ основы, имѣвшія значеніе собственно causativ'овъ, производились отъ различнаго рода корней такимъ образомъ, что корни чередовавшіе *e* : *o* получали въ этомъ образованіи *o*; корни съ долгими гласными удерживали долгія гласныя; не ясно только въ этомъ случаѣ, какія именно гласныя являлись въ causativ'ахъ, если корни представляли чередованія ē : ō, или ē : ā, или ō : ā; нѣкоторое разнообразіе въ формахъ корней представляли въ индо-европ. языкѣ только основы отъ корней на āi и āu: въ этихъ основахъ частью являлись дифтонги съ долгими слоговыми гласными, частью же съ краткими; это смѣшеніе дифтонговъ двухъ родовъ въ этихъ основахъ не было, впрочемъ, исключительнымъ, такъ какъ въ индо-европ. языкѣ уже вообще существовало смѣшеніе дифтонговъ съ долгими и краткими слоговыми гласными; благодаря тому же общему смѣшенію дифтонговъ въ индо-европ. языкѣ въ causativ'ахъ могли иногда являться āi и āu вмѣсто первоначальныхъ ăi и ău; въ отдѣльныхъ языкахъ, какъ въ др.-индійскомъ, смѣшеніе двухъ родовъ корней могло идти еще далѣе. Такимъ образомъ въ индо-европ. языкѣ основы causativ'овъ представляли собой вполнѣ самостоятельныя образованія, не находившіяся въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ различнымъ другимъ основамъ настоящаго времени; но иначе было въ отдѣльныхъ индо-европ.

языкахъ: здѣсь основы causativ'овъ очень часто приводились въ соотношеніе съ извѣстными основами наст. времени другихъ образованій и подвергались вслѣдствіе этого нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своихъ корневыхъ частяхъ; такъ, напр., въ литовск. языкѣ мы видѣли выше извѣстное соотношеніе между causativ'ами и тѣми слабыми основами наст. времени, которыя имѣютъ непереходное значеніе; соотношеніе между causativ'ами и извѣстными другими основами съ непереходнымъ значеніемъ надо принимать также для старо-слав. и др.-инд. языковъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ могло являться соотношеніе causativ'овъ также и съ такими основами, которыя имѣли переходное значеніе; при установленіи этихъ соотношеній causativ'овъ съ основами другихъ образованій существеннымъ формальнымъ различіемъ тѣхъ и другихъ основъ должно было представляться не различіе въ ихъ корневыхъ частяхъ, но различіе въ самихъ суффиксахъ основъ; поэтому въ основахъ causativ'овъ въ отдѣльныхъ языкахъ корневыя части могли являться въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ соотвѣтствующихъ основахъ съ некаузативнымъ значеніемъ; отсюда, какъ мы видѣли по отношенію къ литовск. и др.-инд. языкамъ, отчасти являлось чередованіе двухъ формъ каузативныхъ основъ — старой и новой, отчасти новыя формы основъ вполнѣ вытѣсняли собою старыя.

Нѣкоторые факты отдѣльныхъ индо-европ. языковъ указываютъ, что тѣ основы, которыя обыкновенно имѣютъ значеніе causativ'овъ, могутъ имѣть еще другое значеніе — intensiv'овъ, или frequentativ'овъ. Такое значеніе разбираемыя основы особенно часто имѣютъ въ литовск. языкѣ; рѣже можно наблюдать его въ старо-слав. и греч. языкахъ; въ др.-инд. языкѣ основы на -aya- имѣютъ не одно только каузативное значеніе, хотя и трудно сказать, есть ли здѣсь такія основы съ значеніемъ intensiv'a; но что нѣкогда въ др.-инд. языкѣ нѣкоторыя основы на -áya- имѣли такое же значеніе, какъ и извѣстныя удвоенныя основы, показываетъ тотъ фактъ, что основы на -áya-

являются въ постоянномъ соотношеніи съ извѣстными удвоенными основами въ формахъ прошедш. времени (аористѣ) (ср. Whitney, Ind. Gr., § 1046); эти удвоенныя основы, являющіяся въ формахъ прошедш. времени, по своей формѣ отличаются, правда, отъ тѣхъ удвоенныхъ основъ, которыя въ др.-инд. языкѣ имѣютъ значеніе intensiv'овъ, или frequentativ'овъ; но, вѣроятно, соединеніе двухъ значеній въ основахъ такъ называемаго intensiv'a не есть первоначальное и явилось только въ др.-инд. языкѣ, въ индо-европ. же языкѣ, можно думать, существовали отдѣльно двѣ формы удвоенныхъ основъ съ двумя значеніями—intensiv'овъ и frequentativ'овъ; рядомъ съ удвоенными основами frequentativ'овъ здѣсь существовали съ тѣмъ же значеніемъ и нѣкоторыя основы на -eje-; въ др.-инд. языкѣ съ теченіемъ времени всѣ эти формы основъ подверглись извѣстному смѣшенію, при которомъ основы intensiv'овъ пріобрѣли также значеніе frequentativ'овъ, а старыя основы frequentativ'овъ стали вытѣсняться и сохранялись впослѣдствіи лишь въ формахъ прошедшихъ временъ въ соотношеніи съ frequentativ'ами на -aya-; еще далѣе въ др.-инд. языкѣ произошла утрата фреквентативнаго значенія въ основахъ на -aya- и извѣстныхъ удвоенныхъ основахъ прошедш. времени, и вслѣдствіе этого возникло уже постоянное соотношеніе между основами на -aya- всякихъ значеній и между удвоенными основами въ формахъ прошедш. времени. Не останавливаясь здѣсь на опредѣленіи различія въ значеніяхъ между causativ'ами и frequentativ'ами и на объясненіи происхожденія этихъ различныхъ значеній въ однихъ и тѣхъ же основахъ, я приведу только нѣкоторыя сопоставленія фактовъ изъ литовск., старо-слав. и греч. языковъ. Въ литовск. языкѣ frequentativ'ы по своей формѣ не отличаются отъ causativ'овъ; такимъ образомъ мы находимъ здѣсь, напр., глаголы taszý-ti (ср. старо-слав. **тєсл-ти**), láużу-ti (ср. láużiu, láuszti), kraipý-ti и kraipinù (kreipiù, kreĩpti), raiszý-ti (riszù, rìszti), raiký-ti (rëkiù, rë̃kti), raizgý-ti и razgý-ti (rezgù, rèksti), ráiżу-ti (ср. réżу-ti) (въ послѣд-

нихъ двухъ глаголахъ дифтонгъ ai возникъ въ литовск. языкѣ по аналогіи основъ отъ корней съ i : ai, такъ какъ оба эти глагола первоначально чередовали только *e* : *o*; *ĭ* являлось въ нихъ въ слабыхъ формахъ, т. е. литовск. ri—изъ r̥ą),—kamszý-ti (kemszù, kim̃szti), dangý-ti (dengiù, deñkti), grąžý-ti (grężiù, gręszti), pleszy-ti (plésziu, plészti), kasý-ti (kasù, kàsti), slapý-ti (slepiù, slẽp-ti), blaszký-ti и blaszkinù (bloszkiù, blõkszti); особый случай представляетъ глаголъ méty-ti (metù, mèsti): здѣсь въ корнѣ мы находимъ то удлинненіе гласной, которое мы видѣли въ производныхъ основахъ съ суф. ā въ литовск. и старо-слав. языкахъ; съ литовск. mẽty-ti ср. старо-слав. **мѣта-ти**. Основы на -y-, образованныя отъ корней, распространенныхъ посредствомъ d, въ литовск. языкѣ также могутъ быть frequentativ'ами; ср., напр., száudy-ti (száuju), spiáudy-ti (spiáuju), gáudy-ti (gáunu, gáuti), skraidý-ti (skrẽjù, skrẽnù, skrẽti), jódy-ti (jóju, jóti), spárdy-ti (spiriù), mindy-ti (minù), stùmdy-ti (stumiù). Но гораздо чаще основы frequentativ'овъ въ литовскомъ образуются отъ корней, распространенныхъ суффиксомъ -st-; этотъ суффиксъ долженъ быть тотъ же самый, который находится въ извѣстныхъ основахъ на *e—o*; появленіе его въ frequentativ'ахъ должно быть объясняемо такъ же, какъ и появленіе d въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ: т. е. первоначально -st- являлось въ тѣхъ frequentativ'ахъ, которые были произведены непосредственно отъ глаголовъ на -stu; впослѣдствіи образованіе frequentativ'овъ съ основой на -sty- было обобщено; основы такого образованія мы находимъ, напр., въ глаголахъ lankstý-ti (lenkiù), lamstý-ti (lemiù), ramstý-ti (remiù), svarstý-ti (sveriù), kársty-ti (kariù), pìlsty-ti (pilù), sunkstý-ti (sunkiù), kùrsty-ti (kuriù), láisty-ti (lẽju), piáustý-ti (piáuju, piáunu), klósty-ti (klóju), jũsty-ti (jũsiu, jũsmi), drapstý-ti (drebiù, drẽpti). — Въ старо-слав. языкѣ frequentativ'ы представляютъ, напр., глаголы **влачи-ти, води-ти, вози-ти, гони-ти, носи-ти, лази-ти, ходи-ти**; ср. сюда также русск. глаголы *бродить, ѣздить* (см. Mikl., Vgl. Gr., IV¹, стр.

297 слѣд.; Leskien, Hndb., § 149, стр. 150); какъ показываютъ другіе славянскіе языки (см. Mikl., l. c.), приведенные глаголы имѣли значеніе frequentativ'овъ уже въ обще-слав. языкѣ; но вообще надо замѣтить, что въ обще-слав. языкѣ сохранилось мало frequentativ'овъ съ основами на -ī-, полученныхъ изъ литовско-слав. и индо-европ. языковъ; объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что въ обще-слав. языкѣ значеніе frequentativ'овъ получили преимущественно глаголы съ производными основами на ā; въ литовско-слав. же языкѣ, какъ будетъ указано ниже, должны были существовать во многихъ случаяхъ параллельныя основы frequentativ'овъ — на -ī- и на -ā-. — Въ греч. языкѣ мы находимъ frequentativ'ы, напр., въ *φορέω* (*φέρω*), *τραπέω* (*τρέπω*), *πωλέομαι* (*πέλομαι*); по образованію съ *πωλέομαι* ср. также frequentativ'ы *νωμάω* (*νέμω*), *στρωφάω* (*στρέφω*) и др., которые происходятъ отъ основъ на ā (см. II главу, отдѣлъ В.); чередованіе такихъ frequentativ'овъ, какъ *ποτάομαι* и *ποτέομαι* (*πέτομαι*), можетъ показывать, что и въ греч. языкѣ существовали иногда параллельныя основы на -eje- и на -ā-, какъ и въ литовско-слав. языкѣ.

Въ старо-слав. и литовск. языкахъ основы на ī имѣютъ еще другія значенія, которыя не подходятъ ни къ значенію causativ'a, ни къ значенію frequentativ'a; вмѣстѣ съ тѣмъ основы съ этими особыми значеніями различаются еще какъ основы переходныя и непереходныя. Въ старо-слав. языкѣ къ основамъ такого рода принадлежатъ, напр., **о-штоути-ти** (ср. **о-ѵюти**), **коупи-ти**, **въ-коуси-ти**, **лоуѵи-ти**, **хыти-ти**, **връши-ти**, **по-глъти-ти**, (ср. лат. glutire), **ѵрьти-ти**, **ис-пражи-ти** и **ис-пръжи-ти**, **воли-ти**, **моли-ти**, **доси-ти** и **деси-ти**, **дъми-ти**, **проси-ти**, **вари-ти**, **жали-ти**, **граби-ти**, **прѣти-ти**, **о-трѣби-ти** и др.; съ непереходнымъ значеніемъ мы находимъ, напримѣръ, **моуди-ти**, **на-оуди-ти**, **блѫди-ти**, **гнѫси-ти**, **стѫпи-ти**, **скоѵи-ти**, **пари-ти** (**въс-пьра-ти**) и др. Въ литовскомъ языкѣ переходные глаголы, напримѣръ, — darký-ti, varpý-ti, valdý-ti, blandý-ti, lanký-ti, daigy-ti, maiszý-ti, áidy-ti, laiký-ti,

ruszý-ti и rùszinu, darý-ti, narý-ti и narinù, saký-ti, praszý-ti, raszý-ti, matý-ti и др.; непереходные — dagý-ti, žvalgý-ti, sklandý-ti, klausý-ti, plauký-ti, cziáudy-ti, snaigý-ti, knaisý-ti, skaitý-ti, braidý-ti и др. Что касается происхожденія приведенныхъ старо-слав. и литовск. основъ, то въ большинствѣ случаевъ оно не ясно. Вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ основъ отъименныя; другія могутъ быть основами causativ'овъ или frequentativ'овъ, утратившими эти значенія; болѣе всего возможно видѣть старые frequentativ'ы въ тѣхъ основахъ на -ī-, которыя имѣютъ непереходное значеніе, такъ какъ въ числѣ ихъ находится въ обоихъ языкахъ значительное число такихъ, которыя еще сохраняютъ это значеніе; наконецъ, нѣкоторыя старо-слав. основы на **и** допускаютъ еще иное объясненіе; именно, основы **моудн-**, **довьли-**, **ради-** и **роди-** чередуются съ основами на **ѣ** — **моудѣ-**, **довьлѣ-**, **радѣ-**, и можно думать, что основы на **и** явились при основахъ на **ѣ** позже, подъ вліяніемъ формъ наст. времени, гдѣ глаголы съ основами на **и** и **ѣ** вообще совпадаютъ; можетъ быть, что еще нѣкоторое число старо-слав. основъ на **и** надо объяснять такимъ же образомъ.

Объ образованіи отъименныхъ основъ старо-слав. на **-и-** и литовск. на -y- нѣтъ необходимости говорить подробно, такъ какъ выше (во II главѣ) были указаны уже общія правила образованія отъименныхъ основъ вообще въ индо-европ. языкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ; здѣсь можно замѣтить только по поводу спряженія этихъ основъ: въ старо-слав. языкѣ отъименныя основы на **-и-** въ формахъ наст. времени вполнѣ совпадаютъ по своему спряженію съ основами causativ'овъ и frequentativ'овъ, съ одной стороны, и съ основами на **ѣ**, съ другой; въ литовск. языкѣ отъименныя основы на -y- отличаются по спряженію формъ наст. времени отъ основъ causativ'овъ и frequentativ'овъ: между тѣмъ какъ послѣднія основы въ формахъ наст. времени замѣняются основами на *o*, первыя остаются здѣсь, распространяясь только новымъ суффиксомъ jo—je; такимъ образомъ съ одной стороны мы на-

ходимъ, напр., taisý-ti : taisaũ, kratý-ti : krataũ, съ другой — mõny-ti : mõnyju, vaĩry-ti : vaĩryju, lùkszty-ti : lùksztyju, dalý-ti : dalyjù, seĩny-ti : seĩnyju (ne-), kirmý-ti : kirmyjù и др.; многіе отъименные глаголы на -yju чередуются съ глаголами на -inu, такъ же какъ causativ'ы и frequentativ'ы.

Я перейду теперь къ подробностямъ, касающимся спряженія старо-славянскихъ основъ на **-и-** и литовскихъ на -y-. Какъ видно изъ предъидущихъ сопоставленій, въ индо-европ. языкѣ основы такъ называемыхъ causativ'овъ и frequentativ'овъ имѣли въ окончаніи суффиксъ -éjo—éje-: на это указываютъ др.-инд. основы на -áya-, греч. глаголы на -εω и, частью, латинскіе на -eo; такимъ образомъ въ индо-европ. языкѣ эти основы отличались по окончанію отъ извѣстныхъ отъименныхъ основъ, которыя оканчивались обыкновенно на -e̯i̯ó—e̯i̯é- и только отчасти, вѣроятно, на -ejó—ejé- (см. II главу); существовало ли въ индо-европ. языкѣ въ какихъ нибудь случаяхъ смѣшеніе глагольныхъ основъ на -éje- съ основами отъименными на -ejé-, сказать трудно: др.-инд. глаголы какъ mantráya-te (mantra), kīrtáya-ti (kīrti) (Whitney, Ind. Gr., § 1056) могли появиться въ самомъ уже др.-инд. языкѣ; другіе индо-европ. языки въ этомъ случаѣ не даютъ положительныхъ данныхъ для заключеній объ индо-европ. языкѣ. И такъ, при объясненіи старо-слав. и литовск. формъ настоящ. времени отъ causativ'овъ и frequentativ'овъ слѣдуетъ исходить изъ того положенія, что въ индо-европ. языкѣ основы этихъ формъ оканчивались на -éjo—éje-; въ литовско-слав. языкѣ это окончаніе основъ должно было оставаться безъ измѣненія; въ литовск. языкѣ оно также должно было сохраниться (ср. vejù); въ обще-славянскомъ изъ -eje- должно было получаться *-ije-, откуда въ старо-славянскомъ ***-иѥ-**, ***-ьѥ-** (ср. **виѥ-ть, вьѥ-ть,** если оно по образованію соотвѣтствуетъ литовскому vejù; ср. также **триѥ, трьѥ,** греч. τρεῖς, — изъ *tréjes, и **пѫтиѥ, пѫтьѥ,** греч. πόλεις, — изъ *pontejes, *polejes); но въ литовск. языкѣ мы не находимъ causativ'овъ и frequenta-

tiv'овъ на *-eju; въ старо-слав. языкѣ на обще-слав. основы съ *-ije- могли бы указывать такія формы, какъ **про-водиимь, сходиить** (Mikl., III, стр. 116), въ которыхъ **-ии-** можно бы было объяснять нефонетической замѣной первоначальнаго ***-иѥ-** подъ вліяніемъ аналогіи формъ какъ **дѣлаать** при **дѣлаѥ-ть** и др.; далѣе можно бы было предполагать, что по аналогіи съ формами **сходиить** и др. явились и формы **бдиить, оу-зриить, видиимь, оу-зриите** (Mikl., l. c., стр. 114), — отъ первоначальныхъ основъ на **и**, въ infinitiv'ѣ—**ѣ**; впрочемъ, остается сомнѣніе, насколько эти формы принадлежатъ старо-слав. языку; изъ другихъ славянскихъ языковъ также извѣстны формы, которыя могли бы указывать на обще-слав. основы съ *-ije-; именно, въ словинскомъ мы находимъ 3. pl. hvalijo (l. c., стр. 171), въ сербскомъ — impf. jezdijah, nosijah и др. (стр. 241), въ чешскомъ—praes. štiji (при štím; стр. 388), въ верхне-лужицкомъ—praes. chćiju, chćiješ и т. д., impf. chćijach и т. д. (стр. 498), въ нижне-лужицкомъ — praes. šcyju, šcyjoš и т. д., impf. znijach (стр. 526, 527); но такъ какъ всѣ эти формы можно производить отъ другихъ обще-славянскихъ основъ, чѣмъ основы на *-ije-, и такъ какъ литовскій языкъ совсѣмъ не знаетъ основъ на *-ejo-, то вѣроятнѣе всего предполагать, что уже въ литовско-слав. языкѣ индо-европ. основы causativ'овъ и frequentativ'овъ на -éjo—éje- были утрачены, замѣнившись какими-то другими основами. Литовскій языкъ показываетъ три рода основъ, которыми замѣняются въ немъ старыя основы на -éje-: въ неопредѣленномъ наклоненіи основы на -y-, въ формахъ наст. времени основы на -o- и на -ina-; но въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ въ наст. времени являются также основы на -yja-, т. е. тѣже основы, что въ infinitiv'ѣ, съ прибавленіемъ новаго суффикса jo—je; ср., напр., causativ'ы gýdau и gýdyju (gyjù), gvìldau и gvildyju, pùrtau и purtyju, spìrgau и spirgyju, glóstau и glóstyju и др., frequentativ'ы — výstau и výstyju (vejù), ũstau и ũstyju, skvarbaũ и skvar̃byju (skverbiù), rausaũ и rausyju, laižaũ и laižyju, nárdau и nardyju

и др.; фактъ чередованія въ формахъ наст. времени основъ на -o- и на -uja- отчасти можетъ быть объясняемъ тѣмъ предположеніемъ, что въ литовск. языкѣ формы на -yju возникли при формахъ на -au подъ вліяніемъ основы infinitiv'a на -y- и по аналогіи съ отъименными глаголами; но такое объясненіе не можетъ быть приложено ко всѣмъ формамъ на -yju: многія изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, должны быть старыми образованіями; къ этому заключенію надо придти на томъ основаніи, что самые infinitiv'ы съ основами на -y-, какъ формы вторичныя, не могли бы явиться въ литовскомъ, если бы въ немъ издавна не существовали формы наст. времени на -yju; такимъ образомъ для извѣстнаго періода пралитовскаго языка необходимо допускать въ формахъ наст. времени causativ'овъ и frequentativ'овъ основы на -ījo—īje-, которыя замѣнили собою старыя основы на -éjo—éje-; такія же основы на -ījo—īje- можно допускать и для обще-слав. языка и отъ этихъ именно основъ производить упомянутыя выше формы славянскихъ языковъ, которыя сами по себѣ могли бы быть производимы и отъ основъ на -éjo—éje-; слѣдовательно, вполнѣ вѣроятно то предположеніе, что уже въ литовско-слав. языкѣ индо-европ. основы causativ'овъ и frequentativ'овъ на -éje- частью были замѣнены основами на -īje-. Но факты старо-слав. и другихъ славянскихъ языковъ показываютъ, что въ обще-слав. языкѣ была извѣстна и другая замѣна индо-европ. основъ на -éje-: спряженіе основъ какъ старо-слав. **носи-, ходи-,** за исключеніемъ приведенныхъ выше формъ, въ наст. времени въ обще-слав. языкѣ нисколько не отличалось отъ спряженія основъ на i̭o—i̭e, которое было разобрано въ началѣ этой главы; слѣдовательно, надо полагать, что въ обще-слав. языкѣ старыя основы на -éje- могли замѣняться еще основами на i̭o—i̭e; литовскій языкъ не даетъ указанія на такія же основы въ формахъ наст. времени causativ'овъ и frequentativ'овъ; но нѣкоторые факты этого языка при сопоставленіи ихъ съ фактами славянскихъ языковъ даютъ основаніе думать, что замѣна основъ на -éje- основами

на i̯o—i̯e существовала уже въ литовско-слав. языкѣ; именно, въ литовск. языкѣ образованіе такъ называемаго герундія прошедш. времени отъ глаголовъ на -au, -yti вполнѣ соотвѣтствуетъ образованію основы прич. прош. времени на **-ьше-** отъ глаголовъ на **-ити**: ср. литовск. mãczius (mataũ, matýti) съ старо-слав., напр., **обраштъ, въꙁвраштьше**; оба эти образованія стоятъ въ томъ и другомъ языкѣ совершенно особенно въ этихъ именно основахъ, сравнительно съ тѣми же самыми образованіями въ другихъ основахъ: между тѣмъ какъ въ другихъ основахъ причастіе съ суф. -us- производится или непосредственно отъ корневой части основы, или же отъ основы infinitiv'а, въ старо-славянскихъ основахъ на **-и-** и литовскихъ на -у- это причастіе стоитъ въ связи непосредственно съ формами наст. времени; именно, старо-слав. **враштъ,** литовск. mãczius восходятъ къ литовско-славянскимъ *vorti̯us, *moti̯us, которыя явились здѣсь при основахъ praesens'а *vorti̯i-, *moti̯i- по аналогіи съ отношеніемъ, напр., формы *pekus къ основѣ *peke-; такое отношеніе причастія съ суф. -us- къ основѣ наст. времени на -i̯i- въ литовско-слав. языкѣ можно сравнить съ подобнымъ же отношеніемъ, установившимся въ обще-слав. языкѣ, въ позднѣйшую эпоху его жизни, между основой наст. времени на *i* (изъ -i̯i-) и причастіемъ съ суф. -eno-: ср., напр., старо-слав. **враштенъ** отъ основы **врати-.** Понятно при этомъ, почему causativ'ы и frequentativ'ы въ литовско-слав. языкѣ производили причастіе съ суф. -us- отъ основы наст. времени на -i̯i-: эти глаголы получены были изъ индоевроп. языка только съ тѣми формами, которыя производятся отъ такъ называемой основы наст. времени; слѣдовательно, такихъ формъ, какъ причастіе съ суф. -us-, они не могли имѣть первоначально; съ теченіемъ времени, когда въ литовско-слав. языкѣ явилось стремленіе производить и въ этихъ глаголахъ всѣ формы, которыя существовали въ другихъ глаголахъ, то приходилось, конечно, прибѣгать къ аналогіи какихъ нибудь глаголовъ, ближе всего стоявшихъ къ нимъ по основамъ наст. времени; въ этомъ

случаѣ для causativ'овъ и frequentativ'овъ, получившихъ въ литовско-славянскомъ суффиксъ -i̯i-, ближайшую аналогію для образованія причастія съ суф. -us- представляли глаголы съ основами наст. времени на *e—o;* такимъ образомъ по отношенію *pekus- : *peke- явилось и отношеніе *vorti̯us- : *vorti̯i-. Другого рода аналогія должна была дѣйствовать въ литовско-слав. языкѣ при образованіи отъ causativ'овъ и frequentativ'овъ формъ imperfect'а: такъ какъ эти глаголы съ основами на i̯o—i̯e въ наст. времени совпадали съ извѣстными непроизводными глаголами, имѣвшими тѣже основы, то понятно, что по аналогіи этихъ послѣднихъ глаголовъ указанные causativ'ы и frequentativ'ы могли получать для образованія формъ прошедш. времени основы на ē; такое образованіе дѣйствительно и существовало въ литовско-слав. языкѣ: на него указываютъ литовскія формы какъ macziaũ, mateĩ, mãtė и т. д. (ср. verčziaũ, verteĩ, veřtė и т. д.), старо-славянскія **при-ходѣахъ, радѣахъ, ис-ходѣхъ, славѣхъ, носѣхъ, кротѣхъ** (Mikl., Vgl. Gr., III, 93), болгарск. falêh и др., чешск. mútjéch, chodjéch, nosjéch и др. Такимъ образомъ въ литовско-слав. языкѣ наибольшее удобство для образованія различныхъ глагольныхъ формъ представляли тѣ causativ'ы и frequentativ'ы, которые замѣнили уже старыя основы praesens'а на -éje- основами на -i̯i-; этимъ именно удобствомъ можно объяснить два факта: вопервыхъ,— тотъ фактъ, что въ литовско-слав. языкѣ основы на -éje-, какъ стоявшія внѣ всякой аналогіи при образованіи различныхъ глагольныхъ формъ, были вполнѣ вытѣснены изъ употребленія; вовторыхъ, отсюда объясняется и тотъ фактъ, что основы на -i̯i- получали преобладаніе надъ основами на īјо—īјe, которыя также извѣстны были въ литовско-слав. языкѣ въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ; а что первыя основы преобладали въ литовско-славянскомъ надъ вторыми, надо заключать по тому факту, что въ общеслав. языкѣ основы на -i̯i- являются почти исключительно, при немногихъ лишь основахъ на -īje-. Итакъ, изъ предъидущихъ сопоставленій выяснилось, что въ литовско-

слав. языкѣ индо-европ. основы causativ'овъ и frequentativ'овъ на -éje- были вытѣснены большею частью основами на -i̯i-, отчасти — основами на -īje-. Но является вопросъ, откуда могли быть заимствованы основы на -i̯i- и -īje-. Какъ было указано въ предъидущей главѣ, основы на -īi̯é- были извѣстны въ индо-европ. языкѣ въ отъименныхъ глаголахъ; при этомъ было указано также, что эти основы частью употреблялись безъ чередованія съ какими нибудь другими основами, частью же они находились въ чередованіи съ основами на -ijé-, -ejé- и -ei̯i̯é-; такимъ образомъ надо предполагать, что въ литовско-слав. языкѣ основы на -īje- въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ были заимствованы у глаголовъ отъименныхъ. Легко можно объяснить причины этого заимствованія: основы на -éje- совпадали въ литовско-слав. языкѣ съ основами на -ejé- и, можетъ быть, также съ основами на -ei̯i̯é-; но такъ какъ основы на -ejé- и -ei̯i̯é- часто чередовались съ основами на -īi̯é-, то по этой аналогіи и при основахъ на первоначальное -éje- могли явиться основы на -īi̯é-. Далѣе слѣдуетъ еще замѣтить (что̀ не было указано во II главѣ), что кромѣ указанныхъ отъименныхъ основъ въ индо-европ. языкѣ существовали также отъименныя основы на i̯o—i̯e; эти основы обыкновенно производились отъ именныхъ основъ на согласныя; но, какъ показываютъ факты отдѣльныхъ языковъ (ср., напр., въ др.-инд. языкѣ damanya-, adhvaryá- отъ damana-, adhvará- и ūrjayá- отъ ū́rj-), основы на i̯o—i̯e могли производиться также и отъ именныхъ основъ на *e—o*, какъ, наоборотъ, основы на -ejé-, -ei̯i̯é- отъ основъ на согласныя; такимъ образомъ для индо-европ. языка вполнѣ возможно допускать значительное число случаевъ, въ которыхъ основы на -ejé- -ei̯i̯é- чередовались съ основами на i̯o—i̯e. Слѣдовательно, и въ литовско-слав. языкѣ отъименныя основы на -ejé- и -ei̯i̯é- при чередованіи съ основами на -īi̯é- могли чередоваться также и съ основами на -i̯e-; это чередованіе основъ въ отъименныхъ глаголахъ передавалось далѣе causativ'амъ и frequentativ'амъ. Отсюда понятно, почему въ литовско-

слав. языкѣ въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ при старыхъ основахъ на -éje- могли появляться еще основы на -īje- и -i̯i- [1]).

И такъ, для извѣстнаго періода литовско-слав. языка надо принимать слѣдующіе виды основъ какъ въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ, такъ и въ отъименныхъ глаголахъ: основы на -eje-, основы на -īje- и основы на -i̯i-; сохранялись ли здѣсь основы на -ei̯i̯é-, или они совпадали съ основами на -eje-, остается неяснымъ; въ послѣдующей жизни литовско-слав. языка основы на -eje- вышли изъ употребленія, такъ какъ они были менѣе всего способны слѣдовать аналогіи какихъ нибудь другихъ основъ при образованіи отъ нихъ формъ ненастоящаго времени; такимъ образомъ въ эпоху распаденія литовско-слав. языка въ causativ'ахъ, frequentativ'ахъ и отъименныхъ глаголахъ оставались только два вида основъ: основы на -īje и основы на -i̯i-; при этомъ, какъ было замѣчено выше, въ формахъ наст. времени получили преобладаніе основы на -i̯i-; съ этимъ преобладаніемъ основъ на -i̯i- стоитъ въ связи тотъ фактъ, что causativ'ы и frequentativ'ы получали въ литовско-слав. языкѣ формы imperfect'а отъ основъ на -ē-; тоже было, вѣроятно, и въ отъименныхъ глаголахъ, какъ показываетъ обще-слав. языкъ, гдѣ были такія формы, къ которымъ восходятъ, напр., старо-слав. **глоумѣхъ сѧ, мльвѣхъ, казнѣхъ** (Mikl., III, 93). Но и основы на -īje-, хотя были менѣе употребительны въ формахъ наст. времени, не утратились вполнѣ въ литовско-слав. языкѣ; въ формахъ же infinitiv'а эти основы, наоборотъ, получили рѣшительное преобладаніе надъ основами

---

[1]) Являлись ли здѣсь также основы на -ije-, сомнительно; славянскіе языки не могутъ рѣшать этого вопроса; литовскіе глаголы на -iju — діалектическаго происхожденія; принимая при этомъ въ соображеніе, что въ самомъ индо-европ. языкѣ основы на -ije- употреблялись рѣдко, можно съ полной вѣроятностью думать, что въ литовско-слав. языкѣ уже не было этихъ основъ.

на -i̯i-; этотъ фактъ объясняется вполнѣ тѣмъ, что для употребленія основъ на -i̯i- въ формахъ infinitiv'а не было никакой аналогіи; между тѣмъ для образованія infinitiv'а на -ī-tī къ основамъ на -īje- аналогію представляли многочисленные производные глаголы съ -ā-tī : -āje-, -ē-tī : -ēje-; отсюда въ славянскихъ языкахъ и въ литовскомъ мы находимъ въ causativ'ахъ, frequentativ'ахъ и извѣстныхъ отъименныхъ глаголахъ infinitiv'ы исключительно на -ī-ti. Употреблялись ли основы на -ī- еще въ какихъ нибудь образованіяхъ, кромѣ infinitiv'овъ, въ эпоху распаденія литовско-слав. языка, въ точности рѣшить трудно; но скорѣе всего можно думать, что нѣкоторыя другія образованія славянскихъ и литовскаго языковъ, которыя стоятъ въ связи съ основами на -ī-, возникли уже въ отдѣльной жизни обще-слав. и обще-литовск. языковъ. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь еще одно образованіе, которое возникло уже въ литовско-слав. языкѣ и стояло тамъ въ связи съ основами на -i̯i-; это образованіе представляютъ именно производныя основы на -ā-, о которыхъ говорилось уже во II главѣ (ср., напр., старо-слав. **изганишти, напаюти** и др. при **гонити, поити** и др., литовск. ráicziotі, láidżioti и др. при raitý-ti, láidyti и др.); эти основы въ бо́льшемъ числѣ появлялись уже въ отдѣльной жизни обще-литовск. и обще-слав. языковъ; но извѣстное число ихъ возникло еще въ литовско-слав. языкѣ, и по своему происхожденію они стояли здѣсь въ связи именно съ основами на -i̯i-: подобно тому какъ при основахъ на *e—o* въ литовско-слав. языкѣ возникали производныя основы на -ā-, такъ точно и при основахъ на -i̯i- должны были возникнуть основы на -i̯ā-; по употребленію производныя основы на -i̯ā- представляли аналогію съ основами на -ā-: какъ тѣ, такъ и другія частью употреблялись какъ самостоятельныя основы, образуя въ соединеніи съ суффикс. jo—je формы наст. времени, частью же они употреблялись только въ формахъ ненаст. времени; такимъ образомъ, какъ, напр., при *mete- основа *metā- частью употреблялась въ формахъ praesens'а *metā-je-tĭ, частью только въ формахъ

imperfect'а *metā-t [1]), такъ точно и при основѣ, напр., *nosi̯i- производная основа *nosi̯ā- частью употреблялась въ формахъ *nosi̯ā-je-tĭ, частью только въ формахъ *nosi̯ā-t [1]). Основы на -i̯ā- какъ самостоятельныя основы, подобно многимъ основамъ на -ā-, стали употребляться въ литовско-слав. языкѣ въ значеніи frequentativ'овъ, основы же на -i̯ā- въ формахъ нетематич. imperfect'а перешли въ отдѣльные языки также въ этихъ формахъ, и впослѣдствіи только измѣнили извѣстнымъ образомъ свое нетематич. спряженіе.

Въ отдѣльной жизни обще-слав. и обще-литовск. языковъ указанныя образованія отъ основъ на -i̯i- и -ī- подверглись нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Въ обще-слав. языкѣ въ спряженіи наст. времени causativ'овъ, frequentativ'овъ и отъименныхъ глаголовъ основы на -i̯i- почти совсѣмъ вытѣснили собой основы на -īje-; отъ этихъ послѣднихъ основъ въ эпоху распаденія обще-слав. языка извѣстны были только единичныя образованія, на которыя указываютъ приведенныя выше формы славянскихъ языковъ; полное спряженіе наст. времени отъ основы на -īje- представляетъ только старо-слав. отъименный глаголъ **въпиѭ, въпиѥши, въпиѥть** и т. д. (ср. діалектич. формы **сходиить, про-водиимь** и др.) и еще нѣкоторые глаголы другихъ славянскихъ языковъ (ср. выше); но рядомъ съ этимъ въ обще-слав. языкѣ появились нѣкоторыя новообразованія отъ основы на ī въ infinitiv'ѣ подъ вліяніемъ производныхъ основъ на -ā- и -ē-: по аналогіи съ формами на *-ā-chŭ и *-ē-chŭ явились формы на *-ī-chŭ, по аналогіи съ причастіями на *-ā-vŭ и *-ē-vŭ возникли причастія на *-ī-vŭ (ср. старо-слав. **носихъ, хвалихъ** и **носивъ, хваливъ**); вѣроятно, что въ діалектахъ обще-слав. языка возникли также тѣ новообразованія imperfect'а отъ основы praesens'а на -īje-, къ которымъ восходятъ упомянутыя выше сербск. jezdijah, nosijah, в.-луж. chćijach, н.-луж. znijach; imper-

---

[1]) Я только условно принимаю въ этихъ формахъ конечное t для эпохи распаденія литовско-слав. языка.

fect'ы отъ основъ на -ē- стали вытѣсняться въ обще-слав. языкѣ параллельными формами отъ основъ на -i̯ā-; происходило это, вѣроятно, потому, что imperfect'ы на -ēchŭ или -ēāchŭ при основахъ praesens'а на -i- представляли неудобное совпаденіе съ соотвѣтствующими формами непереходныхъ глаголовъ (какъ *gorēchŭ, *gorēāchŭ при *goritĭ); въ старо-слав. языкѣ imperfect'ы отъ основъ на -ѣ- сохранились только въ единичныхъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ. По отношенію къ значенію отглагольныхъ основъ на -ī- надо замѣтить, что въ обще-слав. языкѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ въ нихъ сохранилось фреквентативное значеніе, такъ какъ это значеніе здѣсь уже связывалось чаще всего съ извѣстными производными основами на -ā- и -i̯ā-. — Въ литовск. языкѣ въ спряженіи наст. времени произошло полное раздѣленіе causativ'овъ, frequentativ'овъ и отъименныхъ глаголовъ; въ послѣднихъ получили исключительное преобладаніе основы на -ījo-, что произошло, вѣроятно, вслѣдствіе стремленія уравнивать основы praesens'а съ основами infinitiv'а; въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ основы на -ījo-, наоборотъ, почти совершенно исчезли; основы на -i̯i- вполнѣ исчезли во всѣхъ этихъ глаголахъ; утрату ихъ можно объяснять тѣмъ, что въ другихъ глаголахъ они были тѣсно связаны съ основами на -ē- и имѣли почти исключительно непереходное значеніе. Неяснымъ представляется въ литовск. языкѣ тотъ фактъ, что causativ'ы и frequentativ'ы, утративъ основы на -i̯i- и -ījo-, получили въ замѣнъ ихъ основы на -ā-, которыя въ спряженіи наст. времени послѣдовали аналогіи производныхъ основъ на -ā-, соединявшихся съ суффиксомъ -i̯e-. Можно отчасти объяснять этотъ фактъ такимъ образомъ: первоначально замѣна основъ на -ījo- и -i̯i- основами на -ā- произошла въ тѣхъ именно глаголахъ, которые имѣли значеніе frequentativ'овъ; здѣсь же эта замѣна могла возникнуть какъ результатъ смѣшенія двухъ параллельныхъ образованій: какъ было указано выше, уже въ литовско-слав. языкѣ значеніе frequentativ'овъ имѣли не только основы, соотвѣтствовавшія индо-

европ. основамъ на -éje-, но также и производныя основы на -ā-; такимъ образомъ весьма вѣроятно, что въ литовско-слав. языкѣ нерѣдко чередовались frequentativ'ы того и другого образованія отъ однихъ и тѣхъ же корней; въ литовск. языкѣ, когда явилось стремленіе различать въ формахъ наст. времени извѣстные frequentativ'ы, совпадавшіе по образованію формъ съ отъименными глаголами, оказалось наиболѣе удобнымъ замѣнить въ нихъ основы на -īјо- параллельными основами на -ā-; но когда такая замѣна произошла въ frequentativ'ахъ, то она уже легко могла распространиться и на causativ'ы, такъ какъ они и по образованію своему, и по спряженію не отличались отъ frequentativ'овъ. Когда такимъ образомъ въ формахъ настоящаго времени обособилось спряженіе causativ'овъ и frequentativ'овъ отъ спряженія отъименныхъ глаголовъ, произошло дальнѣйшее обособленіе обоихъ спряженій и въ формахъ прошедш. времени: между тѣмъ какъ causativ'ы и frequentativ'ы удержали старыя формы отъ основъ на -ē-, отъименные глаголы послѣдовали аналогіи производныхъ глаголовъ съ основами на -ā- и -ē-; такимъ образомъ въ литовск. языкѣ по аналогіи отношеній -oju : -ojau и -ėju : -ėjau явилось и отношеніе -yju : -yjau (діалектич. -iju : -ijau). Что касается формъ прошедш. времени въ causativ'ахъ и frequentativ'ахъ, то въ литовск. языкѣ они образуются только отъ основъ на -ē-; между тѣмъ, какъ было указано выше, въ литовско-слав. языкѣ въ прошедш. времени были извѣстны также параллельныя формы отъ основъ на -i̯ā-; если бы эти формы сохранились въ литовскомъ, то они являлись бы, напр., въ видѣ *macziau, *macziai (*macziei), *maczio, *macziome и т. д.; но такія формы, оставаясь безъ всякой аналогіи среди соотвѣтствующихъ образованій во всѣхъ другихъ глаголахъ, конечно, должны были рано исчезнуть въ литовск. языкѣ, уступивъ мѣсто параллельнымъ формамъ отъ основъ на -ē-, которыя находили себѣ полную аналогію въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ очень многихъ глаголовъ. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, тотъ фактъ, что въ литовск.

языкѣ causativ'ы, frequentativ'ы и отъименные глаголы еще ранѣе того времени, когда произошло обособленіе въ формахъ наст. времени спряженій этихъ глаголовъ, могли замѣнять старыя основы (были ли это основы на -ījo-, или на -i̯i-, безразлично) основами на -ino-; но трудно опредѣлить, какимъ путемъ происходила въ литовскомъ эта замѣна, такъ какъ остается неяснымъ происхожденіе самого суффикса -ino-.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о спряженіи индо-европ. основъ на -éje- въ греческ. и латинск. языкахъ. Въ греч. языкѣ эти основы совпали въ спряженіи наст. времени вполнѣ съ отъименными основами на -ejé- и далѣе — съ извѣстными производными основами на -ē-; вслѣдствіе этого и при образованіи другихъ глагольныхъ формъ causativ'ы и frequentativ'ы на -εω послѣдовали также аналогіи этихъ основъ; при смѣшеніи глаголовъ обоихъ классовъ возможно было, что основы на -ije-, которыя существовали въ отъименныхъ глаголахъ при основахъ на -eje-, переносились также и въ causativ'ы; эту именно основу представляетъ, напр., κομίζω; примѣровъ для causativ'овъ съ основами на -īi̯e-, которыя также могли заимствоваться у глаголовъ отъименныхъ, въ греч. языкѣ, кажется, нѣтъ. Въ латинск. языкѣ, какъ было указано выше, causativ'ы представляютъ два образованія: глаголы на -ẹo и глаголы на -io; causativ'ы на -eo представляютъ индо-европ. основы на -éje-; въ спряженіи наст. времени эти causativ'ы должны были совпасть съ отъименными глаголами на -eo и далѣе — съ извѣстными производными основами на -ē-; вслѣдствіе этого при образованіи другихъ глагольныхъ формъ causativ'ы также послѣдовали аналогіи этихъ основъ; отсюда мы находимъ, напр., формы monē-re, monē-bam, съ основами на -ē-, какъ въ отъименныхъ и производныхъ глаголахъ. При смѣшеніи въ спряженіи causativ'овъ и отъименныхъ глаголовъ на -eo уже легко могло произойти дальнѣйшее смѣшеніе двухъ родовъ глаголовъ, вслѣдствіе котораго основы на -ije- и -īi̯e- были переносимы изъ отъименныхъ глаголовъ въ cau-

sativ'ы; такимъ образомъ въ латинск. языкѣ получались causativ'ы какъ fodio, quatio и sopio—изъ *fodijō, *quatijō, *sopījō, *fodĭō, *quatĭō, *sopīō; causativ'ы *fodĭō, *quatĭō совпадали въ формахъ наст. времени съ тѣми непроизводными глаголами, которые имѣли основы на индоевроп. jo—je или i̯o—i̯e; вслѣдствіе этого *fodĭō, *quatĭō въ дальнѣйшемъ спряженіи и послѣдовали аналогіи такихъ глаголовъ, какъ, напр., capio (ср. fodĕre, quatĕre, какъ capĕre); отчасти, вѣроятно, смѣшеніе causativ'овъ на -io съ непроизводными глаголами на -io надо объяснять въ латинск. языкѣ также и тѣмъ фактомъ, что возможны были causativ'ы на -io нетолько изъ первоначальнаго *-ijō, но также и изъ первоначальнаго *-iō: основы на -i̯e-, существовавшія въ отъименныхъ глаголахъ при другихъ основахъ, могли также переноситься и въ causativ'ы, какъ это мы видѣли выше въ литовско-слав. языкѣ; что же касается такихъ causativ'овъ, какъ *sopīō, то они наравнѣ съ отъименными глаголами на *-īō послѣдовали въ своемъ спряженіи аналогіи производныхъ глаголовъ съ основами на -ā- и -ē-; отсюда мы находимъ, напр., sopīre, finīre, какъ amā-re, vidē-re.

IV глава.

Въ этой главѣ остается разсмотрѣть тѣ глаголы старо-слав. и литовск. языковъ, которые имѣютъ нетематическое спряженіе. При общемъ распредѣленіи матеріала старо-слав. языка въ началѣ этого изслѣдованія основы съ нетематич. спряженіемъ были названы „основами на согласныя" на томъ основаніи, что въ старо-слав. языкѣ большинство глаголовъ этого спряженія дѣйствительно имѣютъ основы, оканчивающіяся на согласныя; но и въ самомъ старо-слав. языкѣ мы находимъ также немногія основы этого рода, оканчивающіяся на долгія гласныя; большее число такихъ основъ было въ обще-слав. и литовскослав. языкахъ; вообще, говоря точнѣе, основы съ нетематическимъ спряженіемъ надо опредѣлять только какъ „основы безъ суффиксовъ *e—o* или jo—je, i̯o—i̯e". Что касается видовъ корней, отъ которыхъ могутъ происходить основы съ нетематич. спряженіемъ, то они тѣже самые, какіе находятся и въ тематич. спряженіи. Для наглядности изложенія можно распредѣлить весь матеріалъ и здѣсь по 8 различнымъ видамъ корней, какъ это было сдѣлано въ I главѣ по отношенію къ основамъ на *e—o*.

Отъ корней 1-го вида въ литовск. языкѣ мы находимъ нетематич. спряженіе въ es-mì, sek-mì (nu-sek-mi; у Ширвида), żeg-mì (ср. żeksiù, żeksė́ti), deg-mì; въ старо-слав. языкѣ мы находимъ только **ѥс-ть**; по указанію другихъ славянскихъ языковъ надо полагать, что и въ обще-слав. языкѣ это былъ единственный нетематич. глаголъ съ корнемъ такого рода. На основаніи фактовъ др.-инд. языка (см. Whitney, Wurz., стр. 211 слѣд.) и отчасти греческаго (G. Meyer, Gr. Gr., § 484, стр. 375), которые представляютъ небольшое число нетематич. формъ отъ

корней съ *e—o* сравнительно съ корнями другихъ видовъ, можно думать, что уже въ индо-европ. языкѣ въ эпоху его распаденія нетематич. спряженіе отъ этихъ корней употреблялось вообще рѣже, чѣмъ отъ другихъ корней; повидимому, отъ нихъ чаще производились основы на *e—o;* слѣдовательно, надо ожидать, что и въ литовско-слав. языкѣ было получено небольшое число этихъ образованій. При этомъ вѣроятно, что во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, уже въ индо-европ. языкѣ нетематич. спряженіе разбираемыхъ корней могло чередоваться съ тематическимъ; поэтому въ отдѣльныхъ языкахъ мы почти не находимъ отъ нихъ чистаго нетематич. спряженія: большею частью нетематич. формы являются здѣсь только единичными; ср., напр., съ литовск. degmì при degù ведійское dháks̩i (RV) при обычномъ dáhati; въ греч. языкѣ ср. единичныя формы προτίδεγμαι· προςδέχομαι, ἔγ-μεν· ἔχειν (Hesych.; G. Meyer, l. c.); въ др.-инд. ср. вед. saks̩i и др. при обычномъ sáhate; váks̩i и др. при обычномъ váhati. Наиболѣе чистое нетематич. спряженіе сохранялъ въ индо-европ. языкѣ корень es-, чередовавшійся съ s-; и въ отдѣльныхъ языкахъ мы находимъ отъ него обыкновенно формы этого спряженія; но и этотъ корень въ отдѣльныхъ языкахъ часто представляетъ тематич. формы, на основаніи чего можно думать, что въ индо-европ. языкѣ онъ имѣлъ оба вида спряженія, хотя преимущественно употреблялся съ нетематич. спряженіемъ. Что касается индо-европ. чередованія es- : s-, то въ старо-слав. и литовск. языкахъ оно почти совсѣмъ утратилось, такъ какъ формы отъ es- получили преобладаніе; видъ корня s- въ старо-слав. языкѣ сохранился только въ тематич. образованіяхъ **сѫть** и **сы—сѫшта**, въ литовск. языкѣ sañt, sanczię, sanczius (при ẽsant, ẽsant; см. словарь Куршата и грамм. Шлейхера, стр. 252) (см. объ этихъ образованіяхъ въ I главѣ); но, по всей вѣроятности, въ литовско-слав. языкѣ были извѣстны также нетематич. формы съ s-; къ этому предположенію можно придти на томъ основаніи, что отдѣльные славянскіе языки указываютъ, повидимому,

на существованіе такихъ формъ въ обще-слав. языкѣ: ср. словинск. формы si, smo, ste и др., болгарск. si, sme, ste, сербск. si, smo, ste (Mikl., Vgl. Gr., III, 246), чешск. svě, sta и si (ibid., стр. 397), польск. ś, śmy, ście (ibid., стр. 465), верхне-луж. sy, smój, sće и др., нижне-луж. si, smej, sćo и др.; при этомъ можно именно думать, что въ обще-слав. языкѣ формы отъ s- обобщались изъ двойств. и множеств. чиселъ подъ вліяніемъ энклитическаго употребленія; въ отдѣльныхъ же славянскихъ языкахъ энклитич. формы и неэнклитическія отъ es- смѣшались между собою въ употребленіи; литовск. языкъ также даетъ нѣкоторыя указанія на нетематич. формы отъ s-: ср., именно, 3. л. permissiv'a tèst, tẽsti (при tesẽ) и формы съ отрицаніемъ какъ nesmì и др.; объясняются всѣ эти формы тѣмъ, что къ частицамъ te-, ne- приставлялись формы *sti, *smi и т. д., обобщившія корень s- такъ же, какъ и въ обще-слав. языкѣ, подъ вліяніемъ энклитич. употребленія; что энклитич. и неэнклитич. формы могли смѣшиваться въ сложеніяхъ, указываетъ 3. л. permissiv'a tést (Schleich., Lit. Gr., стр. 252), которое надо объяснять изъ стяженія te + est(i).

Отъ корней 2-го вида въ литовск. языкѣ извѣстны нетематич. формы gédmi—gésti—géste (Schleich., Lit. Gr., стр. 253), lẽkmì—lẽkti, lẽkt, mẽgmì—mẽksì (Schleich., ibid.) — mẽkt, léidmi и, вѣроятно, безличн. snẽkt (при sniñga), nẽszt (nẽżéti); слабыя формы мы находимъ въ żýdmi (ср. żẽdu) и lydmì; чередованіе сильныхъ и слабыхъ формъ является въ véizdmi и pa-výzdmi; что касается приведенныхъ слабыхъ основъ, то едва ли можно думать, что они явились въ литовск. языкѣ путемъ обобщенія изъ двойств. и множ. чиселъ; вѣроятнѣе всего объяснять ихъ какъ новыя основы, явившіяся вмѣсто старыхъ сильныхъ основъ подъ вліяніемъ параллельныхъ основъ на -i̯e- и -ė- (żýdżiu—żydé-ti, lydżiù—lydé-ti и pa-výdżiu—pa-vydéti; см. объ этомъ въ III главѣ). Въ старо-слав. языкѣ отъ корней этого рода извѣстно нетематич. **ѣсть** и т. д.; тематич. образованія отъ того же корня представ-

ляютъ формы **вѣды—вѣдѫшта** и **вѣдомъ.** Этотъ старо-слав. глаголъ по своему происхожденію есть индо-европ. perfectum отъ корня vid—veid: ср. др.-инд. véda, греч. οἶδα; поэтому его спряженіе, собственно, нельзя сопоставлять прямо съ спряженіемъ другихъ нетематич. образованій въ старо-слав. и литовск. языкахъ, такъ какъ формы perfect'a во многихъ случаяхъ отличались въ индо-европ. языкѣ отъ соотвѣтствующихъ формъ praesens'a; на особое спряженіе этого глагола какъ perfect'a въ старо-слав. языкѣ указываетъ форма 1-го л. ед. ч. **вѣдѣ** при **вѣмь** [1]); но кромѣ этой формы въ спряженіи *vēstĭ въ обще-слав. языкѣ уже не существовало другихъ отличій отъ нетематич. спряженія основъ praesens'a. Родственную по корню съ **вѣсть** основу мы находимъ въ **види-ть**; но здѣсь эта основа образована съ суф. -i̭e-; въ литовск. языкѣ тождественное образованіе представляетъ véizdžiu; но, какъ было указано выше, въ литовскомъ есть и véizdmi; въ старо-слав. языкѣ мы не находимъ нетематич. спряженія этого глагола; но что оно было въ обще-слав. языкѣ, показываетъ форма повелительн. наклоненія **виждь,** которая по образованію тождественна съ **даждь, яждь, вѣждь**; кромѣ этого на нетематич. спряженіе указываетъ также сербск. форма viste, соотвѣтствующая старо-славянской **видите** (Mikl., Vgl. Gr., III, стр. 541); слѣдовательно, нетематич. спряженіе въ этомъ глаголѣ существовало уже въ литовско-слав. языкѣ, и здѣсь оно было получено изъ индоевропейскаго (ср. др.-инд. vetti).

Отъ корней 3-го вида нетематич. формы извѣстны только изъ литовск. языка; сюда принадлежатъ, именно, áudmi (и áudžiu), ráudmi (жемайтск. ráumi; ср. raudóju), riáugmi (riáugėti; ср. at-si-rúkstu), sáugmi—sáuksi—sáukti—sáugme (Schleich., Lit. Gr., стр. 253; ср. saugóju), saustmi (saustėti), skaũst (skaudėti).

Отъ корней 4-го вида въ литовскомъ извѣстны нетематич. sérgmi—sérkti (sérgėti), gélbmi—gélpsi—gélpt (gél-

---

[1]) По объясненію проф. Фортунатова.

bu, gélbėti и gélptu), peȓszt (perszé-ti), dérkt (при dérgia); tenkmì (при tenkù) представляетъ ту особенность корня, что въ немъ носовая является только въ формахъ praesens'а (ср. tekañ, tèkti); слѣдовательно, въ немъ мы находимъ носовой infix'ъ; имѣлъ ли этотъ корень первоначально ẽ, или же infix'ъ явился въ немъ только по аналогіи другихъ корней, остается неизвѣстнымъ; во всякомъ случаѣ, нетематич. формы отъ корней съ infix'омъ могутъ быть старыми индо-европ. образованіями; ср. въ др.-инд. языкѣ формы anákti—añkte, chinátti—chindánti, tuñjánti и др.; эти образованія въ индо-европ. языкѣ чередовались часто съ тематич. образованіями отъ основъ на *e—o* слабой формы, въ корнѣ которыхъ частью сохранялся infix'ъ, частью являлась только слабая гласная (см. I главу). Въ обще-слав. языкѣ также существовало образованіе, соотвѣтствующее литовскому tenkmì: на это указываютъ словинск. формы grem, greš, gre (при gredem, gredeš, grede; Mikl., Vgl. Gr., стр. 163) и сербск. grem, greš, gre, greste (при gredem, gredeš и т. д.; ibid., стр. 229 и 540); форма **гре** (см. словарь Микл. подъ словомъ **грѧсти**), которая также была бы нетематич. образованіемъ (ср. **ѥ** при **ѥсть**), можетъ не принадлежать старо-славянскому языку; такимъ образомъ въ обще-слав. языкѣ чередовались основы gręde- и gręd-, и это чередованіе могло быть получено уже изъ индо-европ. языка. Корень безъ infix'а ср. въ латинск. gradior, готск. grids.

Отъ корней 5-го вида въ литовск. языкѣ не извѣстны непосредственныя нетематич. образованія; но здѣсь есть нѣкоторыя формы отъ корней на r, распространенныхъ посредствомъ d; сюда принадлежатъ mérdmi (mérdżiu, mérdėti; ср. mirsztu и marinù) и girdmì (girdżiù, girdéti; ср. греч. γῆρυς, γαργαρίς, старо-слав. **глаголъ**, др.-инд. gr̥̄ṇā́ti и 2. jarate; Fick, Wtb., II, 549); отъ корней, распространенныхъ посредствомъ d, употреблялись какъ нетематич. образованія, такъ и тематическія (ср., напр., vérdu, vìrti; см. также ниже); въ старо-слав. языкѣ нетематич. форму отъ корня на n представляетъ, можетъ быть,

сатъ; ср. вед. asvanīt (?) (ср. словарь Миклош., s. v.). Можетъ быть, что нѣкогда въ литовско-слав. языкѣ отъ нѣкоторыхъ корней на плавныя извѣстны были удвоенныя основы съ нетематич. спряженіемъ; на это, какъ было замѣчено въ I главѣ, могутъ указывать такія образованія, какъ литовск. kalù, malù, barù и старо-слав. **колє-ть, борє-ть** (ср. объ этихъ образованіяхъ также во II главѣ, въ отдѣлѣ А.).

Отъ корней 6-го и 7-го видовъ въ литовскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія нетематич. образованія: отъ корней на дифтонги—eimì—eisì—eĩti, eĩt—eĩme—eĩste—eĩva (ср. Курш., Гр., § 1178; Шлейх., Гр., стр. 252), spiáumi (ср. spiáuju); первоначальное нетематич. образованіе отъ корня на au предполагаетъ также форма stóvmi (при stóviu, stovéti): stóvmi замѣнило собою старое *staumi, на которое указываетъ діалектич. форма 3-го л. stáun (Курш., Гр., § 1186); объясняется это новообразованіе вліяніемъ такихъ отношеній, какъ sédmi : sédżiu, cziáudmi : cziáudżiu и др.; о корнѣ *stāu при stā см. II главу, В.; можно при этомъ предполагать, что въ болѣе древнюю эпоху литовскій языкъ имѣлъ большее число нетематич. формъ отъ корней на дифтонги; такъ, во II главѣ (отдѣлъ А.) было указано, что литовск. основы на -na- отъ этихъ корней указываютъ на нѣкогда бывшія нетематич. образованія, т. е. что, напр., piáunu (при piáuju), lẽnu (при léju) и др. указываютъ на прежнія *piaumi, *lëmi и др.; далѣе было указано также, что образованія какъ *lëmi восходятъ, вѣроятно, къ тѣмъ литовско-славянскимъ образованіямъ, которыя замѣнили собою нетематич. формы отъ индо-европ. удвоенныхъ основъ извѣстнаго рода. Корни на дифтонги въ индо-европ. языкахъ часто являются распространенными посредствомъ d; и въ этомъ случаѣ они получаютъ какъ тематич. спряженіе, такъ и нетематическое; отсюда въ литовскомъ языкѣ мы находимъ cziáudmi (при cziáudżiu, cziáudéti), ср. cziũvù; приведенное выше gédmi (ср. старо-слав. **гдєть**) по своему происхожденію представляетъ также основу отъ корня на āi, распространен-

наго посредствомъ d [1]). Въ старо-слав. языкѣ не извѣстны нетематич. образованія отъ корней на дифтонги; ихъ не было, вѣроятно, уже и въ обще-слав. языкѣ.—Отъ корней на долгія гласныя въ литовск. языкѣ извѣстны нетематич. формы dė́mi—dė́st и dėmi (demmi)—dė́st—dė́ste—dė́sta (Шлейх., Гр., стр. 254), dū́mi—dū́sti—dū́me—dū́ste—dū́va—dū́sta (ibid., стр. 253); послѣднимъ формамъ въ старо-слав. языкѣ соотвѣтствуютъ **дамь—даси—дасть** и т. д. Что касается образованія приведенныхъ формъ, то надо замѣтить слѣдующее: литовскія dė́mi и dū́mi—dū́me—dū́va представляютъ образованія непосредственно отъ корней на ē и ō; старо-славянскія **дамь—дамъ—дамѣ** могутъ происходить также непосредственно отъ этихъ корней; а для обще-слав. языка несомнѣнно надо предполагать это образованіе въ виду такихъ формъ, какъ словинск. data—date при dasta—daste (Mikl., Vgl. Gr., III, стр. 175), сербск. date при daste (ibid., 245, 541), чешск. dáte, польск. dacie, в.-луж. dataj—dać e, н.-луж. datej—daśo; на нетематич. спряженіе корня dā- въ обще-слав. языкѣ указываетъ также форма 3-го л. мн. ч. praesens'а, которая уже здѣсь имѣла, между прочимъ, окончаніе съ j; ср. словинск. dajo при dadé и dadô (ibid., стр. 175), въ чешск. dají при старомъ dadjé (стр. 396), въ н.-луж. daju; форма отъ основы съ j замѣнила въ обще-славянскомъ очень рано форму нетематич. спряженія *dǫtĭ, изъ *dōnti, такъ какъ вообще нетематич. формы 3-го л. мн. ч. отъ корней на долгія гласныя здѣсь не сохранялись (ср. спряженіе, напр., *znāmĭ : *znājǫtĭ); нетематич. спряженіе

---

[1]) Но едва ли при этомъ можно думать, что форма gė́mi (Шлейхеръ, Гр., стр 253) представляетъ образованіе отъ корня безъ d; скорѣе всего ее можно сопоставлять съ формами какъ ė́mi при ė́dmi (ibid.) и жемайтск. ráumi при ráudmi (Курш., словарь, s. v.): въ этихъ формахъ d принадлежитъ корню, и исчезновеніе его надо объяснять только вліяніемъ аналогіи формъ какъ dė́mi и dū́mi, гдѣ d совсѣмъ не было (см. объ этомъ ниже); такимъ же образованіемъ по аналогіи надо считать и gė́mi.

основы, соотвѣтствующей литовской основѣ dė-, въ общеслав. языкѣ было утрачено. И такъ, для литовско-слав. языка надо предполагать прежде всего нетематич. формы отъ основъ dē- и dō-; по своему происхожденію эти основы могутъ восходить какъ къ индо-европ. основамъ *dhē- и *dō-, такъ и къ индо-европейскимъ *dedhē- и *dedō-, съ утратой удвоенія; въ томъ и другомъ случаѣ въ литовско-слав. языкѣ во всѣхъ образованіяхъ отъ этихъ основъ обобщился сильный видъ корней; но при этомъ въ литовско-слав. языкѣ сохранялось еще другое образованіе основы отъ корней dē и dō: литовскія формы dést, déste, désta [1]) и старо-слав. основа **дежде-**, которая, во всякомъ случаѣ, предполагаетъ старую основу *ded-, указываютъ, что въ литовско-слав. языкѣ существовали нетематич. формы отъ индо-европ. удвоенной основы въ слабомъ видѣ — *dedh- (ср. др.-инд. основу dadh-); существовали ли здѣсь формы отъ аналогичной индо-европ. основы *ded-, сказать трудно; но можно думать, что если такія формы и существовали нѣкогда въ литовско-слав. языкѣ, то очень рано должны были исчезнуть, такъ какъ они вполнѣ совпадали съ формами отъ основы *dedh-; такимъ образомъ литовско-слав. языкъ сохранялъ, вѣроятно, формы отъ обоихъ видовъ индо-европ. удвоенной основы отъ корня *dhē-: въ ед. числѣ формы отъ основы *dedhē-, въ дв. и мн. ч. формы отъ основы *dedh-; но въ дальнѣйшей жизни литовско-слав. языка произошло обобщеніе тѣхъ и другихъ формъ въ два самостоятельныя спряженія отъ двухъ различныхъ основъ; образованія отъ основъ *dedō- и *ded- обобщили только сильную основу, которая при этомъ утратила удвоеніе; основа *ded- не обобщалась здѣсь на указанномъ выше основаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ основа dō- въ литовско-слав. языкѣ по аналогіи съ другими основами на долгія гласныя могла получать распространеніе посредствомъ d, и при этомъ получала какъ тематич. спряже-

[1]) Форма dèmi явилась подъ вліяніемъ dḗmi вмѣсто *dedmi; ср. выше объ образованіи gḗmi.

ніе, такъ и нетематическое, подобно многимъ другимъ основамъ съ d; отсюда мы находимъ съ одной стороны нетематическія формы dū́sti—dū́ste—dū́sta, **даси—дасть—дасте—дадать**, съ другой — тематическія dū́du, dū́dąs, старо-слав. **дады—даджшта**, словинск. dadô, болгарск. dadъt, сербск. dadu, русск. *дадутъ*. Въ литовск. языкѣ формы отъ основы dū́d- при формахъ отъ основы dū̊- повліяли, вѣроятно, на возникновеніе формы dė́st, такъ какъ самостоятельную основу *dēd- нѣтъ основанія предполагать въ литовско-слав. языкѣ; далѣе чередованіе dū́mi : *dū̊dmi (и, вѣроятно, по аналогіи съ этимъ dė́mi : *dė́dmi) могло вызывать и такія чередованія, какъ gė̃mi : gė́dmi, ė́mi : ė́dmi и ráumi : ráudmi (см. выше); подобное же вліяніе на нѣкоторыя формы могло оказывать чередованіе образованій отъ основъ *dā- и *dād- и въ обще-слав. языкѣ; именно, имъ можно объяснять возникновеніе въ обще-слав. языкѣ тѣхъ формъ, которымъ соотвѣтствуютъ словинск. vêta—vête—vêjo (Mikl., Vgl. Gr., III, 174), jêjo (175), сербск. vite, чешск. víte, jíte, польск. wiecie, jecie, в.-луж. véće (при vésće; стр. 503), jéće (при jésće), н.-луж. vétej (при véstej) и jétej (при jéstej; стр. 532). — Различные славянскіе языки показываютъ, что въ обще-слав. языкѣ извѣстны были съ нетематич. спряженіемъ и другіе корни на долгія гласныя, кромѣ приведенныхъ выше; какъ было указано во II главѣ (см. стр. 94 слѣд.), корни на первоначальныя ā и āi уже изъ индоевроп. языка должны были получить нетематич. спряженіе; литовско-слав. языкъ, несомнѣнно, сохранялъ это спряженіе въ большомъ числѣ случаевъ; въ литовск. языкѣ утратилось большинство нетематич. образованій, такъ какъ здѣсь получили преобладаніе параллельныя основы на jo—je, которыя также во многихъ случаяхъ были получены изъ литовско-слав. языка и отчасти изъ индо-европейскаго; въ обще-слав. языкѣ получали также преобладаніе основы на jo—je, но при этомъ въ немъ сохранилось и значительное число нетематическихъ формъ; только въ формѣ 3-го л. мн. ч. praesens'а въ обще-слав. языкѣ очень рано, по-

видимому, нетематич. спряженіе было замѣнено тематическимъ, отъ основъ на jo—je (*znājǫtĭ вмѣсто *znǫtĭ). Подъ вліяніемъ нетематич. спряженія корней на ā и ē въ обще-слав. языкѣ и производныя основы на ā и ē могли получать также нетематич. формы при тематическихъ отъ основъ на jo—je; т. е. при чередованіи, напр., формъ *znā-tĭ : *znāje-tĭ, *dē-tĭ : *dēje-tĭ въ обще-слав. языкѣ могли являться также формы *dēlā-tĭ, *umē-tĭ при *dēlāje-tĭ, *umēje-tĭ; тѣ производныя основы на ā и ē, которыя нѣкогда имѣли суффиксъ i̯o—i̯e, а въ обще-слав. языкѣ представляли уже открытыя формы, въ 1-мъ л. ед. числа тематич. форму замѣняли нетематической также подъ вліяніемъ образованій какъ *znāmĭ; такимъ образомъ въ обще-слав. языкѣ возникали формы какъ *dēlāa-mĭ и др. (см. замѣчанія объ этомъ спряженіи во II главѣ, отдѣлъ В.). Всѣ указанныя нетематич. образованія обще-слав. языка переходили въ отдѣльные славянскіе языки и здѣсь, большею частью, сохранялись, подвергаясь лишь нѣкоторымъ фонетическимъ измѣненіямъ; только старо-слав. языкъ утратилъ почти вполнѣ нетематич. образованія отъ корней на долгія гласныя; единственный производный глаголъ старо-слав. языка съ нетематич. спряженіемъ **имамь** и діалектич. **имаамь** не ясенъ по образованію основъ, чередующихся въ немъ.

Отъ корней 8-го вида въ литовск. языкѣ извѣстны нетематич. формы ė́dmi—ė́st—ė́dme—ė́ste—ė́dva—ė́sta (ср. ė́du), sė́dmi—sė́st (ср. sė́dżiu), żė́bmì (и żė̃biù), mė́gmi (и mė́kstu), bė́gmi (и bė́gu), kósmi (kósiu, kósėti), jū̃smi (jū̃siu, jū̃sti); въ старо-слав. языкѣ формамъ ė́dmi и т. д. соотвѣтствуютъ **ѩмь, ѩси, ѩсть** и т. д.; что касается формы **обрѣси** (Mikl., Vgl. Gr., III, стр. 127), то она, вѣроятно, не принадлежитъ старо-слав. языку, а возникла подъ сербскимъ вліяніемъ; сербская же форма obrim (ibid. и стр. 240), по всей вѣроятности, должна быть объясняема изъ первоначальнаго нетематич. спряженія. Такимъ образомъ отъ корней этого вида въ обще-слав. языкѣ сохранилось очень мало нетематич. образованій.

Въ заключеніе этого изслѣдованія считаю своимъ долгомъ выразить глубокую признательность профессору Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатову, который оказалъ мнѣ большую помощь при объясненіи многихъ фактовъ, разбираемыхъ здѣсь, отчасти своими университетскими лекціями, отчасти же своими личными совѣтами.

Москва. 21 сентября 1888 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
